РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 81 № 4

Октябрь–Ноябрь–Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1937 г.

МОСКВА
2021

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом всеобщей истории РАН в сотрудничестве с Государственным Эрмитажем и Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова

Международный редакционный совет

Председатель акад. РАН *М.Б. Пиотровский* (Санкт-Петербург)

проф. *Э. Андерсен* (Осло), проф. *К. Антонетти* (Венеция),
проф. *Г. Бауэрсок* (Принстон), проф. *Д. Браунд* (Эксетер),
проф. *А. Брессон* (Чикаго), проф. *Г.-И. Герке* (Фрайбург),
акад. РАН *Н.Н. Казанский* (Санкт-Петербург), проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель),
проф. *П. Калльери* (Болонья), акад. РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск),
член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (Москва), акад. РАН *В.С. Мясников* (Москва),
проф. *Г. Парцингер* (Берлин), проф. *Х. Ремесаль Родригес* (Барселона),
проф. *С. Розен* (Стокгольм), проф. *Ч.Б. Роуз* (Филадельфия),
проф. *Н. Симс-Вильямс* (Лондон), проф. *Ф. Флесс* (Берлин),
проф. *П. Функе* (Мюнстер), проф. *М. Хадзопулос* (Афины),
проф. *А. Ханиотис* (Принстон),
проф. *Ш. Шакед* (Иерусалим), проф. *Д. Шарпен* (Париж)

Редакционная коллегия

Главный редактор член-корр. РАН *А.И. Иванчик* (Москва)

д.и.н. *А.Ю. Алексеев* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *И.С. Архипов* (ответственный секретарь, Москва),
д. филол. н. *Д.Е. Афиногенов* (Москва), д. филол. н. *Л.С. Баюн* (Москва),
д.и.н. *А.О. Большаков* (Санкт-Петербург), д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев),
д.и.н. *А.А. Вигасин* (Москва), к.и.н. *В.А. Головина* (зам. главного редактора, Москва),
член-корр. РАН *Н.П. Гринцер* (Москва), к.и.н. *М.М. Дандамаева* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *А.А. Ильин-Томич* (Майнц), д-р *Г.М. Кантор* (Оксфорд),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (Москва), к. филол. н. *П.Б. Лурье* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *Е.В. Ляпустина* (Москва), к.и.н. *И.А. Макаров* (Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва), к.и.н. *А.В. Муравьев* (Москва),
к.и.н. *А.А. Немировский* (Москва), д.и.н. *А.В. Подосинов* (Москва),
д.и.н. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *А.В. Седов* (Москва),
к. филол. н. *И.С. Смирнов* (Москва), к.и.н. *С.В. Смирнов* (Москва),
д.и.н. *А.М. Сморчков* (Москва), к. филол. н. *С.А. Степанцов* (Москва),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), член-корр. РАН *И.В. Тункина* (Санкт-Петербург)

Заведующая редакцией *Е.Н. Андреева*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

© Российская академия наук, 2021
© Редколлегия журнала «Вестник древней истории» (составитель), 2021

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

Volume 81 Issue 4

October–November–December

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED IN 1937

MOSCOW
2021

The content is prepared in the Institute of World History (Russian Academy of Sciences)
in cooperation with the State Hermitage and the Lomonosov Moscow State University

International Council

Prof. *Mikhail Piotrovsky* (Chairman, Saint Petersburg)

Prof. *Øivind Andersen* (Oslo), Prof. *Claudia Antonetti* (Venice),
Prof. *Glen Bowersock* (Princeton), Prof. *David Braund* (Exeter), Prof. *Alain Bresson* (Chicago),
Prof. *François de Callataÿ* (Brussels), Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna),
Prof. *Angelos Chaniotis* (Princeton), Prof. *Dominique Charpin* (Paris),
Prof. *Friederike Fless* (Berlin), Prof. *Peter Funke* (Münster),
Prof. *Hans-Joachim Gehrke* (Freiburg), Prof. *Miltiades Hatzopoulos* (Athens),
Prof. *Nikolai Kazansky* (Saint Petersburg), Prof. *Vyacheslav Molodin* (Novosibirsk),
Prof. *Rauf Munchayev* (Moscow), Prof. *Vladimir Myasnikov* (Moscow),
Prof. *Hermann Parzinger* (Berlin), Prof. *José Remesal Rodríguez* (Barcelona),
Prof. *C. Brian Rose* (Philadelphia), Prof. *Staffan Rosén* (Stockholm),
Prof. *Nicholas Sims-Williams* (London), Prof. *Shaul Shaked* (Jerusalem)

Editorial Board

Prof. *Askold Ivantchik* (Editor-in-Chief, Moscow)

Prof. *Dmitry Afinogenov* (Moscow), Prof. *Andrey Alekseev* (Saint Petersburg),
Dr. *Ilya Arkhipov* (Moscow), Prof. *Liliia Bayun* (Moscow),
Prof. *Andrey Bolshakov* (Saint Petersburg), Prof. *Alla Buyskikh* (Kiev),
Dr. *Maryam Dandamayeva* (Saint Petersburg), Dr. *Vera Golovina* (Moscow),
Prof. *Nikolay Grintser* (Moscow), Dr. *Alexander Ilin-Tomich* (Mainz),
Ph.D. *Georgy Kantor* (Oxford), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Pavel Lurje* (Saint Petersburg), Dr. *Elena Lyapustina* (Moscow),
Dr. *Igor Makarov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Dr. *Alexey Muraviev* (Moscow), Dr. *Alexander Nemirovsky* (Moscow),
Prof. *Alexander Podossinov* (Moscow), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Alexander Sedov* (Moscow), Dr. *Ilya Smirnov* (Moscow),
Dr. *Svyatoslav Smirnov* (Moscow), Prof. *Andrey Smorchkov* (Moscow),
Dr. *Sergey Stepantsov* (Moscow), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),
Prof. *Irina Tunkina* (Saint Petersburg), Prof. *Alexey Vigasin* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Evgeniia Andreeva*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Editorial Board of "Vestnik drevney istorii", 2021

Vestnik drevney istorii
81/4 (2021), 837–862
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/4 (2021), 837–862
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910011000-3

К ХРОНОЛОГИИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ИСТОРИКА ГЕЛЛАНИКА

И. Е. Суриков

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Гелланик Лесбосский – один из самых видных представителей греческой историографии V в. до н.э., автор очень большого количества трудов. Гелланик прожил чрезвычайно долгую жизнь, но надежно известных фактов из нее, к сожалению, мало, поскольку и биографические сведения о нем скудны, и занимались им редко. Из фигурирующих в исследовательской литературе датировок рождения Гелланика нам представляется наиболее вероятной восходящая к Аполлодору – 497/496 г. до н.э. Умер же он после 407/406 г. до н.э. (о нескольких событиях этого года упоминается во фрагментах его «Аттиды»). Сочинения Гелланика тематически достаточно четко делятся на три группы: мифографические, хорографические, хронологические. В статье выдвигается гипотеза, согласно которой они и создавались именно в таком порядке. Иными словами, в начале карьеры приоритетной тематикой историка была мифография, затем он увлекся хорографией, а в конце жизни стал серьезно заниматься проблемами хронологии. В подобной эволюции, как в зеркале, отразился общий процесс развития греческого историописания в V в. до н.э. (Ферекид Афинский – Геродот – Фукидид).

Ключевые слова: Гелланик Лесбосский, ранняя греческая историография, мифография, хорография, хронология, Ферекид Афинский, Харон Лампсакский, Геродот, Фукидид

Данные об авторе. Игорь Евгеньевич Суриков – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ.

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта 19-09-00022а «“Праотцы истории”: древнейшие представители античной исторической науки».

TOWARDS THE CHRONOLOGY OF THE LIFE AND WORK OF THE HISTORIAN HELLANICUS

Igor E. Surikov

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: isurikov@mail.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-09-00022a

Hellanicus of Lesbos was one of the most prominent representatives of the fifth-century BC Greek historiography, and a prolific author. Hellanicus lived an extremely long life, but unfortunately we have got only very few reliably attested facts from it, both because the biographical data on him are scanty and because he has been rarely studied. As regards the dates of Hellanicus' birth, which have been advanced in scholarly literature, the article argues for the date of 497/496 BC, going back to Apollodorus, as the most likely one. He must have died after 407/406 BC, as some events of that year are mentioned in fragments of his Atthis. In terms of genre, Hellanicus' works are divided clearly enough into three groups: mythographical, chorographical, and chronological ones. The hypothesis suggested in the article is that they were written in exactly this sequence. In other words, at the beginning of his career, the historian's priority topic was mythography, then he became interested in chorography, and in his late years he began to study seriously the problems of chronology. Such an evolution reflected the general development of Greek historical writing in the fifth century BC (Pherecydes of Athens – Herodotus – Thucydides).

Keywords: Hellanicus of Lesbos, early Greek historiography, mythography, chorography, chronology, Pherecydes of Athens, Charon of Lampsacus, Herodotus, Thucydides

Гелланик Лесбосский[1] – фигура весьма значимая в истории ранней греческой исторической науки, а в то же время его творчество изучено в явно недостаточной степени. И ведь не назовешь его незаслуженно недооцененным. В любом общем труде о древнегреческом (или в целом античном) историописании и сопряженных с ним жанрах (например, о мифографии) ему обязательно посвящается хоть краткий (изредка и более пространный) пассаж[2] – это просто неизбежно. Все в общем согласны с тем, что в V в. до н.э. Гелланик был одним из трех самых крупных эллинских историков; два остальных – это, само собой, Геродот и Фукидид[3]. Достойное общество!

---

[1] Он был уроженцем и гражданином Митилены (*Suda* s.v. Ἑλλάνικος), но, кажется, нигде в источниках, кроме «Суды», не фигурирует как Гелланик Митиленский, всегда как Гелланик Лесбосский.

[2] См. (exempli gratia) Momigliano 1990, 62–63; Lendle 1992, 63–71; Luce 1997, 78; Pitcher 2009, 130; Fowler 2013, 682–695; Scanlon 2015, 21–22; Matijašić 2018, 124, 157–158, 182–183, 225.

[3] Хотя Фукидид еще продолжал работать над своим трудом в первые годы IV в. до н.э., стадиально он всецело принадлежит к предшествующему столетию. С другой стороны, Гекатей, фигура такого же масштаба, не может быть отнесен к историкам V в. до н.э. Он был еще жив (и весьма авторитетен) во время Ионийского восстания 500–493 гг. до н.э.,

Впрочем, по манере своей работы лесбосец, насколько можно судить, существенно отличался от обоих вышеназванных коллег. Из тех каждый посвятил всю свою жизнь созданию одного opus magnum[4]; Гелланик же написал большое количество трактатов меньшего размера (почти от всех них сохранилось большее или меньшее количество фрагментов[5]). Ф. Якоби более века назад[6] предложил делить его наследие на три тематические группы, и эта классификация произведений интересующего нас автора остается общепринятой.

К первой группе (мифография) относят трактаты «Форонида» в двух книгах, «Девкалиония» в двух книгах, «Атлантида» в двух книгах, «Асопида», «Троянские дела» в двух книгах; ко второй (хорография и этнография) – трактаты «Эолийские дела»[7] в двух книгах, «Лесбосские дела» в двух книгах, «Арголидские дела», «Об Аркадии», «Аттида» в двух книгах, «Беотийские дела», «Фессалийские дела», «Египетские дела», «Восхождение к святилищу Аммона», «Кипрские дела», «Лидийские дела», «Персидские дела» в двух книгах, «Скифские дела», «Об основании Хиоса», «Варварские обычаи»; к третьей (хронология) – трактаты «Жрицы Геры, что в Аргосе» в трех книгах, «Карнеоники» (т.е. победители на Карнейских играх в Спарте; для этого трактата отмечается наличие прозаической и стихотворной версий: Athen. XIV. 635e).

Вполне четкой и однозначной подобную систематизацию сочинений Гелланика, может быть, и нельзя назвать. Тут есть свои нюансы, особые случаи. Во-первых, «Аттида», несомненно, имела не только хорографический, но и хронологический характер (в связи с датировками по эпонимным архонтам). Во-вторых, «Троянские дела», которые обычно относят к жанру мифографии, могли

но, как следует из Геродота (V. 36; 49; в связи с этими пассажами см. Munson 2007, 160; Pelling 2007, 198–200), к тому моменту его труды были написаны и, стало быть, создавались в последней трети VI в. до н.э.

[4] В этом с ними схож еще один видный историк того же периода – Ферекид Афинский. Он тоже оставил только один труд, но крупный (10 книг, т.е. даже больше, чем у Геродота и Фукидида).

[5] См. их в Jacoby 1995, 104–152.

[6] Jacoby 1912, 112–113.

[7] Небольшая оговорка в связи с переводом нами всех названий такого рода (Αἰολικά, Λεσβιακά, Αἰγυπτιακά, κτλ.). В оригинале стоят просто прилагательные в обобщающем множественном числе среднего рода. Буквально их следовало бы передавать как «Эолийское», «Лесбосское», «Египетское» и т.п., но так не принято в русском узусе. Последовать примеру С.Я. Лурье, который перевел Ἑλληνικά Ксенофонта как «Греческая история»? Тогда получится «Эолийская история», «Лесбосская история», «Египетская история» и т.п. Но нам это тоже не кажется оптимальным. У нас недостаточно данных, чтобы ответственно утверждать, что эти трактаты были посвящены именно *истории* соответствующих регионов. Скорее всего они представляли собой их комплексные описания, включавшие описание природных условий, населения и его обычаев, разных местных «диковинок», а также, помимо прочего, и рассказ о каких-то исторических событиях. Относительно «Египетских дел» уже давно и вполне основательно было предположено (Pearson 1975, 201), что они сильно напоминали «египетский логос» Геродота – вторую книгу его «Истории». Исходя из вышесказанного, мы предпочли тот вариант перевода, который представляется нам наиболее расширительным и нейтральным.

содержать и сведения по истории Троады, относящиеся к периоду после Троянской войны, т.е. быть трудом не только мифографическим, но и хорографическим. Иными словами, в перечне трактатов Гелланика есть такие, которые стоят на грани между жанрами. Особый случай – несколько загадочное произведение, которое фигурирует в ссылках то как «Основания племен и городов», то как «О племенах», то как «Названия племен». В целом тут перед нами, конечно, хорография, однако упоминание об основаниях городов сближает труд с жанром κτίσεις[8]. Также на основании дошедших фрагментов из него можно предположить, что он имел и определенные общие черты с «Описанием Земли» Гекатея.

Как бы то ни было, впечатляющий перечень трудов Гелланика позволяет составить о нем представление как авторе чрезвычайно плодовитом. Перечень этот настолько велик, что неоднократно, начиная с того же Якоби, предпринимались попытки его уменьшить, предположив дублеты в передаче заголовков трактатов. В принципе это не лишено резона. Так, допустимо, что «Эолийские дела» и «Лесбосские дела» – одно и то же сочинение: малоазийская Эолида – это, в общем-то, прежде всего Лесбос. Далее, не исключено, что «Лидийские дела», от которых дошел всего один фрагмент, да и тот сомнительный,– не отдельное произведение, а часть «Персидских дел». Можно было бы привести и другие примеры.

Но даже после всех подобных операций наследие Гелланика все-таки остается исключительно обширным. Да, в каждом из его трудов не столь много книг (максимум – три), но в совокупности их набирается столько, сколько не было, наверное, ни у одного другого прозаика V в. до н.э. (разве что, может быть, у Иона Хиосского[9], да и то вряд ли). Разумеется, здесь сыграл свою роль и тот фактор, что Гелланик прожил очень долгую жизнь (о некоторых связанных с ней датировках как раз и пойдет речь ниже).

Самый значительный вклад Гелланика в развитие древнегреческой историографии всеми справедливо связывается с его штудиями в области хронологии[10]. Здесь он был в полном смысле слова первопроходцем[11], а появление его трактата «Жрицы Геры, что в Аргосе» (в ссылках античных авторов на него нередко фигурирующего просто как «Жрицы», Ἱέρειαι) стало, несомненно, этапным. До того хронология отнюдь не входила в число приоритетов для эллинских историков. В частности, в труде Геродота не наблюдается какой бы то ни было хронологической акрибии.

Новшество Гелланика в «Жрицах» заключалось в том, что он начал проводить синхронизацию эпонимных магистратов различных государств греческого мира, а в качестве «камертона» для такой синхронизации выбрал список верховных

---

[8] В связи с этим жанром прежде всего см. Dougherty 1993.

[9] О плодовитости Иона как писателя см. Jennings, Katsaros 2007, 2–3.

[10] Это подчеркивается практически в каждой работе, где речь заходит о Гелланике (например: Smart 1986, 30–31; Fowler 2013, 685–687). Укажем также специальную статью именно об этом аспекте его деятельности: Möller 2007.

[11] Также во второй половине V в. до н.э. проблемами хронологии интенсивно занимался софист Гиппий Элидский (он, в частности, изучал список олимпиоников). Р. Фаулер ставит вопрос, кому же все-таки принадлежит приоритет в данной сфере – Гелланику или Гиппию, и приходит к выводу, что скорее Гелланику, а Гиппий шел уже по его стопам (Fowler 2013, 685–687).

жриц аргосского Герайона, ведшийся с незапамятных времен (в ранней своей части, естественно, полулегендарный). Подобную «эпонимную хронологию» Гелланика впоследствии критиковал Фукидид, противопоставляя ей собственное изобретение – «сезонную хронологию»[12]. Именно этой критике обязано своим появлением единственное в фукидидовском труде упоминание Гелланика (Thuc. I. 97. 2; как известно, никого другого из своих предшественников, кроме Гелланика, – даже Геродота! – Фукидид вообще не называет по имени): «А написал я это и сделал такое отступление потому, что у всех моих предшественников это место[13] было оставлено без внимания и они описывали или эллинские дела до мидийских войн, или сами мидийские войны. А тот из них, кто все-таки коснулся его в сочинении об Аттике – Гелланик,– упоминает о нем лишь кратко и без точности в хронологии».

Это строгое суждение побуждает считать, что попытки хронологических изысканий, предпринятые Геллаником, были еще очень робкими и во многом неудачными. Впрочем, тут не обойтись без оговорок. Во-первых, Фукидид был вообще очень строг ко всем остальным авторам, полагая (и не без оснований), что сам он задает новые, более высокие стандарты для историописания (в том числе и в плане хронологии) и квалифицированно реализует их. Уступать в чем-либо такому гиганту, как Фукидид, – это не предмет для упрека. Во-вторых, обратим внимание на то, что в цитированном пассаже речь идет об «Аттиде» Гелланика, а не о его «Жрицах». К последним же историк Пелопоннесской войны относился, похоже, более позитивно, использовал это сочинение. Приведем в данной связи следующее место: «В течение четырнадцати лет продолжал существовать тридцатилетний мир, заключенный после завоевания Евбеи. На пятнадцатый же год, *сорок восьмой год жречества Хрисиды в Аргосе* (курсив наш. – *И. С.*), когда Энесий был эфором в Спарте, а Пифодору оставалось четыре месяца архонтства в Афинах, на шестнадцатый месяц после битвы при Потидее, в начале весны отряд вооруженных фиванцев числом немногим более трехсот человек под предводительством беотархов Пифангела, сына Филида, и Диемпора, сына Онеторида, в начале ночного сна вторгся в беотийский город Платеи, союзный с Афинами» (Thuc. II. 2. 1; пер. Г.А. Стратановского).

Это – один из самых важных, ключевых пунктов во всей «Истории» Фукидида: рассказ о *первом* событии Пелопоннесской войны (весна 431 г. до н.э.). Собственно, с этой точки начинается основная часть труда – изложение событий вооруженного конфликта между Спартой и Афинами (вся первая книга представляла собой, по сути дела, развернутое введение). И характерно, что в таком важном месте Фукидид опирается на данные не кого иного, как Гелланика (ссылки на него тут нет, но это не имеет никакого значения), что совершенно очевидно из пассажа, выделенного курсивом, с упоминанием имени жрицы и года ее жречества.

Та же Хрисида, кстати, ниже появляется у Фукидида еще один раз и тоже в характерном контексте: «Тем же летом (423 г. до н.э. – *И. С.*) погиб в огне храм Геры

---

[12] Об отношении Фукидида к Гелланику см. Lendle 1968; Smart 1986.

[13] События периода Пентеконтаэтии. Гелланик был единственным историком, обратившимся к этому периоду до Фукидида.

в Аргосе, так как жрица Хрисида поставила зажженный светильник слишком близко к венкам, украшавшим святилище, и затем заснула: пожар вспыхнул незаметно, и весь храм стал добычей пламени. В страхе перед аргосцами Хрисида еще той же ночью бежала во Флиунт. Аргосцы же по установленному обычаю выбрали новую жрицу по имени Фаинида. До своего бегства Хрисида была жрицей в течение восьми с половиной лет войны» (Thuc. IV. 133. 2–3; пер. Г.А. Стратановского). Похоже, что и здесь тоже перед нами информация, почерпнутая из Гелланика.

Итак, крупный масштаб личности и деятельности этого историка – вне каких-либо сомнений. А в то же время он относится к авторам, которыми нередко пренебрегают в антиковедческой литературе. Во всяком случае, о нем написано гораздо меньше, чем он заслуживает. В частности, нет ни одного монографического исследования[14] и приходится довольствоваться статьями, которых тоже не так-то много. В гигантском списке литературы к «Ранней греческой мифографии» Р. Фаулера мы насчитали менее двух десятков таковых[15]. Разумеется, этот список не исчерпывающий, в нем сделан акцент на недавние и относительно недавние работы. Например, у Л. Пирсона[16] указано некоторое количество более старых. В любом случае, по сути, самыми пространными текстами о Гелланике во всем мировом антиковедении и поныне остаются два весьма давних материала – энциклопедическая статья Ф. Якоби и глава в только что упомянутой книге Пирсона «Ранние ионийские историки»[17]. Подобная ситуация представляется прискорбной и приводит к тому, что подлинное значение творчества Гелланика еще не осознано в полной мере, к тому же с ним по-прежнему связано немало серьезных проблем.

Впрочем, следует сказать, что мало внимания уделяется в науке не только Гелланику, но и в целом древнейшим, догеродотовским историкам (имеем в виду в основном тех, которые фигурируют в знаменитом перечне Дионисия Галикарнасского: *De Thuc.* 5). Да и данные источников обо всех них (кроме, может быть, Гекатея) чрезвычайно скудны. Поэтому значительные трудности возникают при попытке реконструкции биографии практически любого из них[18]. Особенно это касается хронологического аспекта данной проблематики.

Для многих из них (таких как Деиох, Евдем, Демокл и др.) даже само время жизни и деятельности поддается не более точной датировке, чем «VI–V вв. до н.э.». О некоторых удается сказать что-то несколько более конкретное, да и то лишь с точностью до полувека: например, приурочить творчество Харона Лампсакского

---

[14] В паре небольших книг (Schreiner 1997; Sammartano 1998) Гелланик фигурирует в заголовках, но они не посвящены специально ему.

[15] Из них наиболее интересными нам представляются (помимо упоминавшихся в предыдущих примечаниях), пожалуй: Fornara 1968; Mosshammer 1973; Asheri 1981; Lenardon 1981; Joyce 1999; Ruschenbusch 2003: Thomas 2007.

[16] Pearson, 1975, 233–235.

[17] Jacoby 1912; Pearson 1975, 152–235 (книга впервые издана в 1939 г.).

[18] Да что там говорить об этих в общем-то малоизвестных фигурах, если даже биографии Геродота и Фукидида известны не так-то уж и хорошо, в них более чем достаточно белых пятен.

к первой половине V в. до н.э.[19], а Дамаста Сигейского – ко второй половине того же столетия. Чуть лучше обстоит дело, скажем, с Ферекидом Афинским, относительно которого с большой вероятностью можно утверждать, что он завершил свой труд в 450-х годах до н.э. (т.е. речь идет о точности до десятилетия). И уж совсем уникален случай с Гекатеем, для которого мы имеем такой репер, как одно бесспорно датируемое событие из его жизни – участие в совещании вождей Ионийского восстания при его начале в 500 г. до н.э.

Что можно сказать с учетом всего этого о Гелланике? С ним – ситуация особая. Биографических данных о нем больше, чем почти о любом другом представителе первых поколений историков (все релевантные свидетельства будут рассмотрены далее). Но в данных этих большое количество путаницы, противоречий, нестыковок; некоторые из приводимых о нем сведений производят впечатление совершенно невозможных, т.е. откровенно ошибочны. Возникает желание разобраться со всеми этими неувязками и попытаться реконструировать (насколько это вообще возможно!) жизненный и творческий путь интересующего нас автора.

Задача эта имеет не только частный характер, поскольку те или иные ее решения будут иметь импликации для понимания всего процесса развития греческого историописания в его «золотой век» – V в. до н.э.[20] Гелланик был современником как Геродота, так и Фукидида (в некоторых свидетельствах, как мы увидим, они так и появляются вместе – этакой «троицей»), но в каком хронологическом соотношении находятся его труды с их трудами? Иными словами, кто из них на кого мог повлиять (в плане позитивном, побудив подражать, или негативном, вызвав отторжение и заставив искать иные пути), а кто чьему влиянию подвергнуться?

Уже априори ясно, что осложняющим фактором при рассмотрении всех таких вопросов станет весьма длительная карьера Гелланика как писателя. Его многочисленные труды создавались на протяжении многих десятилетий, и он, разумеется, не мог не эволюционировать как ученый. Кстати, по итогам анализа, возможно, удастся высказать и некоторые соображения о характере этой эволюции.

В тех самых компаративных целях вкратце напомним общеизвестные факты о времени творчества Геродота и Фукидида. Первый, согласно почти общепринятому мнению, завершил свой труд (точнее, оставил его незавершенным) около 425 г. до н.э.[21] Когда он начал свою работу над ним, теперь, конечно, уже никто не скажет. Но во всяком случае какие-то части геродотовской истории были

---

[19] О. Лендле, правда, переносит Харона во вторую половину V в. до н.э., делая его младшим современником Геродота (Lendle 1992, 71–73). Но поступать так, на наш взгляд, неправомерно: есть ряд прямых свидетельств источников, указывающих на то, что Харон писал раньше, чем Геродот (Dion. Hal. *Epist. ad Pomp.* 3. 7; Plut. *Mor.* 859ab; Tertull. *De an.* 46). Тот же Лендле (и опять же, как нам представляется, неоправданно), напротив, удревняет Ксанфа Лидийского, считая его автором первой половины V в. до н.э. (Lendle 1992, 25–28). Традиционно Ксанф считается практически полным современником Геродота (см. их сравнение в Mehl 2004), т.е. историком середины – второй половины V в. до н.э.

[20] Ср. Pearson 1975, 154.

[21] «Еретическая» точка зрения Ч. Форнары, согласно которой «отец истории» еще работал в 410-е годы до н.э. (Fornara 1971), практически не нашла приверженцев.

уже написаны к середине 440-х годов до н.э.: этим временем обычно датируются публичные чтения автора в Афинах[22]. Что же касается Фукидида, он, по его собственному признанию, начал работу над трактатом о Пелопоннесской войне сразу после ее начала. А прекращение этой работы ввиду смерти историка относят к самым первым годам IV в. до н.э., причем она тоже не была доведена до конца (что и породило вскоре же плеяду «продолжателей Фукидида»[23]).

Прежде чем перейти к рассмотрению биографических свидетельств о Гелланике, оговорим, что самая надежная связанная с ним датировка почерпывается не из этих свидетельств, а из двух фрагментов самого этого писателя, из его сочинения «Аттида». С них поэтому и начнем.

Hellan. *FGrHist*. 4. F171 = *Schol. Aristoph. Ran*. 694: «Гелланик, излагая события при [архонте-эпониме] Антигене, который был перед Каллием, говорит, что рабы, принявшие участие в морском сражении, были освобождены и специальным постановлением получили права гражданства, подобно платейцам».

Hellan. *FGrHist*. 4. F172 = *Schol. Aristoph. Ran*. 720: «В предыдущем году (перед постановкой аристофановских «Лягушек». – *И. С.*), при Антигене, была, как говорит Гелланик, отчеканена золотая монета. И Филохор подобным образом сообщает о монете из золотых Ник».

Антиген был архонтом в 407/406 г. до н.э.[24] Оба упоминаемых в данных фрагментах события хорошо известны. Речь идет об освобождении рабов, которых привлекли к участию в битве при Аргинусских островах, и об экстраординарной акции в афинской монетной политике – выпуске в условиях жестокого финансового кризиса золотой монеты, для чего были переплавлены статуи богини Ники с акрополя. Сами эти события нас здесь не интересуют; принципиально только то, что в обозначенном здесь архонтском году Гелланик был еще жив и работал над «Аттидой». Таким образом, у нас есть важный terminus post quem как для кончины историка, так и для завершения «Аттиды» – одного из самых важных его сочинений, созданием которого он положил начало аттидографическому жанру, в рамках которого позже, в IV–III вв. до н.э., работал целый ряд авторов, коренных афинян (а основоположником жанра стал, как видим, пришлец). Он же выработал принцип, которому в дальнейшем следовали все аттидографы: начинать

---

[22] Ныне, правда, все более влиятельной становится точка зрения на Геродота как на «устного историка» (она детально аргументируется, например, в работе: Thomas 2000). Устного – не в том смысле, что он ориентировался преимущественно на устную традицию, а не на письменные источники (это и ранее признавалось; см. цифры по соотношению между ссылками Геродота на устные и письменные источники: Balcer 1987, 26), а в том, что сама «История» на протяжении длительного времени бытовала в устной форме, а не в виде текста. Согласно подобному представлению о Геродоте, он со своими публичными чтениями по греческому миру оказывается весьма сходен с каким-нибудь аэдом (тем паче, что его давно уже называют «эпическим историком»). Предполагается, что он всякий раз импровизировал и т.п. Допускаем, что какая-то доля истины в подобной концепции имеется, но, полагаем, все-таки не стоит доводить ее до nec plus ultra. В конце концов, имеем же мы труд Геродота как письменный памятник.

[23] Nicolai 2006.

[24] Develin 2003, 174.

изложение истории Аттики и Афин с древнейшей, легендарной эпохи и доводить его до самых последних по времени фактов.

А теперь перейдем к свидетельствам о жизни Гелланика. Самое пространное из них содержится в лексиконе «Суда». Притом оно, как мы увидим, полно всяческого сумбура.

Suda s.*v.* Ἑλλάνικος = Hellan. *FGrHist*. 4. T1: «Гелланик. Митиленянин, историк. Сын Андромена, а по мнению некоторых – Аристомена, а по мнению других – Скамона (он имел сына с таким же именем). Гелланик с Геродотом жил у Аминты, царя македонян (παρὰ Ἀμύντᾳ τῷ Μακεδόνων βασιλεῖ), во времена Еврипида и Софокла[25]; и он непосредственно следовал за Гекатеем Милетским, родившись[26] во время Персидских войн[27] или[28] немного раньше. А дожил он даже до времен Пердикки и скончался в Перперене, что напротив Лесбоса. Написал же он очень много сочинений, как в прозе, так и в стихах».

Собственно, «беспроблемный» участок текста заканчивается на слове «историк», а дальше начинаются сплошные трудности. Как видим, у лексикографа нет уверенности даже относительно имени отца Гелланика. Из предлагаемых тут вариантов несколько более вероятным, чем остальные, представляется нам Скамон. Хорошо известно, что у греков был широко распространен обычай называть внука в честь деда. Скамон – гипокористик от теофорного личного имени Скамандроним[29], что вполне подходит лесбосцу, так как отсылает к знаменитому троадскому гидрониму, а Троада с архаической эпохи активно осваивалась Лесбосом и воспринималась им как сфера своих интересов. Между прочим, отца поэтессы Сапфо, тоже митиленянки, звали Скамандронимом, но в то же время его имя передается и как Камон (*Suda* s.*v.* Σαπφώ) – почти Скамон.

Между прочим, не можем не отметить, что существовал историк Скамон Митиленский, писавший в IV в. до н.э. Соблазн отождествить его с тем самым сыном Гелланика, который упомянут в «Суде», по понятным причинам настолько велик, что Ф. Якоби, например, от него не удержался[30]. Нам это кажется не столь безусловно очевидным: коль скоро сам Гелланик появился на свет в начале V в. до н.э., его сын, чтобы работать в следующем столетии, должен был родиться у него в слишком уж пожилом возрасте. В одном, думается, сомневаться вряд ли

---

[25] Якоби допускает, что правильным чтением может быть «а был он во времена Еврипида и Софокла», т.е. эта датировка относится к деятельности Гелланика в целом, а не к одному конкретному событию – его визиту в Македонию. Для этого он после βασιλεῖ гипотетически вставляет ἦν δὲ (впрочем, не в тексте, а в аппарате).

[26] Поправка Якоби (γεγονώς вместо γεγονότι). Таким образом, в тексте – «родившимся». Но тогда это относилось бы не к Гелланику, а к Гекатею, что очевидным образом неверно: ко времени начала Греко-персидских войн Гекатей был уже зрелым мужем, авторитетным интеллектуалом. Впрочем, все эти соображения имеют смысл в том случае, если перфектная форма от γίγνομαι здесь указывает на рождение, а с этим дело обстоит не так просто, как мы увидим далее в другой связи.

[27] «Персидские (Мидийские) войны» в узком смысле – поход Ксеркса на Грецию в 480–479 гг. до н.э. Гелланик в действительности родился несколько раньше (см. ниже).

[28] Поправка Якоби (ἤ); в тексте «и» (καὶ).

[29] Pape 1911, 1404.

[30] Jacoby 1927, 437.

уместно: в том, что Скамон был если и не сыном Гелланика, то, во всяком случае, его потомком, принадлежал к той же самой семье, в которой, выходит, «ремесло историка» было наследственным.

Далее следует очень примечательное место о визите Гелланика в Македонию, да еще в компании Геродота. Информация уникальная и потенциально весьма ценная, но ценность эта, увы, становится проблематичной ввиду новой путаницы. Что за «Аминта, царь македонян» здесь упомянут? Ни один из носителей этого имени, занимавших македонский престол, решительно не подходит.

Аминта I скончался в период между 498 и 495 г. до н.э. (более точной датировке это событие не поддается). При любой датировке рождения Гелланика ясно, что на момент смерти этого царя он или был маленьким ребенком, или вообще еще не родился (а Геродот не родился заведомо). Затем сменивший Аминту I его сын Александр I правил до 454 г. до н.э.[31], далее Пердикка II в 454–413 гг. до н.э., Архелай в 413–399 гг. до н.э., Аэроп в 398–394 гг. до н.э. Весьма кратковременное правление Аминты II пришлось на 394 г. до н.э.; за ним последовало царствование Аминты III, более длительное (393–370 гг. до н.э.). Эти два носителя имени Аминта, естественно, тоже не подходят.

В результате рассматриваемое сообщение «Суды» в литературе, как правило, просто отбрасывается как совершенно недостоверное и имеющее нулевую ценность. Однако М. Василев пришел к довольно аргументированному выводу о том, что, во всяком случае, Геродот в Македонии точно бывал, причем произошло это не при Пердикке II, как часто считают[32], а в последний период правления Александра I, приблизительно на хронологическом отрезке 463–454 гг. до н.э.[33]

Как могло появиться в источнике неверное имя Аминты? В принципе проблема не является неразрешимой. Уже очень давно Г. Дильс[34] предложил просто-таки напрашивающуюся эмендацию, исходящую из того, что в этом месте выпало имя Александра и читать следует «у Александра, сына Аминты, царя македонян» – и все становится на свои места. Мы со своей стороны указали бы и еще на одну возможность. Среди многочисленных сыновей Александра I был и звавшийся Амintой. Правда, он никогда не царствовал[35]. Но почему бы не допустить, что именно он, будучи царевичем, пригласил в Македонию Гелланика и Геродота? В таком случае они, хоть и жили при дворе Александра, воспринимались (и воспринимали себя) как гости Аминты.

Полагаем, что информация, которую мы сейчас рассматриваем, имеет своим первоисточником замечание, почерпнутое из какого-либо сочинения Гелланика[36], в духе «когда мы с Геродотом гостили в Македонии у Аминты...». А кто-либо из

---

[31] Даты правлений македонских царей даем по Hammond, Griffith 1979, 60–172; Sprawski 2010, 134–143; Roisman 2010, 146–158.

[32] Например, Pearson 1975, 154.

[33] Vasilev 2016. Об отношениях между Геродотом и Александром I также см. Badian 1994.

[34] Diels 1876.

[35] О месте этого Аминты в родословном древе Аргеадов см. Roisman 2010, 158. Кстати, именно от него берет начало та династическая линия, которая в конечном счете выводит на Филиппа II и Александра III Великого.

[36] Ясно, что не Геродота: его «История» сохранилась полностью, и там таких замечаний мы не находим.

позднейших писателей, чьи данные и попали в «Суду», вполне мог понять это как «у царя Аминты», поскольку было известно, что Аминта – аргеадское царское имя. Так и родилась путаница относительно того, когда два историка посетили Македонию.

Подчеркиваем, именно два историка. Ибо если признавать достоверность данного сообщения применительно к Геродоту, то нужно делать это и применительно к Гелланику (сказав А, сказать и Б), отрыв их здесь друг от друга был бы логически некорректной процедурой. Геродот на вышеуказанном хронологическом отрезке был совсем еще молод и должен был еще только учиться пресловутому «ремеслу историка». Гелланик же, будучи старше (чуть ниже будут приведены свидетельства, недвусмысленно подтверждающие это), в таком случае как раз и выступал в роли учителя.

Геродот, как известно, был неутомимым путешественником. По оценке А. Момильяно[37], он в своей жизни странствовал больше, чем любой другой античный автор. Немало поездил по миру и Гекатей Милетский. А вот о Гелланике того же, похоже, сказать нельзя. Во всяком случае, таково мнение Ф. Якоби[38], который обращает внимание на следующий пассаж: «Анаксимандр Милетский, слушатель Фалеса, первым дерзнул начертить на карте ойкумену. После него Гекатей Милетский, муж, много путешествовавший, так ее усовершенствовал, что плодом его труда восхищались. Ведь Гелланик Лесбосский, муж многосведущий во многих отношениях, просто дал повествование» (Agathem. I. 1). Якоби считает, что здесь Агафемером, географом римского времени, сознательно противопоставлены друг другу Гекатей как ἀνὴρ πολυπλανής и Гелланик как ἀνὴρ πολυίστωρ.

Иной сколько-нибудь определенной хронологической информации в статье «Суды» о Гелланике нет, все остальные формулировки в ней предельно расплывчаты. Такие, например, как «во времена Еврипида и Софокла»: это выглядит тривиальностью и ровным счетом ничего не дает для уточнения, скажем, даты рождения лесбосского историка. Тем более что, хотя Софокл и Еврипид являлись современниками, первый был на 16 лет старше второго. Как мы увидим ниже, если Геродот по времени рождения ближе к Еврипиду, то Гелланик – скорее ближе к Софоклу.

Указание «Суды» на то, что Гелланик дожил до времен Пердикки (т.е. Пердикки II), тоже совершенно неинформативно. К тому же он не только дожил до Пердикки, но и пережил Пердикку. Как мы видели выше, в 407/406 г. до н.э. он еще писал «Аттиду», а в Македонии тогда правил уже Архелай. Наконец, еще один биографический факт о Гелланике, приводимый в «Суде»,– его смерть в местечке Перперена, в материковых владениях Лесбоса (в так называемой перее) – представляется действительно имевшим место. Во-первых, вряд ли кому-то могло понадобиться придумывать столь частную деталь. Во-вторых, приведем для сопоставления еще одно, в высшей степени курьезное, свидетельство.

Steph. Byz. s.v. Παρπαρών = Hellan. *FGrHist*. 4. T7: «Парпарон. Эолийское местечко в Азии; там, как рассказывают, скончался Фукидид (sic! – *И. С.*). Так говорит Аполлодор во 2-й книге “Хроники”. А некоторые называют его

[37] Momigliano 1990, 51.
[38] Jacoby 1912, 106.

Перпериной[39]». Ясно, что Парпарон, Перперина, Перперена – это варианты написания одного и того же топонима. Иными словами, речь в действительности должна вестись о Гелланике. Но вместо него парадоксальным образом назван Фукидид, да еще со ссылкой на такого авторитетнейшего ученого, как Аполлодор Афинский[40]. Не думаем, что Аполлодор мог допустить столь чудовищную погрешность. Очевидно, появление здесь «Фукидида» – всецело на совести если не самого Стефана Византийского, то кого-либо из авторов-посредников. А важно здесь то, что выдающиеся историки V в. до н.э. могли, как видим, в последующей традиции смешиваться друг с другом какими-то обстоятельствами своей жизни.

Приведем теперь свидетельство, которое хотя и имеет достаточно общий характер, но проливает свет на хронологическое соотношение деятельности Гелланика и Геродота. Принадлежит оно Дионисию Галикарнасскому, который ранними историками занимался специально и писал о них с большим знанием дела.

Dion. Hal. *Epist. ad Pomp.* 3. 7 = Hellan. *FGrHist.* 4. T12: «Действительно, Геродот поступил не так[41] – его не отвратило то, что *бывшие до него прозаики Гелланик и Харон*[42] (курсив наш. – *И. С.*) уже издали сочинения на ту же тему; напротив, он верил, что сам произведет нечто лучшее,– и он это сделал».

Здесь однозначно констатируется хронологический приоритет Гелланика (и Харона Лампсакского, который в данной статье для нас пока иррелевантен) перед Геродотом. Из этого в дальнейшем и будем исходить. Ф. Якоби почему-то считал, что Гелланик издал свои первые труды только в 440-х годах до н.э. Не можем согласиться со столь поздней датировкой, которая означала бы, что он стал историком в довольно пожилом возрасте. Это ни из чего не проистекает, и никаких доводов в пользу подобной точки зрения отыскать не удается. Напротив, ранние сочинения Гелланика, по содержанию чисто мифографо-генеалогические, написаны в такой манере, какая была популярна у историков конца VI – первой половины V в. до н.э. (Акусилай, Гекатей, Ферекид Афинский), а к 440-м годам до н.э. уже вышла из моды. Теперь на очереди свидетельство (содержащееся у Авла Геллия), которое является воистину ключевым для всей проблематики, связанной со временем рождения интересующего нас автора.

Gell. XV. 23 = Hellan. *FGrHist.* 4. T3: «Гелланик, Геродот, Фукидид, авторы исторических сочинений, пользовались огромной славой примерно в одни и те же времена и относились к не слишком отдаленным друг от друга поколениям. Ведь, кажется, Гелланику в начале Пелопоннесской войны было шестьдесят пять лет от роду, Геродоту – пятьдесят три, Фукидиду – сорок. Это написано у Памфилы в одиннадцатой книге».

Хотя ссылка здесь дана на Памфилу, писательницу I в.н.э., но, согласно communis opinio[43], приведенные Геллием датировки восходят в конечном счете

---

[39] «Перпериной» или «Перпереной» – поправки издателей из неверного рукописного «Периной».

[40] О нем долгое время основополагающим оставался старый труд: Jacoby 1902. Теперь также см. Bravo 2009.

[41] Не стал принижать деяний древности в отличие от Фукидида.

[42] Поправка издателей из рукописного «Херон».

[43] Например, Jacoby 1912, 107; Pearson 1975, 154; Fowler 2013, 682 (ссылаемся в чисто иллюстративных целях, не иначе – и в других работах о Гелланике).

не к кому иному, как к Аполлодору Афинскому. Таким образом, на чашу весов ложится весь колоссальный авторитет этого блистательного специалиста именно в области хронологии.

Отсчитывая от 431 г. до н.э. как года начала Пелопоннесской войны, получаем, что Гелланик родился в 496 г. до н.э., Геродот – в 484 г. до н.э., Фукидид – в 471 г. до н.э. Геродотовская дата признается совершенно правильной[44], а вот относительно фукидидовской есть сомнения: чаще полагают, что он был несколько моложе, появившись на свет около 456–455 гг. до н.э. Исходят при этом из времени его злополучной стратегии, поведшей к изгнанию будущего историка, причем подразумевается, что это была его первая стратегия; стратегом же разрешалось быть с 30 лет, и молодые амбициозные политики знатного происхождения (к каковым Фукидид, безусловно, принадлежал) по большей части сразу же использовали эту возможность, достигнув 30-летнего возраста. Но ведь мы, строго говоря, не знаем доподлинно, не занимал ли Фукидид пост стратега уже и ранее: ведь в нашем распоряжении, естественно, нет полных списков афинской коллегии стратегов за все годы[45].

Существует, правда, еще известный рассказ о том, как Фукидид подростком присутствовал на одном из публичных чтений Геродота и прослезился (Marcellin. *Vita Thuc.* 54; *Suda* s.v. Θουκυδίδης). Его чаще признают анекдотическим, но в нем, на наш взгляд, нет чего-либо невероятного или недостоверного. Однако совершенно не обязательно приурочивать этот эпизод (как обычно делают те, кто считают его аутентичным) к тому визиту Геродота в Афины, который имел место в середине 440-х годов до н.э. Нам и ранее доводилось писать[46], что это посещение историком «города Паллады», вопреки распространенному мнению, было отнюдь не первым.

Но здесь нас все-таки интересует не Фукидид, а Гелланик. И, как видим, в данном важном свидетельстве со всей возможной четкостью обозначено, что Гелланик был старше Геродота. Это согласуется и с приводившимися выше пассажами: у Дионисия Галикарнасского прямо сказано, что Гелланик, во всяком случае, начал писать до Геродота, а в «Суде» указано, что он непосредственно следовал за Гекатеем Милетским (а за ним самим, стало быть, – Геродот).

Похоже, что близкой датировки рождения Гелланика придерживался и Евсевий Кесарийский. Правда, в его «Хронике», в латиноязычной версии Иеронима, значится иначе. Там под первым годом 70-й олимпиады (500/499 г. до н.э.) стоит следующая запись: «Историограф Гелланик, философ Демокрит, Гераклит... и физик Анаксагор получают известность (clari habentur)» (Euseb. *Chron. Ol.* 70, 1 = Hellan. *FGrHist*. 4. T4a). Относительно «получают известность» – налицо в любом случае грубая хронологическая ошибка. Гелланик никак не мог сделаться известным так рано, коль скоро он еще работал в 406 г. до н.э. Первое приходящее

---

[44] См. хотя бы Myres 1953, 1.

[45] Каждый может в этом убедиться, заглянув хотя бы в известный просопографический справочник афинских магистратов Р. Девелина (Develin 2003, 117–187 – период с 431 г. до н.э.).

[46] Например, Surikov 2009, 152–177; 2011, 362–395.

на ум подозрение заключается в том, что он в данном случае спутан с Гекатеем, к которому подобная датировка может относиться в полной мере. Впрочем, в свидетельствах поздних хронографистов вообще немало путаницы, как можно видеть и из данного пассажа. Если датировку Гераклита можно признать в целом корректной, то Анаксагор и Демокрит относятся к гораздо более позднему времени. Анаксагор как раз родился, согласно традиции, в 500 г. до н.э. (Diog. Laert. II. 7 – со ссылкой, подчеркнем, на того же Аполлодора).

А не обстоит ли дело так же и с Геллаником? На наш взгляд, Р. Фаулер прав[47], считая, что, видимо, в греческом прототипе Евсевия стояло γέγονε, а Иероним, переводя, неверно это понял. Сложность с перфектными формами от γίγνομαι (как γεγονώς, γέγονε) состоит в том, что они могли относиться и ко времени рождения персонажа, и ко времени какого-нибудь «главного» события в его жизни[48]. Судя по всему, Евсевий имел в виду первый смысл, а Иероним посчитал, что речь идет о втором (акме, floruit).

Если данная гипотеза верна, то Евсевий датировал рождение Гелланика почти так же, как Аполлодор. Разница всего в одну олимпиаду, и если уж отдавать предпочтение какой-либо из этих двух дат, то таковой должна быть аполлодоровская – как принадлежащая автору и более авторитетному и гораздо более близкому по времени к событию, о котором идет речь. Одним словом, мы решительно склоняемся к тому, что Гелланик появился на свет в 496 г. до н.э. Чаще, однако, считают, что он был несколько моложе и являлся практически ровесником Геродота, руководствуясь при этом соображениями, которые будут перечислены далее.

Во-первых, аполлодоровскую датировку иногда пытаются оспорить на том основании, что имя Гелланик отсылает к «победе эллинов» и поэтому не могло быть дано ранее 480–479 гг. до н.э. (тогда Гелланик оказывается даже моложе Геродота, что и вовсе несообразно ввиду рассмотренных выше свидетельств). Этот довод достаточно подробно рассмотрел Р. Фаулер[49], справедливо признавший его крайне слабым: и имя ребенку могли дать авансом (496 г. до н.э. – это, между прочим, время Ионийского восстания, в котором на первом этапе действительно имели место победы эллинов), да и этимология его не столь однозначна, возможны различные варианты понимания композита Ἑλλάνικος, вплоть даже до такого, как «победа над эллинами». Во всяком случае, такой шаткий и косвенный аргумент «от ономастики» лучше не противопоставлять прямым данным источников.

Во-вторых, среди самих этих данных есть такие, которые вступают в противоречие с датой Аполлодора. Их тоже, разумеется, следует рассмотреть. Вот фраза из анонимной позднеантичной биографии Еврипида: «Родился (γεννηθῆναι) он (Еврипид. – *И. С.*) в тот же день, что и Гелланик, – в день, в который эллины победили в морской битве при Саламине» (Anonym. *Vita Euripid*. p. 2, 5 Schwartz = Hellan. *FGrHist*. 4. T6).

Предание о том, что этот драматург родился в самый день Саламинского сражения 480 г. до н.э., было в античности весьма распространенным, а вот

[47] Fowler 2013, 682.
[48] См. к вопросу Rohde 1901, 114–184 (переиздание статьи 1879 г.).
[49] Fowler 2013, 682–683.

синхронизация дня его рождения с днем рождения Гелланика не выглядит заслуживающей доверия. Помимо всего прочего потому, что если ее принять, Гелланик опять-таки оказывается моложе Геродота, что противоречит основной ветви традиции. В конце концов, перед нами поздний автор (к тому же неизвестный), а у поздних авторов хронологические неувязки, вообще говоря, встречаются в изобилии. И если касательно свидетельства Евсевия мы допустили как один из вариантов, что в нем Гелланик мог быть спутан с Гекатеем, то здесь он, вполне возможно, спутан, напротив, с Геродотом. Дату рождения последнего относили не только к 484 г. до н.э., но, случалось, и к 480 г. до н.э. Тогда перед нами еще один пример смешивания друг с другом крупных историков первых поколений (выше мы видели, что у Стефана Византийского Гелланик спутан даже с Фукидидом).

Мы допускаем, что истоком появившейся здесь ошибки могла быть опять же проблема с γέγονε – но в противоположном смысле, нежели у Иеронима. Например, биограф встретил где-нибудь упоминание о том, что Гелланик был современником Еврипида[50], – наподобие того, которое нам попадалось в «Суде», но с конструкцией γέγονε κατὰ κτλ.,– и понял это как указание на то, что историк и драматург родились в одно и то же время.

Наконец, еще одно свидетельство, противоречащее аполлодоровской датировке, содержится в трактате «Долгожители», сохранившемся в корпусе сочинений Лукиана, но ему не принадлежащем. В нем говорится о лицах, достигших преклонного возраста и о том, кто из них сколько лет прожил. В этом контексте, в частности, читаем: «А из прозаиков[51]... Гелланик Лесбосский – восемьдесят пять. И Ферекид Сиросский – подобным же образом восемьдесят пять» (Ps.-Lucian. *Macrob*. 22 = Hellan. *FGrHist*. 4. T8).

Если отсчитать 85 лет от 496 г. до н.э., то выйдет, что Гелланик скончался в 411 г. до н.э. Однако же в действительности, как отмечалось выше, в 407/406 г. до н.э. он еще жил и писал. Либо дату его рождения нужно смещать к 491 г. до н.э. или еще дальше, либо неверна цифра 85 лет, а должно быть, скажем, 90. Последнее представляется нам более вероятным: ведь почти все такого рода указания возрастов, встречающиеся в античной литературе, в известной мере гадательны, выведены на основе чисто спекулятивных умозаключений.

Так и Ф. Якоби замечает[52], что 85 лет – это едва ли не самый любимый возраст у авторов сочинений о долгожителях, поэтому данной цифре у Псевдо-Лукиана применительно к Гелланику не нужно придавать какого-то принципиального значения. Мы, со своей стороны, предложили бы еще и следующий ход мысли: возможно, Гелланик в каком-то из своих произведений упомянул о себе как о достигшем 85-летнего возраста, и из этого в дальнейшем был сделан ложный вывод, будто именно до такого возраста он и дожил, в то время как на самом деле он жил

---

[50] Еврипид впервые выступил на театре в 456 г. до н.э., впервые одержал победу в 441 г. до н.э. Гелланик в то время, несомненно, уже писал свои сочинения. Так что они – современники в самом строгом смысле слова, что, однако, еще не делает их ровесниками.

[51] Συγγραφέων можно перевести и «из историков», но упоминаемый здесь Ферекид Сиросский историком не был, поэтому выбираем более общий термин.

[52] Jacoby 1912, 107.

и дальше. Может быть, и дольше 90 лет; ибо, строго говоря, мы не знаем, когда он умер (ясно только, что после 407/406 г. до н.э.). Самое раннее сохранившееся упоминание о нем, как мы видели, принадлежит Фукидиду и было сделано на рубеже V–IV вв. до н.э., но из его формулировок, увы, невозможно понять, идет ли речь о живом или уже покойном писателе[53].

Наверное, имеет смысл еще отметить, что в статье лексикона «Суда» об историке Дамасте Сигейском сказано: «Дамаст... А был он учеником Гелланика» (*Suda* s.*v.* Δαμάστης = Hellan. *FGrHist*. 4. T9). Чем может помочь констатация того факта, что Дамаст учился у Гелланика и, стало быть, был моложе его? В той же статье о Дамасте читаем: «Сигеянин... живший ранее Пелопоннесских войн, современник Геродота (σύγχρονος Ἡροδότῳ)». Если ученик принадлежал к тому же поколению, что Геродот, то учитель, Гелланик, должен быть старше.

Ф. Якоби[54] перечисляет основные выдвигавшиеся в литературе датировки рождения и смерти Гелланика; с тех пор каких-либо принципиально новых не появилось, так что этот список вполне можно и ныне считать репрезентативным. Среди предлагавшихся вариантов – 482–397 гг. до н.э., 480/479–396/395 гг. до н.э. Эти варианты выводятся из 85-летнего возраста историка, указанного Псевдо-Лукианом, и указание это в такой степени становится предметом слепой веры, что заставляет пренебречь и аполлодоровской датой его рождения, и прямыми указаниями источников на хронологический приоритет Гелланика перед Геродотом.

Своеобразная версия у Г. Дильса: 496/495–412/411 гг. до н.э. Этот ученый, таким образом, попытался примирить дату Аполлодора с возрастом у Псевдо-Лукиана. Но в результате получилась новая неувязка: как же Гелланик мог писать о событиях 407/406 г. до н.э., если он уже скончался к тому времени? И Дильс был вынужден постулировать наличие другого автора по имени Гелланик (более позднего, чем герой нашей статьи), которому-де и принадлежат фрагменты о чеканке золотой монеты и об освобожденных рабах.

Трудно приветствовать подобное умножение сущностей без острой необходимости. Гораздо более конструктивным представляется не держаться за буквалистское толкование сообщения Псевдо-Лукиана и исходить из того, что Гелланик прожил не 85, а *не менее* 85 лет. Мы предлагаем считать, что жизнь его должна быть датирована так: 497/496[55] – после 407/406 г. до н.э. Таким образом, она продолжалась минимум 90 лет, что, повторим, вполне согласуется с огромным объемом оставленного им наследия.

Возможны ли какие-нибудь хронологические суждения о сочинениях, составляющих это наследие,– если не обо всех, то хотя бы о некоторых из них? Здесь перед нами вопрос не менее интересный и не менее сложный, чем с годами жизни. И, видимо, даже более важный. Историография в V в. до н.э. претерпела

---

[53] Jacoby 1912, 111.

[54] Jacoby 1912, 108.

[55] Именно так, а не 496/495 г. до н.э. У Геллия сказано, что Гелланику было 65 лет в начале Пелопоннесской войны. Война началась весной – иными словами, в 432/431 г. до н.э.

определенную эволюцию, и ей не могла не соответствовать личная эволюция того представителя этой историографии, которому довелось увидеть почти все названное столетие.

До некоторого момента абсолютно преобладающей и едва ли не единственной тематикой для историков оставалась генеалогическая мифография. В этом русле были написаны исторические труды Акусилая, Гекатея, Ферекида Афинского. В этот период и Гелланик работал как обычный мифограф, мало чем выделяясь среди авторов этой плеяды,– разве что сугубой плодовитостью. Впрочем, есть и еще одно отличие. Акусилай (именно его с наибольшим основанием следует называть самым древним представителем греческого историописания) изложил в одном большом сочинении мифы Эллады в целом, причем изложил их в основном локальными циклами (аргосско-микенский цикл, фиванский цикл и пр.). Такая же картина наличествует и в историко-мифографических трактатах Гекатея, Ферекида. А у Гелланика – целая серия меньших по объему сочинений, посвященных различным регионам и периодам. Это была, видимо, общая тенденция определенного периода: она прослеживается также у Харона Лампсакского, Дамаста Сигейского.

Итак, мы считаем, что из трех групп произведений Гелланика (мифографическая, хорографическая, хронологическая) названная первой была и по времени самой ранней. Сохранившиеся фрагменты из этих трудов удивительно напоминают аналогичные пассажи прочих тогдашних мастеров жанра мифографии. Приведем один – в чисто иллюстративных целях, как типичный образчик этого жанра: «Парфенопей... По словам Антимаха, он – сын Талая, сына Бианта, сына Амифаона, сына Кретея, сына Эола, сына Эллина, сына Зевса; а мать его – Лисимаха, дочь Керкиона, сына Посейдона. Гелланик же пишет, что он – сын Меланиона, сына Амфидаманта, сына Эпоха, сына Аргепа[56], сына Кефея, сына Посейдона; а мать его – Аталанта, дочь Иаса» (Hellan. *FGrHist*. 4. F99 = *Schol. Eur. Phoen*. 150). Сухая, без прикрас, цепочка-родословная. Такие в изобилии найдем и у Акусилая, и у Гекатея, и у Ферекида, они ровно ничем не различаются. Если бы здесь не стояло конкретно имя Гелланика, не было бы никакой возможности установить, что фрагмент принадлежит именно ему, а не какому-нибудь другому из мифографов.

Затем происходит определенный поворот – от мифографии к хорографии. Здесь следует указать на роль Харона Лампсакского, которую ныне трудно в полной мере оценить, но, судя по всему, она была значительной, может быть, даже определяющей[57]. Вот перечень его сочинений, как он приведен в «Суде» (*Suda* s.v. Χάρων = Char. *FGrHist*. 262. T1): «Историк; написал сочинения “Эфиопские дела”, “Персидские дела” в 2 книгах, “Эллинские дела” в 4 книгах, “О Лампсаке” в 2 книгах[58], “Ливийские дела”, “Летописи лампсакийцев” в 4 книгах, “Пританы, или архонты[59], лакедемонян” (оно посвящено хронологии), “Основания городов”

---

[56] Имя испорчено, восстановлению не поддается.

[57] О Хароне см. Fowler 2013, 641–643, со ссылками на предшествующую (крайне скудную) литературу.

[58] Якоби считает, что этот труд тождествен «Летописям лампсакийцев».

[59] Слова «или архонты» Якоби предлагает убрать, так как, по его мнению, это не часть названия труда, а пояснение автора словаря.

в 2 книгах[60], “Критские дела” в 4 книгах (в нем он говорит и о законах, установленных Миносом), “Перипл мест, что за Геракловыми столпами”[61]».

Что в данном перечне бросается в глаза (особенно если сравнивать его с тем, который выше приводился для Гелланика)? Полное отсутствие мифографических трудов. В основном названные здесь трактаты являются хорографическими; в каких-то из них, похоже, поднимались также вопросы хронологии («Пританы лакедемонян» и, предполагаем, «Летописи лампсакийцев», если это отдельный труд, не совпадающий с произведением «О Лампсаке», а нам все-таки не кажется, что они совпадают: количество книг указано разное). Особняком стоит сочинение «Основания городов». Это – характерный жанр «оснований» (κτίσεις), а вот включали ли подобные тексты в себя мифы? Иными словами, шла ли в них речь только об основании эллинами городов в период Великой греческой колонизации или также об основании более ранних, древних городов (например, городов Ионии сыновьями Кодра)? В последнем случае мифологический материал просто не мог не привлекаться.

Но применительно к трактату Харона вопрос, похоже, не может быть решен, поскольку не сохранилось ни одного фрагмента, который приводился бы с конкретной ссылкой на него. Предполагают, что именно из этого труда происходит следующий фрагмент (Char. *FGrHist*. 262. F6 = Phot. *Lex*. s.v. Ὀστακός): «Остак. Некоторые же говорят “астак”. Вид рака[62]. И город Астак[63] ионийцы называют Остаком. И Харон пишет: “Остак был основан халкедонянами”[64]». Тут перед нами событие, относящееся, безусловно, к исторической, а не легендарной эпохе. Мы допускаем, что из этого же сочинения (а не из «Летописей лампсакийцев», как полагал Якоби) может происходить один из самых важных и пространных фрагментов Харона – подробно изложенная этиологическая легенда об основании Лампсака (Char. *FGrHist*. 262 F7 = Plut. *Mor*. 255a–e). В ней тоже речь идет о вполне реальном событии, которое имело место в середине VII в. до н.э.

Итак, Харон уже отнюдь не был мифографом «старого стиля». А на какое время приходится его творчество? Соответствующая часть статьи о нем в «Суде» полна несообразностей: «Харон, лампсакиец, сын Пифокла[65], родившийся[66] при пер-

---

[60] Таким образом, Харон, помимо прочих своих заслуг, является одним из первых представителей столь популярного у греков жанра κτίσεις – рассказов (часто легендарного характера) о том, как основывались города (по большей части колонии).

[61] Название этого труда не раз озадачивало исследователей, вплоть до того, что отрицались его аутентичность или даже само существование (кстати, ни одного фрагмента от него не дошло). Что мог грек эпохи Харона рассказать о «местах, что за Геракловыми столпами»?

[62] Обычно считается, что речь идет об омаре. Впрочем, можно понять и как «вид легкого судна».

[63] Греческая колония в Пропонтиде.

[64] Согласно более распространенной традиции, Астак был основан непосредственно Мегарами – метрополией также и Калхедона (Халкедона).

[65] Но Павсаний, автор более ранний, называет отца Харона Пифеем (X. 38. 11).

[66] Или «живший» (причастие γενόμενος здесь можно понять как в том, так и в другом смысле).

вом Дарии, в 79-ю олимпиаду; а скорее, он был во времена Персидских войн, в 75-ю олимпиаду».

Здесь налицо явная хронологическая путаница. Правление Дария I в Персии датируется 522–486 гг. до н.э. 79-я олимпиада – 464/463–461/460 гг. до н.э.; 75-я олимпиада – 480/479–477/476 гг. до н.э. На эту последнюю действительно пришлись Персидские войны в узком смысле (поход Ксеркса), а вот между правлением Дария и 79-й олимпиадой – ровно никакой корреляции. Возможно, понимать пассаж следует в том смысле, что Харон родился при Дарии I (а родился он, подчеркнем, как персидский подданный: в то время Лампсак контролировался Ахеменидами), известности же достиг в 79-ю олимпиаду.

Во всяком случае, ряд свидетельств (ссылки на них приведены выше, в прим. 21) прямо указывает на то, что Харон работал раньше Геродота, как и Гелланик (в одном свидетельстве их имена даже стоят рядом именно в этом контексте – как *предшественников* галикарнасца). Гелланик не порвал с мифографией столь же радикально, как Харон, но для него она уже не была единственным предметом изысканий (как, скажем, для Ферекида Афинского). Как нам представляется, с какого-то момента он переключился с мифографических исследований на хорографические. Произошло это с наибольшей вероятностью в 450-е годы до н.э., а вызвано это было (по крайней мере отчасти) тем, что как раз тогда[67] был завершен и опубликован грандиозный труд Ферекида, превзошедший все, что ранее было сделано мифографами, и явивший собой фактически некую summa scientiarum в этой области. После Ферекида на ниве мифографии делать уже было особо и нечего, историкам приходилось искать новые темы для разработки. Одной из таковых, причем на какое-то время приоритетной, и стала хорография.

Хорошо известно, сколь много она значила в числе прочих и для Геродота. Его история просто-таки перенасыщена интереснейшим хорографическим материалом[68]. Это в свое время породило к жизни знаменитую концепцию Ф. Якоби[69], согласно которой вначале Геродот писал логосы о разных странах, а уже затем задумал создать труд о Греко-персидских войнах и включил уже существовавшие логосы в него. Эта концепция ныне уже не разделяется практически никем, как когда-то, но остается одной из достаточно влиятельных.

С другой стороны, интерес к мифографии Геродоту в целом чужд. При всей широте его интересов от одного он подчеркнуто воздерживается: от того, чтобы уводить свое повествование в далекие мифические эпохи, во «времена героев». Не то чтобы он совсем не делает этого, но старается прибегать к подобному приему в настолько минимальном количестве случаев, насколько это только возможно.

Тут перед нами, конечно, результат общего поворота в греческом историописании, имевшего место в середине V в. до н.э. Но не было ли и конкретного влияния на галикарнасца со стороны Гелланика? Такое вполне можно было предположить. Оба историка, о чем говорилось выше, не только знали друг друга, но

---

[67] Surikov 2019, 120–121.

[68] По этому аспекту его творчества см. прежде всего Bichler 2001.

[69] Ее изложению и обоснованию практически целиком посвящена статья монографического объема Jacoby 1913.

и, похоже, были дружны. Они либо вместе прибыли к македонскому царскому двору, либо там познакомились.

Так, может быть, можно найти какую-либо корреляцию между их сочинениями, указывающую на влияние одного автора на другого? Давно уже отмечалось[70], что труд Гелланика «Египетские дела», судя по тому, что от него дошло, во многом напоминал египетский логос Геродота – вторую книгу его «Истории». Правда, это может еще ни о чем и не говорить (одинаковая тема не могла не приводить к появлению схожих черт), тем более что следов прямых заимствований вроде бы не обнаруживается (из чего иногда делается вывод[71], что эти произведения писались одновременно и потому их авторы не могли ознакомиться с наработками друг друга).

Далее, есть весьма интересный фрагмент Гелланика о фракийском «чудотворце». Он пространен, поэтому мы приведем выдержки из него: «Замолксис. Скиф, бывший в рабстве у Пифагора (как пишет Геродот в четвертой книге), который, вернувшись на родину, учил, что душа бессмертна... Гелланик же в “Варварских обычаях” говорит, что Замолксис, будучи эллинского происхождения, научил таинствам гетов, что во Фракии; он-де говорил, что ни сам не умрет, ни его последователи, но получат все блага. Так-то говоря, он одновременно сооружал подземное жилище. Затем, внезапно скрывшись от фракийцев, он в нем пребывал. А геты тосковали по нему. На четвертый же год он вновь появляется; и фракийцы ему во всем поверили» (Hellan. *FGrHist*. 4. F73 = Phot. *Lex*. s.v. Ζάμολξις).

Что касается Геродота, то здесь Фотий здесь допускает ошибку: у того Салмоксис (так он фигурирует в «Истории») нигде не назван скифом. Однако, как видим, уже византийцы подметили, что в данном месте у Гелланика речь идет ровно о том же самом, что и в известном геродотовском пассаже (Hdt. IV. 95–96), который признается одним из самых ранних и ценных свидетельств о Пифагоре[72]. Вот тут-то уж налицо самое полное сходство, однако установить, кто кем пользовался – Геродот Геллаником или Гелланик Геродотом,– не представляется возможным[73]. Но то, что имело место заимствование (а не независимое друг от друга появление двух текстов), для нас практически несомненно.

Не можем не отметить также, что в своих поздних работах Гелланик демонстрирует явное знакомство с «Историей» Геродота, даже полемизирует с ней (хотя не называя автора по имени, но это в общем-то норма по тем временам). Здесь мы коснемся другой концепции Ф. Якоби, которую он развил в монографии «Аттида», посвященной складыванию локальной афинской исторической (аттидографической) традиции. В ней он неоднократно совершает экскурсы в историю рода Алкмеонидов[74]. Ключевым для немецкого ученого в данном случае является представление о параллельном существовании в афинской историографии двух направлений – «проалкмеонидовского» (представителем которого

[70] Например, Pearson 1975, 201.
[71] Например, Lendle 1992, 64.
[72] Zhmud’ 2012, 41–42.
[73] Fowler 2013, 683.
[74] Jacoby 1949, 39–41, 158–160, 168, 186–189.

он считает Геродота) и «антиалкмеонидовского» (к нему принадлежал, в частности, и Гелланик как автор первой «Аттиды»).

Например, как считается, к Гелланику (через посредство Гермиппа Александрийского, автора III в. до н.э.) восходит рассказ Плутарха о мятеже Килона 636 г. до н.э.[75] – одно из самых подробных описаний этого события, имевшего к Алкмеонидам самое прямое отношение (Plut. *Sol.* 12). Давно уже замечено, что между основными свидетельствами о «Килоновой смуте» (Геродот, Фукидид, Аристотель в «Афинской политии», Плутарх) имеются расхождения в немаловажных деталях, что обличает полемику между авторами, борьбу традиций. Один из вариантов реконструкции этой борьбы (предложенный Й. Шрайнером) может иметь следующий вид.

Обвинение, предъявлявшееся Алкмеонидам в дни Геродота (в связи с известными нападками на Перикла в конце его политической карьеры), звучало так: они осквернены, поскольку в архонтат представителя этого рода Мегакла Килон и его сторонники были убиты магистратами у статуи Афины на Акрополе. Традиция, оправдывавшая Алкмеонидов, насколько она проявилась у Геродота (V. 71), вносит в эту картину ряд корректив: ответственность за жизнь мятежников взяли на себя некие «пританы навкраров», а не архонт Мегакл, кроме того, «килоновцы» покинули убежище, а значит – богиня не была осквернена.

Гелланик, выступавший с антиалкмеонидовских позиций, опровергает в «Аттиде» сведения о «пританах навкраров» и пытается доказать, что Килон был убит на священной земле Афины (указывая в качестве довода на его статую, поставленную на Акрополе, очевидно, в знак искупления), а другие мятежники – тоже в святом месте, у алтарей Эвменид (где позже существовало святилище Килоний). Фукидид (I. 126), в свою очередь, спорит с Геллаником (а не с Геродотом, как часто считают). Согласно историку Пелопоннесской войны, сам Килон вообще бежал и спасся, в святилище Афины никто убит не был (лишь некоторые мятежники умерли там от голода, т.е. по собственной вине), а большинство «килоновцев» погибло на профанной территории.

Следующим вступает в дискуссию в первой половине IV в. до н.э. аттидограф Клидем, отрицая факт спасения Килона. Тогда в «Аттиде» Андротиона, позитивно настроенного по отношению к Алкмеонидам, возникает эпизод с нитью (который мы впоследствии находим у Плутарха и других поздних авторов[76]), призванный косвенно оправдать Мегакла и хотя бы частично избавить его род от «скверны». Следующий аттидограф, Фанодем, вновь обвиняет Алкмеонидов. В такой-то обстановке появляется «Афинская полития» Аристотеля, автор которой в рассказе о событиях комбинирует проалкмеонидовскую и антиалкмеонидовскую версии при преобладании последней[77].

---

[75] Schreiner 1968, 23–27. В дальнейшем изложении в данной части статьи мы используем выкладки Ф. Якоби и Й. Шрайнера.

[76] «Они (заговорщики. – *И. С.*) привязали к статуе богини нитку и держались за нее. Но когда они, сходя с акрополя, поравнялись с храмом Почтенных богинь, нитка сама собой оборвалась. Мегакл и другие архонты бросились хватать заговорщиков под тем предлогом, что богиня отвергает их мольбу» (Plut. *Sol.* 12; пер. С.И. Соболевского).

[77] Об источниках «Афинской политии» для описания Килонова дела см. Rhodes 1981, 28; Stanton 1991, 23; Chambers 1993.

Разумеется, построения такого рода во многом гипотетичны. Всегда будут выглядеть спорными реконструкции воззрений аттидографов на мятеж Килона: дело в том, что их сообщения об этом событии, к великому сожалению, совершенно не сохранились (хотя в том, что они были, сомневаться не приходится). При определении позиций этих историков Шрайнер исходит из общих соображений, рассуждая примерно следующим образом: Андротион занимал умеренную политическую позицию, был сторонником клисфеновской демократии, а значит, должен был симпатизировать Алкмеонидам; Клидем являлся радикальным демократом и, соответственно, врагом Алкмеонидов, и т.п. По аналогичному пути ранее шел и Якоби. А ведь постулирование политических взглядов того или иного аттидографа само по себе еще нуждается в развернутой аргументации: скудные и разрозненные фрагменты, дошедшие от авторов сочинений по истории Аттики, допускают различную интерпретацию, а не менее скудные сведения об их личностях мало чем помогают[78].

Проалкмеонидовская тенденция Геродота ныне тоже далеко не так очевидна, какой она казалась в середине XX в. Впрочем, мы в данный момент уже не столь скептически, как два десятилетия назад[79], относимся к подобным гипотезам: опыт научил нас тому, что и они могут иметь право на существование. Кроме того, они полезны для понимания, бесспорно, имевшей место жесткой борьбы в афинском общественном мнении, выливавшейся в публицистику и историографию.

В любом случае, повторим, Гелланик в сочинениях последнего периода своего творчества уже совершенно точно использует «Историю» Геродота, что и вовсе не удивительно. Теперь мы как раз переходим к этим его поздним трудам. Таковыми являются те, в которых проявляется наибольший интерес автора к хронологии (третья тематическая группа из трех выделенных выше). Имеются факты, позволяющие ответственно утверждать, что они создавались историком на склоне лет.

Так, в «Жрицах Геры» есть упоминания о событиях 420-х годов до н.э. (например, Hellan. *FGrHist*. 4. F83), что и дает terminus post quem для их написания. Якоби предлагает дату 423 г. до н.э. Это представляется в целом верным. Впрочем, вполне допустимо и то, что Гелланик, опубликовав вначале, так сказать, первое издание «Жриц», впоследствии возвращался к трактату, занося туда с датировками новые события – жизнь-то продолжалась.

Далее, относительно «Аттиды» – труда одновременно хронологического и хорографического – решительно не приходится сомневаться, как мы видели, что он был создан очень поздно, не ранее 407/406 г. до н.э. Дж. Смарт и О. Лендле предлагают считать[80], что «Аттида» была опубликована в 404 г. до н.э., вскоре после окончания Пелопоннесской войны, до которого она доводилась как до исключительно важного события в истории Греции в целом и Афин в частности.

---

[78] Ф. Хардинг, в последние десятилетия наиболее интенсивно в мировом антиковедении занимавшийся аттидографией, по сути всю свою книгу об Андротионе (Harding 1994) посвящает полемике с Якоби и опровержению тезиса, согласно которому политическая тенденция этого греческого писателя (очень умеренные демократические взгляды) постоянно привносилась им в свой трактат.

[79] Surikov 2000, 100.

[80] Smart 1986, 23; Lendle 1992, 63–64.

Труднее всего в этой группе датировать «Карнеоников»: сохранившиеся из них фрагменты буквально единичны и мало что дают. Однако их, безусловно, надлежит ставить в тот же контекст, что и список олимпиоников, составленный софистом Гиппием Элидским. Гелланик повлиял на Гиппия или Гиппий на Гелланика – сказать трудно (логично, конечно, предположить, что список победителей на важнейших панэллинских играх появился раньше, чем аналогичный список для сугубо локального спартанского празднества, но такого рода логические соображения не могут иметь решающей силы); в любом случае перед нами последняя четверть V в. до н.э.

Таким образом, Гелланик принялся за хронологические штудии (по справедливому замечанию А. Мёллер[81]), будучи уже опытнейшим историком, автором многочисленных трудов по генеалогической мифографии, работа над которыми сама по себе должна была выводить его на проблемы хронологии. Мифографы традиционно использовали генеалогическую хронологию[82], в основе которой лежал счет поколений. Чем дальше, тем больше становилась очевидной неудовлетворительность этой системы для тех случаев, когда требовалась хотя бы минимальная четкость датировок. Ситуация усугублялась тем, что и продолжительность поколения как единицы измерения времени разными писателями принималась неодинаковая: то 30 лет, то 40, то 33 (что давало три поколения в веке), то 25 (что давало четыре поколения в веке). Все это хорошо известно.

У нас есть подозрение, что уже в некоторых своих мифографических трудах (видимо, в более поздних из них) Гелланик начал применять свое главное нововведение – использование эпонимной хронологии взамен традиционной генеалогической. Приведем в данной связи интересный фрагмент из сочинения «Троянские дела» (Hellan. *FGrHist*. 4. F152b = Tzetz. *Posthom*. 770–779):

> Это двенадцатый день был месяца фаргелиона...
> Ночь в середине была, луна очень ярко светила...
> Жрицей была тогда Каллисто в преславных Афинах –
> В тот великий, несчастнейший год. В такую-то пору,
> В ночь такую-то, как говорят и лесбосец Гелланик,
> И Дурид вместе с ним, захватили Трою ахейцы.

Здесь перед нами стихотворная парафраза Цеца, но Гелланик писал, естественно, прозой. Главное – в другом: в данном случае Геллаником (вместе с ним Цецем упомянут Дурид Самосский, но это автор более поздний, так что приоритет, конечно, за лесбосцем) предпринята попытка датировать важное историческое событие (падение Трои), опираясь на имя жрицы. Тут она афинская, но точно так же наш автор поступал и потом, взяв за основу перечень уже аргосских жриц. Трактат «Троянские дела» – по содержанию отчасти мифографический, отчасти хорографический. Он, судя по всему, относится к периоду, когда научные интересы Гелланика смещались от мифографии к хорографии, а это происходило, по нашим расчетам, в 450-е годы до н.э. Тогда же вопросы хронологии поднимал в нескольких из своих сочинений и Харон Лампсакский (см. выше).

В настоящей статье мы стремились продемонстрировать, что попытка хронологической систематизации наследия Гелланика имеет смысл и может принести

---

[81] Möller 2007, 255.

[82] О которой см. Prakken 1943.

определенные плоды. В частности, выявилось, что эта хронологическая систематизация, в сущности, совпадает с систематизацией тематической, с пресловутым делением его трудов на три группы. Они создавались лесбосским историком в следующей последовательности: в начале карьеры – мифографические, затем – хорографические, в конце жизни – в основном хронологические.

Если предлагаемая нами схема имеет право на существование, она позволяет высказать некоторые выводы более общего порядка. Творчество долгожителя Гелланика претерпевало вполне четко наметившуюся эволюцию, и в эволюции этой, как в зеркале, отразился общий процесс развития греческого историописания в V в. до н.э.

Процесс, о котором идет речь, прошел три этапа, представленные, соответственно, тремя знаковыми фигурами: Ферекидом Афинским (по 450-е годы до н.э.), Геродотом (по 420-е годы до н.э.), Фукидидом (по рубеж V–IV вв. до н.э.). У первого наблюдаем внимание исключительно к мифографии[83] (что и позволило ему создать, видимо, лучший компендиум на эту тему); интерес к хорографии и вообще к современным или недавним реалиям отсутствует, тем паче интерес к хронологической точности.

С Геродотом ситуация становится совсем иной. Интереса к мифографии у галикарнасца уже практически нет, его труд посвящен близким по времени событиям. Зато чрезвычайно много хорографии: в совокупности она занимает, наверное, около половины геродотовского труда. С другой стороны, в хронологической сфере «отец истории» все еще, как правило, довольствуется генеалогической хронологией с поколенным счетом, что в большинстве случаев исключает точные датировки. Специалистам прекрасно известно, сколько путаницы с хронологией у Геродота[84].

Наконец, Фукидида тоже совсем не привлекает мифография, он пишет только о близких событиях (и в этом отношении следует Геродоту); в то же время совершенно не привлекает его и хорография (и в этом отношении он Геродоту не следует). Еще одна яркая черта его труда – самое пристальное внимание к хронологии, стремление сделать ее максимально точной и конкретной. Фукидида уже не устраивает не только генеалогическая, но и эпонимная хронологическая система, тем временем предложенная Геллаником; он идет дальше – к системе сезонной[85].

И на протяжении всего этого временного отрезка продолжал работать Гелланик. В результате получилось так, что три обозначенные стадии он на протяжении своей жизни прошел индивидуально. Вначале вместе с Ферекидом штудировал древние мифы. Затем вместе с Геродотом описывал различные города, страны, народы. Наконец, вместе с Фукидидом начал вырабатывать инструменты хронологической

---

[83] И это, между прочим, определенный шаг назад для раннеклассического историописания по сравнению с позднеархаическим, с Гекатеем, у которого были, кроме мифографических, также географические интересы.

[84] См. к вопросу хотя бы Struve 1952; Grantovskiy 1998, 189–296; Rhodes 2003.

[85] Ранее мы высказывали предположение (Surikov 2011, 276–278), что, возможно, уже Геродот в самых последних главах своего труда пытался использовать элементы этой системы. Сезонная хронология была удобнее эпонимной, по крайней мере при описании военных действий. Ведь каждая кампания начиналась весной, т.е. в одном архонтском году, а завершалась осенью, т.е. уже в следующем. При изложении событий «по архонтам» рассказ о ней приходилось бы дробить, что, естественно, нарушало бы связность повествования (ср. Thuc. V. 20).

акрибии. Ни на одном из этих поприщ первым он не стал. Однако заслуживает внимания сам факт этого своеобразного развития Гелланика как автора, демонстрирующий его, во всяком случае, недюжинное умение улавливать новые веяния и, следуя им, менять писательскую манеру, идти в ногу со временем.

Литература / References

Asheri, D. 1981: Ellanico, Jacoby e la "tradizione alcmeonida". *Acme* 34/1, 15–31.

Badian, E. 1994: Herodotus on Alexander I of Macedon: A study in some subtle silences. In: S. Hornblower (ed.), *Greek Historiography*. Oxford, 107–130.

Balcer, J.M. 1987: *Herodotus and Bisitun: Problems in Ancient Persian Historiography*. (Historia Einzelschriften, 49). Stuttgart.

Bichler, R. 2001: *Herodots Welt: Der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrer Geschichte*. 2. Aufl. Berlin.

Bravo, B. 2009: *La Chronique d'Apollodore et le Pseudo-Skymnos: Érudition antiquaire et litterature géographique dans la second moitié du IIe siècle av. J.-C.* (Studia Hellenistica, 46). Leuven.

Chambers, M. 1993: Aristotle and his use of sources. In: M. Piérart (éd.), *Aristote et Athènes*. Paris, 39–52.

Develin, R. 2003: *Athenian Officials 684–321 B.C.* Cambridge.

Diels, H. 1876: Chronologische Untersuchungen über Apollodors Chronika. *Rheinisches Museum für Philologie* 31, 1–54.

Dougherty, C. 1993: *The Poetics of Colonization: From City to Text in Archaic Greece*. Oxford–New York.

Fornara, C.W. 1968: Hellanicus and an Alcmaeonid tradition. *Historia* 17/3, 381–383.

Fornara, C.W. 1971: Evidence for the date of Herodotus' publication. *Journal of Hellenic Studies* 91, 25–34.

Fowler, R.L. 2013: *Early Greek Mythography*. Vol. II. *Commentary*. Oxford.

Grantovskiy, E.A. 1998: *Iran i irantsy do Akhemenidov. Osnovnye problemy. Voprosy khronologii* [*Iran and the Iranians Before the Achaemenids. Major Controversies. Chronological Issues*]. Moscow. Грантовский, Э.А. *Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии*. М.

Hammond, N.G.L., Griffith, G.T. 1979: *A History of Macedonia*. Vol. 2. *550–336 B.C.* Oxford.

Harding, P. 1994: *Androtion and the Atthis*. Oxford.

Jacoby, F. 1902: *Apollodors Chronik. Eine Sammlung der Fragmente*. Berlin.

Jacoby, F. 1912: Hellanikos. In: *RE*. Hlbd. 15, 104–153.

Jacoby, F. 1913: Herodotos. In: *RE*. Supplbd. 2, 205–520.

Jacoby, F. 1927: Skamon. In: *RE*. 2. Reihe, Hlbd. 5, 437.

Jacoby, F. 1949: *Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens*. Oxford.

Jacoby, F. 1995: *Die Fragmente der griechischen Historiker (FGrHist)*. Teil 1. *Genealogie und Mythographie*. A. *Vorrede, Text, Addenda, Konkordanz*. Leiden–New York–Köln.

Jennings, V., Katsaros, A. 2007: Introduction. In: V. Jennings, A. Katsaros (eds.), *The World of Ion of Chios*. (Mnemosyne Supplementa, 288). Leiden–Boston, 1–14.

Joyce, C. 1999: Was Hellanikos the first chronicler of Athens? *Histos* 3, 1–17.

Lenardon, R.J. 1981: Thucydides and Hellanikos. In: G.S. Shrimpton, D.J. McCargar (eds.), *Classical Contributions: Studies in Honour of Malcom Francis McGregor*. New York, 59–70.

Lendle, O. 1968: Die Auseinandersetzung des Thukydides mit Hellanikos. In: H. Herter (Hrsg.), *Thukydides*. Darmstadt, 661–682.

Lendle, O. 1992: *Einführung in die griechische Geschichtsschreibung: Von Hekataios bis Zosimos*. Darmstadt.

Luce, T.J. 1997: *The Greek Historians*. London–New York.

Matijašić, I. 2018: *Shaping the Canons of Ancient Greek Historiography: Imitation, Classicism, and Literary Criticism*. Berlin–Boston.

Mehl, A. 2004: Herodotus and Xanthus of Sardis compared. In: V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.), *The World of Herodotus*. Nicosia, 337–348.

Möller, A. 2007: The beginnings of chronography: Hellanicus' *Hiereiai*. In: N. Luraghi (ed.), *The Historian's Craft in the Age of Herodotus*. Oxford, 241–262.

Momigliano, A. 1990: *The Classical Foundations of Modern Historiography*. Berkeley.

Mosshammer, A.A. 1973: The Apollodoran *akmai* of Hellanicus and Herodotus. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 14/1, 5–13.
Munson, R.V. 2007: The trouble with the Ionians: Herodotus and the beginning of the Ionian revolt (5. 28–38. 1). In: E. Irwin, E. Greenwood (eds.), *Reading Herodotus: A Study of the Logoi in Book 5 of Herodotus' Histories.* Cambridge, 146–167.
Myres, J.L. 1953: *Herodotus, Father of History*. Oxford.
Nicolai, R. 2006: Thucydides continued. In: A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.), *Brill's Companion to Thucydides.* Leiden–Boston, 693–719.
Pape, W. 1911: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen. 3. Aufl., neu bearbeitet von G.E. Benseler.* Heft 2. *Λ – Ω.* Braunschweig.
Pearson, L. 1975: *Early Ionian Historians.* Westport.
Pelling, C. 2007: Aristagoras (5. 49–55, 97). In: E. Irwin, E. Greenwood (eds.), *Reading Herodotus: A Study of the Logoi in Book 5 of Herodotus' Histories.* Cambridge, 179–201.
Pitcher, L. 2009: *Writing Ancient History: An Introduction to Classical Historiography.* London–New York.
Prakken, D.W. 1943: *Studies in Greek Genealogical Chronology.* Lancaster.
Rhodes, P.J. 1981: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia.* Oxford.
Rhodes, P.J. 2003: Herodotean chronology revisited. In: P. Derow, R. Parker (eds.), *Herodotus and his World: Essays from a Conference in Memory of George Forrest.* Oxford, 58–72.
Rohde, E. 1901: *Kleine Schriften.* Bd. 1. Tübingen–Leipzig.
Roisman, J. 2010: Classical Macedonia to Perdiccas III. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia.* Oxford, 145–165.
Ruschenbusch, E. 2003: Was Hellanikos the first chronicler of Athens? *Klio* 85/1, 7–8.
Sammartano, R. 1998: *Origines Gentium Siciliae: Ellanico, Antioco, Tucidide.* Roma.
Scanlon, T.F. 2015: *Greek Historiography.* Chichester–Oxford–Malden (MA).
Schreiner, J.H. 1968: *Aristotle and Perikles: A Study in Historiography.* Oslo.
Schreiner, J.H. 1997: *Hellanikos, Thukydides and the Era of Kimon.* Aarhus.
Smart, J.D. 1986: Thucydides and Hellanicus. In: I.S. Moxon, J.D. Smart, A.J. Woodman (eds.), *Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing.* Cambridge–New York, 19–35.
Sprawski, S. 2010: The early Temenid kings to Alexander I. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia.* Oxford, 127–144.
Stanton, G.R. 1991: *Athenian Politics c. 800–500 B.C.: A Sourcebook.* London–New York.
Struve, V.V. 1952: [The chronology of the 6th cent. B.C. in Herodotus' work]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 60–78.
Струве, В.В. Хронология VI в. до н.э. в труде Геродота. *ВДИ* 2, 60–78.
Surikov, I.E. 2000: *Iz istorii grecheskoy aristokratii pozdnearkhaicheskoy i ranneklassicheskoy epokh: Rod Alkmeonidov v politicheskoy zhizni Afin VII–V vv. do n.e.* [*From the History of Greek Aristocracy of the Late Archaic and Early Classical Periods: The Alcmaeonidae Family in Athens' Political Life of the 7th–5th Cent. B.C.*]. Moscow.
Суриков, И.Е. *Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э.* М.
Surikov, I.E. 2009: *Gerodot* [*Herodotus*]. Moscow.
Суриков, И.Е. *Геродот.* М.
Surikov, I.E. 2011: *Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii* [*Essays in Historiography in Classical Greece*]. Moscow.
Суриков, И.Е. *Очерки об историописании в классической Греции.* М.
Surikov, I.E. 2019: [Pherecydes of Athens as a representative of the "pre-Herodotean" stage in ancient Greek historical writing]. *Aristey. Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii* [*Aristeas. Philologia Classica et Historia Antiqua*] 20, 114–142.
Суриков, И.Е. Ферекид Афинский – представитель «догеродотовского» этапа античного греческого историописания. *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории* 20, 114–142.
Thomas, R. 2000: *Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion.* Cambridge.
Thomas, O.R.H. 2007: Charting the Atlantic with Hesiod and Hellanicus. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 160, 15–23.
Vasilev, M.I. 2016: The date of Herodotus' visit to Macedonia. *Ancient West and East* 15, 31–51.
Zhmud', L. Ya. 2012: *Pifagor i rannie pifagoreytsy* [*Pythagoras and Early Pythagoreans*]. Moscow.
Жмудь, Л.Я. *Пифагор и ранние пифагорейцы.* М.

Vestnik drevney istorii
81/4 (2021), 863–889
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/4 (2021), 863–889
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910012736-2

GOLDEN FACE COVERS FROM THE NORTH PONTIC REGION: ANALYSIS OF THE ARCHAEOLOGICAL MATERIAL

Joanna Porucznik

University of Opole, Opole, Poland

E-mail: joanna.porucznik@uni.opole.pl

ORCID: 0000-0002-6016-0538

This paper discusses golden covers that appear in funerary contexts concerning both Greek and non-Greek elites during the Late Hellenistic and Roman periods in the North Pontic region. The symbolic meaning behind this cultural trend and how it spread appears to be complex and multi-layered, as it seems to have been intertwined with the regional elite network that allowed for cultural emulation and the use of covers to become more popular and widespread. This study aims to gather and analyse the published archaeological material that relates to this subject. The focus is placed on the specific context in which the material has been found and its often-difficult chronology. Aspects such as the gender and age of the deceased who were equipped with gold covers is also taken into consideration in this study, in order to better understand the relationship between status and a given social role applied by ancient society. A possible direction in which this mortuary custom spread is discussed in relation to the opposition: *polis* – steppe/non-Greek world, which reveals that cultural trends among elites may have originated in a non-Greek environment.

Keywords: North Pontic region, elites, funerary rites, gold

Author. Joanna Porucznik – PhD, Assistant Professor in the Department of History at the University of Opole, Poland.

This research was supported by the National Science Centre, Poland, within the grant "The process of creating cultural identity in the North Pontic region in antiquity – the Greek polis and rural territories", project no. UMO-2015/17/N/HS3/02855. I would like to express my gratitude to Valentina Mordvintseva, Nicholas Sekunda and Lee Richards for their help and for providing me with literature that was useful to my research. I would also like to thank the anonymous reviewers for their helpful comments with regard to previous versions of this article. Any shortcomings remain my own responsibility.

ЗОЛОТЫЕ ЛИЦЕВЫЕ ПЛАСТИНЫ ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Й. Поручник

Опольский университет, Ополе, Польша

E-mail: joanna.porucznik@uni.opole.pl

В статье обсуждаются золотые пластины, которые появляются в погребениях как греческой, так и негреческой элиты в позднеэллинистический и римский периоды на территории Северного Причерноморья. Символическое значение этой культурной тенденции и то, как она распространяется, представляются сложными и многослойными, поскольку эти явления, видимо, были вплетены в региональную сеть взаимодействия элит, что способствовало культурному подражанию и популяризации использования лицевых пластин. Цель данного исследования – сбор и анализ опубликованных археологических материалов, относящихся к этой теме, причем основное внимание уделяется конкретному контексту находок материала и его часто сложной хронологии. Такие аспекты, как пол и возраст погребенных, на которых были обнаружены золотые пластины, также учитываются, что позволяет лучше понять взаимосвязь между статусом и конкретной социальной ролью усопшего. Возможное направление распространения этого погребального обычая обсуждается в связи с оппозицией «полис – степной/негреческий мир», и автор приходит к выводу, что культурные тенденции среди элит могли возникать и в негреческой среде.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, элиты, погребальные обряды, золото

Golden funerary face covers have been found both in Greek and non-Greek cultural milieus in places such as Scythian Neapolis and Chersonesus, sites in the South-West Crimea such as "Sovkhoz 10" necropolis, the kurgan near Magarach farm, Zavetnoe, Chyornaya Rechka, Ust'-Al'ma, Opushki, Kul'chuk in the North-West Crimea, and also at Gorgippia, Phanagoria, Kytaion, Baturinskaya and Stanitsa Yaroslavskaya in Kuban, as well as the settlement at Kam'yanka (in Russian literature known as Kamenka or Kamenskoye gorodishche) and finally, the city of Olbia (see Table and fig. 1 and 2)[1]. They were in use roughly from the 2nd century BC until the 3rd century AD and, as a rule, they appear in graves associated with the high social strata of the local population. The tradition of covering the faces of the dead with golden covers has been attested in various regions (such as Asia Minor, Egypt and the Near East) throughout many centuries and appears to be cross-cultural[2]. In many cultures

[1] Pogrebova 1957, 148, n. 1 also mentions Panticapaeum as one of the places where such face covers have been found; she refers to Chuistova's article in a local Crimean newspaper: Chuistova 1952 (*non vidi*); the site is not discussed in this paper due to the lack of more detailed information as to the character of the finds and the place of their discovery. See also Zaytsev 2004b, 49.

[2] This includes Asia Minor, Egypt and Near East (Pogrebova 1957, 149–152; see the catalogue in Quast 2014, 292–297).

such a tradition appeared independently[3]. Consequently, drawing conclusions based on a wide diachronic and cross-regional perspective does not seem useful. Therefore, this paper aims to investigate these funerary objects from a local Black Sea perspective, which allows the focus to be placed on the distinctive local character of this funerary practice and its multiple cultural, social and religious meanings.

The covers and their possible symbolic meaning have been the subject of examination on several occasions, especially in connection with funeral assemblages from Chersonesus and Scythian Neapolis, where face covers have been discovered in larger quantities than at other sites[4]. Interpretations that have often come up in previous research suggest a possible apotropaic function of the covers. This interpretation is often based on Fodor's ethnographic research regarding the use of funerary face covers and masks by the ancient Hungarians during the 10th century[5]. According to Fodor, covering the face protected both the living (from interference by the dead) and the deceased (from evil spirits)[6]. This, however, is not the only possible interpretation of this funerary custom. As will be discussed later, comprehensive and comparative analyses of the graves in which the face covers were found have led to new observations which have gone far beyond the simplistic interpretation that face covers were associated with fear of/for the dead. The examination of new material, discovered during archaeological excavations carried out during the last few decades, may help to further our understanding of this

[3] As noticed e.g. by Shul'ts 1953, 63 n. 48.

[4] Pyatysheva 1956; Pogrebova 1957; 1961, 108–110; Zubar' 1982, 110–113; Zhuravlev, Novikova, Shemakhanskaya 2017; Zhuravlev, Novikova, Kovalenko, Shemakhanskaya 2017, 18–25 (cat. 29–41).

[5] See Zubar' 1982, 111; Fodor 1972.

[6] Fodor 1972, 172. Similar interpretations were also put forward by Oreshnikov 1894, 7–8 who mentions the apotropaic function of the covers, and Litvinskiy 1972, 141 who argues that a fear of the dead was the main reason behind this practice. See also Pogrebova 1957, 149; Rieth 1973, 29–30. It has to be pointed out that there is no good reason to interpret North Pontic face covers as a cheaper substitute of golden funeral masks as has often been argued (Oreshnikov 1894, 8; Shul'ts 1953, 63, n. 48; Zubar' 1982, 110–111; Zubar', Meshcheryakov 1983, 109–110; Papanova 2000, 124; 2006, 204–207; see also Kuftin 1941, 39, and Fodor 1972, 172–173 who argues that face covers and funeral masks bore exactly the same symbolic meaning). Golden funeral masks appeared in the northern Black Sea region later than face covers and in fact, it would be more convincing to interpret them as a more elaborate and more luxurious version of face covers. At any rate, it should not be ruled out that the masks bore a different symbolic and/or religious meaning than face covers and therefore, they should be examined separately (see Zaytsev 2004b, 49). There are three golden funeral masks known from the northern Black Sea region. The first mask, which has been lost, was discovered in a grave complex that included cremations at the necropolis of Olbia; the second, now kept in the Hermitage (Inv. no. Ol. 21), comes from a stone tomb located in a kurgan near Olbia and dates to the 2nd/3rd c. AD (Rusyaeva 1992, 180, fig. 2; Papanova 2006, 205; Butyagin 2009a, 172); it should be noted that this mask has a Sarmatian tamga carved on it, which suggests that it can be associated with a Sarmatian cultural milieu; the third and most famous mask comes from the Bosporus and dates to the 3rd c. AD (Butyagin 2009a).

particular funerary rite, especially with regards to the gender, age, social status and cultural background of the deceased[7].

The aim of this study is to gather and examine the archaeological material from northern Black Sea necropoleis, with special focus being placed on the chronological timeframe and the archaeological context in which golden face covers have been recorded. Several theories explaining the use of face covers will be touched upon, which will bring attention to the social and religious context of this funerary custom among North Pontic elites (belonging to both Greek and non-Greek cultural milieus), and to cultural contacts and emulation between elite families[8]. Multi-layered and overlapping meanings behind burial rites will also be discussed, concentrating on the diversity of cultural and social contexts in which funerary practices should be interpreted. Additionally, the importance of the use of gold in religious symbolism in funerary contexts will addressed, in order to demonstrate the spiritual meaning of gold in mortuary rituals.

The catalogue of finds that accompanies this paper presents the chronological and geographical distribution of golden face covers discussed in the text (Table)[9]. It also provides references to the most important publications and, wherever possible, high quality illustrations. Plates 1 and 2 offer a reproduction of drawings and photographs published in the Soviet Union, access to which may be limited to non-Russian and non-Ukrainian readers. It is hoped that further archaeological excavations, especially at places such as Ust'-Al'ma, will provide further material that will broaden both the catalogue and our knowledge of northern Black Sea societies.

The earliest face covers were found in Scythian Neapolis (Table, no. 1) and are dated to between the end of the 2nd and the early 1st century AD. They were discovered in the city's Mausoleum in graves associated with the wealthiest members of the city, who were more than likely part of the local aristocracy. Most of the covers were found near the head of the buried individuals. A full set of eye and mouth covers was found in the following three graves: grave IX (skeleton no. 72; Plate 1, *7*), family grave III (skeleton no. 5; Plate 1, *1*) and child grave XIX (skeleton no. 24; Plate 1, *2*). In collective grave II (skeletons no. 30 (Plate 1, *5*) and 52), child grave XI (skeleton no. 9; Plate 1, *4*) and grave VI (skeleton no. 3; Plate 1, *6*) only eye covers were found. In six graves (I (skeleton no. 23), X (skeleton no. 53 or 54), XII, XIII (skeleton no. 56), XXIX (skeleton no. 10) and XXXII (skeleton no. 16)) only single eye or mouth covers or their fragments were found[10].

In most cases in which covers were found *in situ* (i.e. near the head), they are associated with male or child burials[11]. Remarkably, in both of the double child burials in the Mau-

[7] See especially the volumes on the settlement and the necropolis of Ust'-Al'ma: Puzdrovskii, Trufanov 2016; 2017a; 2017b.

[8] Notably, the question of the elite network and cultural transformations among non-Greek Crimean elites has thoroughly been discussed by Mordvintseva 2017, who has analyzed funerary complexes looking for the so-called prestige objects that were used to manifest power and status and reflected a given socio-political structure in the region.

[9] A valuable (though incomplete) catalogue of finds of golden face covers and funeral masks from the Black Sea region (as well as from the Middle East and the Eastern Mediterranean) is provided by Quast 2014, 292–302.

[10] Pogrebova 1957, 142; 1961, 108–110.

[11] Pogrebova 1957, 146; 1961, 108 argues that the deceased children were therefore also males.

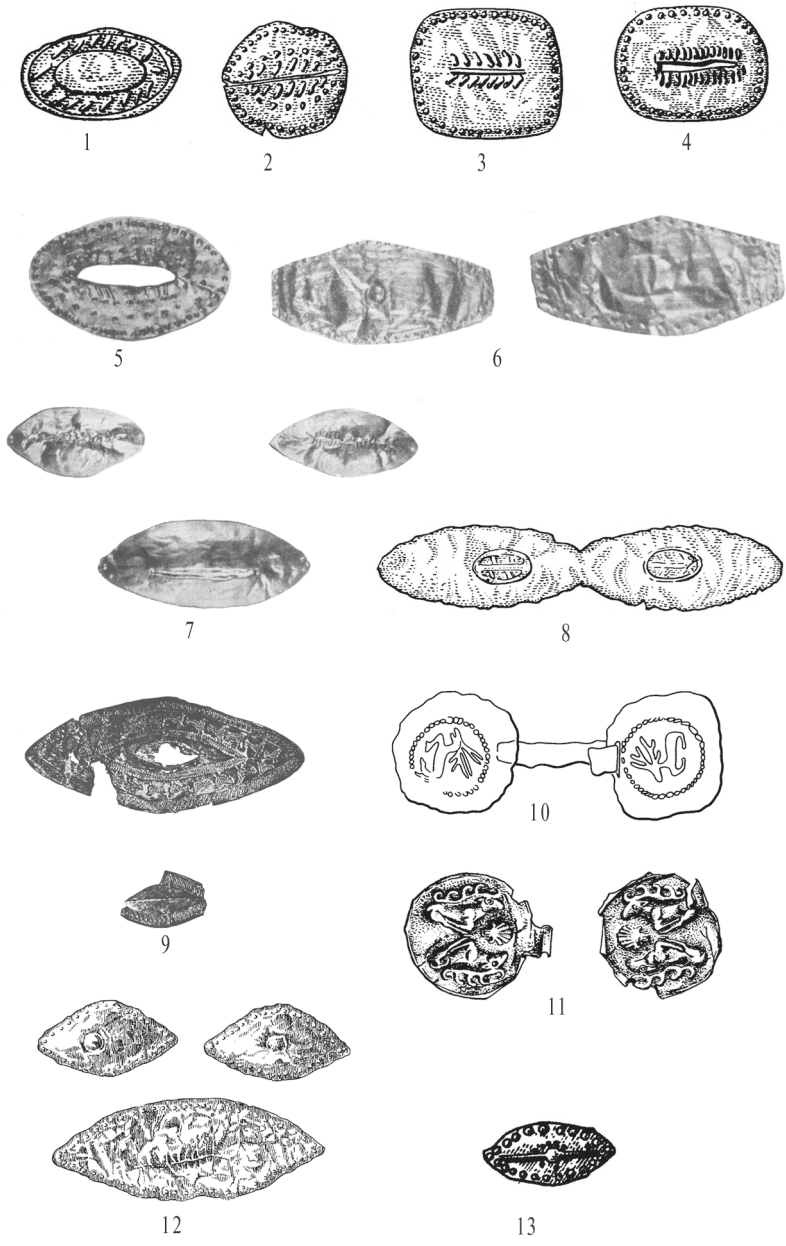


Plate 1. Face covers from Georgia, Kuban and the North Pontic region. No scale. *1–7*. Mausoleum of Scythian Neapolis: *1* – Grave III; *2* – Grave XIX; *3–4* – Grave XI (after Dashevskaya 1991, tab. 66, *2–5*); 5 – Grave II (after Pogrebova 1961, fig. 12, *12*); *6* – Grave VI (after Pogrebova 1961, fig. 17, *8–9*); *7* – Grave IX (after Pogrebova 1961, fig. 19, *4*). *8* – Necropolis of Scythian Neapolis (Dashevskaya 1991, tab. 66, *13*); *9* – Trialeti (after Kuftin 1941, pl. IX); *10* – Stanitsa Yaroslavskaya (after Chernopitskiy 1985, fig. 4); *11* – Baturinskaya 1 (after Chernopitskiy 1985, fig. 2); *12* – Kam'yanka (Kamenka) (after Pogrebova 1956, fig. 42); *13* – Necropolis of Belyaus (bronze; after Dashevskaya 1991, tab. 66, *1*)

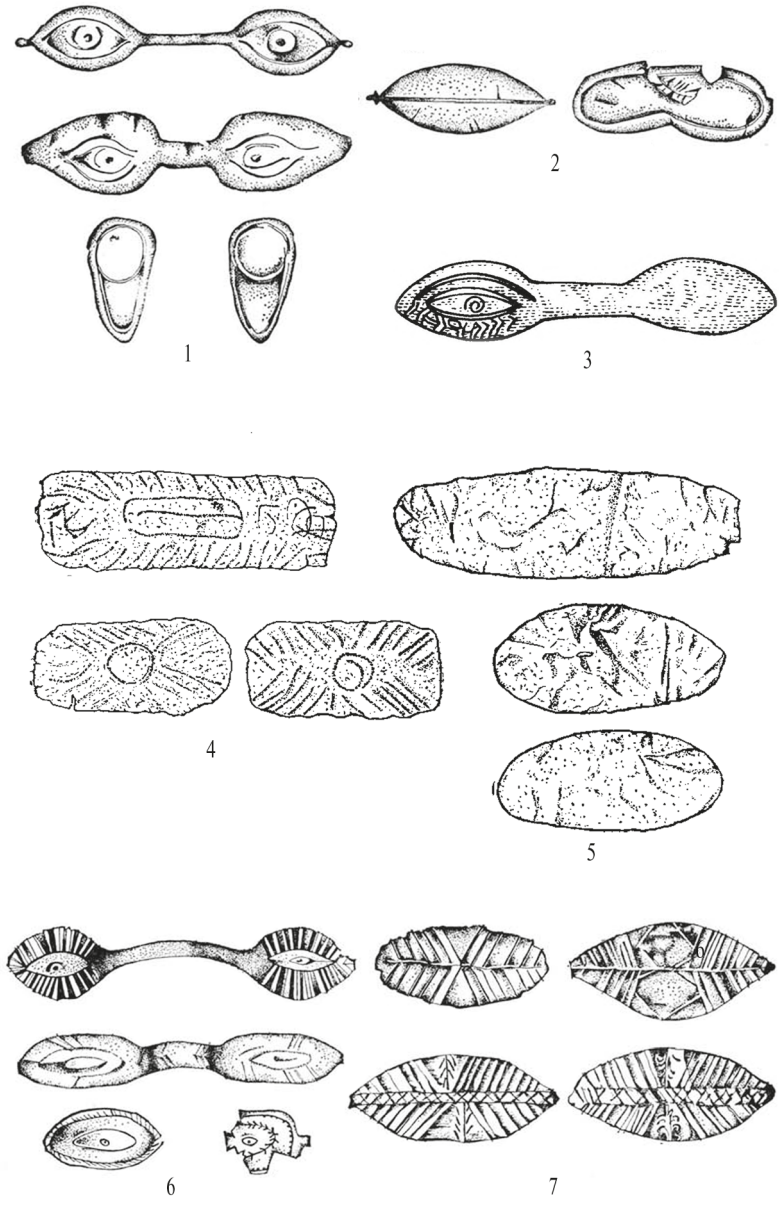


Plate 2. Face covers from the North Pontic region. No scale. *1–2* – Olbia (after Zubar' 1982, fig. 75, *12–17*); *3* – Chyornaya Rechka (after Dashevskaya 1991, tab. 66, *14*); *4–5* – Zavetnoe (after Bogdanova 1963, fig. 5); *6–7* – Chersonesus (after Zubar' 1982, fig. 75, *1–8*)

soleum (graves XI and XIX) only one child was equipped with golden covers[12], which was perhaps associated with the child's gender. In grave X, a fragment from an eye cover was found near the skulls of a female skeleton (no. 53) and a child skeleton (no. 54)[13]. In this case the cover should most probably be associated with the deceased child rather than the female. Another such case is grave XIII in which an eye cover was found between the legs of a female skeleton (no. 56), in an area where the remains of a child skeleton (no. 64) also appeared[14]. The presence of the face covers in adult male burials in the Mausoleum suggests that the covers may have been used to indicate the male identity of members of the city's high social strata. Consequently, face covers found in child burials may demonstrate that in this cultural milieu such a male identity could have been imposed upon deceased underage individuals, rather than be acquired by them during their lives.

The Mausoleum functioned as an elite necropolis between the last quarter of the 2nd and throughout the 1st century BC[15]. Pogrebova rightly noticed that the stratigraphy and assemblages of the graves that included face covers indicate that most of them belonged to the Mausoleum's earliest burials[16]. Therefore, when the Mausoleum served as an elite necropolis, the newest burials containing face covers should be dated no later than the early 1st c. AD[17]. As Mordvintseva points out, graves situated in the upper archaeological layers of the Mausoleum that date to the late 1st c. BC – early 1st c. AD are as a rule poorly equipped and do not bear any markers of prestige. This seems to reflect a change in the socio-political structure of the region during that time[18]. Consequently, during the next few decades, an important transformation in the non-Greek elite's self-representation is visible. During the 1st and 2nd centuries AD some cemeteries (which included previously existing sites such as those at Scythian Neapolis and Ust'-Al'ma as well as new sites such as Zavetnoe and Vilino) started to resemble elite necropoleis. This in turn suggests that there was more than one non-Greek centre of power in the region at the time, in contrast to the previous period when Scythian Neapolis seems to have been the only non-Greek centre of political power in the Crimea[19].

---

[12] Pogrebova 1957, 143; notably, in grave III Pogrebova attributes the mouth cover to skeleton 24 (arguing that this skeleton's assemblage was richer), even though the cover was found near the skull of skeleton 28 (see Pogrebova 1961, 204).

[13] Pogrebova 1961, 197.

[14] Pogrebova 1961, 200–201.

[15] Zaytsev 2004a, 20 and Appendix 2; Mordvintseva 2017, 192–193.

[16] Pogrebova 1957, 142.

[17] Shul'ts 1953, 84–85 dates the burials as follows: grave II – end of 2nd c. BC; grave III – end of 2nd c. BC; grave VI – end of 2nd-1st c. BC; grave IX – end of 2nd-1st c. BC; grave XI – 1st c. BC; grave XIII – end of 2nd–1st c. BC; grave XIX – 1st c. BC; grave XXIX – 1st c. BC/1st c. AD. However, Pogrebova's dates seem more accurate: grave I end of 2nd – beginning of 1st c. BC; grave II – end of 2nd – beginning of 1st c. BC; grave III – end of 2nd c. BC – beginning of 1st c. BC; grave VI – end of 2nd – beginning of 1st c. BC; grave IX – 1st c. BC; grave XI – 1st c. BC; grave XII – 1st c. BC; grave XIII – end of 2nd – beginning of 1st c. BC; grave XIX – 1st c. BC; grave XXIX – end of 1st c. BC – beginning of 1st c. AD; grave XXXII – 1st c. BC (Pogrebova 1961, 189–210).

[18] Mordvintseva 2017, 193.

[19] Mordvintseva 2017, 194.

Funeral golden face covers continued to appear in 1st/2nd century AD burials in the Eastern necropolis of Scythian Neapolis. A double eye cover was found in a catacomb (grave no. 79) that contained 27 burials, including males, females and children (Plate 1, *8*). Unfortunately, the poor state of preservation (due to robbery) does not allow the cover to be associated with a particular skeleton. The rich assemblage found in the grave suggests that the deceased were among the wealthier members of the city's society[20]. The grave dates to the 1st/2nd century AD[21]. Zaytsev also mentions a single cover that was discovered at the necropolis, however further details are not provided[22].

As Pogrebova pointed out, there are different stylistic types of covers and it is impossible to detect any stylistic evolution, since all of them date to the same period[23]. It can be noticed, however, that several covers imitate the actual image of eyes and lips[24], whereas others represent them only schematically[25]. Moreover, some covers do not bear any signs of facial features at all[26]. It has also been pointed out that there are no identical covers, even within the same grave[27]. Both the stylistic uniqueness of the face covers and the fact that they were made of pieces of very thin gold foil (which is especially visible in child grave XIX; Plate 1, *2*) point to the fact that they were made individually and were specifically used for funerary purposes.

Notably, there are no known earlier analogies form other Greek or Scythian necropoleis of the northern Black Sea region. It seems that the tradition of using golden face covers was a new cultural phenomenon that appeared in this region in the 2nd century BC and was present until the 3rd/4th century AD, as will be demonstrated later in this paper. As is often pointed out, face covers have also been found in Georgia and they are contemporary to the covers recorded in Scythian Neapolis, which may provide suggestions as to the origin of this tradition. The finds from Georgia were accidentally discovered in 1940 by local farmers who during their work, uncovered a partly preserved grave located close to the Algeti River near the village of Tsintskaro. They informed Kuftin who during that time was carrying out excavations nearby in Trialeti[28]. The rich funerary assemblage included one eye cover (the other eye cover was not preserved) and a mouth cover made of electrum and decorated with representations of birds (Table, no. 2; Plate 1, *9*)[29]. The mouth cover has two little hoops that were probably used to attach the cover to the

[20] *N.b.*: separate 'elite necropolis' emerged in the middle of the 2nd c. AD in the former Southern Palace (Mordvintseva 2017, 194–195; Zaytsev 2004a, 73 fig. 13).

[21] Symonovich 1983, 52–54; pl. XLV, *27*; first published by O.A. Makhneva in 1967 (Makhneva 1967).

[22] Zaytsev 2004b, 48.

[23] Pogrebova 1957, 146.

[24] For example, eye covers from grave III (Plate 1, *1*; for the assemblage from the grave, see Shul'ts 1953, 49); IX (Plate 1, *7*) and a mouth cover from grave IX (Plate 1, *7*; for the assemblage from the grave, see Shul'ts 1953, pl. XXVII).

[25] Mouth covers from graves III, XIX; eye covers from graves XI (Plate 1, *3–4*), XXIX, XIX (Plate 1, *2*) (see Shul'ts 1953, pl. XXVIII), II (skeleton 30).

[26] Eye covers form graves VI (Plate 1, *6*), II (skeleton 52) and a mouth cover from grave XII.

[27] Pogrebova 1957, 146; e.g. grave II represents two different types of eye covers; see Shul'ts 1953, pl. XXIX.

[28] Kuftin 1941, 34.

[29] Kuftin 1941, 251 pl. IX.

Fig. 1. Distribution of golden face covers, 1st–4th c. AD: *1* – Olbia; *2* – Gorgippia; *3* – Chyornaya Rechka; *4* – Zavetnoye; *5* – Ust'-Al'ma; *6* – Sovkhoz; *7* – Chersonesus; *8* – Kyz-Aul; *9* – Phanagoria

face. However, the original location of the covers is unknown since the skeletons of the deceased that they accompanied were not preserved in the grave. Apart from precious jewellery, silver pottery and a bronze tripod, two golden plates adorned with the representation of the head of a goddess (most probably of a chthonic aspect, associated with the cult of the dead) were also found in the grave[30]. Kuftin argues that the covers bear a representation of closed eyes and a closed mouth and therefore, they should be associated with the idea of closing the eyes and mouth of the dead[31]. The grave was dated by Kuftin to the Achaemenid period. However, according to Pogrebova, the assemblage should be dated to the Late Hellenistic period[32].

Another important find is a golden double eye cover that was made from two pieces of gold foil attached to each other. It was found in a rich burial in Ostryy kurgan at Stanitsa Yaroslavskaya in Kuban (Table, no. 3; Plate 1, *10*). Both parts of the eye cover are decorated with a relief representing a deer[33]. The kurgan included two individuals (who were most probably dressed in shirts made of mail armour) buried on their backs with their heads facing west, whose grave goods included objects such as vessels made from silver, bronze and glass, an iron knife, amulets, a gold plaque and bracelets, a mirror, a bronze cauldron and a stone axe, the last two items being prestigious symbols of cult

[30] Kuftin 1941, 34–38 and pl. IX–XII bis.
[31] Kuftin 1941, 39.
[32] Pogrebova 1957, 146.
[33] *OAK* 1896 (1898), 58, fig. 283. Gushchina, Zasetskaya 1989, 128, tabl. 1.20.

and power[34]. The eye cover belonged to the individual buried in the southern part of the chamber and was found near their legs[35]. The burial was initially dated to the 2nd/1st century BC[36]. However, several objects that accompanied the burial seem to be of a much later date, for example a gold bell and the silver handles of a vessel[37]. With this in mind, revised dates of the burial vary from the 1st century BC to the first half of the 1st century AD[38].

A similar golden double eye cover was discovered in Grave 1 of Kurgan 15 at the kurgan complex of Baturinskaya 1 in Kuban, associated by Chernopitskiy with the local Sauromatian population (Table, no. 4; Plate 1, *11*). The assemblage from the burial dates to between the 4th and 1st centuries BC. Similarly to the find from Stanitsa Yaroslavskaya, the cover is decorated with a relief representing deer[39]. The cover has been preserved in two pieces but the remaining gold band suggests that it was initially used to connect two parts in the same manner as the cover from Stanitsa Yaroslavskaya. The distinctive assemblage that accompanied the dead body, which included a ritual stone plate, the bones of a ram, an astragal and pieces of realgar, indicates that the burial may have belonged to a person associated with cultic activity, whom Chernopitskiy conventionally terms a "priestess". The deceased was placed on their side with their legs slightly bent. One part of the cover was found near the left temporal bone, whereas the other part was found near the right ulna. The stylistic resemblance of the eye covers and funerary rites, as well as similar "archaic type" funeral assemblages from Stanitsa Yaroslavskaya and Baturinskaya 1 has been pointed out by Chernopitskiy, who suggests that such an archaizing trend could have been in fashion among the local conservative society in the territory of Kuban during the Late Hellenistic period[40].

It should not be excluded that the custom of placing gold face covers in burials of individuals who held special positions in society (be it an elite rank or a cultic-magic status), that became popular among non-Greek societies in the Late Hellenistic period in the territory of Georgia and Kuban, was appropriated by Scythian Neapolis' elite. The stylistic nature of the face covers discovered in Scythian Neapolis indicate that they developed independently from their eastern "prototypes", perhaps representing different beliefs behind the use of face covers during the funerary ceremony. As mentioned above, the covers either imitate the image of eyes and lips or they represent them schematically, whereas the covers from Georgia and Kuban are adorned with animals. Notably, several mouth and eye

---

[34] Gushchina, Zasetskaya 1989, 81–82; for a catalogue of the assemblage and a description of the Ostryy kurgan, based on the excavations carried out by N.I. Veselovskiy in 1896, see Gushchina, Zasetskaya 1989, 91–96; 123–124 and pl. 1–2. Interestingly, a similar stone axe, which was a symbol of a high social position, has been found in another kurgan in this region in a female grave, namely the Khatazhukayevskiy kurgan (ibid. 1989, 82).

[35] According to Veselovskiy, they could have accidentally been moved during the excavation (Gushchina, Zasetskaya 1989, 124). However, it should not be ruled out that the funerary rite did not include placing the covers on the face of the deceased.

[36] Pogrebova 1957, 147.

[37] Gushchina, Zasetskaya 1989, 93, № 7 and 8 (see tabl. 1.7 and 1.8); the bell is dated by the authors to the 1st-2nd c. AD, whereas the handles are dated to the 1st c. BC – 1st c. AD.

[38] 1st c. BC – 1st c. AD (after Quast 2014, 272); 1st half of 1st c. AD (after Trufanov, Mordvitseva 2017, 56).

[39] Chernopitskiy 1985, 252–253, fig. 2.

[40] Chernopiskiy 1985, 252–254.

Fig. 2. Distribution of golden face covers, 3rd/2nd–1st c. BC: *1* – Scythian Neapolis; *2* – Trialeti; *3* – Stanitsa Yaroslavskaya; *4* – Baturinskaya; *5* – Kam'yanka (Kamenka); *6* – Opushki; *7* – Kul'chuk

covers from Scythian Neapolis come complete with either holes (as if the mouth/eye was open) or a thin cut, around which eye lashes or lines imitating wrinkled lips are carved[41].

Another, perhaps more convincing opinion concerning the possible direction of the stylistic influence has been put forward by Zaytsev, who points out the similarity between several face covers from Scythian Neapolis (and also from Belyaus[42]) and Celtic shields (see Plate 1, *1* and *13*) [43]. An elite network already existed between the Crimea and the La Tène culture in the 3rd century BC[44] and it should not be ruled out that stylistic emulation was possible. More importantly, there are ritual objects known from Celtic-Roman sanctuaries located in modern North-East France that stylistically resemble North Pontic face covers and are contemporary with them[45]. These objects, however, were not used in a funerary context. What might have given a new ritual meaning to face covers in the northern Black Sea region was the new socio-cultural context in which they started to be used. Gold face covers seem to have been known in Greek culture and were connected with the ritual of

[41] E.g. eye and mouth covers from grave IX (skeleton 72; Plate 2, *1*), a mouth/eye cover from grave XXIX (skeleton 10), and eye covers from graves XIX (Plate 1, *2*), XI (skeleton 9) (Plate 1, *3–4*), II (skeleton 30; Plate 1, *5*), and XIII; Shul'ts 1953, 84–85, pl. XXIX. The lines carved on the covers may give the impression that the eyes and lips are sewn, however this seems improbable due to the cuts and holes. Alternatively, one can argue that the cuts and lines were to remain deliberately ambiguous.

[42] For Belyaus, see n. 59 below.

[43] Zaytsev 2018, 316 and fig. 23; see Mordvintseva 2017, 199 for further discussion.

[44] Mordvintseva 2017, 202–203.

[45] Similar objects have also been recorded in North Italy; see Mordvintseva 2017, 199 and n. 80 and 81 with further literature.

prothesis[46]. As Mordvintseva points out in her analysis of funeral assemblages, the 2nd century BC was the time when the non-Greek Crimean elite appropriated features of the Hellenistic culture; this may have provided the impetus to introduce a new element to the funeral ceremony, which could at the same time be used to express power and social status[47].

It seems probable that the trend of using face covers spread from Scythian Neapolis to other North Pontic regions such as the Scythian settlement of Kam'yanka (Kamenka) in the Lower Dnieper region, non-Greek settlements in the Crimea (attested by finds from the necropoleis in Opushki and Kul'chuk and the kurgan near Vilino; Table, no. 6–8) and the Greek city of Chersonesus (Table, no. 15). The finds from Kam'yanka include a pair of eye covers and a mouth cover which were found accidentally by a local farmer who was digging out clay (Table, no. 5; Plate 1, *12*). As it turned out, the covers belonged to a rich catacomb burial situated on the slope of the ancient settlement's western rampart that lay on the farmer's property[48]. The burial dates to the 2nd century BC. It is noticeable that the covers from Kam'yanka stylistically resemble those from Scythian Neapolis and are contemporary with them. The decoration on the eye covers imitate pupils and are similar to the eye cover in grave VI (skeleton 3) in Scythian Neapolis, whereas the carved lines on the mouth cover resemble the imitation of a wrinkled mouth that was carved on mouth covers in Scythian Neapolis. Interestingly, the mouth cover from Kam'yanka gives the strong impression that the mouth was sewn, not wrinkled, which may point to a new meaning behind the use of the cover, connected to the idea of closing the mouth of the dead. More importantly, if one looks at the local landscape and the architecture of the settlement, the burial is situated in a special place, similar to the Mausoleum in Scythian Neapolis. Namely, the catacomb lies close to the settlement's walls and most probably, close to the main gate[49], analogically to the Mausoleum which was situated near to the southern defensive wall and the central gate[50]. Also, as pointed out by Pogrebova, the assemblage of the burial (pottery, beads and the golden covers) resembles the assemblage found in the Mausoleum of Scythian Neapolis. Therefore, it seems probable that the elites of Kamenskoe gorodishche, which was in the past perceived as the Scythian capital, followed the same fashion trends as the elites from the new political and cultural capital of Scythian Neapolis[51].

During the first few centuries AD golden face covers frequently appeared in the graves of Chersonesus' wealthy citizens. They were found in family tombs, simple pit burials, and complexes that include cremations (Table, no. 15; Plate 2, *6–7*). According

[46] Kurtz, Boardman 1971, 212–213 with fig. 43 representing a 7th century BC gold lip band from Rhodes. The shape of the gold bands seems to have been connected with the idea of closing the mouth of the dead, which is likely to be also represented on Athenian vases in which the deceased has his mouth held shut by two bands tied around the head; see also Mordvintseva 2017, 199.

[47] See Mordvintseva 2017, 199.

[48] Pogrebova 1956, 94 and fig. 42.

[49] Pogrebova 1956, 97 with n. 8.

[50] See Zaytsev 2003, 77 fig. 7.

[51] Pogrebova 1956, 96–97; see also Mordvintseva 2017, 198 who points out that during this period it was highly likely that the Crimean elite and the elite of the Lower Dnieper region belonged to the same polity.

to Pyatysheva, there are more than 70 burial complexes in which face covers have been discovered[52]. This suggests that access to them was probably less restricted than it was a few centuries earlier in the Scythian capital, where they seem to have been limited to the local aristocracy that were buried in the Mausoleum. Even though face covers from Chersonesus represent a distinctive schematic style with characteristic carved lines and eye pupils, it is still noticeable that each of them has its own uniqueness and individual shape. Therefore, it seems more probable that face covers were still produced individually on request rather than being purchased at the market[53].

As can be assumed, the use of face covers spread among the high social class in Chersonesus as a cultural novelty that was influenced by the elites of Scythian Neapolis. Such a scenario seems more probable than Zubar's explanation, according to which face covers came to Chersonesus from the Eastern Mediterranean[54]. His argument that there is a chronological gap between the finds from Scythian Neapolis and Chersonesus is not valid, since face covers are known from the eastern necropolis of Scythian Neapolis that date to the same period as those from Chersonesus. Also, there is no need to interpret the introduction of this funerary rite as a sign of the "barbarization" of the Greek population of Chersonesus, as Pogrebova wanted to perceive it[55]. Analyses of Chersonesean face covers suggest that the rite acquired a local Greek character and new symbolic meaning. The local character and perhaps a new ritual meaning of Chersonesean face covers is highlighted by the wreaths made of thin gold leaves that accompanied the covers[56]. Funerary wreaths made of thin gold foil represent a Greek tradition. They frequently appear not only in Hellenistic and Roman Greek burials in the North Pontic region, but also in other parts of the Greek world[57]. The appearance of gold face covers together with gold wreaths in Chersonesean graves may point to new eschatological thinking connected with the Greek idea of apotheosis of the dead, as suggested by Papanova[58].

As argued by Whittaker, the practice of covering dead bodies with gold can be associated not only with great wealth and an increased interest in the ostentatious display of said wealth, but also with the development of new ideas regarding the fate of the individual after

---

[52] Pyatysheva 1956, 30 n. 7; Zubar' 1982, 110; thirteen finds are kept in the State Historical Museum (Zhuravlev, Novikova, Kovalenko, Shemakhanskaya 2017, cat. 29–41).

[53] *Cf.* Zubar' 1982, 109. Also, a relatively small number of face covers found at the necropolis suggests that they were still a luxury and/or access to them was limited by social or religious regulations. *Cf.* Papanova 2006, 207 who argues that face covers were affordable to the middle-class.

[54] Zubar' 1982, 112–113.

[55] Pogrebova 157, 153.

[56] Zubar' 1982, 109.

[57] Blech 1982. For the North Pontic region, see Treister 2014; Papanova 2006, 204–207. As a matter of fact, gold diadems and bands were an element of Greek funerary rites as early as the Bronze age (see the catalogue of finds prepared by Blech 1982, 425–426). The earliest funerary gold wreaths date to the end of the 5th/beginning of the 4th c. BC (ibid., 425). Notably, a gold wreath together with an eye cover has been found in a 1st-century AD female grave in Olbia (Oreshnikov 1894, 4–8), in a 2nd-century AD burial of two girls in Gorgippia (Mordvintseva *et al.* 2010, 241, cat. 1–5; pl. 1–3), and also in a 3rd-century AD grave at the Eastern necropolis of Phanagoria (Treister 2015, cat. 164–166).

[58] Papanova 2006, 204–207.

death[59]. According to Whittaker's analysis of rich Mycenaean graves from the late Middle Helladic and early Mycenaean periods, especially those that belonged to Grave Circle A, a conceptual link between gold and the idea of survival after death was detected[60]. She has noticed that the appearance of objects made of gold in burial contexts is contemporary with a general increase in the quantity and richness of grave goods at Mycenae. These gold objects include funerary masks, diadems and other ornaments made of thin gold foil that had been made specifically for funerary use, which means that they had not been used to display status in other contexts. Whittaker stresses the symbolic importance of gold in funerary contexts: the unique qualities of gold may have served to reinforce both social and religious meanings. The indestructibility and immutability of gold can be contrasted with the impermanence of the human body. Gold can serve as a symbol of immortality, whereas its shiny colour can be associated with the sun as the source of life[61]. Therefore, gold is commonly associated with the gods. It seems quite plausible that similarly in Chersonesus, the social expression of status and wealth in funerary contexts was intermixed with eschatological and cosmological concepts related to the idea of apotheosis of the dead and/or immortality.

Face covers found in complexes that included cremations in Chersonesus suggest that the symbolic and religious meaning behind their use was not limited to the funerary ritual during which they were displayed. The fact that they do not bear signs of burning (which indicates that they were placed in the grave after the process of cremation) suggests that they may have been important with regard to the concept of afterlife[62]. Perhaps having another pair of eyes and another mouth was perceived as necessary in the hereafter. Such an interpretation would explain why in certain situations face covers are not found near the head of the deceased. It should not be ruled out that in certain situations laying the dead in a grave included putting the face covers aside[63]. It is also possible that gold face covers played a more important role as funerary votive offerings, as argued by Zaytsev[64]. A notable analogy are plaques that were used as temple offerings that came in the shape of eyes

[59] As far as the northern Black Sea region is concerned, there are several examples of funerary face covers made of material other than gold. These examples include a silver eye cover and two bronze eye covers from the Late Scythian necropolis of Belyaus in North-West Crimea (Dashevskaya 1991, 39 and tab. 66, *1* and 40; 2014; for a bronze eye cover, see Plate 1, *13*). Mordvintseva 2017, 199 rightly points out that the use of other materials rather than gold may suggest a hierarchy among Crimean elites that belonged to the same polity (with Scythian Neapolis being the capital of political power).

[60] Whittaker 2006.

[61] Whittaker 2006, 283–284.

[62] Notably, the tradition of covering the face of the dead with golden plaques before cremation has been attested in India (Litvinskiy 1972, 141).

[63] E.g. in Catacomb 1119 at the Ust'-Al'ma necropolis (in which eye covers were found, one on top of the other, on the chest of the deceased: Trufanov, Mordvintseva 2018, 33 and 39, fig. 5, *2*), and the abovementioned kurgan at Baturinskaya 1. *Cf.* Zhuravlev, Novikova, Kovalenko, Shemakhanskaya 2017, 20 and Zhuravlev, Novikova, Shemakhanskaya 2017, 233 who argue that the placement of covers on the faces of the dead may have been more important during the funeral ceremony, whereas their location in the grave may have played a less significant role.

[64] Zaytsev 2004b, 49.

(as well as hands, arms and legs) from the so-called Bactrian treasure (dated to between the 4th and 2nd centuries BC) which is kept in the Miho Museum in Kyoto, Japan[65].

The Greek idea of placing gold wreaths in the grave together with face covers seems to have influenced local non-Greek elites in the South-West region of the Crimea[66]. A golden funeral wreath/diadem, together with a set of face covers, has been found in Grave 195 at the necropolis of Zavetnoe near Bakhchisaray (Table, no. 11; Plate 1, *5b*)[67]. Another golden diadem was discovered in Grave 93 at the same necropolis[68]. Interestingly, in that particular society, face covers do not appear in warrior burials with weapons, which seem to constitute a separate group of graves in which gold objects have not been attested[69]. In contrast, in Kurgan 1 situated at "Magarach" farm (3 km south-west of the village of Vilino) a golden wreath and face covers have been discovered in a double warrior burial (Grave 13; Table, no. 13)[70]. Another example is the necropolis at Ust'-Al'ma, where a number of rich graves with face covers have been discovered (Table, no. 12)[71]. The graves are usually earthen catacombs located along the road leading towards the fortified settlement of Ust'-Al'ma. As a rule, funerary assemblages of male graves include weapons such as swords, bows and arrows, which points to a possible warrior identity being applied to the dead, as well as to the military character of the power structure in that society[72]. Of special importance is the skeleton found in Grave no. 1074 (dated to the middle of the 1st century AD), located in a side-chamber, that belonged to a male aged between 25 and 35. Analysis of the skeleton revealed that this individual suffered many injuries from edged weapons during his lifetime, which could have occurred in battle[73]. Interestingly, analysis of the grave has revealed that it was re-opened in order to perform a post-burial rite which included wrapping the bones of the deceased with a gold ribbon[74]. An analogous rite that included arranging a long gold plate on the pelvic bones has been recorded in Catacomb 777 in male burial no. 3 and also in the abovementioned burial in the Ostryy kurgan, which may suggest a similar element of burial rites among non-Greek societies in the Kuban and the Crimea[75]. The expression of male values through military ideology with regard to gold funerary objects seems to be another element that closely resembles the ideas displayed in Mycenaean graves, in which gold funerary masks have been

---

[65] Miho Museum 2002, 92, fig. 82; Zaytsev 2004b, 49; see also Zhuravlev, Novikova, Kovalenko, Shemakhanskaya 2017, 19–20; Zhuravlev, Novikova, Shemakhanskaya 2017, 232–233.

[66] For a more detailed analysis of this phenomenon in relation to power structures during Roman times in Crimea, see Mordvintseva 2017, 207–209.

[67] Bogdanova 1963, 105; 1989, 46; Bogdanova, Gushchina 1964.

[68] Bogdanova 1989, 46 with table XII, 6.

[69] Bogdanova 1989, 65.

[70] Voloshinov, Loboda 2005, 26–27.

[71] Gold face covers together with gold wreaths have been discovered in Catacombs 138, 612, 777 (4 burials), 806, 1119 and Grave no. 1074; wreaths without face covers have been found in Catacombs 54, 88 (4 burials), 92, 120, 620, 777 (1 burial) and 791 (Trufanov, Mordvintseva 2017, 58).

[72] Trufanov, Mordvintseva 2017, 59.

[73] Trufanov, Mordvintseva 2017, 50 fig. 5 and 53–54 fig. 8–10.

[74] Trufanov, Mordvintseva 2017, 54.

[75] Trufanov, Mordvintseva 2017, 59–60.

discovered together with weapons[76]. This suggests that gold had a cross-cultural character and was used for face and body coverings to display power and male identity.

Catacombs 612 (Burial 1) and 1119 at the Ust'-Al'ma necropolis demonstrate that face covers were not gender specific in that society. Catacomb 612 contains three skeletons, two male and one female[77]. Only the female skeleton was equipped with a set of face covers, which may point to her special position in the community and/or in her family. Similarly, the woman buried in Catacomb 1119 equipped with a funeral wreath, a set of eye covers and other grave goods (which comprises golden earrings, 57 plaques and ten amphora-shaped pendants, an iron knife, beads of a necklace made of gold and glass, an unguentarium, incense burners, two ceramic spindle whorls and pottery) may have been a member of the local elite. Her special position in society is likely to be highlighted by the fact that the catacomb contained only her skeleton, which appears unusual compared to other elite burials at this necropolis that frequently included several human remains[78].

Other examples of female burials with golden face covers include (possibly) the aforementioned kurgan at Baturinskaya 1, as well as Tomb no. 1 at the necropolis of Chyornaya Rechka near Inkerman in South-West Crimea (dated to the 1st/middle of the 2nd c. AD) in which a double eye cover has been discovered (Table, no. 10; Plate 2, *3*)[79]. The female buried in the tomb was approximately twenty years of age and was placed with her head to the North-East. Interestingly, anthropological examination of the skull has revealed features characteristic of the local Taurian population[80]. The deceased was accompanied by a rich grave assemblage that included elaborate pottery, fibulae, pieces of gold, silver and bronze jewellery, and a bronze mirror. Also, a golden double eye cover was found near her legs[81].

During the Roman period, golden face covers also appear in Greek female burials. Examples of which include a female grave equipped with a mouth cover from the necropolis of Kytaion at Kyz-Aul (possibly the 3rd century AD; Table, no. 16)[82], sarcophagus 1 in Tomb II in Gorgippia, in which probably two girls were buried and equipped with golden wreaths, two mouth covers and two pairs of eye covers (third quarter of the 2nd century AD; Table, no. 8)[83], and a rich female grave from Olbia (discovered by local farmers), in which a golden wreath, two double eye covers[84], two mouth-covers and a set of ear-covers were

[76] As Whittaker points out, the dead were accompanied by a large number of weapons and were most probably dressed as warriors. Adult masks occur with male burials only. Interestingly, in Grave Circle A, the bodies of two children found in Grave III had also been provided with masks; their sex has not been determined, but they were most probably males (Whittaker 2006, 284). As a rule, female burials were accompanied with gold crowns or head-dresses (Whittaker 2006, 287).

[77] Loboda *et al.* 2002, 311, Abb. 9, 2–4.

[78] Trufanov, Mordvintseva 2018, 31–35, 41.

[79] Babenchikov 1963; dating after Quast 2014, 272 with Anm. 36.

[80] Babenchikov 1963, 113.

[81] Babenchikov 1963, 114–115. According to the author, most finds were not found *in situ* due to the tomb being flooded with water; Babenchikov 1963, 114.

[82] Gaydukevich 1959, 203, fig. 77, *3–4*.

[83] Mordvintseva *et al.* 2010, 44, cat. 1–3.

[84] Notably, the burials of two young individuals in niche grave 114 at the "Sovkhoz 10" necropolis (dated to the 2nd/3rd c. AD; Strzheletski *et al.* 2003–2004; see Table, no. 14) suggest that, at least in certain situations, double eye covers may have been preferred in graves containing young people and women, as in the case of Olbia, Chyornaya Rechka and Baturinskaya 1.

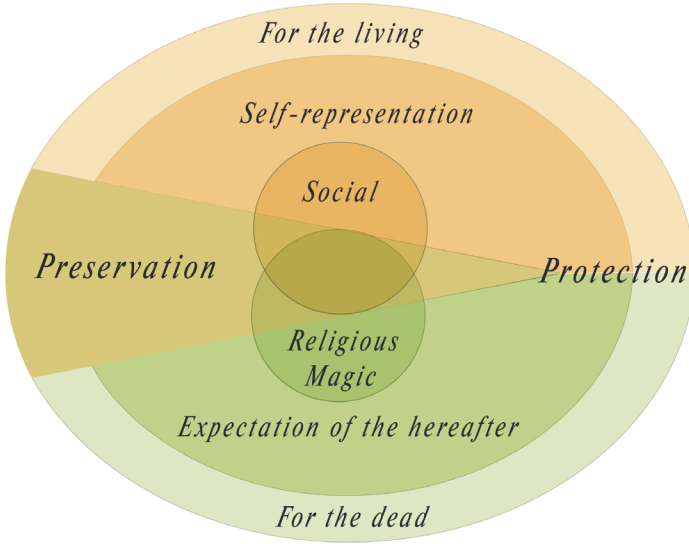


Fig. 3. Multiple and overlapping meanings behind funerary practices (after Quast 2014, 280, Abb. 12, changed; courtesy of D. Quast)

found (the 1st century AD; Table, no. 9; Plate 2, *1–2*)[85]. If the grave did indeed belong to a single individual, as stated in the archaeological report, the appearance of a double set of face covers might suggest their votive character. It is important to note that the covers from Olbia resemble those from Chersonesus stylistically and are contemporary with them. Also, the presence of a golden funeral wreath in the grave seems to suggest a cultural link and emulation between the elites of these two Greek *poleis*.

Even though this may seem an obvious observation from a post-colonial perspective, it is important to point out that cultural trends did not always originate in the Greek *polis*. The material gathered in this paper demonstrates that the custom of placing golden face covers in graves was cross-cultural, and it most probably originated in a non-Greek cultural milieu connected either with the steppe world in the East or with the La Tène culture in the North-West. Presumably, the expression of status and/or social identity in a funerary context was often more important to Black Sea societies than the expression of ethnicity. Or alternatively, the expression of ethnicity was not based on the use of prestige funerary objects (which circulated as cultural trends between Greek and non-Greek elite families) that served to express power and status.

As discussed above, the reasons behind the use of golden face covers in the North Pontic region were both social and religious and they changed over time. In funerary contexts, the social expression of status and wealth was likely to be intermixed with eschatological and cosmological concepts, which was reinforced by the unique qualities of gold that served to express social as well as religious meanings, as argued by

[85] Oreshnikov 1894, 1–13, fig. 1–9.

Whittaker[86]. In certain situations, face covers may have been used to express a warrior identity, which seems to hold true especially in the case of male burials with weapons at Stanitsa Yaroslavskaya, and most probably at Trialeti, Ust'-Al'ma, and Kurgan 1 near the village of Vilino. As can be assumed, the idealization of the warrior role in relation to status and authority may have been intertwined with the idea that the passage from life to death meant the acquisition of divinity and/or immortality, which seems to be especially expressed in warrior graves. In other cases, the presence of face covers seems to indicate that the deceased held a special position in society and/or was of high social status, for example in Scythian Neapolis, Chersonesus and the necropolis of Zavetnoe. Moreover, a votive aspect of face covers and their importance with regard to the concept of the afterlife should also be taken into consideration, especially in those cases in which face covers were deliberately put aside in the grave, such as in Catacomb 1119 at the Ust'-Al'ma necropolis.

Multiple and overlapping meanings behind funerary rites have clearly been presented by Quast in his study regarding golden funeral masks and face covers (fig. 3)[87]. It is not always possible to distinguish which aspects of the funerary ceremony are social and which are religious, since funerary rites are often performed both for the dead and the living. The use of golden face covers may have been connected with the self-representation of the family and the need to display their social status by using rich golden objects during the funeral. It is not without significance that gold was associated with the divine and may have alluded to the acquisition of immortality and power in the afterlife. This may have been intertwined with the need to preserve the body for the hereafter and to provide the dead with a new set of eyes and lips represented by votive plaques. Additionally, preserving the body from decay during long funeral ceremonies may have had an important social meaning to the family[88].

One of the aspects of funerary rites is protection[89]. Closing the eyes and the mouth of the dead with golden plaques, among various other means, may have indeed had an apotropaic function. The necessity of closing the sightless eyes and the dumb mouth of the dead is common to many cultures. It was believed that the eyes of the dead must be closed in order to prevent the dead person haunting anyone in the future. However, this practice can also be connected with the Greek idea of the soul being released from the body by these means, as assumed by Rohde[90]. The idea of releasing the soul with a hand closing the eyes of the dead is expressed by Homer in the *Odyssey*, when the deceased Agamemnon says (Hom. *Od.* 11, 425–426):

...ἰόντι περ εἰς Ἄϊδαο, / χερσὶ κατ᾽ ὀφθαλμοὺς ἑλέειν σύν τε στόμ᾽ ἐρεῖσαι.

She [*Clytemnestra*] *would not even close my lips nor my eyes when I was dying.*

[86] Whittaker 2006.
[87] Quast 2014, 279–282, and fig. 12.
[88] See Butyagin 2009b, 15.
[89] See Quast 2014, 279–281 with further literature on ethnographic research.
[90] Rohde 1925, 46–47, n. 25.

This gesture was the duty of the next of kin, mother or wife[91]. The same concept seems to be expressed in the Greek epitaph for Lucius Minicius Anthimianus found in Rome and dated to the 3rd century AD (*IGUR* IV 1702):

ἄχρις ὅτου ψυχήν μου μητρὸς χέρες εἷλαν ἀπ᾽ ὄσσων.

Until my mother's hands took away my soul from the eyes.

It should not be ruled out that in a Greek cultural milieu this specific meaning was applied to golden eye covers during the funeral, a meaning that may have not been recognizable to other societies. Even though trends were transferred between different cultural milieus through elites who followed similar fashions, symbolic meanings may change in a new cultural context and acquire new ideological and social implications. Also, over time the symbolic religious and social meanings of funerary rites may have been modified and influenced by other traditions through mutual cultural emulation and contact between elite families.

Table

Chronological and geographical distribution of golden face covers in the north-east Black Sea area

No.	Site	Grave type & content	Date	References
1	Scythian Neapolis, Mausoleum and Eastern Necropolis (Simferopol, Crimea)	**Mausoleum** Grave I, male skeleton no. 30 (aged 40–50): fragment of an eye cover found under the skull Grave II, male skeletons no. 30 (aged 40–45) and 52 (aged *ca* 50): two eye covers found near the skull of skeleton no. 30 Grave III, male skeleton no. 5: a set of face covers found under the skulls of skeleton no. 5 and female(?) skeleton 38 Grave VI, male skeleton no. 3: two eye covers found under the skull Grave IX, male skeleton no. 72: a set of face covers found under the skull Grave X, female skeleton no. 53 and child skeleton no. 54: fragment of an eye cover found near the skulls Grave XI, poorly preserved child skeletons no. 9 and 12: two eye covers found south of the skull of skeleton no. 12 Grave XII: an eye cover, not *in situ*	late 2nd–1st c. BC/ early 1st c. AD	Pogrebova 1957; 1961; Mordvintseva 2017, fig. 7. **Plate 1, *5*.** **Plate 1, *1*.** **Plate 1, *6*.** **Plate 1, *7*.** **Plate 1, *3–4*.**

[91] Rohde 1925, 46, n. 25.

No.	Site	Grave type & content	Date	References
		Grave XIII, skeletons no. 56 (female) and 64: an eye cover found between the legs of skeleton 56 and near skeleton 64		
		Grave XIX, child skeleton no. 28 (or 24?): two fragments of a mouth cover found near the skull		**Plate 1, *2*.**
		Grave XXIX[92] male skeleton no. 10 (old age): two fragments of a mouth cover found near the skull		
		Grave XXXII, male skeleton no. 16: fragment of an eye cover, not *in situ*		
		Eastern necropolis		
		Catacomb 79; double eye cover	1st–2nd c. AD	Makhneva 1967; Symonovich 1983, 52–54 and pl. XLV, *27*; Zubar' 1982, fig. 76; Dashevskaya 1991, tab. 66, 13. **Plate 1, *8*.**
		Grave not specified; eye/mouth cover		Zaytsev 2004b, 48.
2	Trialeti (Algeti Valley, Georgia), accidental find	Skeleton not preserved: eye cover and a mouth cover	Late Hellenistic (after Pogrebova 1957, 146)	Kuftin 1941, 39; pl. IX. **Plate 1, *9*.**
3	Stanitsa Yaroslavskaya (Kuban, Krasnodarskiy kray, Russian Federation), kurgan complex	Burial in the Ostryy kurgan; double eye cover found near the legs	2nd–1st c. BC (after Pogrebova 1957, 147) 1st c. BC – 1st c. AD (after Quast 2014, 272) 1st half of 1st c. AD (after Trufanov, Mordvintseva 2017, 56)	*OAK* 1896 (1898), 58; Gushchina, Zasetskaya 1989, 95, 124; pl. I, *20*. **Plate 1, *10*.**
4	Baturinskaya 1 (Kuban, Krasnodarskiy kray, Russian Federation), kurgan complex	Kurgan 15, grave 1 (female?); two fragments of a double eye cover, one found near the left temporal bone and the other part near the right ulna	3rd–1st c. BC	Chernopitskiy 1985, 255 and fig. 2. **Plate 1, *11*.**
5	Kam'yans'ke/ Kamenskoe gorodishche (Kam'yanka, Zaporizhzhia Oblast, Ukraine)	Catacomb: a pair of eye covers and a mouth cover	2nd c. BC	Pogrebova 1956, 94; fig. 42 Zubar' 1982, fig. 76. **Plate 1, *12*.**
6	Opushki necropolis (near Simferopol, S-W Crimea)	Grave not specified: two eye covers	1st c. BC	Zaytsev 2004b, 48.

[92] 1 *Cf*. Mordvintseva 2017, 294 fig. 7, *3* where the cover is mistakenly attributed to grave XXVIII.

No.	Site	Grave type & content	Date	References
7	Kul'chuk necropolis (Tarkhankut Peninsula, N-W Crimea)	Grave and find not specified	1st c. BC	Zaytsev 2004b, 48.
8	Gorgippia[93] (Anapa, Taman Peninsula, Krasnodarskiy kray, Russian Federation)	Tomb II, sarcophagus 1 (two girls?): two mouth covers and two pairs of eye covers	3rd quarter of 2nd c. AD	Mordvintseva *et al.* 2010, 44, cat. 1–3; pl. 1, *1–1* and *2–1, 1–2* and *2–2.*
		Tomb II, sarcophagus 2: a pair of eye covers and a mouth cover	2nd half of 2nd c. AD (150–170 AD)	Mordvintseva *et al.* 2010, 44, cat. 8–9; pl. 3, *8* and *9.*
9	Olbia (Mikolaivs'ka oblast', Ukraine) accidental find	Female burial: two double eye covers, two mouth-covers and a set of ear covers	1st c. AD (after Quast 2014, 296, Nr. 9)	Zubar' 1982, fig. 75; Pyatysheva 1956, 38, fig. 10; Oreshnikov 1894, 4–6, fig. 4, 5, 8, 9; Quast 2014, 296, Nr. 9. **Plate 2, *1–2*.**
10	Chyornaya Rechka (near Inkerman, S-W Crimea)	Tomb no. 1 (female), double eye cover	1st – middle of 2nd c. AD (after Quast 2014, 272 with Anm. 36)	Babenchikov 1963, 113–115; fig. 19; pl. VI, *1.* **Plate 2, *3*.**
11	Zavetnoe necropolis (near Bakhchisaray, S-W Crimea)	Grave 195, two eye covers and a mouth cover	1st–3rd c. AD	Bogdanova 1963, 105, fig. 5, *3, 6, 11*; Bogdanova, Gushchina 1964, fig. 3, *9–10.* **Plate 2, *4–5*.**
		Grave not specified, two eye covers and a mouth cover		Bogdanova 1963, 105; fig. 5, *2, 4, 5.*
		Grave not specified, two eye covers and a mouth cover		Zaytsev 2004b, 48.
12	Ust'-Al'ma necropolis (near Bakhchisaray, S-W Crimea)	Catacomb 612, burial 1(female); two eye covers and a mouth cover found at the skull	1st c. AD	Loboda *et al.* 2002, 311, Abb. 9, *2–4*; Zaytsev 2005, 16, № 23.
		Catacomb 777, burial 1: two eye covers and a mouth cover found near the skull	1st c. AD	Zaytsev 2005, 19, № 66; Puzdrovskiy, Trufanov 2017a, pl. 11, *2–3* and fig. 86, *2.*
		Catacomb 777, burial 2: two eye covers and a mouth cover found near the skull	1st c. AD	Zaytsev 2005, 20; Puzdrovskiy, Trufanov 2017a, pl. 11, *5–6* and fig. 86, *13.*
		Catacomb 777, burial 3: two eye covers and a mouth cover found near the skull	1st c. AD	Zaytsev 2005, 19, № 68; Puzdrovskiy, Trufanov 2017a, pl. 12, *3–4* and fig. 86, *20.*

[93] According to Zaytsev 2004b, 48 there is also a set of face covers from another burial complex in Gorgippia that is kept in the State Historical Museum in Moscow. However, the inventory number has not been provided. He also mentions several face covers that have been discovered at the necropolis of Gorgippia. However, no further details are provided. See also Quast 2014, 294, Fundliste 2. 3c.

No.	Site	Grave type & content	Date	References
		Catacomb 777, burial 5: two eye covers and a mouth cover found near the skull	1st c. AD	Zaytsev 2005, 19, № 64 (wrongly attributed to burial 4); Puzdrovskiy, Trufanov 2017a, pl. 13, *3–4* and fig. 86, *34*.
		Grave no. 1074 (burial in a side-chamber): two eye coves found by the right collar-bone and a mouth cover found over the teeth	middle of 1st c. AD	Trufanov, Mordvintseva 2017; fig. 8.
		Catacombs 138 and 806: eye and mouth covers	2nd half of 1st/1st half of 2nd c. AD	Trufanov, Mordvintseva 2017, 58.
		Tomb no. 987: fragmentary eye cover	1st–2nd c. AD	Puzdrovskiy, Trufanov 2016, 28–29, fig. 42, *9*; 43, *1a*; Trufanov, Mordvintseva 2017, 58.
		Catacomb 944: scattered fragmentary eye covers	1st–2nd c. AD	Trufanov, Mordvintseva 2017, 58; Puzdrovskiy, Trufanov 2017b, pl. 15, *10*.
		Catacomb 1119 (female): two eye covers	1st half – middle of 1st c. AD	Trufanov, Mordvintseva 2018, fig. 2, *5* and *8*
13	Kurgan at "Magarach" farm (near Bakhchisaray, S-W Crimea, 3km SW of the village of Vilino)	Kurgan 1, grave 13: two mouth covers	1st half – middle of 1st c. AD	Zaytsev 2004b, 48; 2005, 15, № 6.
14	Necropolis "Sovkhoz 10" (Sevastopol'skiy) (S-W Crimea	Niche grave 114 (burials of two young individuals): double eye cover and a mouth cover	2nd–3rd c. AD	Strzheletski *et al.* 2003–2004, 169; pl. 16, *38* and *38a*.
15	Chersonesus Taurica (Sevastopol, Crimea)	Family tombs	1st–4th c. AD	*OAK* 1896 (1898), 188 (№ 681); 197 (№ 798); *OAK* 1897 (1900), 116 (№ 888); 125 (№ 982); 101 (№ 1095); 3 (№ 1204); 61 (№ 2139).
		Complexes with cremations		*OAK* 1893 (1895), 69 (№ 392); 71 (№ 406); *OAK* 1894 (1896), 74 (№ 636); 115, fig. 8.
		Earthen burials		*OAK* 1892 (1894), 119 (№ 313); *OAK* 1893 (1895), 61–62 (№ 333).

No.	Site	Grave type & content	Date	References
				Pyatysheva 1956; Zhuravlev, Novikova, Kovalenko, Shemakhanskaya 2017, cat. 29–41.
		Grave no. 175		Minns 1913, 507, fig. 339; Kuftin 1941, 40, fig. 37 г. **Plate 2, *6–7*.**
16	Kyz-Aul, necropolis of Kytaion (Kerch Peninsula, Crimea)	Grave 11 (double burial): a male with eye covers and a female with a mouth cover	1st c. BC – 2nd c. AD (after Gaydukevich 1959, 203); 3rd c. AD (?) (after Quast 2014, 293, no. 18 and 295, no. 11)	Gaydukevich 1959, 203, fig. 77, *3–4*; Quast 2014, 293, Nr. 18 and 295, Nr. 11.
17	Phanagoria, Eastern Necropolis (Taman Peninsula, Krasnodarskiy kray, Russian Federation)	Grave no. 21/2004 (Burial no. 4), one eye cover	1st half of 3rd c. AD	Treister 2015, pl. 54, *2*; fig. 39; cat. 166.

References

Bogdanova, N.O. 1963: [A 1st c. BC – 3rd c. AD burial ground near the village of Zavitne]. *Arheologija* [*Archaeology*] 15, 95–109.
Богданова, Н.О. Могильник I ст. до н.е. – III ст. н.е. біля с. Завітне, Бахчисарайського району. *Археологія* 15, 95–109.

Bogdanova, N.A. 1989: [A burial ground of the first centuries AD near the village of Zavetnoe]. In: M.P. Abramova (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy* [*Archaeological Research in the South of Eastern Europe*]. Moscow, 17–70.
Богданова, Н.А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное. В сб.: М.П. Абрамова (ред.), *Археологические исследования на юге Восточной Европы*. М., 17–70.

Bogdanova, N.O., Gushchina. I.I. 1964: [Excavations of the burial grounds of the first centuries AD in the South-Western Crimea in 1960–1961]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 1, 324–330.
Богданова, Н.А., Гущина, И.И. Раскопки могильников первых веков нашей эры в юго-западном Крыму в 1960–1961 гг. *СА* 1, 324–330.

Babenchikov, V.P. 1963: [The burial ground of Chyornaya Rechka]. *Arheologichni pam'jatki URSR* [*Archaeological sites of Ukrainian SSR*] 13, 90–123.
Бабенчиков, В.П. Чорноріченський могильник. *Археологічні пам'ятки УРСР* 13, 90–12.

Blech, M. 1982: *Studien zum Kranz bei den Griechen*. Berlin–New York.

Butyagin, A.M. (ed.) 2009a: *Tayna zolotoy maski. Katalog vystavki* [*The Mystery of the Golden Mask. The Exhibition Catalogue*]. Saint Petersburg.
Бутягин, А.М. (ред.). *Тайна золотой маски. Каталог выставки.* СПб.

Butyagin, A.M. 2009b: [Around the mask]. In: A.M. Butyagin (ed.), *Tayna zolotoy maski. Katalog vystavki* [*The Mystery of the Golden Mask. The Exhibition Catalogue*]. Saint Petersburg, 7–16.
Бутягин, А.М. Вокруг маски. В сб.: А.М. Бутягин (ред.), *Тайна золотой маски. Каталог выставки.* СПб., 7–16.

Chernopitskiy, M.P. 1985: [A kurgan with the burial of the 'priestess' in Kuban]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 3, 251–255.

Чернопицкий, М.П. Курган с погребением «жрицы» на Кубани. *CA* 3, 251–255.
Chuistova, L.I. 1952: [The replenishment of the Historical-Archaeological Museum]. *Krymskaya pravda* [*The Crimean Truth*] 125, July, 25th.
Чуистова, Л.И. Пополнение историко-археологического музея. *Крымская правда*, 125, 25 июня.
Dashevskaya, O.D. 1991: *Pozdnie skify v Krymu* [*Late Scythians in the Crimea*]. Moscow.
Дашевская, О.Д. *Поздние скифы в Крыму*. М.
Dashevskaya, O.D. 2014: *Nekropol' Belyausa* [*Necropolis of Belyaus*]. Simferopol.
Дашевская, О.Д. *Некрополь Беляуса*. Симферополь.
Fodor, I.K. 1972: [On the question of the funeral rite of the ancient Hungarians]. In: A.P. Smirnov, V.N. Chernetsov, I.F. Erdeli (eds.), *Problemy arkheologii i drevney istorii ugrov* [*Problems of the Archaeology and Ancient History of the Ugrians*]. Moscow, 168–175.
Фодор, И.К. К вопросу о погребальном обряде древних венгров. В сб.: А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели (ред.), *Проблемы археологии и древней истории угров*. М., 168–175.
Gaydukevich, V.F. 1959: [Necropoleis of some Bosporan cities (based on materials from the excavations of the 1930s]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [*Materials and Research on the Archeology of the USSR*] 69, 154–238.
Гайдукевич, В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов). *Материалы и исследования по археологии СССР* 69, 154–238.
Gushchina, I.I., Zasetskaya, I.P. 1989: [Burials of the Zubovsk-Vozdvizhensk type from the excavations of N.I. Veselovsky in the Kuban region (1st c. BC – early 2nd c. AD)]. In: M.P. Abramova (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy* [*Archaeological Research in the South of Eastern Europe*]. Moscow, 71–141.
Гущина, И.И., Засецкая, И.П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубане (I в. до н.э.– начало II в.н. э). В сб.: М.П. Абрамова (ред.), *Археологические исследования на юге Восточной Европы*. М., 71–141.
Kuftin, B.A. 1941: *Arkheologicheskie raskopki v Trialeti I. Opyt periodizatsii pamyatnikov* [*Archaeological Excavations in Trialeti I. An Attempt at Dating the Monuments*]. Tbilisi.
Куфтин, Б.А. *Археологические раскопки в Триалети I. Опыт периодизации памятников*. Тбилиси.
Kurtz, D.C., Boardman, J. 1971: *Greek Burial Customs.* (Aspects of Greek and Roman life). London.
Litvinskiy, B.A. 1972: *Drevnie kochevniki «Kryshi mira»* [*Ancient Nomads of the 'Roof of the World'*]. Moscow.
Литвинский, Б.А. *Древние кочевники «Крыши мира»*. М.
Loboda, I.I., Puzdrovskij, A.E., Zajcev, J.P. 2002: Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996. *Eurasia Antiqua* 8, 295–346.
Makhneva, O.A. 1967: [A burial with Egyptian artefacts in the eastern section of the Scythian Neapolis necropolis]. *Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva* [*Proceedings of the Odessa Society for Archaeology*] 11/35, 191–196.
Махнева, О.А. Склеп с египетскими изделиями на восточном участке некрополя Неаполя скифского. *Записки Одесского археологического общества* 11/35, 191–196.
Miho Museum 2002: *Treasures of Ancient Bactria*. Kyoto.
Minns, E.H. 1913: *Scythians and Greeks*. Cambridge.
Mordvintseva, V.I. 2017: [Cultural-historical processes in the "Barbarian" societies of the Crimea according to materials of the burial complexes of elites from the 3rd c. BC to the mid-3rd c. AD]. In: A.I. Ivanchik, V.I. Mordvintseva (eds.), *Krymskaya Skifiya v sisteme kul'turnykh svyazey mezhdu Vostokom i Zapadom (III v. do n.e. – III v. n.e.)* [*Crimean Scythia in a System of Cultural Relations Between East and West 3rd c. BC to the 7th c. AD*]. Simferopol–Moscow, 183–212.
Мордвинцева, В.И. Культурно-исторические процессы в «варварских» социумах Крыма III в. до н.э. – III в.н.э. по материалам погребальных комплексов элиты. В кн.: А.И. Иванчик, В.И. Мордвинцева (ред.), *Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э. – VII в. н.э.)*. Симферополь–Москва, 183–212.
Mordvintseva, V.I., Khachaturova, E.A., Yurchenko, T.V. 2010: *Sokrovishcha drevney Kubani* [*Treasures of Ancient Kuban*]. Simferopol–Krasnodar.
Мордвинцева, В.И., Хачатурова, Е.А., Юрченко, Т.В. *Сокровища древней Кубани*. Симферополь–Краснодар.

Oreshnikov, A.V. 1894: [A few notes on the antiquities found in the village of Parutino in 1891]. *Drevnosti. Trudy Imperatorskogo moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva* [*Antiquities. Bulletin of Moscow Society of Archaeology*] 15 (2), 1–13.
Орешников, А.В. Несколько замечаний о древностях, найденных в с. Парутино в 1891 г. *Древности. Труды Императорского московского археологического общества* 15 (2), 1–13.

Papanova, V.A. 2000: The apotheosis of the dead (based of the article 'The Olbia Pontica Necropolis'). In: V. Lungu, G. Simion (eds.), *Pratiques funéraires dans l'Europe des XIIIe–IVe s. av. J.-C.: Actes du IIIe Colloque International d'Archéologie Funéraire, organisé à Tulcea, 15–20 septembre 1997, par l'Association d'Études d'Archéologie Funéraire avec le concours de l'Institut de Recherches Éco-Muséologiques de Tulcea*. Tulcea, 123–129.

Papanova, V.A. 2006: *Urochishche Sto mogil (nekropol' Ol'vii Pontiyskoy)* [*The Tract of a Hundred Graves (the Necropolis of Olbia Pontica)*]. Kiev.
Папанова, В.А. *Урочище Сто могил (некрополь Ольвии Понтийской)*. Киев.

Pogrebova, N.N. 1956: [A burial on the earthen rampart of the acropolis of the Kamenskoe settlement]. *Kratkie soobshcheniya o dokladach i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*] 63, 94–97.
Погребова, Н.Н. Погребение на земляном валу акрополя Каменского городища. *КСИИМК* 63, 94–97.

Pogrebova, N.N. 1957: [Golden face covers from the burials of the Mausoleum of Scythian Neapolis]. In: P.N. Shul'ts (ed.), *Istoriya i arkheologiya drevnego Kryma* [*History and Archaeology of Ancient Crimea*]. Kiev, 142–154.
Погребова, Н.Н. Золотые лицевые пластины из погребений мавзолея Неаполя Скифского. В сб.: П.Н. Шульц (ред.), *История и археология древнего Крыма*. Киев, 142–154.

Pogrebova, N.N. 1961: [Burials in the mauzoleum of Scythian Neapolis]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [*Materials and Researches on the Archaeology of the USSR*] 29, 103–212.
Погребова, Н.Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского. *Материалы и исследования по археологии СССР* 29, 103–212.

Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2016: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2008–2014 gg.* [*The 2008–2014 Excavations at the Ust-Alma Necropolis*]. Simferopol–Moscow.
Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг*. Симферополь–Москва.

Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017a: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2000–2003 gg.* [*The 2000–2003 Excavations at the Ust-Alma Necropolis*]. Simferopol–Moscow.
Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг*. Симферополь–Москва.

Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017b: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2004–2007 gg.* [*The 2004–2007 Excavations at the Ust-Alma Necropolis*]. Simferopol–Moscow.
Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг*. Симферополь–М.

Pyatysheva, N.V. 1956: *Yuvelirnye izdeliya Khersonesa (konets IV v. do n.e. – IV v. n.e.)* [*Jewelry of Chersonesos (the End of 4th c. BC – 4th c. AD)*]. Moscow.
Пятышева, Н.В. *Ювелирные изделия Херсонеса (конец IV в. до н.э. – IV в. н.э.)*. (Труды ГИМ. Памятники культуры, 18). М.

Quast, D. 2014: Goldener Sepulkralschmuck der Römerzeit aus Ṭarṭūs/Antarados (Syr). In: *Honesta Missione. Festschrift für Barbara Pferdehirt.* (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 100). Mainz, 265–310.

Rieth, A. 1973: Antike Goldmasken. *Antike Welt* 4 (1), 28–34.

Rohde, E. 1925: *Psyche. The Cult of Souls and Belief in Immortality among the Greeks*. London.

Rusyaeva, A.S. 1992: *Religiya i kul'ty antichnoy Ol'vii* [*Religion and Cults in Ancient Olbia*]. Kiev.
Русяева, А.С. *Религия и культы античной Ольвии*. Киев.

Shul'ts, P. 1953: *Mavzoley Neapolya Skifskogo* [*Scythian Neapolis Mausoleum*]. Moscow.
Шульц, П. *Мавзолей Неаполя Скифского*. М.

Strzheletski, S.F., Vysotskaya, T.N., Ryzhova, L.A., Zhestkova, G.I. 2003–2004: [The population in the neighborhood of Chersonesos Tauricus in the first half of 1st millennium A.D. (by materials of the Necropolis «Sovkhoz no. 10»]. *Stratum Plus* 4, 27–277.

Стржелецкий, С.Ф., Высотская, Т.Н., Рыжова, Л.А., Жесткова, Г.И. 2003–2004: Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10»). *Stratum Plus* 4, 27–277.

Symonovich, E.A. 1983: *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam vostochnogo mogil'nika Neapolya Skifskogo)* [*The Population of the Capital of the Late Scythian Kingdom (Based on Materials from the Eastern Burial Ground of Scythian Neapolis*]. Kiev.
Сымонович, Э.А. *Население столицы позднескифского царства (по материалам восточного могильника Неаполя Скифского)*. Киев.

Treister, M. Yu. 2014: [Golden burial wreaths of the Bosporus of the 4th c. BC – 5th c. AD (the origin and chronology of the main types)]. In: V.A. Khrshanovskiy (ed.), *Pogrebal'naya kul'tura Bosporskogo tsarstva. Materialy Kruglogo stola, posvyashchennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya Mikhaila Moiseevicha Kubanova (1914–1998) (Sankt-Peterburg, 25–26 noyabrya 2014 g.)* [*Burial Culture of the Bosporan Kingdom. Materials of the Round Table Dedicated to the 100th Birthday of Mikhail Moiseevich Kubanov (1914–1998) (St. Petersburg, November 25th–26th 2014)*]. Saint Petersburg, 52–64.
Трейстер, М.Ю. Золотые погребальные венки Боспора IV в. до н.э. – V в. н.э. (генезис и хронология основных типов). В сб.: Хршановский, В.А. (ред.), *Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубанова (1914–1998) (Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2014 г.)*. СПб., 52–64.

Treister, M. Yu. 2015: [Gold of Phanagoria. Typological, stylistical and chronological analysis]. In: M. Yu. Treister (ed.), *Zoloto Fanagorii* [*Gold of Phanagoria*]. Moscow, 77–181.
Трейстер, М.Ю. Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ. В кн.: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории. Фанагория*. (Результаты археологических исследований, 2). М., 77–181.

Trufanov, A.A., Mordvintseva, V.I. 2017: A warrior burial from the Ust'-Al'ma necropolis (mid-1st cent. AD). *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 23/1, 42–62.

Trufanov, A.A., Mordvintseva, V.I. 2018: [A grave of the 1st century AD in the Ust-Alma necropolis (the sothwestern Crimea)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 3, 30–46.
Труфанов, А.А., Мордвинцева, В.И. Погребение I в. н.э. из Усть-Альминского некрополя (Юго-Западный Крым). *ПИФК* 3, 30–46.

Voloshinov, A.A., Loboda, I.I. 2005: [State Historical and Cultural Reserve of Bakhchisaray and archaeological research of the southwestern Crimea]. In: Yu.P. Zaytsev (ed.), *Drevnie sokrovishcha yugo-zapadnogo Kryma. Katalog vystavki* [*Ancient Treasures of the Southwestern Crimea. Catalogue of the Exhibition*]. Simferopol, 26–27.
Волошинов, А.А., Лобода, И.И. Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник и археологические исследования юго-западного Крыма. В кн.: Ю.П. Зайцев (ред.), *Древние сокровища юго-западного Крыма. Каталог выставки*. Симферополь, 26–27.

Whittaker, H. 2006: Religious symbolism and the use of gold in burial contexts in the Late Middle Helladic and Early Mycenaean periods. *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici* 48, 289–283.

Zaytsev, Yu.P. 2003: *Neapol' skifskiy (II v. do n.e. – III v. n.e.)* [*Scythian Neapolis (2nd c. BC – 3rd c. AD*]. Simferopol.
Зайцев, Ю.П. *Неаполь скифский* (*II в. до н.э. – III в. н.э.*). Симферополь.

Zaytsev, Yu.P. 2004a: *The Scythian Neapolis (2nd c. BC to 3rd c. AD). Investigations into the Graeco-Barbarian City on the Northern Black Sea Coast*. Transl. by V. Mordvintseva. (BAR International Series, 1219). Oxford.

Zaytsev, Yu.P. 2004b: [Golden 'face' covers in the Late Scythian culture of Crimea]. In: N.A. Zakharova (ed.), *Yuvelirnoe iskusstvo i material'naya kul'tura. Tezisy dokladov uchastnikov trinadtsatogo kollokviuma (12–13 aprelya 2004 goda)* [*Jewelry Art and Material Culture. Reports of the Participants of the Thirteenth Colloquium (12th–18th April 2004)*]. Saint Petersburg, 47–50.
Зайцев, Ю.П. Золотые «лицевые» пластины в позднескифской культуре Крыма. В сб.: Н.А. Захарова (ред.), *Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников тринадцатого коллоквиума (12–18 апреля 2004 года)*. СПб., 47–50.

Zaytsev, Yu.P. (ed.) 2005: *Drevnie sokrovishcha yugo-zapadnogo Kryma. Katalog vystavki* [*Ancient Treasures of the Southwestern Crimea. Catalogue of the Exhibition*]. Simferopol.
Зайцев, Ю.П. (ред.). *Древние сокровища юго-западного Крыма. Каталог выставки*. Симферополь.

Zaytsev, Yu.P. 2018: [Complex with a Celtic type shield from Ak-Kaya necropolis in Crimea]. In: V.S. Sinika, R.A. Rabinovitch (eds.), *Drevnosti. Issledovaniya. Problemy. Sbornik statei v chest' 70-letiya N.P. Tel'nova* [*Antiquities. Studies. Issues. Essays in Honour of Nicolai Telnov on the Occasion of His 70th Birthday*]. Kishinev–Tiraspol', 289–318.

Зайцев, Ю.П. Комплекс со щитом кельтского типа из некрополя Ак-Кая/Вишенное в Крыму. В сб.: В.С. Синика. Р.А. Рабинович (ред.), *Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова*. Кишинев–Тирасполь, 289–318.

Zhuravlev, D.V., Novikova, E.Y., Shemakhanskaya, M.S. 2017: [Gold face plates from the necropolis of Tauric Chersonesos (collection of the State Historical Museum)]. In: *Pivnichne Prychornomor'ja za antychnoi' doby (na poshanu S.D. Kryzhyc'kogo)* [*Northern Black Sea Coast in Ancient Times (in Honor of S.D. Kryzhytsky)*]. Kiev, 231–241.

Журавлев, Д.В., Новикова, Е.Ю., Шемаханская, М.С. Золотые лицевые пластины из некрополя Херсонеса Таврического (собрание Государственного исторического музея). В сб.: *Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С.Д. Крижицького)*. Киев, 231–241.

Zhuravlev, D., Novikova, E., Kovalenko, S., Shemakhanskaya, M. 2017: *Zoloto Khersonesa Tavricheskogo. Yuvelirnye izdeliya iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [*Gold of Tauric Chersonesos. Jewellery from the Collection of the State Historical Museum*]. Moscow.

Журавлев, Д.В., Новикова, Е.Ю., Коваленко, С.А., Шемаханская, М.С. *Золото Херсонеса Таврического. Ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея*. М.

Zubar', V.M. 1982: *Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo I–IV vv. n.e.* [*Necropolis of Tauric Chersonesos (1st–4th centuries AD)*]. Kiev.

Зубарь, В.М. *Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э.* Киев.

Zubar', V.M., Meshcheryakov, V.F. 1983: [Some data on the beliefs of the population of Chersonesos (based on the materials from the necropolis of the first centuries AD).]. In: T.N. Vysotskaya (ed.), *Naselenie i kul'tura Kryma v pervye veka n.e. Sbornik nauchnykh trudov* [*The Population and Culture of the Crimea in the First Centuries AD. A Collection Papers*]. Kiev, 96–114.

Зубарь, В.М., Мещеряков, В.Ф. Некоторые данные о верованиях населения Херсонеса (по материалам некрополя первых веков н.э.). В сб.: Т.Н. Высотская (ред.), *Население и культура Крыма в первые века н.э. Сборник научных трудов*. Киев, 96–114.

Vestnik drevney istorii
81/4 (2021), 890–913
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/4 (2021), 890–913
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910010673-3

ЮЛИАН ОТСТУПНИК И АПОСТАСИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

М. А. Ведешкин

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

E-mail: balatar@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7844-5742

В статье рассматривается проблема перехода в язычество христианских подданных императора Юлиана Отступника. Представлена общая характеристика методов, с помощью которых император пытался добиться апостасии христиан, дается общая оценка эффективности этой политики по отношению к различным слоям позднеримского общества (чиновничество, армия, клир, представители интеллектуальной элиты, рядовые граждане).

Ключевые слова: поздняя античность, поздняя Римская империя, христианство, язычество, Юлиан Отступник, апостасия, обращение

JULIAN AND THE APOSTASY OF THE ROMAN EMPIRE

Mikhail A. Vedeshkin

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

E-mail: balatar@mail.ru

The article discusses the problem of Christian conversion to paganism in the Roman Empire during the short reign of Julian the Apostate. The paper offers a general characteristic of the methods by which the emperor tried to achieve the apostasy of his Christian subjects and an assessment of the effectiveness of this policy in relation to various layers of the late Roman society (bureaucracy, army, Christian clergy, representatives of the intellectual elite, ordinary citizens).

Keywords: Late Antiquity, Later Roman Empire, Christianity, paganism, emperor Julian, apostasy, conversion

---

Данные об авторе. Михаил Александрович Ведешкин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН; доцент кафедры международной политики и зарубежного регионоведения ИОН РАНХиГС.

С окончанием эпохи гонений началось активное распространение христианства в провинциях империи и землях прилегающих государств и племен. Впрочем, история IV–V вв. знает немало примеров возвращения вчерашних последователей новой веры к культам древних богов. Мотивы, которыми руководствовались обращавшиеся в язычество христиане, были не менее разнообразны, чем причины, побуждавшие недавних приверженцев традиционных культов уверовать в единого Бога. Некоторые из них разочаровывались в новом учении и Церкви[1], другие обращались в язычество в процессе приобщения к классической интеллектуальной традиции[2], третьи – из желания выслужиться перед патроном-идолопоклонником[3]. О многочисленных случаях обращения христиан к древним богам сообщают и источники, освещающие краткое правление Юлиана Отступника.

Несмотря на то что ученые неоднократно отмечали, что в его царствование некоторые христиане отпали в язычество, объектом специального изучения это явление до сих пор не становилось. Упоминавшие о данном феномене исследователи обычно ограничивались перечислением имен известных им отступников, иногда сопровождая их замечаниями о том, что в язычество обращались исключительно карьеристы, отошедшие от древних культов сразу после того, как на престол вступил христианин Иовиан[4]. Фактически, в литературе проблема массовой апостасии граждан империи в 361–363 гг. получила лишь самую поверхностную характеристику. В данной статье мы попытаемся заполнить эту историографическую лакуну, проведем анализ действий Юлиана по обращению его подданных в язычество, охарактеризуем формы и методы этой политики, представим общую оценку ее результатов.

Свое правление Юлиан начал с провозглашения веротерпимости[5]. При этом сам август открыто отдавал предпочтение традиционным культам и делал все, чтобы привлечь к ним граждан империи. И почитатели императора, и его недоброжелатели неоднократно упоминали о том, что, избегая открытого принуждения[6],

---

[1] В анонимной поэме «Carmen ad senatorem» (CAS) рассказывается о сенаторе, который раскаялся в своем крещении и вернулся к почитанию Великой Матери (*CAS* 6–20) и Исиды (ibid. 21–34). По данным Августина, африканские крестьяне возвращались в язычество из отвращения к взаимной жестокости кафоликов и донатистов (Aug. *Ep.* 20*.20 (*CSEL* 88. P. 105)).

[2] См. Vedeshkin 2019, 348–363.

[3] Об упоминаемых в «Carmen contra paganos» вероотступниках Левкадии и Маркиане (*CCP* 78–83) см. Vedeshkin 2016, 76–79.

[4] См. Alfionov 1880, 231–232; Seeck 1897, 330; Bowder 1978, 103; O'Donnell 1979, 61; Pack 1986, 294; Bringmann 2004, 92; Schöllgen 2004, 71; Kahlos 2007, 44; Hahn 2011, 112; Wiemer 2020, 222.

[5] В начале царствования Юлиан издал указы, восстановившие государственную поддержку язычества, одновременно провозгласив полную свободу отправления всех форм христианского культа и позволив сосланным епископам вернуться из изгнания. См., например, Amm. XXII. 5. 4; Theod. *HE.* III.4(2); Soz. V. 5; Soc. III. 5; Philost. VII. 4; *Chron. Pasch.* 362. Ср. Joh. Chrys. *In Bab.* II. 22. См. подробнее Marcos 2009.

[6] Император осуждал насилие в делах веры. В своих сочинениях он выказывал не ненависть к христианам, но глубокое сожаление о том, что часть его подданных

он малу-помалу привлекал своих подданных к язычеству. По воспоминаниям Либания, Юлиан стремился не карать христиан, но убеждать их в истинности древней веры (Lib. *Or.* XVIII. 121–123). Ему вторил Григорий Назианзин: «не смело, не по примеру других христоненавистников, передался он в нечестие, но прикрывал гонение личиной кротости... всякими ухищрениями завлекал несчастных в одну с собой бездну...» (Greg. Naz. *Or.* VII. 11–12)[7]. В начале V в. Павел Орозий сообщал, что Юлиан склонял людей к отступничеству не пытками, но наградами (Oros. VII. 30. 2). «Многих располагал он к приношению жертв ласками и подарками», – рассказывал Сократ Схоластик (Soc. III. 13, пер. Санкт-Петербургской Духовной Академии).

Император открыто объявлял о том, что он предпочитает, чтобы все государственные и придворные должности занимали его единоверцы (Jul. *Ep.* B83/W37/Ф38)[8]. При этом август, по-видимому, не был готов совершенно отказаться от услуг христианских чиновников, выслужившихся при Константине и Констанции II. В надежде на то, что он сможет убедить их оставить «галилеянское суеверие» (так император именовал христианство) и обратиться к отеческим культам, Юлиан стал лично проповедовать своему окружению, «на всех же старался действовать очаровательностью речей и собственным примером» (Greg. Naz. *Or.* VII. 11). Император не считал «врагом всякого, еще не преданного Зевсу,– говорил Либаний,– тех, которых он рассчитывал со временем обратить, тех он не отстранял, но уговорами своими увлекал и сначала отказывавшихся после приводил к тому, что они плясали вокруг жертвенников»[9] (Lib. *Or.* XVIII. 125)[10].

Думается, что существенным, впрочем, далеко не единственным, аргументом в пользу «плясок у жертвенника» для чиновников являлась возможность сохранить ранее занимаемую должность или получить повышение. Через два года после гибели императора[11] Григорий Назианзин вспоминал, что в царствование Юлиана для христиан «одно было право на получение начальства – отступничество» (Greg. Naz. *Or.* V. 19)[12]. На исходе IV столетия ему вторил Астерий Амасийский:

оставила отеческие культы. См. Jul. *Ep.* B83/W37/Ф38; B61c/W36/Ф30; B114/W4/Ф57 – нумерация писем императора приведена по изд. Биде и Кюмона (B); Райт (W) и Фурмана (Ф); здесь и далее пер. Д.Е. Фурмана. Ср. Lib. *Or.* XVIII. 121–124; Eutrop. X. 16. В христианских текстах IV–V вв. даже чувствуется обида на лукавого гонителя, который лишал верных мученического венца: см., например, Greg. Naz. *Or.* IV. 58; Joh. Chrys. *In Bab.* II. 22; *In Juvent.* 1.

[7] Ср. Greg. Naz. *Or.* XVIII. 32. Здесь и далее цитаты из Григория Назианзина даны в переводе Московской духовной академии.

[8] Об изгнании христиан с придворных должностей см. Greg. Naz. *Or.* IV.63. Церковная традиция сохранила предание о том, что август издал указ, воспрещавший последователям новой веры занимать наместнические посты (Ruf. *HE.* I(X). 32; Soc. III. 13. Ср. Soz. V. 18).

[9] Здесь и далее цитаты из Либания даны в переводе С.П. Шестакова.

[10] Ср. с рассказом Григория Назианзина о том, что, даже отвергнув предложение императора перейти в язычество, его брат Кесарий некоторое время оставался при дворе (*Or.* VII. 11–14), чем немало обеспокоил своих родных (*Ep.* 7(17)). Согласно Либанию, Юлиан был ответственен за обращение в язычество комита Феликса (см. ниже).

[11] О времени написания *Or.* V см. Elm 2012, 465–477.

[12] Ср. Greg. Naz. *Or.* IV. 11; VII. 12.

«когда известный царь... желающим делать это (приносить жертвы. – *М. В.*) предоставлял большие почести – то сколько людей, оставив Церковь, побежали к жертвенникам? Сколько, приняв на себя эту приманку государственных почестей, попались вместе с ним на удочку апостасии?» (Aster. Amas. *Hom.* III. 10 (468–469), пер. М.Д. Муретова). Вопрос, безусловно, риторический – по-видимому, отступников было немало.

Одним из них был Юлиан-старший, приходившийся своему тезке дядей по матери (Philost. VII. 10; Theod. *HE.* III. 12–13(8–9); *Pass. Artem.* 23). При Констанции II он занимал посты в системе провинциальной администрации империи, но до высших должностей так и не дослужился[13]. По воцарении его племянника карьера Юлиана пошла в гору. В начале 362 г. он был назначен комитом Востока. На этом посту он занимался восстановлением языческих культов и храмов и, по-видимому, добился немалых успехов[14]. В конце 362 г. комит Юлиан участвовал в закрытии антиохийских церквей и конфискации их имущества (Philost. VII.10; Theod. *HE.* III. 12–13(8–9); Soz. V. 7–8). В христианской традиции за ним закрепилась репутация свирепого гонителя (Theod. *HE.* III. 11(7); Soz. V. 7–8; *Pass. Artem.*; *Pass. Bonos.*; *Pass. Theodoret.*)[15]. Время его обращения неизвестно. Думается, что он перешел в язычество еще до того, как его племянник занял константинопольский престол – в письме, которое август отправил дяде вскоре (через нескольких дней или даже часов) после получения известий о кончине Констанция II, император обращается к родичу как к единоверцу (Jul. *Ep.* B28/W9/Ф14)[16].

Еще одним отступником из числа придворных был Феликс (Lib. *Or.* XIV. 36; Philost. VII. 10; Theod. *HE.* III. 12(8)). После того как Юлиан был провозглашен соправителем Констанция, Феликс, ранее занимавший пост нотария, был включен в свиту молодого цезаря. Согласно Аммиану, Феликс находился при Юлиане на протяжении всего его пребывания в Галлии. Несмотря на то что август видел в Феликсе «своего человека»[17], его карьерный рост после захвата Отступником единоличной власти позволяет предположить, что чиновник поддержал узурпацию 360 г. – в новом правительстве Феликс занял пост комита священных щедрот[18]. Вероятно, его обращение произошло уже после того, как Юлиан открыто объявил о своем язычестве – в начале 363 г. Либаний упоминал о том, что

---

[13] До 361 г. он был президом Фригии. См. Lib. *Ep.* F764 (нумерация писем Либания дается по изд. Ферстера (F), Нормана (N) и Брэдбери (B)).

[14] В конце 362 г. император поручил ему восстановить храм Аполлона в Дафне (Jul. *Ep.* B80/W29/Ф35). Об участии комита Юлиана в восстановлении культа Асклепия в Эгине см. Lib. *Ep.* F625/B147; F695; о поощрении им празднеств в честь Артемиды в Тарсе (ibid. F712/B181); ср. *Pass. Artem.* 23.

[15] О Юлиане-старшем см. *PLRE* I, 470 (Iulianus 12); Haehling 1978, 181 (11. Iulianus); Petit 1994, 138 (156 Julianus II). О его образе в агиографии см. Teitler 2017, 85–89; 114–117. Впрочем, по мнению Вудса, мучителем Боноза и Максимилиана был не дядя императора, а его тезка – командир легионов иовианов и геркулианов (Woods 1995a, 51–54; 1995b, 61).

[16] Bowersock 1978, 62–63. О времени написания письма см. Furman 1970a, 237, прим. 1.

[17] В конце 360 г. Констанций II «рекомендовал» Юлиану назначить Феликса на пост магистра оффиций (Amm. XX. 9. 5).

[18] Он вступил в должность до 9 марта 362 г. См. *CTh.* IX. 42. 5.

Феликс лишь недавно стал «другом богов» (Φῆλιξ... θεοῖς δὲ νεωστὶ φίλος – Lib. *Or.* XIV. 36). Впоследствии комит участвовал в закрытии Великой Церкви Антиохии в конце 362 г. (Philost. VII.10; Theod. *HE.* III. 12–13 (8–9))[19].

Император сумел обратить и своего друга Гельпидия (Theod. *HE*. 12(8); Philost. VII. 10; *Pass. Bas. Anc*. 9) – еще одного чиновника Констанция II, поставленного присматривать за действиями Юлиана в Галлии. После того как Отступник взошел на престол, Гельпидий получил должность комита частных имуществ и вошел в число наиболее влиятельных придворных[20]. Современникам царедворец запомнился как праведный язычник – Либаний хвалил его «ревность к божеству» (τῇ δὲ περὶ τὸ θεῖον σπουδῇ – Lib. *Or.* XIV. 35) – и активный проводник антихристианской политики императора – последователи новой веры вспоминали о его участии в закрытии Великой Церкви Антиохии (Theod. *HE.* III. 12(8); Philost. VII. 10) и истязаниях пресвитера Василия Анкирского (*Pass. Bas. Anc*. 9; 12–13)[21]. Пети высказывал предположение, что обращение Гельпидия свершилось еще до завоевания Юлианом единоличной власти. В подтверждение этой гипотезы он указывал на написанное в конце 358 г. письмо Либания, в котором упоминалось о том, что знакомство с Юлианом благотворно сказалось на нравах Гельпидия. Ритор считал, что благодаря общению с цезарем чиновник обрел «добродетель» (Lib. *Ep.* F35/N38). Вероятнее всего, под «добродетелью» софист подразумевал именно язычество[22]. Догадка исследователя подтверждается данными XIV речи Либания, в которой ритор заявлял о том, что упомянутый выше Феликс стал другом богов лишь недавно. Это замечание Либаний делает при перечислении ближайших сподвижников Юлиана: Максима, Приска, Гельпидия и Феликса (Lib. *Or.* XIV. 32–36). Из них прозелитами были лишь Гельпидий и Феликс, следовательно, вероотступничество комита частных имуществ случилось задолго до обращения комита священных щедрот[23].

Самым заметным из отступников эпохи Юлиана был Домиций Модест – один из известнейших государственных деятелей середины IV в. К концу правления Констанция II он уже дослужился до комита Востока. На этом посту чиновник «прославился» организацией печально известного Скифопольского процесса, жертвами которого стали многие представители восточноримской элиты[24]. Несмотря на сомнительную репутацию, по воцарении Юлиана Модест получил повышение. Осенью 362 г. он был назначен префектом Константинополя. Своим карьерным ростом чиновник скорее всего был обязан своевременному отказу от христианства. Впрочем, нельзя исключать того, что еще до 361 г. Модест был

---

[19] О Феликсе см. *PLRE* I, 332 (Felix 3); Petit 1994, 107 (111 Felix II); Olszaniec 2013, 168–172 (Felix 1).

[20] О влиянии Гельпидия при дворе см. Lib. *Ep.* F758/N95; F796/B156.

[21] Обсуждение проблемы аутентичности *Pass. Bas. Anc.* не входит в число задач данной статьи. Историографию вопроса см. в Busine 2019, 265, n. 10.

[22] Petit 1994, 90.

[23] О Гельпидии см. *PLRE* I, 415 (Helpidius 6); Haehling 1978, 142 (11. Elpidius); Petit 1994, 89–90 (84. Elpidius II); Olszaniec 2013, 217–222.

[24] О его участии в организации процесса см. Amm. XIX. 12. 6. О Скифопольском процессе см. Heyden 2010, 310–311; Vedeshkin 2018, 197–198.

тайным язычником. Намек на это содержится в написанном в конце 362 г. письме Либания, в котором ритор поздравлял друга с новообретенной возможностью открыто поклоняться издавна чтимым им богам (Lib. *Ep.* F804/B74). Некоторый вес гипотезе о тайном язычестве Модеста придают и данные переписки Либания второй половины 350-х годов. В посланиях к называвшему себя христианином чиновнику Либаний неоднократно поминал древних богов и даже заклинал друга именем Зевса, что было бы едва ли уместно в случае, если Модест являлся искренним приверженцем новой веры[25].

В число язычников-неофитов можно включить и Селевка – одного из друзей юности августа[26]. По воцарении Юлиана он получил чин комита[27] и был поставлен верховным жрецом Киликии. На этом посту Селевк активно участвовал в восстановлении языческого богопочитания во вверенной ему провинции (Lib. *Ep.* F770/N92; F771; Jul. *Ep.* B86/W32/Ф41). В 363 г. Селевк присоединился к свите Юлиана, при котором он находился до самой его смерти[28]. Информация о том, что жрец некогда был христианином, выводится из сообщения Палладия Еленопольского. Рассказывая о дьякониссе Олимпиаде, агиограф отмечал, что она была дочерью бывшего комита Селевка и внучкой префекта Аблабия – знаменитого царедворца времен Константина (Pall. *Laus.* 56(CXLIV)[29]. С учетом того факта, что нам известен лишь один Селевк, занимавший высокий пост в середине IV в., друг Юлиана является наиболее вероятным кандидатом на роль отца Олимпиады. Родство дьякониссы с префектом могло идти лишь по линии Селевка – отец ее матери Александры дожил по меньшей мере до 361 г.[30], а Аблабий был убит еще в 337 г.[31] Известно, что префект был праведным христианином, следовательно, его наследник также должен был воспитываться в этой вере[32]. При этом

---

[25] См. Lib. *Ep.* F200/N70; F220/B71; F617/B73; F624. Альтернативная точка зрения представлена в Sandwell 2011, 258–259. О Модесте см. *PLRE* I, 608 (Domitius Modestus 2); Dagron 1974, 242–244, 246–247; Petit 1994, 165–172, 200 (Modestus); Van Dam 2002, 106–135. Ал. Кэмерон выдвинул гипотезу, что Модест был объектом анонимной поэтической инвективы «Carmen ad quendam senatorem», высмеивавшей бывшего консула, который сначала был язычником, затем принял крещение и наконец вновь обратился к древним культам (Cameron 2011, 326–327). Это предположение выглядит сомнительно. Во-первых, вся обстановка *CAS* указывает на то, что местом действия поэмы был Рим, а не Антиохия или Константинополь, как предполагал исследователь (см. McLynn 2015, 233–234). Во-вторых, до своего вступления в консульство Модест вновь обратился в христианство (см. ниже прим. 92).

[26] Они были знакомы по крайней мере с 353 г.; см. Lib. *Ep.* F13/B23.

[27] Летом 362 г. Либаний упоминал о том, что Селевк получил высокий государственный пост – «опоясался» (Lib. *Ep.* F734/B155). О том, что Селевк стал комитом, см. *Pall. Laus*. 56(CXLIV); *V. Olymp*. II; называвший его префектом Малала, очевидно, спутал Селевка с его отцом Аблабием (Malal. *Frag. Tusk*. (*PG* 85, col. 1812)).

[28] Селевк участвовал в персидском походе (Lib. *Ep.* F802/N98; F697/B129; F1508/N142).

[29] Ср.V. *Olymp*. II; Malal. *Frag. Tusk*. (*PG* 85, col. 1812–1816).

[30] *PLRE* I, 818.

[31] См. Chausson 2002, 210–211; Burgess 2008, 18–19, 28–31, 40–41.

[32] О нем см. *PLRE* I, 818–819 (Seleucus 1). О проблеме родственных связей Аблабия, Селевка и Олимпиады см. подробнее Vedeshkin 2021.

Иоанн Златоуст упоминал, что дочь Селевка происходила из «нечестивого дома» (ἐξ ἀσεβοῦς οἴκου – Joh. Chrys. *Ep. Ad. Olymp.* 2. 5 (8. 5)). Аблабия, который за свое благочестие удостоился похвалы Афанасия Александрийского и императора Константина (Athan. *Fest. Ep.* IV. 5; *Sirm.* I), архиепископ едва ли мог назвать «нечестивцем», следовательно, речь шла не обо всем семействе Олимпиады, но лишь об ее отце. Очевидно, между 337/338 г. и 361 г. сын Аблабия обратился в язычество. В письмах Юлиана и Либания Селевк уже предстает несомненным последователем традиционных культов. Его переход в язычество, по-видимому, не был напрямую связан со вступлением на престол его друга – в конце 361 г., обращаясь к Селевку, Либаний с большим энтузиазмом отзывается об изданном Юлианом эдикте о восстановлении языческого богопочитания (Lib. *Ep.* F697/B129). Судя по его тону, софист знал, что его корреспондент одобряет новый религиозный курс.

Случаи вероотступничества чиновников и придворных едва ли ограничивались этими примерами. Однако имена прочих прозелитов нам неизвестны[33]. Так или иначе, не вызывает сомнений, что в царствование Юлиана в язычество перешла значительная часть представителей «политического класса». Примечательно, что некоторых из них август обратил еще в царствование Констанция, когда переход в язычество не сулил никаких политических выгод и мог быть потенциально опасен для неофита. В целом Юлиану удалось полностью укомплектовать центральную и провинциальную администрацию империи своими единоверцами[34].

Военные были еще одной социальной группой, обращению которой Юлиан придавал первостепенное значение. Очевидно, он понимал, что недовольство армии может не только поставить крест на планах языческой реставрации, но и стоить ему

---

[33] Некоторые исследователи высказывали предположение, что в правление Юлиана в язычество обратился проконсул Азии Дулькиций (Malcus 1967, 108; von Haehling 1978, 140; Schöllgen 2004, 71). Единственным аргументом в пользу этой гипотезы являются данные о том, что чиновник, получивший свой пост в правление Констанция II, не был отправлен в отставку при Юлиане. Думается, что этой информации недостаточно для того, чтобы называть Дулькиция отступником. Во-первых, среди чиновников Констанция II было немало язычников (см. von Haehling 1978, 527). Многие из них продолжили службу при Юлиане. См. *PLRE* I, 7 (Acacius 8); 50 (Fl. Amachius); 106–107 (Aristophanes); 174–175 (Calliopius 2); 237–238 (Cyrillus 1); 583 (Maximus 19); 797 (Sallustius 5); 814–817 (Saturninius Secundus Salutius 3); 973 (Ulpianus 3). Во-вторых, не сохранилось никаких свидетельств о том, что проконсул когда-либо исповедовал христианство. Впрочем, нельзя исключать и того, что Дулькиций, как, впрочем, и любой другой чиновник Юлиана, язычество которого не было надежно зафиксировано в источниках, освещавших царствование Констанция II, был прозелитом. О Дулькиции см. *PLRE* I, 247 (Dulcitius 5); Petit 1994, 84–85 (79. Dulcitius III). В отступники царствования Юлиана иногда записывают и героя анонимной «Carmen ad quendam senatorem» (Rosen 1993). К сожалению, описываемые в поэме события невозможно точно датировать. Апостасия героя инвективы могла свершиться в любое время после 312 и до 395 г. (Boxus, Poucet 2010). Иными словами, гипотезу о том, что «некий сенатор» был одним из «соблазненных» Юлианом придворных, нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

[34] За все царствование Юлиана не известно ни одного чиновника-христианина (von Haehling 1978, 537–539; Bowder 1978, 103).

власти и даже жизни (Greg. Naz. *Or.* IV. 63). Вероятно, поначалу император опасался, что провозгласившие его августом воины отвернутся от него, если он открыто объявит о своих религиозных симпатиях[35]. Вплоть до окончательного разрыва с Констанцием осторожный Юлиан скрывал свое язычество (Amm. XXI. 5. 1; 5. 3) и продолжал выдавать себя за христианина (ibid. XXI. 2. 3). Однако он переоценивал христианское благочестие своих солдат. Многие из них происходили из областей, в которых новая вера еще не пустила прочные корни, и, видимо, были лишь номинальными христианами[36]. Другие были открытыми язычниками[37]. Существенное влияние на религиозный выбор армии, несомненно, оказывало и ее отношение к Юлиану – победоносный полководец, многие годы деливший со своими боевыми товарищами тяготы походной жизни, пользовался огромным авторитетом у солдат и офицеров. Источники не сохранили ни одного упоминания о том, что воины выразили хоть какое-то недовольство, после того как летом 361 г. император открыто объявил о своем язычестве[38]. Осенью того же года в послании к своему учителю Максиму мятежный цезарь не без гордости писал о том, что основная масса его армии открыто почитает богов и совершает религиозные обряды (Jul. *Ep.* B26/W8/Ф13).

Таким образом, переход в язычество войск, служивших под началом Юлиана в Галлии, прошел довольно гладко. Впоследствии «галлы» зарекомендовали себя горячими сторонниками древних культов. Во время зимовки в Антиохии воины из легионов кельтов и петуланов с энтузиазмом участвовали в проводимых Отступником религиозных церемониях (Amm. XXII. 12. 6), а солдаты из ранее служивших на рейнском лимесе подразделений дивитенсов и тунгриканов[39] сохранили верность язычеству и после смерти своего вождя[40].

Сложнее дело обстояло с обращением восточных армий. На востоке христианство было более распространено, чем на западе, и среди призванных на этих территориях рекрутов удельный вес последователей новой веры был выше, чем в галльских армиях. Кроме того, большинство из служивших под началом Констанция II воинов не питали симпатий к новому августу, которого они имели все основания считать и отступником, и мятежником. В результате Юлиан долгое время не решался всерьез взяться за привлечение восточных легионов к язычеству. Их «дехристианизация» началась лишь после того, как император

---

[35] См. Theod. *HE.* III. 3(1); Tomlin 1998, 31–32; Shean 2010, 288.

[36] Западные армии по большей части рекрутировались из числа галльских крестьян, варваров-летов и зарейнских германцев, среди которых и поколение спустя было нелегко найти христианина, см., например, Sulp. Sev. *V. Martin*. 13–14; *Dial.* III. 8; Bowder 1978, 94–95; Jones 1986, 137; Tomlin 1998, 24–25; Lee 2008, 227; Shean 2010, 291.

[37] Sauer 1996; Tomlin 1998, 28, n. 60.

[38] В написанном летом 361 г. послании к афинянам Юлиан уже открыто заявлял о своем язычестве, см. Jul. *Ep. ad Ath*. 280d, 282d, 284b–c. О дате и месте составления этого текста см. Mark 2012, 77; с библиографией на 88, n. 9–10. Ср. с упоминаниями «богов» в письме, написанном во время похода против Констанция (Jul. *Ep.* B19/W73/Ф10; Bidez, Cumont 1922, 24–25), и известиями Либания и Сократа о том, что Юлиан принялся восстанавливать языческие культы на территориях, которые он контролировал во время гражданской войны (Lib. *Or.* XVIII. 114–117; Soc. III. 1).

[39] О них см. Tomlin 2008, 155.

[40] Ср. Amm. XXVI. 6. 12–13 и XXVI. 7. 17.

укрепил свою власть и ликвидировал потенциальную опасность военного мятежа (Amm. XXII. 11. 1–2)[41].

Верный своим принципам, Юлиан оставлял за солдатами право открыто следовать своей вере[42]. При этом август мало-помалу приучал новообретенные армии к язычеству (Lib. *Or.* XVIII. 167). Обращение началось с замены христианских хоругвей на значки с изображениями богов и героев (Greg. Naz. *Or.* IV. 66; Soz. V. 17). Судя по всему, даже такие незначительные преобразования вызывали брожения среди воинов. Агиографическая традиция сохранила рассказ о том, что знаменосцы иовианов и геркулианов Боноз и Максимилиан были казнены за отказ выполнить приказ командира и снять христианские символы со штандартов (*Pass. Bonos*.)[43].

Кульминация усилий императора по пропаганде язычества пришлась на январь 363 г.[44] Только что вступивший в очередное консульство август принял новую присягу воинов, после чего следовала традиционная раздача донатива. На этот раз ритуал был изменен – перед тем, как получить подарок, легионеры должны были бросить несколько зерен фимиама на жертвенник Марса. Несмотря на то что, разгадав намерения императора, некоторые воины-христиане отказались от участия в церемонии, многие принесли жертву, зачастую даже не понимая, что тем самым они отступают от христианства (Greg. Naz. *Or.* IV. 82–83; Lib. *Or.* XVIII. 168–170; Soz. V. 17; Theod. *HE.* III. 16(12); Theoph. *Chron.* 5854). По данным христианских авторов, действия Юлиана возмутили некоторых легионеров из числа последователей новой веры, ранее простодушно совершивших подобную «техническую» апостасию. Поняв, что они невольно сделались отступниками, воины потребовали у императора дать им шанс засвидетельствовать веру мученической смертью. Их просьбы не были удовлетворены. Смутьяны отделались обвинением в нарушении дисциплины

---

[41] О связи участия Юлиана в похоронах Констанция и организации Халкидонского процесса с его стремлением снизить оппозиционные настроения в рядах восточной армии см. Greg. Naz. *Or.* V. 16–17; Kaegi 1967, 250–255; Blockley 1972, 449–450; Bowersock 1978, 66–70.

[42] Христианские писатели заявляли, что Юлиан лишил их единоверцев возможности служить в гвардии (Soc. III. 13; Joh. Ant. Fr. 204 (ed. Mariev)) или даже вовсе запретил брать их на воинскую службу (Ruf. *HE.* I(X). 32; Theod. *HE.* III. 8(4). Эти свидетельства опровергаются сообщениями современников (см. Greg. Naz. *Or.* IV. 65; Aug. *Enarr. in Psalm*. 124. 7), в том числе и самого императора (см. ниже). Рассказы о чистке гвардии от христиан, по-видимому, основываются на неправильной интерпретации эдикта, сократившего штат корпуса доместиков до пятидесяти человек (*CTh.* VI. 24. 1). Несмотря на то что многие из уволенных были последователями новой веры, в корпусе осталось некоторое количество христиан, в том числе примикерий Иовиан (см. Lenski 2002b, 274–245). Известно еще несколько христиан, занимавших командные должности в армии Юлиана, см. *PLRE* I, 461 (Iovianus 3); 462–463 (Iovinus 6); 443 (Hormisdas 2); 812–813 (Sebastianus 2); 957–959 (Victor 4); Haehling 1978, 540. Как было доказано Ленски, рассказы о том, что будущие императоры Иовиан, Валентиниан и Валент подверглись репрессиям за свое исповедание новой веры, являются плодом позднейшего мифотворчества (см. Lenski 2002b).

[43] Аутентичность событий, освещаемых в *Pass. Bonos*., признается не всеми исследователями. Pro – см. Woods 1995a, с историографией, 27, n. 6; 1995b; contra – Hahn 2004, 173–174; den Boeft *et al*. 2005, 193–194; Cameron 2011, 105–106. Об идентификации комита Юлиана из *Pass. Bonos*. см. Woods 1995a, 51–54; 1995b, 61.

[44] О дате см. Gleason 1986, 109.

и ссылкой в отдаленные регионы римской державы (Greg. Naz. *Or.* IV. 84; Theod. *HE.* III. 17(13); Soz. V. 17)[45]. Через несколько дней[46] последовала новая вспышка недовольства – воины-христиане из schola gentilium сговорились убить Юлиана. Их планы стали известны властям, после чего восемь из них были отправлены в изгнание, а двое зачинщиков – Ювентин и Максимин – казнены[47].

Эти сведения, казалось бы, демонстрируют неприятие религиозной политики августа воинами и подтверждают провал его попытки привлечь солдат восточной армии к язычеству. Вместе с тем все вышеперечисленные проявления недовольства исходили из среды гвардии[48], то есть части воинства, которая была

---

[45] Вероятно, о тех же событиях рассказывал Аммиан, сообщавший о ссылке трибунов скутариев Романа и Винкенция (Amm. XXII. 11. 2). Ср. с рассказом Феодорита о воине-исповеднике Романе (Theod. *HE.* III. 17(13)). Впрочем, Вудс не исключает, что ссылка трибунов могла не быть напрямую связана с недовольством расквартированных в Антиохии солдат-христиан (Woods 1997a, 276).

[46] О дате см. Peeters 1924.

[47] По свидетельству Иоанна Златоуста и Феодорита (Joh. Crys. *In Juvent.* 2–3; Theod. *HE.* III. 15(11)), на пиру несколько воинов-христиан начали поносить Отступника. Об их разговорах было доложено Юлиану, который якобы приказал арестовать болтунов. После бесплодных попыток склонить их к язычеству император повелел казнить зачинщиков преступных разговоров Ювентина и Максимина. Несколько иначе о тех же событиях рассказывал Малала – по мнению хрониста, два христианских воина были осуждены на смерть не за пьяную болтовню, а за публичную критику императора (Malal. XIII. 19(327)). Эти свидетельства не согласуются с хорошо известным нежеланием Юлиана «плодить» мучеников (см. прим. 6 выше). Вероятно, за воинами числились более серьезные прегрешения. Некоторое представление об истинных причинах казни могут дать воспоминания Либания о том, что десять солдат планировали убить императора во время смотра. Заговор провалился после того, как один из воинов проговорился об их намерениях (Lib. *Or.* XVIII. 199). Несмотря на то что исследователи уже не раз пытались увязать известия христианских авторов со свидетельством софиста (например, Norman 1969, 413, n. b; Hahn 2004, 173), отождествлению мучеников с лидерами заговорщиков мешал рассказ Либания о том, что август помиловал злоумышленников (Lib. *Or.* XV. 43, XVI. 19, XVIII. 199, *Ep.* F1120/N113; см. Teitler 2013, 285–286). Решение этой проблемы было предложено Барнсом, обратившим внимание на то, что впоследствии Либаний говорил, что император простил поднявшую на него мечи «восьмерку» (Lib. *Ep.* F1120/N113). Как несложно заметить, число заговорщиков сократилось против первоначальной «десятки». Следовательно, два злоумышленника (по-видимому, Ювентин и Максимин) все же лишились жизни. Упомянуть об этом всегда подчеркивавший милосердие Юлиана Либаний, вероятно, не посчитал необходимым. Иными словами, данные ритора прямо не противоречат сообщениям христианских писателей. Ювентин и Максимин были казнены, но не как «мученики за веру», а как лица, обвиненные в покушении на убийство императора (Barnes 1998, 53). Вудс предположил, что оставшиеся восемь солдат спаслись, совершив вероотступничество (Woods 1997b, 349). Эта гипотеза подтверждается рассказом Златоуста, сообщавшего, что товарищи Ювентина и Максимина заслужили прощение принесением жертвы (Joh. Chrys. *In Iuvent.* 2).

[48] Боноз и Максимилиан служили в привилегированных легионах корнунтов-иовианов и корнунтов-геркулианов соответственно (об их статусе см., например, Soz. VI. 6); Роман и Винкенций были командирами первой и второй схолы гвардейцев-скутариев; а Ювентин и Максимин – телохранителями-кандидатами из числа гентилов-скутариев (Malal. XIII. 19(327); Woods 1997a, 283–284; 1997b, 347–348).

в наибольшей степени подвержена пропаганде новой веры[49]. При этом источники вовсе не упоминают о каких-либо брожениях среди представителей «рядовых» подразделений полевой и пограничной армии, составлявших основу вооруженных сил империи. Несмотря на то что среди них, конечно же, было немало убежденных христиан, никакого активного сопротивления религиозной политике императора они, по-видимому, не оказали[50]. Солдаты-язычники[51] ее, очевидно, поддерживали, а воины, не имевшие твердых религиозных убеждений, принимали ту веру, которую исповедовал император, ведь, как отмечал Григорий Назианзин, «военные люди... не знают другого закона, кроме царской воли» (Greg. Naz. *Or.* IV. 64)[52]. Иными словами, большинство легионеров довольно спокойно приняли новый религиозный курс.

Открытое предпочтение, которое император отдавал язычеству, объективно повышало его привлекательность для простых солдат и особенно офицеров, которые, несомненно, осознавали, что, обратившись и склонив к отступничеству своих подчиненных, они смогут добиться расположения государя[53]. Распространению язычества способствовала и готовность Юлиана вознаграждать решившихся поклониться богам воинов. Феодорит сообщал, что, несмотря на то что многие из «отступников» попались в расставленные императором сети по неведению, нашлись и те, кто «по страсти к деньгам небрегли о своем спасении или, боясь царя, изменяли благочестию» (Theod. *HE.* III. 16(12), пер. Московской духовной академии)[54].

Обращение армии было закреплено частыми пирами, на которых император потчевал воинов вином и идоложертвенным мясом. Аммиан вспоминал, что в месяцы, предшествовавшие персидскому походу, «иной раз Юлиан закалывал по сто быков, без счета приносил в жертву множество разного скота и белых птиц... так что каждый почти день можно было видеть, как наедавшихся без меры мяса и напившихся до бесчувствия солдат тащили по улицам в казармы на своих плечах прохожие из общественных зданий с пиров» (Amm. XXII. 12. 6, пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни). По-видимому, необычайное количество жертвоприношений, за которые Юлиана осуждали даже некоторые язычники[55], было в том числе вызвано и надеждами императора на то, что полный желудок возобладает над религиозным чувством солдат. Ожидания августа вполне оправдались – согласно воспоминаниям Либания, по прошествии нескольких месяцев

---

[49] О христианской набожности гвардейцев Констанция см. Lib. *Or.* XVIII. 94; Zos. III. 3. 2; ср. Theod. *HE.* III. 3(1).

[50] О подчинении христиан в армии Отступника воинской дисциплине см., например, Aug. *Enarr. in Psalm*. 124. 7.

[51] О воинах-язычниках в армии Констанция см. Ephr. *C. Jul.* III. 10–12.

[52] Ср. Jones 1963, 24–25.

[53] О принуждении солдат к язычеству см. Greg. Naz. *Or.* IV. 64; *Chron. Pasch*. 363; Theoph. *Chron*. 5855; см. Bidez 1913, 232; Whitby M., Whitby M. 1989, xvi; Mango *et al*. 1997, lxxx–lxxxi.

[54] Ср. Joh. Chrys. *In Bab*. II. 23; *In Iuvent*. 2; *Chron. Pasch*. 363; Theoph. *Chron*. 5855.

[55] Amm. XXII. 14. 3, XXV. 4. 17; *Epit. de Caes*. 43. 7; Joh. Chrys. *In S. Bab*. II. 19(103)). О масштабах жертвоприношений см. также Lib. *Or.* XII. 87, XIV. 69, XVII. 9, XXIV. 35; Amm. XXII. 12. 7; Joh. Chrys. *In Bab*. II. 15(80); Prud. *Apoth*. 455–464; Soc. III. 17.

религиозно-гастрономической обработки «воины по собственному почину бежали к жертвенникам и спорили из-за ладана» (Lib. *Or.* XII. 90). Эффективность акций императора по привлечению армии к древним культам косвенно признавалась даже его идейными противниками, в том числе и Григорием Назианзином, который, замечая, что «пала» лишь часть армии, соглашался с тем, что часть эта была велика (Greg. Naz. *Or.* IV. 64–65).

Косвенным свидетельством успеха императорских начинаний служит и фрагментарно сохранившееся послание Юлиана к Либанию, написанное в Иераполе в марте 363 г. Рассказывая софисту о походных буднях, император между делом заметил: «Многие из солдат галилеян обратились ко мне...» (Πολλοὶ στρατιῶται προσῆλθόν μοι τὴν Γαλιλαίων... – Jul. *Ep.* B98/Ф49). Следующие две строчки (прибл. семьдесят букв) манускрипта утрачены[56]. По мнению Фурмана, далее император сообщал о том, что многие солдаты его армии обратились в язычество[57]. В пользу подобной реконструкции свидетельствует оптимистический тон письма и сам факт наличия лакуны – вероятно, христианский переписчик не решился копировать это сообщение[58].

Несмотря на то что источники не называют имен обратившихся в язычество военных, личности некоторых из них можно установить с высокой долей вероятности. Наиболее очевидным кандидатом на роль полководца-вероотступника является родич августа – Прокопий. При Констанции он занимал пост нотария и трибуна, а после вступления на трон Юлиана получил звание комита и был поставлен во главе армии, призванной отвлекать персов от главного удара римлян. Спустя полтора года после смерти Отступника Прокопий попытался захватить власть и, потерпев неудачу, был казнен[59]. Несмотря на то, что степень родства императора и военачальника неизвестна, ясно, что тот был родственником августа по линии его матери Базилины[60], семья которой была известна своим христианским благочестием[61]. Вероятно, Прокопий, как и Юлиан, воспитывался в новой вере. В пользу того, что в царствование Отступника он перешел в язычество, косвенно свидетельствуют ходившие по империи разговоры, что, отправляясь в поход против персов, август назвал Прокопия своим наследником (Amm. XXIII. 3. 2, XXVI. 6. 2; Philost. IX. 5; Zos. IV. 4. 2)[62]. Даже в том случае, если

---

[56] Bidez, Cumont 1922, 159.

[57] Furman 1970b, 241, прим. 8.

[58] Ср. с лакуной в конце Jul. *Ep.* B89a/W20/Ф44. Здесь текст также обрывается сразу после того, как император начинает рассуждать о христианстве (см. Wright 1923, 61, n. 2; Furman 1970b, 228, прим. 9).

[59] О Прокопии см. *PLRE* I, 742–743 (Procopius 4); Grattarola 1986; Lenski 2002a, 98–115.

[60] Источники и историографию по проблеме см. в Grattarola 1986, 84; Lenski 2002a, 69.

[61] Базилина, а следовательно, и родня Прокопия, была связана кровными узами с епископом Евсевием Никомедийским. См. Amm. XXII. 9. 4. О набожности самой Базилины см. Pall. *Dial.* XIII; Phot. *Bibl.* 96.

[62] Достоверность этих сведений спорна. Несмотря на то что Зосим писал о признании Прокопия наследником как о свершившемся факте, исследователи чаще склоняются к точке зрения Аммиана, считавшего это «ложным слухом» (Amm. XXVI. 6. 2; см. Wiebe 1995, 9–10; Lenski 2002a, 69–70; den Boeft *et al.* 2007, 130). Думается, что в данном случае Зосим – более надежный информатор. Большая часть его труда является пересказом

это были всего лишь слухи, невозможно представить, что кто-то мог поверить, будто Юлиан завещал престол одному из «нечестивых галилеян». В пользу гипотезы об апостасии Прокопия свидетельствует и рассказ о том, что, переходя на службу к узурпатору, некогда служившие под началом Отступника легионы присягали ему именем Юпитера (Amm. XXVI. 7. 17)[63]. Эти воины знали комита по персидской кампании и должны были иметь хотя бы самое общее представление о его религиозных симпатиях.

Не исключено, что одним из офицеров-вероотступников был и Аммиан Марцеллин. Гипотеза о том, что «солдат и грек» перешел в язычество при Юлиане, была сформулирована Барнсом, отметившим, что для человека, никогда не принадлежавшего к числу последователей новой веры, историк слишком хорошо знал христианскую терминологию. Исследователь убедительно показал, что из всех авторов-язычников IV в. схожую осведомленность о новом учении и церковных делах демонстрировал лишь сам Юлиан Отступник[64]. В целом эта идея хорошо объясняет и сложное отношение Аммиана к новой вере, и его отставку при Иовиане[65].

Таким образом, за неполных два года императору удалось вернуть в лоно отеческой веры значительную, а возможно, и большую часть армии. Войска, служившие под его началом в Галлии, перешли в язычество летом–осенью 361 г., а восточные легионы император привлек к древним культам в течение девятимесячного «сидения» в Антиохии. В ряде случаев обращение солдат произошло под давлением со стороны их командиров, однако основная масса воинов, вероятно, сделались отступниками вполне добровольно.

Известны и отдельные примеры апостасии представителей христианского духовенства. Самым известным среди клириков-вероотступников был упоминаемый в переписке Юлиана и «Мученичестве Василия Анкирского» епископ Пегасий Троадский (Jul. *Ep.* B79/W19/Ф34; *Pass. Bas. Anc.* 9; 10). Архиерей был старым знакомым императора, который встречался с ним во время своей второй ссылки в Малую Азию. По воспоминаниям Юлиана, еще в ту пору Пегасий отличался на редкость широкими взглядами и, в отличие от большинства служителей новой веры, спокойно и даже с симпатией относился к сохранению традиционного богопочитания в своем городе (Jul. *Ep.* B79/W19/Ф34). После воцарения Юлиана Пегасий отрекся от христианства и вступил в ряды обновленного языческого жречества[66]. Лаконичные упоминания о еще двух клириках-отступниках – епископе Героне Фиваидском и антиохийском пресвитере Феотекне – сохранились

исторического труда Евнапия, опиравшегося на записки Орибасия – конфидента и личного врача Юлиана (Chalmers 1960, особенно 155–156; Fornara 1991; Liebeschuetz 2003, 183, 188), который мог быть осведомлен о неизвестных Аммиану планах императора.

[63] Testati more militiae Iovem invictum Procopium fore. Ср. с христианскими формулами клятв, которые легионеры давали при Констанции – Amm. XVII. 13. 34.

[64] Barnes 1998, 79–94, особенно 82–83.

[65] Аргументы в пользу того, что в царствование Иовиана Аммиан поплатился военной карьерой за излишне активное участие в мероприятиях Юлиана, см. в Woods 2000, 704–705.

[66] О Пегасии см. Pietri, Destephen 1999, 783–785; Schöllgen 2004.

в анонимной «Арианской истории»[67]. Наконец, по данным сирийского «Романа о Юлиане», от христианства отреклись многие клирики Карр-Харрана[68].

Самым простым объяснением их апостасии было бы признание Пегасия, Герона, Феотекна и каррских священников циничными нигилистами, изменившими вере из конъюнктурных соображений. Как известно, в начале своего царствования Юлиан отменил льготы и иммунитеты христианского клира[69] и подтвердил привилегии языческого жречества, после чего оппортунисты, которых в рядах христианских священнослужителей было, по-видимому, немало[70], начали спешно перестраиваться под новый религиозный курс империи. Впрочем, мотивы обращавшихся в идолопоклонство клириков не следует сводить исключительно к поискам сиюминутной выгоды. Опираясь на данные переписки Юлиана, многие исследователи называли Пегасия, полагавшего, что языческие герои достойны не меньшего почитания, чем христианские мученики (Jul. *Ep.* B79/W19/Ф34), приверженцем некой синкретической веры, наполовину христианином – наполовину язычником[71]. Сам император считал, что епископ был тайным язычником[72], использовавшим свое положение для защиты храмов от излишне фанатичных христиан[73]. Если это так, то восшествие на престол Юлиана могло дать Пегасию шанс раскрыть свои религиозные убеждения. Несмотря на то что почти никаких подробностей апостасии Герона и Феотекна не сохранилось, известно, что они обратились в язычество, находясь в Антиохии на Оронте (*Chron. Pasch.* 363) – городе, где на тот момент располагался императорский двор. Отступничество харранских священнослужителей также пришлось на время пребывания ставки августа в их городе. Как уже отмечалось выше, император

---

[67] Общий источник для Philost. VII. 13; *Chron. Pasch.* 363; Theoph. *Chron.* 5855; см. Bidez 1913, 232.

[68] Sokoloff 2017, 269; 468. Возможно, рассказывая об апостасии христиан Харрана, живший в VI в. автор пытался объяснить очень долгое сохранение языческих культов в этом городе. О язычниках Карр в IV–VI вв. см. Green 1992, 54–73; о сирийском «Романе о Юлиане» см. Muraviev 1999.

[69] Об иммунитетах клира см. Elliott 1978, 326–336; Testa 2001, 125–144. Об отмене привилегий клира при Юлиане см. Vedeshkin 2018, 202.

[70] Сам Юлиан предполагал, что Пегасий обратился в христианство и стал епископом «из властолюбия» (Jul. *Ep.* B79/W19/Ф34). Другие примеры подобных «обращений» см. в Athan. *Hist. Ar.* 73; 78; *Apol. ad. Const.* 28.

[71] См. Heather, Moncur 2001, 56, n. 33; Drake 2002, 405–406; Schöllgen 2004; Kahlos 2007, 47; Ward-Perkins 2008, 393–394; Athanassiadi 2015, 41–42. Альтернативную точку зрения отстаивал Армстронг, утверждавший, что на момент своей первой встречи с Юлианом Пегасий был искренним христианином (Armstrong 1984, 14–15).

[72] Когда Пегасий был епископом, ходили слухи, что он втайне поклоняется Гелиосу (Jul. *Ep.* B79/W19/Ф34). Криптоязычество представителя высшего клира, конечно же, маловероятно, но все же не невозможно. Еще и в VI в. некоторые епископы обвинялись в «эллинстве». Evagr. *HE.* V. 18; Iohan. Eph. *HE.* III. 29. В пользу криптоязычества Пегасия см. Bonner 1984, 352; Kahlos 2007, 47; Fowden 2008, 542.

[73] «В те времена... как он нам часто говорил, ради спасения святилищ богов он одевался в эти тряпки и притворялся только по имени нечестивцем...» (Jul. *Ep.* B79/W19/Ф34).

активно занимался пропагандой язычества и мог увлечь своей проповедью не особенно стойких в вере (или корыстолюбивых) клириков.

Сохранились известия и об апостасии представителей свободных профессий. Сократ рассказывал, что императору удалось обратить своего бывшего учителя софиста Гекеболия[74]. Несмотря на то что при Констанции он казался ревностным христианином (Soc. III. 1; 13; Lib. *Or.* XVIII. 12), вскоре после обретения Юлианом единоличной власти ритор перешел в язычество (Soc. III. 13). В повествовании церковного историка он предстает оппортунистом, стремившимся во что бы то ни стало сохранить расположение власть имущих. Впрочем, нельзя исключать, что вероотступничество Гекеболия имело и иную подоплеку. Как известно, в начале своего царствования Юлиан издал эдикт, воспрещавший христианам занимать должности риторов и грамматиков[75]. Императорский указ поставил христианских преподавателей перед выбором между верой и возможностью заниматься своим ремеслом. Учитель Юлиана выбрал второе. Подобная интерпретация апостасии Гекеболия подкрепляется сообщением «Суды», авторы которой связывали поступок ритора со «школьным эдиктом»[76]. Едва ли бывший наставник императора был единственным преподавателем, поступившимся верой ради карьеры. То, что Сократ рассказал именно о нем, скорее всего объясняется не уникальностью этого события, а его локализацией – Гекеболий преподавал в Константинополе, история которого была особенно интересна Сократу[77].

Некоторое влияние на религиозный выбор образованных слоев населения империи могла иметь и литературная деятельность августа. В конце 362 г. Юлиан написал антихристианский трактат «Против галилеян». Из сообщения Либания известно, что язычники очень высоко оценивали труд императора (Lib. *Or.* XVIII. 178). Еще и в начале V в., полемизируя с христианами, последователи традиционных культов опирались на сочинение Юлиана, заявляя, что никто не смог опровергнуть суждения императора или найти в них ошибку (Cyr. *C. Jul.* Pr. 5)[78]. Несмотря на то что некоторые христианские интеллектуалы впоследствии заявляли, что аргументы Отступника ничтожны, а его труд был предан совершенному забвению (Soc. III. 23;

---

[74] Об отступничестве Гекеболия см. Kinzig 1993, 92–105, особ. 103; Kahlos 2007, 44, n. 130.

[75] Источники о «школьном эдикте» Юлиана см. Bidez, Cumont 1922, 69–75; посвященная этой законодательной инициативе историография очень обширна. Основные работы перечислены в Teitler 2017, 172, n. 3.

[76] См. *Suda*, μ 201. Впрочем, возможно, авторы лексикона всего лишь переосмыслили текст Сократа, являвшийся основным источником для статьи (см. Kinzig 1993, 103, n. 52). Гипотеза о связи отступничества Гекеболия со «школьным эдиктом» была высказана еще Боннером, который, впрочем, не упоминал о свидетельствах «Суды» (см. Bonner 1984, 353).

[77] Udal'tsova 1982, 14; Urbainczyk 1997, 15.

[78] Один поздний источник передает рассказ о разговоре патриарха Кирилла с «философом», похвалявшимся, что все александрийцы читают труд Юлиана (Evetts 1904, 432–433). Видимо, эта легендарная встреча отражает глубокую озабоченность церковных властей влиянием антихристианской литературы на александрийское общество. О литературном аспекте борьбы Кирилла с язычеством см. Watts 2006, 202; Allen 2015, 180–181; о его труде «Против Юлиана» см. Wilken 1999.

Joh. Chrys. *In. Bab*. II. 2), ожесточенность, с которой апологеты новой веры спорили с Юлианом[79], свидетельствует о том, что его сочинение вызывало немалый интерес. Влияние этого трактата на читателей признавал и Кирилл Александрийский, отмечавший, что «немало легкомысленных и склонных к отпадению из верующих удобно впадают в его сети и становятся демонам приятной добычей. Иногда, впрочем, начинают сомневаться и крепкие верой...» (Cyril. *C. Jul*. Pr. 4, пер. А. Вишнякова). Иными словами, даже спустя семьдесят лет после смерти Отступника его сочинение смущало умы христиан. При жизни императора этот текст, несомненно, оказывал еще большее влияние на читателей – высокое положение автора придавало дополнительную весомость его рассуждениям.

Для широких слоев населения наиболее весомым аргументом в пользу язычества, по-видимому, являлся социальный аспект религиозной политики Юлиана. Август хорошо понимал, что ресурсы, полученные христианскими общинами в правление Константина и его наследников, позволяли Церкви привлекать народные массы посредством благотворительности[80]. Борьбу за души подданных император начал с лишения Церкви доходов и иммунитетов[81], тем самым ограничив возможности клира влиять на беднейшие слои населения. Параллельно август занимался укреплением экономического положения языческих культов – храмам вернули некогда принадлежавшие им земли[82], а жречеству возвращены фискальные и литургические привилегии и выделены щедрые дотации из казны (Jul. *Ep*. B84/W22/Ф39; Soz. V. 3). Император предписывал жрецам открывать больницы, странноприимные дома, богадельни, раздавать милостыню, защищать преследуемых (Jul. *Ep*. B89b/Ф45)[83]. Более того, государственная поддержка позволила служителям древних культов тратить значительные суммы на религиозные церемонии и празднества[84], в ходе которых среди бедноты распределялось жертвенное мясо (Lib. *Or*. XXX. 19). В результате укреплялось влияние язычества на ранее зависевшие от церковной благотворительности слои населения.

Насколько успешен оказался план императора? К сожалению, известия об апостасии «обычных» подданных Отступника чересчур лапидарны или имеют общий характер. Источники передают лишь один пример отступничества «рядового гражданина» империи – некого юноши куриального сословия из Бероэ-Халеба, то есть представителя социальной группы, которую никак нельзя причислить к низам общества (Theod. *HE*. III. 22(17)).

Так или иначе, попытки августа обратить своих подданных в язычество приносили плоды. Успехи его политики были заметны даже в таком важном христианском центре, как Антиохия, конфликтом с жителями которой исследователи зачастую иллюстрировали тезис об абсолютном крахе религиозной политики

---

[79] См. Russell 2002, 191, 238, n. 4–5.
[80] См. Jul. *Ep*. B84/W22/Ф39; B89b/Ф45.
[81] См. выше, прим. 69.
[82] См. *Hist. Aceph*. VII. 9; *CTh*. V. 13. 3, ср. X. 1. 8.
[83] Ср. Theoph. *Chron*. 5854.
[84] См., например, Lib. *Ep*. F710/N83; F712/B181.

императора[85]. Прибыв в столицу Сирии в середине июля 362 г.[86], император обнаружил, что большая часть местных жителей – христиане[87]. Однако всего лишь полгода спустя Либаний не без удовольствия отмечал, что религиозная атмосфера в его родном городе начала меняться. По свидетельству софиста, на его глазах происходила удивительная перемена – население превращалось «из свиней в людей» (Lib. *Or.* XII. 91). Никаких цифр, способных пролить свет на изменение соотношения «свиней» (т.е. христиан) и «людей» (язычников), он, конечно же, не приводил. Данные об апостасии некоторой части населения Антиохии находят подтверждение и в его письме к Юлиану, написанному в марте 363 г.: «большая часть граждан изменила свои взгляды; в театре слышали обильные рукоплескания, а между рукоплесканиями призывали богов» (Lib. *Ep.* F811/N100). Очевидно, девятимесячное пребывание Отступника в городе, жителей которого язычники именовали «врагами богов» (Lib. *Ep.* F1220/ N120), все же имело определенное влияние на религиозные симпатии жителей столицы Сирии.

В иных, менее христианизированных регионах эффект от политики августа мог быть еще сильнее. Через год после смерти Юлиана Григорий Назианзин с горечью признавал, что многие «нисколько не противились ни силе времени ... не сделав и малейшего противоборства, соблазнившись, когда не было им никакой скорби и никакого искушения» (Greg. Naz. *Or.* IV. 11). Четверть века спустя Иероним вспоминал, что в недолгий период «ласкового гонения» многие пали «собственною волей» (Hieron. *Chron*. 362. 1). Ему вторил Руфин Аквилейский, сообщавший, что удалось Юлиану: «вознаграждениями, почестями, лаской, уговорами вырвал едва ли не большую часть паствы, чем если бы жестоко преследовал ее» (Ruf. *HE.* I(X). 32, пер. В.М. Тюленева). Иными словами, в 361–363 гг. случаев апостасии было немало.

Искренность религиозного выбора язычников-неофитов оценить, конечно же, невозможно. Среди них, несомненно, находились и люди, уверовавшие в богов, и те, кто оставил Церковь из увлечения духом времени или с расчетом на сиюминутную выгоду. Сомнение в том, что все новообращенные шли в храмы по зову сердца, испытывали даже горячие сторонники языческой реставрации. В начале лета 362 г. сам император призывал единоверцев отбросить недоверие и быть более снисходительными к новообращенным: «Ведь если мы будем изгонять тех, кто приходит к нам по доброй воле, никто не будет с охотой слушать наши увещания» (Jul. *Ep.* B79/W19/Ф34). Год спустя Либаний просил консуляра Сирии Александра не удивляться, если «найдутся и такие, которые, принесши жертву богам, в скором времени станут раскаиваться в том, что они совершили. Среди народа они тебе повинуются, но по возвращении домой под влиянием слез и просьб

---

[85] Об этом говорили едва ли не все специалисты, писавшие о Юлиане или об Антиохии. Вместе с тем исследователи почти всегда упускали из виду тот факт, что реакция жителей столицы Сирии на начинания Юлиана нерепрезентативна – по своему политическому, экономическому и религиозному статусу Антиохия резко выделялась из массы провинциальных городов (см. Liebeschuetz 2015, 343).

[86] См. Amm. XXII. 9. 15; den Boeft *et al*. 1995, 177–180.

[87] См., например, Jul. *Misopog*. 360–363.

своих жен быстро меняют свои убеждения» (Lib. *Ep.* F1411/B98). Опасения софиста подтвердились уже через несколько месяцев.

Вскоре после смерти Юлиана часть новообращенных язычников внезапно «прозрела» и «раскаялась» в своей апостасии. Уже в начале 364 г. Фемистий говорил о том, что тех, кто недавно приносил жертвы на алтарях, нынче можно встретить в христианских храмах. С точки зрения философа, подобные личности были котурнами[88], новыми фераменами, почитавшими имперский пурпур больше самого божества[89] и менявшими свои религиозные обыкновения быстрее, чем Еврип меняет течение (Them. *Or.* V. 67D-68A)[90]. Среди «фераменов» были как верноподданные конформисты, считавшие императора высшим религиозным авторитетом, так и откровенные оппортунисты. В их числе оказался и бывший учитель Юлиана софист Гекеболий, который, узнав о смерти своего ученика, принялся публично каяться, валяясь в пыли перед одной из столичных церквей (Soc. III. 13)[91]. Еще одним религиозным «флюгером» оказался префект Домиций Модест[92]. Можно предположить, что от язычества отошел и родич Юлиана Прокопий – на монетах времен его узурпации чеканились символы новой веры[93]. Впрочем, было бы несправедливо считать, что беспринципными карьеристами оказались абсолютно все

---

[88] Т.е. туфлями, которые подходят и для правой, и для левой ноги.

[89] Ср. Soc. III. 13.

[90] Ср. Them. *Or.* XII. 156D.

[91] Подробнее см. Kinzig 1993, 97–101.

[92] Рассказывая об участии Модеста в гонении на эдесских никейцев, Руфин называл его язычником (Ruf. *HE.* II(XI). 5). На основании этого сообщения некоторые исследователи делали вывод о том, что Модест вторично обратился в христианство лишь по прошествии несколько лет после смерти Отступника. См., например, *PLRE* I, 608. Вместе с тем в письме, датируемом 365 г., Либаний укорял Модеста в том, что он более не желает слышать о «киликийском боге» (т.е. об Асклепии) (Lib. *Ep.* F1483). Можно предположить, что эти слова ритор написал, зная, что чиновник вновь стал христианином. Более того, Григорий Назианзин сообщал, что к моменту встречи с Василием Кесарийским Модест исповедовал «арианство» (Greg. Naz. *Or.* XLIII. 48). Противостояние префекта и епископа датируется 370 или 372 г. (Rousseau 1994, 351–353), в то время как преследование эдесских никейцев – 373 г. (*Chron. Edess,* XXXI (a. 684)) или 375 г. (Lenski 2002a, 257). Таким образом, принятие на веру обоих свидетельств ведет к парадоксальному выводу – после 370 (372?) г. Модест вторично отказался от христианства. Очевидно, что один из авторов заблуждался в оценках религиозных симпатий сановника. Григорий мог знать о взглядах префекта со слов Василия, который вел с Модестом переписку и по меньшей мере дважды лично встречался с ним (см. Van Dam 2002, 116–122, 128). В то же время ни Руфин, ни его предполагаемый источник Геласий Кесарийский (см. Wallraff 2018) не были близко знакомы с царедворцем. Можно предположить, что Руфин просто не знал о том, что Модест вернулся в лоно Церкви, и называл его язычником по старой памяти.

[93] *RIC* IX, pl. XV, *17.* Впрочем, пропаганда Прокопия сочетала как христианские, так и языческие элементы. Несмотря на то что на его монетах были помещены христограммы, образ узурпатора был явно стилизован для придания ему сходства с Юлианом. Можно предположить, что Прокопий не решался открыто объявить о своих религиозных предпочтениях, опасаясь оттолкнуть потенциальных сторонников как среди язычников, так и среди христиан. Литературу, освещающую «языческий фактор» в узурпации Прокопия, см. в den Boeft *et al.* 2007, 136.

язычники-неофиты. Немалая часть новообращенных осталась в язычестве и после гибели своего императора. Верность религии своего покойного вождя сохранила по меньшей мере часть армии (Amm. XXVI. 7. 17)[94], друзья императора Селевк и Гельпидий[95] и, если следовать гипотезе Барнса, солдат-историк Аммиан Марцеллин.

Оценка успешности акций Отступника по пропаганде язычества была бы сопряжена с почти неразрешимыми трудностями, если бы мы не располагали данными о деятельности другого религиозного реформатора той эпохи, а именно Константина I, чья политика христианизации признается удачной едва ли не всеми исследователями. Как и племянник, первый христианский август пытался заполнить высшие посты своими единоверцами. Евсевий Кесарийский упоминал, что при назначении на должности наместников император предпочитал христиан и терпел язычников лишь в том случае, если они не приносили жертвы. По сообщению историка, после достижения единовластия август и вовсе начал требовать обязательного крещения от представителей провинциальной администрации, занимавших должности выше поста «игемона» (Euseb. *V. Const*. II. 44). В стремлении добиться обращения своего окружения дядя действовал примерно теми же методами, что и племянник,– раздавал награды и посты[96]. При этом ему так и не удалось до конца заполнить администрацию своими единоверцами. Вопреки свидетельству Евсевия, Константин был вынужден уступать религиозным пристрастиям имперских элит и вплоть до последних лет своего царствования терпел язычников даже на самых высоких должностях[97].

---

[94] Христианские историки сообщали, что сразу после гибели Юлиана вся армия вернулись в лоно Церкви (Ruf. *HE*. II(XI). 1; Theod. *HE*. IV. 1–2(1–2); *Chron. Pasch*. 363). Эти данные противоречат воспоминаниям Аммиана, сообщавшего, что сразу после избрания на престол христианина Иовиана в войсках были принесены жертвы и совершены гадания (XXV. 6. 1). О верности язычеству подразделений дивитенсов и тунгриканов см. выше.

[95] На то, что они остались язычниками и после 363 г., намекают упоминания о богах в посланиях, которые писал им Либаний в 364–365 гг. (см. *Ep*. F1473/N140; F1508/N142; F1120 /N113; F1180/N125). Высказанная фон Хелингом идея о том, что Гельпидий отошел от язычества (von Haehling 1978, 142), с нашей точки зрения, необоснованна – Филосторгий упоминал, что Гельпидия до конца его жизни называли «жрецом» (Philost. VII. 10, ср. Nic. Call. X. 29 (*PG* 146, col. 529D; 532A); см. Olszaniec 2013, 221, n. 1035). Что касается Юлиана-старшего и Феликса, то им не представилось возможности засвидетельствовать искренность своего обращения – оба умерли еще до гибели августа, что дало христианским авторам повод посмаковать подробности смертей отступников, см. Greg. Naz. *Or*. V. 2; Jon. Chrys. *De Bab*. II. 17; 22; *Laud. Paul*. IV; *Exp. in Ps. CX*. 4; *Hom. in Matth*. 4. 1; Soz. V. 8; Theod. *HE*. III. 13(9); Philost. VII. 10; Theoph. *Chron*. 5854; ср. Amm. XXIII. 1. 5. Ср. со злорадными описаниями гибели бывших клириков Герона и Феотекна – ссылки на источники в прим. 67 выше.

[96] О даровании Константином почетных должностей за принятие христианской веры см. Epiph. *Adv. Haer*. 10(30). 11; Euseb. *V. Const*. IV. 54.

[97] Например, Лоллиан Маворций (*PLRE* I, 512–514 (Lollianus 5)) и Фелициан (следуя Малале, авторы *PLRE* I называют его христианином (ibid. 331), но см. Athanassiadi 1991, 276; Lenski 2016, 216–217). О кадровой политике Константина в целом см. von Haehling 1978, 513–521.

Так же, как и Юлиан, Константин пытался склонить к своей вере армию. По данным Евсевия, он приказал воинам еженедельно участвовать в богослужении и сам был для них «наставником в молитвословии» (*Laud. Const.* 9; *V. Const.* IV. 18–20). При этом сам Евсевий проговаривался о том, что и спустя десятилетие после того, как император начал открыто называть себя приверженцем новой веры[98], многие солдаты упорно отказывались принимать христианство (*V. Const.* IV. 19–20). Свидетельством того, что успехи Константина по привлечению армии к христианству были не столь велики, как хотелось бы думать его панегиристам, может служить рассказ Зосима о том, что во время визита в Рим (вероятно, приуроченного к двадцатилетнему юбилею царствования) «страх перед солдатами» вынудил императора поучаствовать в языческом ритуале восхождения на Капитолий (Zos. II. 29). Несмотря на то что датировка и историчность этого анекдота вызывает споры[99], отмеченные Зосимом симпатии воинов Константина к традиционным культам подтверждаются данными «Кодекса Феодосия» – в 326 г. ветераны обращались к императору со словами: «auguste Constantine, dii te nobis servent» (*CTh.* VII. 20. 2)[100]. Эти данные свидетельствуют о том, что, вопреки целенаправленной и многолетней пропаганде христианства, значительная часть армия сохраняла верность отеческим богам[101]. Таким образом, несмотря на то что времени на обращение чиновничества и воинства у Константина было гораздо больше, чем у Юлиана, достижения дяди на этом поприще были скромнее, чем у племянника.

Примечательно, что далеко не все граждане империи, присоединившиеся к Церкви во времена Константина и его сыновей, меняли веру из искренней убежденности в истинности нового учения. Даже Евсевий признавал, что среди новообращенных было немало «обманщиков, лицемерно присоединившихся к Церкви и ложно носивших имя христиан», пытавшихся снискать расположение августа (*V. Const.* IV. 54, пер. Санкт-Петербургской духовной академии). Согласно данным Афанасия Александрийского, подданные первых христианских императоров нередко принимали крещение лишь для того, чтобы заполучить чиновничью должность или вступить в ряды клира, тем самым избавив себя от бремени литургий[102]. По-видимому, среди перешедших в новую веру при Константине корыстолюбивых карьеристов было не меньше, чем среди язычников-неофитов царствования Юлиана.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что у нас нет оснований утверждать, будто акции Отступника по пропаганде язычества были менее эффективными, чем проводимая Константином I политика христианизации империи. При этом Константин насаждал новое учение без малого четверть века, а Юлиану было отпущено править империей лишь 20 месяцев. За этот краткий срок Отступник успел

---

[98] Константин публично заявлял о своей вере в Единого Бога по крайней мере с 314 г., см. Optat. App. V. Не позднее 315 г. христианская символика появляется и на его монетах (см. Lenski 2016, 9).

[99] Об этом эпизоде см. Moralee 2018, 125, n. 61 с библиографией.

[100] О датировке эдикта см. Lenski 2016, 344, n. 17 с библиографией.

[101] См. Jones 1986, 81.

[102] См. Athan. *Hist. Ar.* 73, 78; *Apol. ad. Const.* 28.

полностью укомплектовать центральную и провинциальную администрацию своими единоверцами, из которых часть была неофитами. Ему удалось обратить в язычество значительную, а возможно, и большую часть армии, многих рядовых граждан, интеллектуалов и даже некоторых представителей христианского клира.

Иными словами, у нас есть все основания полагать, что попытка Юлиана вернуть империю к отеческим богам провалилась не потому, что его реформы были изначально обреченной на провал задумкой оторванного от реальности императора-романтика, и не оттого, что древние культы были обречены погибнуть в столкновении с «исторически прогрессивным» христианством, но из-за трагической случайности, оборвавшей жизнь самого реставратора язычества.

Литература / References

Alfionov, Ya.I. 1880: *Imperator Julian i ego otnoshenie k khristianstvu* [*Emperor Julian and His Attitude Towards Christianity*]. Moscow.
Алфионов, Я.И. *Император Юлиан и его отношение к христианству*. М.

Allen, P. 2015: The festal letters of the Patriarchs of Alexandria: Evidence for social history in the fourth and fifth centuries. In: D. Costache, P. Kariatlis, M. Baghos (eds.), *Alexandrian Legacy: A Critical Appraisal*. Newcastle upon Tune, 174–189.

Armstrong, A.H. 1984: The way and the ways: Religious tolerance and intolerance in the fourth century A.D. *Vigiliae Christianae* 38/1, 1–17.

Athanassiadi, P. 1991: The fate of oracles in Late Antiquity: Didyma and Delphi. *Δελτίον Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας* [*Bulletin of the Christian Archaeological Society*] 15, 271–278.

Athanassiadi, P. 2015: Christians and others: The conversion ethos of Late Antiquity. In: A. Papaconstantinou, D.L. Schwartz (eds.), *Conversion in Late Antiquity: Christianity, Islam, and Beyond: Papers from the Andrew W. Mellon Foundation Sawyer Seminar, University of Oxford, 2009–2010.* Burlington (VT), 23–47.

Barnes, T.D. 1998: *Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality*. Ithaca–London.

Bidez, J. (ed.) 1913: *Philostorgius. Kirchengeschichte, mit dem Leben des Lucian von Antiochien und den Fragmenten eines Arianischen Historiographen*. Leipzig.

Bidez, J., Cumont, F. (eds.) 1922: *Imp. Caesaris Flavii Claudii Iuliani epistulae, leges, poematia, fragmenta varia*. Paris–London.

Blockley, R.C. 1972: The panegyric of Claudius Mamertinus on the Emperor Julian. *The American Journal of Philology* 93/3, 437–450.

Boeft, J. den, Drijvers, J.W., Hengst, D. den, Teitler, H. 1995: *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXII*. Groningen.

Boeft, J. den, Drijvers, J.W., Hengst, D. den, Teitler, H. 2005: *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXV*. Leiden–Boston–Köln.

Boeft, J. den, Drijvers, J.W., Hengst, D. den, Teitler, H. 2007: *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXVI*. Leiden–Boston–Köln.

Bonner, G. 1984: The extinction of paganism and the Church historian. *The Journal of Ecclesiastical History* 35/3, 339–357.

Bowder, D. 1978: *The Age of Constantine and Julian*. New York.

Bowersock, G. 1978: *Julian the Apostate*. Cambridge.

Boxus, A.-M., Poucet, J. 2010: *Carmen ad quendam senatorem*: présentation générale. *Folia Electronica Classica (Louvain-la-Neuve)* 20; URL: http://bcs.fltr.ucl.ac.be/fe/20/senatorem/Intro.htm#auteur; accessed on: 01.11.2021.

Bringmann, K. 2004: *Kaiser Julian*. (Gestalten der Antike). Darmstadt.

Burgess, R.W. 2008: The summer of blood: The ‘Great massacre’ of 337 and the promotion of the sons of Constantine. *Dumbarton Oaks Papers* 62, 5–51.

Busine, A. 2019: Basil and Basilissa at Ancyra. Local legends, hagiography, and cult. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 59, 262–286.

Cameron, Al. 2011: *The Last Pagans of Rome*. Oxford–New York.

Chalmers, W.R. 1960: Eunapius, Ammianus Marcellinus, and Zosimus on Julian's Persian expedition. *The Classical Quarterly* 10/2, 152–160.
Chausson, F. 2002: La famille du préfet Ablabius. *Pallas* 60, 205–230.
Dagron, G. 1974: *Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451*. Paris.
Drake, H.A. 2002: *Constantine and the Bishops: The Politics of Intolerance*. Baltimore.
Elliott, T.G. 1978: The tax exemptions granted to clerics by Constantine and Constantius II. *Phoenix* 32/4, 326–336.
Elm, S. 2012: *Sons of Hellenism, Fathers of the Church: Emperor Julian, Gregory of Nazianzus, and the Vision of Rome*. Berkeley.
Evetts, B. (ed.) 1904: *Severus of al-Ashmunein (Hermopolis). History of the Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*. Paris.
Fornara, C.W. 1991: Julian's Persian expedition in Ammianus and Zosimus. *The Journal of Hellenic Studies* 111, 1–15.
Fowden, G. 2008: Polytheist religion and philosophy. In: Av. Cameron, P. Garnsey (eds.), *The Cambridge Ancient History*. Vol. 13. *The Late Empire, AD 337–425*. Cambridge, 538–560.
Furman, D.E. (ed.) 1970a: [Emperor Julian. Letters]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 233–259.
Император Юлиан. Письма. Пер. Д.Е. Фурмана под ред. А.Ч. Козаржевского (Москва) (продолжение). *ВДИ* 2, 233–259.
Furman, D.E. (ed.) 1970b: [Emperor Julian. Letters]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 225–250.
Император Юлиан. Письма. Пер. Д.Е. Фурмана под ред. А.Ч. Козаржевского (Москва) (окончание). *ВДИ* 3, 225–250.
Green, T.M. 1992: *The City of the Moon God: Religious Traditions of Harran*. Leiden–New York.
Gleason, M.W. 1986: Festive Satire: Julian's Misopogon and the New Year at Antioch. *The Journal of Roman Studies* 76, 106–119.
Grattarola, P. 1986: L'usurpazione di Procopio e la fine dei Costantinidi. *Aevum* 60/1, 82–105.
Haehling, R. von 1978: *Die Religionszugehörigkeit der hohen Amtsträger des Römischen Reiches seit Constantins I. Alleinherrschaft bis zum Ende der Theodosianischen Dynastie*. Bonn.
Hahn, J. 2004: *Gewalt und religiöser Konflikt, Studien zu den Auseinandersetzungen zwischen Christen, Heiden und Juden im Osten des Römischen Reiches (von Konstantin bis Theodosius II)*. Berlin–Boston.
Hahn, J. 2011: Julian and his partisans – supporters or critics. In: P. Brown, R.L. Testa (eds.), *Pagans and Christians in the Roman Empire: The Breaking of a Dialogue: (4th–6th Century A.D.). Proceedings of the International Conference at the Monastery of Bose (October 2008)*. Wien, 109–120.
Heather, P., Moncur, D. 2001: *Politics, Philosophy and Empire in the Fourth Century: Themistius' Select Orations*. Liverpool.
Heyden, K. 2010: Beth Shean/Scythopolis in Late Antiquity: Cult and culture, continuity and change. In: R.G. Kratz, H. Spieckermann (eds.), *One God – One Cult – One Nation: Archaeological and Biblical Perspectives*. Berlin–New York, 301–337.
Jones, A.H.M. 1963: The social background of the struggle between paganism and christianity. In: A. Momigliano (ed.), *The Conflict Between Paganism and Christianity in the Fourth Century*. Oxford, 17–37.
Jones, A.H.M. 1986: *The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic, and Administrative Survey*. Vol. I–II. Baltimore.
Kaegi, W.E. 1967: Domestic military problems of Julian the Apostate. *Byzantinische Forschungen* 2, 247–264.
Kahlos, M. 2007: *Debate and Dialogue: Christian and Pagan Cultures c. 360–430*. Aldershot.
Kinzig, W. 1993: 'Trample upon me...' The sophists Asterius and Hecebolius: Turncoats in the fourth century A.D. In: L.R. Wickham, C.P. Bammel, E.C.D. Hunter (eds.), *Christian Faith and Greek Philosophy in Late Antiquity: Essays in Tribute to George Christopher Stead, Ely Professor of Divinity, University of Cambridge 1971–1980), in Celebration of His Eightieth Birthday, 9th April 1993*. Leiden–New York–Köln, 92–111.
Lee, A.D. 2008: The army. In: Av. Cameron, P. Garnsey (eds.), *The Cambridge Ancient History*. Vol. 13. *The Late Empire, AD 337–425*. Cambridge, 211–237.
Lenski, N. 2002a: *Failure of Empire: Valens and the Roman State in the Fourth Century A.D.* Berkeley.

Lenski, N. 2002b: Were Valentinian, Valens and Jovian confessors before Julian the Apostate? *Zeitschrift für Antikes Christentum* 6/2, 253–276.
Lenski, N.E. 2016: *Constantine and the Cities: Imperial Authority and Civic Politics. Empire and After*. Philadelphia.
Liebeschuetz, J.H.W.F. 2015: *East and West in Late Antiquity: Invasion, Settlement, Ethnogenesis and Conflicts of Religion*. Leiden.
Liebeschuetz, W. 2003: Pagan historiography and the decline of the Empire. In: G. Marasco (ed.), *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A.D.* Leiden–Boston, 177–218.
Malcus, B. 1967: Die Prokonsuln von Asien von Diokletian bis Theodosius II. *Opuscula Atheniensia* 7, 91–159.
Mango, C., Scott, R., Greatrex, G. (eds.) 1997: *The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History, AD 284–813*. Oxford–New York.
Marcos, M. 2009: 'He forced with gentleness'. Emperor Julian's attitude to religious coercion. *Antiquité Tardive* 17, 191–204.
Mark, H. 2012: The tyrant's mask? Images of good and bad rule in Julian's letter to the Athenians. In: N.J. Baker-Brian, S. Tougher (eds.), *Emperor and Author: The Writings of Julian the Apostate*. Swansea, 75–90.
McLynn, N. 2015: Poetry and pagans in Late Antique Rome: The case of the senator 'Converted from the Christian religion to servitude to the idols'. In: M.R. Salzman, M. Sághy, R.L. Testa (eds.), *Pagans and Christians in Late Antique Rome*. Cambridge, 232–250.
Moralee, J. 2018: *Rome's Holy Mountain: The Capitoline Hill in Late Antiquity*. New York.
Muraviev, A. 1999: The Syriac Julian Romance and its place in the literary history. *Khristianskiy vostok* [*Christian East*] 1/7, 194–206.
Муравьев, А.В. The Syriac Julian Romance and its place in the literary history. *Христианский восток* 1/7, 194–206.
Norman, A.F. 1969: *Libanius: Selected Orations*. Vol. I. *Julianic Orations*. Cambridge (Mass.).
O'Donnell, J.J. 1979: The demise of paganism. *Traditio* 35, 45–88.
Olszaniec, S. 2013: *Prosopographical Studies on the Court Elite in the Roman Empire (4th Century AD)*. Toruń.
Pack, E. 1986: *Städte und Steuern in der Politik Julians: Untersuchungen zu den Quellen eines Kaiserbildes*. Bruxelles.
Peeters, P. 1924: La date de la fête des SS. Juventin et Maximin. *Analecta Bollandiana* 42, 77–82.
Petit, P. 1994: *Les fonctionnaires dans l'œuvre de Libanius: analyse prosopographique*. Paris.
Pietri, Ch., Destephen, S. (eds.) 1999: *Prosopographie chrétienne du Bas-Empire*. Vol. III. *Prosopographie du diocèse d'Asie (325–641)*. Rome.
Rosen, K. 1993: Ein Wanderer zwischen zwei Welten. In: K. Dietz, A. Lippold (Hrsg.), *Klassisches Altertum, Spätantike und frühes Christentum: Adolf Lippold zum 65. Geburtstag gewidmet*. Würzburg, 393–408.
Rousseau, P. 1994: *Basil of Caesarea*. Berkeley–Los Angeles.
Russell, N. 2002: *Cyril of Alexandria*. London–New York.
Sandwell, I. 2011: *Religious Identity in Late Antiquity: Greeks, Jews and Christians in Antioch*. Cambridge.
Sauer, E. 1996: *The End of Paganism in the North-Western Provinces of the Roman Empire: The Example of the Mithras Cult*. Oxford.
Schöllgen, G. 2004: Pegasios Apostata: Zum Verständnis von 'Apostasie' in der 2. Hälfte des 4. Jahrhunderts. *Jahrbuch für Antike und Christentum* 47/1, 58–80.
Seeck, O. 1897: *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*. Bd. IV. Stuttgart.
Shean, J.F. 2010 *Soldiering for God: Christianity and the Roman Army*. Leiden.
Sokoloff, P.M. 2017: *The Julian Romance*. Piscataway (NJ).
Teitler, H.C. 2013: Ammianus, Libanius, Chrysostomus, and the martyrs of Antioch. *Vigiliae Christianae* 67/3, 263–288.
Teitler, H.C. 2017: *The Last Pagan Emperor: Julian the Apostate and the War Against Christianity*. Oxford–New York.
Testa, R.L. 2001: The bishop, *vir venerabilis*: Fiscal privileges and status definition in Late Antiquity. *Studia Patristica* 34, 125–144.

Tomlin, R. 1998: Christianity and the Late Roman army. In: S.N.C. Lieu, D. Montserrat (eds.), *Constantine: History, Historiography and Legend*. London–New York, 21–51.
Tomlin, R. 2008: A.H.M. Jones and the army of the fourth century. In: D.M. Gwynn (ed.), *A.H.M. Jones and the Later Roman Empire*. Leiden–Boston, 143–165.
Udal'tsova, Z.V. 1982: [Church historians of early Byzantium]. *Vizantiyskiy vremennik* [*Byzantine Chronograph*] 43, 3–21.
Удальцова, З.В. Церковные историки ранней Византии. *BB* 43, 3–21.
Urbainczyk, T.E. 1997: *Socrates of Constantinople: Historian of Church and State*. Ann Arbor.
Van Dam, R. 2002: *Kingdom of Snow: Roman Rule and Greek Culture in Cappadocia*. Philadelphia.
Vedeshkin, M.A. 2016: [On the problem of identification of the hero of the «Carmen contra paganos»]. *Aristey. Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii* [*Aristeas. Philologia Classica et Historia Antiqua*] 13, 76–79.
Ведешкин, М.А. К вопросу идентификации героя «Carmen contra paganos». *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории* 13, 76–79.
Vedeshkin, M.A. 2018: *Yazycheskaya oppozitsiya khristianizatsii Rimskoy imperii IV–VI vv*. [*Pagan Opposition to Christianization of the Roman Empire in 4th–6th cent.*]. Saint Petersburg.
Ведешкин, М.А. *Языческая оппозиция христианизации Римской империи IV–VI вв.* СПб.
Vedeshkin, M.A. 2019: [«Soul-Destroying teachers»: Education and apostasy in the Later Roman Empire]. *Dialog so vremenem* [*Dialogue with Time*] 66, 348–363.
Ведешкин, М.А. «Учителя-душегубы»: образование и апостасия в поздней Римской империи. *Диалог со временем* 66, 348–363.
Vedeshkin, M.A. 2021: [The «Impious House» of Olympias the Deaconess]. *Vizantiyskiy vremennik* [*Byzantine Chronograph*] 105, 27–39.
Ведешкин, М.А. «Нечестивый дом» дьякониссы Олимпиады Константинопольской. *BB* 105, 27–39.
Wallraff, M. 2018: Gélase de Césarée. Un historien ecclésiastique du IVe siècle. *Revue des sciences religieuses* 92/4, 499–519.
Ward-Perkins, B. 2008: The cities. In: Av. Cameron, P. Garnsey (eds.), *The Cambridge Ancient History*. Vol. 13. *The Late Empire, AD 337–425*. Cambridge, 371–410.
Watts, E.J. 2006: *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley.
Whitby, M., Whitby, M. 1989: *Chronicon Paschale 284–628 AD*. Liverpool.
Wiebe, F.J. 1995: *Kaiser Valens und die Heidnische Opposition*. Bonn.
Wiemer, H.-U. 2020: Revival and reform: The religious policy of Julian. In: W. Brandes (ed.), *A Companion to Julian the Apostate*. Leiden–Boston, 207–244.
Wilken, R.L. 1999: Cyril of Alexandria's *Contra Iulianum*. In: W.E. Klingshirn, M. Vessey (eds.), *The Limits of Ancient Christianity: Essays on Late Antique Thought and Culture in Honor of R.A. Markus*. Ann Arbor, 42–52.
Wright, W.C. 1923: *The Works of the Emperor Julian*. Vol. III. *Letters, Epigrams, Against the Galileans, Fragments.* London.
Woods, D. 1995a: Ammianus Marcellinus and the deaths of Bonosus and Maximilianus. *Hagiographica* 2, 25–55.
Woods, D. 1995b: Julian, Arbogastes, and the signa of the Ioviani and the Herculiani. *Journal of Roman Military Equipment Studies* 6, 61–68.
Woods, D. 1997a: Ammianus and some Tribuni scholarum palatinarum c. A.D. 353–64. *The Classical Quarterly* 47/1, 269–291.
Woods, D. 1997b: The Emperor Julian and the 'Passion of Sergius and Bacchus'. *Journal of Early Christian Studies* 5/3, 335–367.
Woods, D. 2000: Ammianus Marcellinus and the 'rex alamannorum' Vadomarius. *Mnemosyne* 53/6, 690–710.

Vestnik drevney istorii
81/4 (2021), 914–921
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/4 (2021), 914–921
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910010844-1

"MYSTERIES OF JOHN, THE APOSTLE AND HOLY VIRGIN": REFLECTION OF ANCIENT TRADITIONS IN THE COPTIC NARRATIVE

Evgenia S. Kalchenko

The State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia

E-mail: evg.kalchenko@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1100-6590

The article deals with the analysis of several excerpts from a Coptic literary text known as the "Mysteries of John, the Apostle and Holy Virgin". A distinctive feature of the textual themes and elements discussed is that they make a reference to Ancient Egyptian traditions, thus tracing a connection between indigenous pagan perceptions and the adopted Christian culture.

Keywords: Coptic literature, John the Apostle, mysteries, allusions, Ancient Egyptian themes and elements of the narrative

«МИСТЕРИИ ИОАННА, АПОСТОЛА И СВЯТОГО ДЕВСТВЕННИКА»: ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНИХ ТРАДИЦИЙ В КОПТСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ

Е. С. Кальченко

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: evg.kalchenko@mail.ru

В статье проводится анализ ряда отрывков из коптского литературного текста, известного как «Мистерии апостола Иоанна, святого девственника». Примечательной характеристикой рассматриваемых тем и элементов текста является то, что они дают отсылку к древнеегипетским традициям, устанавливая таким образом связь исконных языческих представлений с воспринятой христианской культурой.

Ключевые слова: коптская литература, апостол Иоанн, мистерии, аллюзии, древнеегипетские темы и элементы повествования

Author. Evgenia S. Kalchenko – research assistant at the Oriental Department, the State Hermitage Museum.

A fascinating Coptic literary text narrating about the heavenly journey of John the Apostle is extant as a copy of the 11th century – a manuscript from the British Library (*BL Or.* 7026)[1]. It starts with a rather long and elaborate title which for the sake of convenience can be reduced to the first main words defining the main topic: "Mysteries of John, the Apostle and Holy Virgin[2]". The current text tells about the ascent to the heaven of John the Apostle who was taken there by the Cherub and was told about some mysteries.

Despite the initial and final setting in the Mount of Olives as well as New Testament figures: the apostles, Jesus Christ and Michael the Archangel, the narrative includes an amalgam of themes and elements that come from different cultural backgrounds. In particular, the distinctive feature is the existence of allusions to Ancient Egyptian culture reflected throughout the whole text[3].

In one of the episodes at the beginning of the narrative the Cherub tells about the regime of inundation and its interconnection with fertility, thus recalling one of the most important natural processes in the life of Egyptians since ancient times – the annual Nile flood. It was the Nile which brought the waters and the fertile silt indispensable for irrigation and growing crops. According to E.A.W. Budge, the representation of the Father who regulates the water supply with his feet, as it is mentioned in the text, corresponds to the image of Osiris in the papyrus of Hunefer[4]. Describing one of vignettes

[1] In 1913 *editio princeps* of the composition was issued by Budge and for a long time since then it has been the only edition of transcription and translation published right from the primary source, while a range of subsequent translations (Erbetta 1969; Alcock 2013; Smagina 2015) were based on that very first edition of the Coptic text by Budge. Therefore, a significant part of what has come to be my MA thesis was devoted to making a new translation and a commentary of the text using the original manuscript *BL Or.* 7026. I am very grateful to Prof. Jacques van der Vliet and the staff of the British Library for putting at my disposal the scans of the manuscript for reading purposes. The translation of the Coptic passages is given hereafter in accordance with the MA thesis of the author.

While the text discussed in the present paper is written in Sahidic, there is also a Bohairic copy of the narrative preserved on a very small fragment of parchment which was edited by H.G. Evelyn-White (Evelyn-White 1973, 51). It can be dated to no earlier than the 9th century AD together with other manuscripts that come from the monastery of Saint Macarius in the Wadi Natrun (ibid. 1973, xxiii–xxiv).

[2] "The (holy) virgin" as a common appellation of John the Apostle appears in the Panarion by Epiphanius (Court 2000, 151) and also in the Coptic "Investiture of the Archangel Michael" (ⲕⲁ̅: Müller 1962, 28; ⲕⲉ̅: Müller 1962, 30) which shares a range of phraseological and compositional similarities with the "Mysteries of John, the Apostle and Holy Virgin" (Hagen 2010, 352).

[3] In the introduction to the translation and the commentary of the text given by E. Smagina there is a statement concerning much more common features of the current text with biblical material rather than Ancient Egyptian images and ideas (Smagina 2015, 97). Without a doubt, the text includes a range of biblical elements and themes, but one cannot deny the reflection of ancient traditions as well. The author herself mentions the latter (ibid., 99, n. 11, 12; 101, n. 25), in particular, giving references to Budge (ibid., 99, n. 12; 101, n. 25) when it comes to interpreting some episodes which are also discussed in the present paper.

[4] Budge 1913, lxvii.

of the papyrus, Budge states that the god is depicted sitting on the throne above waters[5]. However, this is only one of the rare examples of the spell 125 from the Book of the Dead with the depiction of water beneath the seat of the god[6]. According to a plausible explanation by Chr. Seeber, the throne with a pedestal standing above water may have been perceived as the first mound (*bnbn*), which appeared among the primordial waters, being also connected with the resurrection of Osiris[7].

Another tentative suggestion is that an image of Osiris with running water under his feet could have been related to Biga island. Along with other sites such as Edfu, Herakleopolis and Sebennytos it was associated with the god's legs[8] as dismembered parts of Osirian body scattered across the country. Due to this belief and the very location of Biga to the south of the first cataract, where the annual inundation came from, a perception of the legs of Osiris regulating the amount of water in the Nile could have appeared. The god was also linked to the concept of fertility[9] and was known as the one who made an efflux that came along with the flood[10]. The latter feature was once described by Plutarch in his work "On Isis and Osiris": "Not only the Nile, but every form of moisture they call simply the effusion of Osiris (Ὀσίριδος ἀπορροήν)"[11].

A more explicit reference to the divine feet set on the water is attested on the Famine stela from Sehel Island. In column 9 of the stela the god Khnum is mentioned and his feet are said to be "resting on the flood": *ṯb.tj=f wꜣḥ(.w) m mḥj*[12]. Khnum worshipped in the area of Aswan, was connected with the Nile and was considered to be the controller of the inundation[13].

One more fascinating sample of iconography with the water under the feet of a god can be observed on the second pylon of the Karnak temple. Compared with the previously mentioned Osiris seating on the throne with the flood beneath, this is the only example that shows Amun-Re in a similar way[14]. Apart from the depiction of water right under the throne and the feet of Amun-Re, there is the *ankh-was* scepter in the god's left hand with the streams of water surrounding the pole. The latter is very characteristic, since *ankh-was* combination often denoted the flood[15]. In the prayer by the Great Ennead addressed to Amun-Re both the flowing scepter and the water below are mentioned:

> *ꜥnḫ wꜣs dmḏ(.w) m ḫfꜥ=k*
> *prj mw ḫr rd.wj=k*
>
> *Ankh* (and) *was* are united in your fist, the water comes out under your feet.

As M. Gabolde, the author of the paper dealing with this intriguing relief, suggests, the abovementioned image of Amun-Re can be considered as reflection of the local Theban tradition that presupposed the connection of the superior god with a sacred sight at

---

[5] Budge 1899, 7, pl. 5.
[6] Apart from *pHunefer* (*pBM* 9901): TT 19, A 15, 31 (?) (*sic* Seeber, 1976, 126, Anm. 536).
[7] Seeber, 1976, 126.
[8] Wilkinson 2003, 122.
[9] Wilkinson 2003, 118, 120.
[10] For instance, in the Book of the Dead, spell 149 (Allen 1974, 146).
[11] *Is. et Os*. 365B, translated by Babbitt 1936, 87:36.
[12] Lichtheim 2006, III, 97, col. 9; Barguet 1953, pl. III, col. 9.
[13] Wilkinson 2003, 194–195.
[14] Gabolde 1995, 256–257, fig. 1, 2.
[15] Gabolde 1995, 236.

Medinet Habu – a so-called "Djeme hill" at the foot of which the annual flood began by filling the basins nearby[16].

Alternatively, the inundation as such was associated with the god Hapy. It is he who also makes the flood appear under his feet as it is said in the Graeco-Roman inscriptions of Edfu and Esna temples[17]. Thus, a whole range of textual and iconographic examples gives an impression that a common idea of a divine being under whose feet the water emerges was preserved through ages and even found its way into the new realm of Christian literature.

As for the god Hapy, he is also venerated as the universal god[18] in the great Nile hymn, thus corresponding to the role of the Father in the Coptic text. Moreover, the statement in one of the copies of the hymn: *i3d.t=f pw h3j.j <m> p.t* – "It is his dew that descends from the sky"[19] matches with the similar passages of the "Mysteries of John, the Apostle and Holy Virgin" concerning the dew that is sent from the sky down to the earth. The hymn also mentions the drawbacks resulting from insufficient / "sluggish" (*wsf*) and abundant / "too heavy" (*dns*) level of water[20]. The negative outcome of the latter – a famine is also noted by John:

ⲟⲩⲛ ⲣⲟⲙⲡⲉ ⲟⲛ ⲛ̀ⲧⲉ ⲡⲙⲟⲟⲩ ⲣ̄ⲛⲟⲩ ⲛⲧⲉ ⲡϩⲉⲃⲱⲱⲛ ⲱⲱⲡⲉ (ϵ̄)

There is also a year when the water is in abundance, but the famine happens.

The final part of the great Nile hymn represents the invocation to Hapy to come and to be green (the colour of water before the inundation[21]). In the "Mysteries of John, the Apostle and Holy Virgin" the prayers to send the water to the world are addressed to the Father by Michael the Archangel who acts as a mediator between the superior divine force and the people. Michael the Archangel is also mentioned asking to raise the waters of the Nile and praying for the dew and rain in the "Encomium of Eustathius on St. Michael" which is cited by J. Court who in turn refers to the publication of this text by Budge[22].

The following episode in the "Mysteries of John, the Apostle and Holy Virgin" linked to the previous one by the identical subject discussed, water, deals with the cosmogony:

ⲁⲓⲟⲩⲱⲱⲃ̄ ⲡⲉϫⲁⲓ ⲙ̄ⲡⲉϫⲉⲓⲣⲟⲩⲃⲉⲓⲛ· ϫⲉ ⲁⲓⲥⲱⲧⲙ̄ ⲉⲣⲟϥ ⲉϥϫⲱ ⲙ̄ⲙⲟⲥ ϫⲉ ⲁ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲧⲁⲙⲓⲉ ⲧⲡⲉ ⲙ̄ⲛ̄ ⲡϫⲁϩ· ⲁⲩⲱ ⲟⲛ ϫⲉ ⲁ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲧⲁⲙⲓⲉ ⲡⲙⲟⲟⲩ ϫⲓⲛ ⲧⲁⲣϫⲏ·
ⲡⲉϫⲉ ⲡⲉϫⲉⲓⲣⲟⲩⲃⲉⲓⲛ ⲛⲁⲓ ϫⲉ ⲥⲱⲧⲙ̄ ⲛ̀ⲧⲁⲧⲁⲙⲟⲕ ⲉϩⲱⲃ ⲛⲓⲙ· ϩⲁⲑⲏ ⲙ̄ⲡⲁⲧⲉ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲧⲁⲙⲓⲉ ⲧⲡⲉ ⲙ̄ⲛ̄ ⲡϫⲁϩ ⲙ̄ⲙⲟⲟⲩ ⲛⲉⲩⲱⲟⲟⲡ ⲁⲩⲱ ⲙ̄ⲛ̄ ⲗⲗⲁⲩ ⲥⲟⲟⲩⲛ ⲛ̀ⲧⲥⲓⲛⲧⲁⲙⲓⲟ ⲙ̄ⲡⲙⲟⲟⲩ ⲛ̀ⲥⲁ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲙⲁⲩⲁⲁϥ· (ϛ̄, ⲍ̄)

I answered (and) told the Cherub: "I heard Him[23] saying: 'God created the heaven and the earth' as well as 'God created the water in the very beginning'".
The Cherub told me: "Listen and I will tell you everything. Before God created the heaven and the earth, the waters existed and no one knows the manner of creation of the water except God Himself".

---

[16] Gabolde 1995, 245–246, 248–255.
[17] Gabolde 1995, 238.
[18] van der Plas 2001, 143; Lichtheim 2006, I, 206.
[19] *oGolenischeff* 4470: strophe I, 8 (van der Plas 1986, II, 15).
[20] See strophes II, 5–6; IX, 3–4 (van der Plas 1986, I, 24–25, 131; II, 22–23, 86–87).
[21] van der Plas 2001, 144.
[22] Court 2000, 153–154.
[23] The third person mentioned may refer to Jesus Christ, since he may have told the apostles about the creation of the world before, in his teaching.

On the one hand, it recalls the ancient Heliopolitan theology according to which there were primordial waters (Nun) from the very beginning before the god Atum began his process of creation[24]. On the other hand, one can find the initial presence of waters in the first lines of the Genesis: "In the beginning God made the heaven and the earth. But the earth was unsightly and unfurnished, and darkness was over the deep, and the Spirit of God moved over the water"[25]. Thus, the water existed before the creation of the heaven and the earth and only God must have known its origin.

The very same episode ends up with the words of the Cherub who deduced from the initial sacred presence of primordial waters that "for the one who will swear falsely by the name of water, there will be no forgiveness". The same order is applied to swearing by the seed of wheat. Giving oaths was a crucial part of legal documentation and other Egyptian compositions such as private records, literary texts and king's inscriptions to express fidelity and sincerity[26]. In the Coptic narrative the possibility of giving an oath is mentioned by the Cherub – the God's holy assistant, while according to the canonical teaching of Jesus Christ swearing as such is rejected as one can recall the Sermon on the Mount (Matt 5:34–36).

An intersection rather than contradiction with the biblical idea in the Coptic text analyzed here is the following story about the nature of wheat which was delivered to Adam who was starving after he had been expelled from Paradise. The Cherub tells John that the sealed grain of wheat was made up from the pieces of divine flesh of the Son and the Father. Yet, it is possible that this narrative fragment could have had its roots in Ancient Egyptian perceptions. E.A.W. Budge noted that the origin and the nature of wheat was connected with the "primeval god" – Pauti (*P3w.t.j*)[27] as well as Osiris[28]. One can recall the so-called "grain-Osiris" or corn-mummy figures with the germinated seed honoured as a token of the god's resurrection. These effigies became widespread in the Late and Ptolemaic periods and the association of Osiris with a dying and reviving seed survived until Graeco-Roman times. Even Plutarch mentioned of those "who say that Osiris is being buried at the time when the grain is sown and covered in the earth and that he comes to life and reappears when plants begin to sprout"[29].

Nevertheless, the same passage of the "Mysteries of John, the Apostle and Holy Virgin" might also be perceived from the perspective of the Christian outlook. With the seed of wheat formed from the flesh of the Son and invisible flesh of the Father Adam received a small piece of divine essence. The idea of bread as the Body of Christ is manifested in the Eucharist where the piece of bread is considered as spiritual food connecting a human being with God. The Eucharist was stated by Christ during the Lord's Supper with the apostles[30], but before this event one can also find the excerpt in which the bread is proclaimed as the divine Body of the Saviour (Jn 6:51).

---

[24] van Dijk 1995, 1699–1700.
[25] Gn 1:1–2 after Brenton 1844, 1.
[26] A summary of written sources is given by Wilson 1948, 129–156.
[27] *LGG* III, 20.
[28] Budge 1913, lxviii–lxix.
[29] *Is. et Os*. 377C, translated by Babbitt 1936, 153:65.
[30] Matt 26:26–28; Mk 14:22–24; Lk 22:19–20.

At the end of the Coptic narrative John poses some additional questions and the first among them deals with the force supporting the heaven and the earth. The heaven, as the Cherub says, hangs upon faith and an order of God, while the earth is supported by four pillars which can be identified with Ancient Egyptian *sḫn.t fdw n.t p.t* – "four pillars of the sky" that denote firmness[31] and serve as the division between the heaven and the earth.

The following passage concerning the twelve hours of the day distinguished from the twelve hours of the night[32] is also very typical to the Ancient Egyptian perception of time[33]. For instance, the well-known books of the Netherworld: the Amduat as well as the Book of Gates illustrating the night journey of the sun are divided into twelve hours[34].

The motion of the sun discussed in the same episode was a very important natural process in the culture of Ancient Egypt as well, being no less crucial than the inundation of the Nile. John asks in what way the sun "knows" (ⲉⲓⲙⲉ) the time to set and rise. The Cherub answers that the sun moves owing to a special angel controlled by Michael the Archangel who in turn keeps the track of the passing of hours and the motion of the sun. In comparison, Ancient Egyptian perceptions of the sun motion were based on emanations of different solar phases manifested by the corresponding deities in the daytime and during the subsequent nocturnal journey of the setting sun in the Netherworld (Duat), so that the sun could rise again in the new day, thus illustrating the idea of rebirth[35].

The last story told by the Cherub before the epilogue of the text is devoted to different stars organized in ranks like the angels. These kinds of luminaries apparently correspond to the stars observed and known since ancient times. In the passage of the "Mysteries of John, the Apostle and Holy Virgin" one can read:

> ⲉⲣⲉ ⲛ̀ⲥⲓⲟⲩ ⲟ ⲛ̀ⲧⲁⲝⲓⲥ ⲧⲁⲝⲓⲥ · ⲟⲩⲛ̄ ⲥⲓⲟⲩ ⲉϣⲁϥϭⲱ · ϩⲛ̀ ⲧⲡⲉ ϣⲁ ⲡⲛⲁⲩ ⲙ̄ⲙⲉⲣⲉ· ⲁⲗⲗⲁ ⲛ̄ⲥⲉⲛⲁⲩ ⲉⲣⲟⲟⲩ ⲁⲛ ⲉⲧⲃⲉ ⲡⲟⲩⲟⲉⲓⲛ ⲙⲡⲣⲏ· (ⲗ̅ⲍ̅)
>
> The stars are of different classes. There is a class of stars which stays in the heaven until midday. However, they cannot be seen because of the sunlight.

The type mentioned above may refer to the stars that rise heliacally such as Sirius / Sothis which disappears at first since it approaches close to the sun and therefore has the period of being invisible during 70 days. Then, the stars which have risen heliacally indeed "move from their initial place" (ⲉⲩⲡⲱⲱⲛⲉ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲙ̄ ⲡⲉⲩⲙⲁ ⲛ̄ϣⲟⲣⲡ̄) as it is said by the Cherub because due to the earth's rotation around the sun, they rise a bit earlier every day and thus occur to be higher at the moment of sunrise[36].

The next group of seven stars rising "in the north of the world" (ϩⲙ̄ ⲡⲙ̄ϩⲓⲧ ⲙ̄ⲡⲕⲟⲥⲙⲟⲥ) and being "in the sky at any time" (ϩⲛ̄ ⲧⲡⲉ ⲛ̀ⲛⲁⲩ ⲛⲓⲙ) can be identified with the stars of

---

[31] *Wb*. III, 472:3.

[32] The division of the day and night into twelve hours is attested in the "Testament of Adam" as well. In this text Adam addresses the final words to his son Seth. In the course of his speech, he tells the names of each hour of the day and night and subsequently gives an overview of the prayers and events that happen during every hour (Troupeau 1988, 9–12). Twelve hours as a definite duration of the day are also mentioned by Jesus in his answer to the apostles in Jn 11:9.

[33] Clagett 1995, 48–49.

[34] Hornung 1999, 26, 32–53, 59–77.

[35] Hornung 1999, 27, 32, 41, 65, 139.

[36] Clagett 1995, 51.

the constellation Ursa Major or the Great Bear – *Mśẖtjw*[37] which is observed in the northern sky[38]. This constellation and the stars included in it belong to the so-called "Imperishable stars" or *Ỉḫm.w-śk*[39]: the circumpolar luminaries that were associated with immortal gods[40]. In the present narrative there is yet another set of seven stars which are also appealed as "the gods" – ⲛⲉⲧⲛⲟⲩⲧⲏⲣ (ϫⲏ). The "Imperishable stars" are usually opposed to the "Unwearying stars" or *Ỉḫm.w-wrḏ*[41] that include the luminaries of the southern sky where the stars such as Sirius / Sothis are temporally invisible[42], so they can be associated with the first type of the stars mentioned in the foregoing excerpt of the Coptic text.

Thus, the analysis of a range of episodes from the "Mysteries of John, the Apostle and Holy Virgin" reveals a possible connection with Ancient Egyptian traditions occasionally correlating with biblical motifs when referring to the same episode. The allusions to Ancient Egyptian themes and elements clearly insert the current text into the context of indigenous Egyptian culture, while the intersection of Christian and pagan elements gives an impression of how the author tried to interpret specific mysterious questions of John in terms of traditional Egyptian representations. This characteristic can be attributed to Bakhtin's "polyphony" in which an organic synthesis of cultures leads to a new common understanding of such high values as the truth, the goodness, the holiness, etc[43]. In case of the narrative envisaged here a set of images and themes seem to be revised through the spectacle of native Egyptian perceptions and some of the episodes have remarkable allusions to ancient concepts, so that the story itself could have been assumed as natural to the Egyptian milieu and might have been intelligible to the local audience as well. The new and old traditions intertwined in such a manner can be traced in other examples of Coptic culture (including, for instance, many pieces of art: textiles, small statuary, etc.), especially during its early phase, when the Christian images underwent the influence of Hellenistic and even Ancient Egyptian perceptions.

References

Alcock, A. (tr.) 2013: *The Mysteries of John*. URL: https://suciualin.files.wordpress.com/2013/09/the-mysteries-of-john-the-apostle.pdf; accessed on: 22.07.2021.

Allen, T.G. 1974: *The Book of the Dead or Going Forth by Day: Ideas of the Ancient Egyptians Concerning the Hereafter as Expressed in Their Own Terms*. (SOAC, 37). Chicago.

Babbitt, F.C. 1936: *Plutarch's Moralia*. Vol. V. *351C-438E*. London–Cambridge (MA).

Barguet, P. 1953: *La stèle de la famine à Séhel*. (IFAO. Bibliothèque d'étude, 24). Le Caire.

Brenton, L.C.L. 1844: *The Septuagint Version of the Old Testament, According to the Vatican Text, Translated into English: with the Principal Various Readings of the Alexandrine Copy, and a Table of Comparative Chronology*. Vol. I. *Genesis–Chronicles II*. London.

Budge, E.A.W. 1899: *The Book of the Dead: Facsimiles of the Papyri of Hunefer, Ánhai, Ḳerāsher and Netchemet with Supplementary Text from the Papyrus of Nu*. London.

Budge, E.A.W. 1913: *Coptic Apocrypha in the Dialect of Upper Egypt*. London.

[37] *Wb*. II, 149:3, 4.
[38] Clagett 1995, 110–111, 115.
[39] *Wb*. I, 125:14.
[40] Clagett 1995, 110–111; Wells 2001, 147.
[41] *Wb*. I, 125:15, 16.
[42] Maravelia 2006, 21.
[43] Chamidov 2017, 66–67.

Chamidov, A.A. 2017: [The main types of cultural interaction]. In: *Problema kul'turnogo vzaimodeystviya: istoriya i sovremennost' (po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Problemy kul'turnogo vzaimodeystviya v sovremennom mire», 26–27 maya 2016 g., Moskva, MGIK)* [*The Problem of Cultural Interaction: The History and Modern Times (Based on Materials of the International Scientific Conference "The Problems of Cultural Interaction in the Modern World", May 26–27, 2016, Moscow*]. Moscow, 59–67.
Хамидов, А.А. Основные типы взаимодействия культур. В сб: *Проблема культурного взаимодействия: история и современность (по материалам международной научно-практической конференции «Проблемы культурного взаимодействия в современном мире» 26–27 мая 2016 г., Москва, МГИК)*. М., 59–67.
Clagett, M. 1995: *Ancient Egyptian Science*. Vol. II. *Calendars, Clocks, and Astronomy*. Philadelphia.
Court, J.M. 2000: *The Book of Revelation and the Johannine Apocalyptic Tradition*. (Journal for the Study of the New Testament Suppl. Series, 190). Sheffield.
Erbetta, M. (tr.) 1969: *Gli apocrifi del Nuovo Testamento*. Vol. III. *Lettere e apocalissi: versione e commento*. Torino.
Evelyn-White, H.G. 1973: *The Monasteries of the Wadi 'n Natrûn*. Part I. *New Coptic Texts from the Monastery of Saint Macarius*. Repr. ed. New York.
Gabolde, M. 1995: L'inondation sous les pieds d'Amon. *Bulletin de l'institut français d'archéologie orientale* 95, 235–258.
Hagen, J.L. 2010: Ein anderer Kontext für die Berliner und Straßburger „Evangelienfragmente". Das „Evavgelium des Erlösers" und andere „Apostelevangelien" in der koptischen Literatur. In: J. Frey, J. Schröter (Hrsg.), *Jesus in apokryphen Evangelienüberlieferungen*. Tübingen, 339–371.
Hornung, E. 1999: *The Ancient Egyptian Books of the Afterlife*. Translated by D. Lorton. Ithaca–London.
Lichtheim, M. 2006: *Ancient Egyptian Literature*. Vol. I–III. Berkeley–Los Angeles–London.
Maravelia, A.-A. 2006: *Les astres dans les textes religieux en Égypte antique et dans les hymnes orphiques*. (BAR International Series, 1527). Oxford.
Müller, C.D.G. 1962: *Die Bücher der Einsetzung der Erzengel Michael und Gabriel*. (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, 225; Scriptores Coptici, 31). Leuven.
Seeber, Chr. 1976: *Untersuchungen zur Darstellung des Totengerichts im Alten Ägypten*. (Münchner Ägyptologische Studien, 35). München–Berlin.
Smagina, E.B. (tr.) 2015: [The mysteries of John the Evangelist]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhvinskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya III: Filologiya* [*St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*] 5 (45), 97–110.
Мистерии Иоанна, апостола и святого девственника. Предисл., пер. и примеч. Е.Б. Смагиной. *Вестник ПСТГУ. Серия* III: *Филология* 5 (45), 97–110.
Troupeau, G. 1988: Une version arabe du «Testament d'Adam». In: R.-G. Coquin (éd.), *Mélanges Antoine Guillaumont. Contributions à l'étude des christianismes orientaux, avec une bibliographie du dédicataire*. (Cahiers d'orientalisme, 20). Genève, 3–14.
van Dijk, J. 1995: Myth and Mythmaking in Ancient Egypt. In: J.M. Sasson (ed.), *Civilizations of the Ancient Near East*. Vol. III. New York, 1697–1709.
van der Plas, D. 1986: *L'hymne à la crue du Nil*. Vol. I. *Traduction et commentaire*. Vol. II. *Présentation du texte. Texte synoptique. Planches*. (Egyptologische Uitgaven, IV, 1–2). Leiden.
van der Plas, D. 2001: Nile Hymns. In: D.B. Redford (ed.), *The Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt*. Vol. II. Oxford, 143–145.
Wells, R.A. 2001: Astronomy. In: D.B. Redford (ed.), *The Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt*. Vol. I. Oxford, 145–151.
Wilkinson, R.H. 2003: *The Complete Gods and Goddesses of Ancient Egypt*. New York.
Wilson, J.A. 1948: The oath in ancient Egypt. *Journal of Near Eastern Studies* 7 (3), 129–156.

Vestnik drevney istorii
81/4 (2021), 922–937
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/4 (2021), 922–937
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910015302-5

НОВЫЕ ДАННЫЕ О «БОЯЩИХСЯ БОГА» НА АЗИАТСКОМ БОСПОРЕ

А. П. Бехтер[1], В. Н. Чхаидзе[2]

[1] *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*
[2] *Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия*

[1] *E-mail*: anabekhter@gmail.com [2] *E-mail*: chkhaidze.v@yandex.ru

[1] *ORCID*: 0000-0001-6953-739X [2] *ORCID*: 0000-0002-2478-8926

В статье публикуется надпись на мраморной стеле, вмонтированной в лестницу жилого частного дома в ст. Тамань. Дом находится непосредственно на территории археологического памятника, долгое время использовавшегося для добычи строительного камня, что позволяет с весьма высокой степенью уверенности атрибутировать стелу античной Гермонассе. Надпись представляет собой манумиссию; это первый документ такого жанра, найденный на территории Гермонассы. Основная часть текста уничтожена, частично уцелела датировка: 392 г. б.э., т.е. 95/96 г. н.э., время правления Савромата I, и последняя строка, где ясно читается θεο<σε>βῶν. Вместе с манумиссией, найденной в 2007 г. А.И. Айбабиным (в статье предлагается также новое прочтение начальной части документа), и КБН 71 (обе надписи происходят из Пантикапея) мы располагаем уже тремя документами, неопровержимо доказывающими, что на территории Боспорского царства в I в. н.э. существовали иудейские общины, в состав которых были включены «боящиеся Бога» (квазипрозелиты).

Ключевые слова: греческая эпиграфика Боспора, Гермонасса, манумиссии, иудеи и «боящиеся Бога»

Данные об авторах: Анастасия Петровна Бехтер – кандидат исторических наук, доцент СПбГУ; Виктор Николаевич Чхаидзе – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела средневековой археологии ИА РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки Российской Федерации в форме субсидий в рамках проекта № 075-15-2020-786 «История письменности в европейской цивилизации». Авторы глубоко признательны И.А. Левинской, взявшей на себя труд ознакомиться с черновым вариантом данной публикации, за помощь советами и литературой.

NEW EVIDENCE FOR ‘GODFEARERS’ IN ASIAN BOSPOROS

Anastasia P. Bekhter[1], Viktor N. Chkhaidze[2]

[1] *Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*
[2] *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

[1] *E-mail*: anabekhter@gmail.com [2] *E-mail*: chkhaidze.v@yandex.ru

Acknowledgments: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project no. 075-15-2020-786

The article publishes an inscription on a marble stele reused in the staircase of a private house in the stanitsa of Taman. The house is located directly on the territory of the archaeological site that was used for a long time for the extraction of building stone, which makes it possible to attribute the stele to the ancient Hermonassa with a very high degree of reliability. The inscription is a manumission; it is the first document of this genre found in the territory of Hermonassa. The main part of the text has been destroyed, but the dating (392 of the Bosporan era, i.e. 95/96 AD, the reign of Sauromates I), and the last line, where θεο<σε>βῶν is clearly read, have partly survived. Together with the manumission found in 2007 by A.I. Aibabin (the article also offers a new reading of the initial part of that document), and *CIRB* 71 (both inscriptions come from Panticapaeum), we now have three documents irrefutably proving that Jewish communities, which included Godfearers (quasi-proselytes), existed in the territory of the Bosporan kingdom in the first century AD.

Keywords: Greek epigraphy of Bosporus, Hermonassa, manumission inscriptions, Jews and Godfearers

Летом 2016 г. благодаря сотруднику Гермонасско-Тмутараканской археологической экспедиции Е.М. Некрасовой, по адресу: ст. Тамань, пер. Подгорный 4, – была обнаружена мраморная стела. Камень используется в качестве нижней ступени лестницы (будучи в нее вмурованной надписью вверх) в погребе. По словам хозяйки, плита уже находилась в погребе до Великой Отечественной войны. Передать памятник в Таманский музейный комплекс владелица отказалась[1].

С большой долей уверенности можно полагать, что стела была обнаружена на территории Таманского городища (античная Гермонасса), где и располагается дом с погребом. Косвенно на это также может указывать проводящаяся на памятнике с конца XVIII в. и по настоящее время нерегламентированная строительная и хозяйственная деятельность, а также кладоискательство, нанесшие значительный урон городищу. Вплоть до Великой Отечественной войны территория Таманского городища использовалась для добычи строительного материала, прежде всего камня.

Памятник представляет собой прямоугольную стелу из белого мрамора, обломанную сверху и слева (рис. 1). Размеры камня (см): длина – 62,0–66,0, ширина – 25,0–27,0, толщина – 16,0. На лицевой стороне была вырезана многострочная надпись, бóльшая часть которой полностью уничтожена в процессе использования стелы в качестве ступени. Высота букв на месте не измерялась, по рейке

[1] Chkhaidze 2016, 28, рис. 92.

на фотографии размеры можно оценить как 2,0 см (*омикрон* 1,2–1,3 см). Текст вырезан аккуратно, межстрочный и межбуквенный интервалы выдержаны. Прямые линии заканчиваются глубоко врезанными клиновидными апексами. *Альфа* с ломаной поперечной гастой. *Омикрон* по размеру меньше прочих букв. *Тета* с короткой черточкой посредине. *Каппа* с укороченными наклонными. Округлая часть *омеги* соединяется с горизонтальными гастами короткими вертикалями; нижние горизонтали буквы имеют легкий изгиб, особенно левая.

Текст может быть прочитан и восстановлен следующим образом.

[Βασιλεύοντος βασιλέ]-
[ως Τιβερίου] Ἰουλίου [Σαυ]-
[ρομ]άτου φιλοκαίσα[ρος]
[καὶ φι]λορωμαίο<υ> εὐσ[ε]-
5 [βοῦς] ἔτους β<ϙ>τ΄ μηνὸ[ς]
[Ξανδι]κοῦ. [ὁ/ἡ δεῖνα]
[---]ίσκου κ[αὶ? ὁ/ἡ δεῖνα]
Ο.[τοῦ δεῖνος ἀφίεμεν]
[ἐπὶ τῆς προσευχῆς τὸν]
10 [θρεπτὸν ἡμῶν / τὴν θρεπτὴν ἡμῶν /τοὺς θρεπτοὺς ἡμῶν]
[τὸν/τὴν δεῖνα]
[?κατὰ εὐχὴν ἐλεύθερον/ ἐλευθέρην/ ἐλευθέρους]
[καθάπαξ?----------]
[----------]-
15 [----------]
[----------]
[----------]
[----------]
[(συν?)επιτροπευούσης]
20 [συναγ]ω[γῆς τῶν Ἰουδαί]-
[ων καὶ] θεο<σε>βῶν

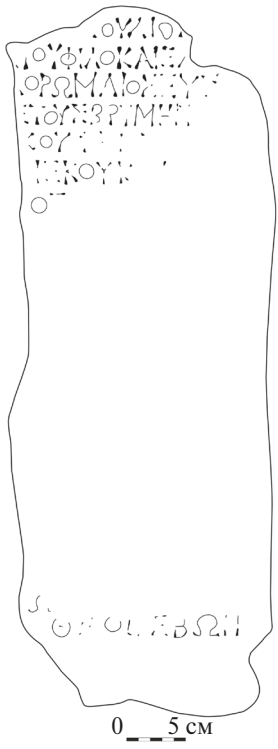
4. ΛΟΡΩΜΑΙΟΣ камень; 5. ΒΡΤ камень; 8. в начале стк. уцелели *омикрон* и горизонтальная гаста; 21. ΘΕΟΕΣΒΩΝ камень.

Перевод: [В царствование царя Тиберия] Юлия [Савром]ата, друга цеза[ря и дру]га римлян, благо[честивого], в 392 г.б.э. месяца [ксанди]ка [--------]иска и [----- отпускаем по обету в молельне нашего вскормленника/нашу вскормленницу/наших вскормленников на свободу навсегда? ---------- под опекой (*также?*) синаг]о[ги иудеев и] боящихся Бога.

Датировочная формула в начале текста, объединяющая эпонимную датировку и дату по боспорской эре, и последняя уцелевшая строка, где четко читается слово θεο<σε>βῶν, позволяет определить жанр надписи как манумиссию. Начальная часть эпонимной датировки восстановлена по аналогии с датировочными формулами других манумиссий; распределение текста по строкам базируется на не вызывающем сомнений восстановлении стк. 3–5: по 19 букв в стк. 3 и 4, причем в каждой из них присутствует по две *йоты*, и 17 букв в стк. 5, не содержащей ни одной *йоты*.

Следует отметить ошибку резчика в стк. 4: φιλορώμαιος вместо генитива φιλορωμαίου, видимо, по аналогии с φιλοκαίσαρος. Генитивы Ἰουλίου, [Σαυρομ]άτου и общая структура датировочной формулы исключают возможность читать здесь номинатив.

Датировка по боспорской эре вполне отчетливо читается как ΒΡΤ. Такая дата невозможна, так что скорее всего вторая буква не *ро*, а *коппа*, изображавшаяся в лапидарных



1 2

Рис. 1. Стела с надписью, вмонтированная в лестницу: *1* – фото В.Н. Чхаидзе, 2016 г.; *2* – прорисовка В.Н. Чхаидзе, 2020 г.

надписях первых веков нашей эры как зеркальное отображение *ро* (см., к примеру, *КБН* 52). От последней буквы уцелели часть вертикали и апексы, что дает основания видеть в ней остатки *ипсилона* или *тау*, но направленность апексов горизонтально в стороны, а не наклонно вверх, и манера письма, более характерная для I в. н.э., чем для II в. н.э., заставляют склониться в сторону последнего. В таком случае год по боспорской эре читается как 392, т.е. 95/96 г. н.э., и эпонимом оказывается Савромат I.

Разобрать следующие за названием месяца буквы, обозначающие день, к сожалению, не удалось; можно только констатировать, что первая из них, судя по всему, содержит вертикальную гасту (для *йоты* она слишком далеко отстоит от предыдущей буквы).

Хотя значительная часть стк. 4 утрачена, исходя из уцелевших в начале стк. 5 букв ΙΣΚΟΥ, которые могут быть поняты только как окончание патронимика, можно заключить, что в соответствии со стандартным формуляром манумиссии сразу за датой следовало имя манумиттора. Имена на -ισκος хорошо представлены на Боспоре: Φιλίσκος, Βασιλίσκος и т.д. (см. *LGPN* IV). После имени манумиттора ожидается глагол ἀφίημι, ἀνατίθημι или подобный, однако, после *ипсилона* хорошо прослеживается вертикальная гаста. Скорее всего далее следовал союз καί и имя второго манумиттора, супруга или родственника первого (ср., к примеру, *КБН* 986). В последней строке θεο<σε>βῶν, несмотря на допущенную резчиком ошибку,

носящую чисто механический характер (перестановка местами схожих по форме букв, ангулярных *сигмы* и *эпсилона*), читается совершенно отчетливо. Прилагательное θεοσεβής («благочестивый, набожный») в первых веках нашей эры в связи с возрастающей популярностью иудаизма приобретает значение terminus technicus «боящийся Бога», под которым следует понимать квазипрозелитов – язычников, сочувствующих и покровительствующих иудейским общинам[2]. Найденная в карийском городе Афродисиада стела, на двух гранях которых размещены надписи, одна из которых представляет собой список донаторов – членов иудейской декании, другая – список имен, при том что в обоих текстах перечислены и этнические евреи, и прозелиты, и «боящиеся Бога» (θεοσεβεῖς)[3], снимает вопрос о возможности трактовки слова θεοσεβής в иудейском контексте иначе, чем обозначение отдельной группы лиц в той или иной степени сочувствующих иудаизму, но не решившихся пока на последний шаг: собственно принятие новой религии. Текст следует относить, видимо, к IV в. н.э., хотя дискуссия по поводу его датировки продолжается до сих пор[4]. Однако, решая один вопрос, данная надпись поставила другие. Можно ли экстраполировать данные из Афродисиады на другие регионы античного мира и на более раннее время? Каково было соотношение между собственно иудеями и квазипрозелитами, т.е. рассматривались ли они как члены общины или все же нет?

Пролить свет на эти вопросы могли бы параллельные эпиграфические материалы, где θεοσεβής включено в иудейский контекст, однако количество таких данных крайне немногочисленно, а их интерпретация нередко затруднительна[5]. Надпись из Милета II – начала III в. н.э., отмечающая специально выделенные в театре места как τόπος Εἰουδέων τῶν καὶ θεο<σ>εβίων (*CIJ* II 748), не проясняет, а только запутывает ситуацию. Для этого краткого текста было предложено несколько интерпретаций. Э. Шюрер предложил поменять местами союз и артикль, т.е. читать καὶ τῶν, понимая текст как «место евреев и боящихся Бога»[6].

---

[2] О значении термина с подробным обзором и анализом литературы см. Levinskaya 2000, 103–143.

[3] Первоиздатели полагали, что на камне вырезана одна надпись, размещенная на разных гранях (Reynolds, Tannenbaum 1987), однако дальнейшие исследования показали, что на камне два разных текста, выполненные в разное время (Bonz 1994; Williams 1994; Chaniotis 2002).

[4] Рейнольдс и Танненбаум отнесли памятник к началу III в. до н.э. (Reynolds, Tannenbaum 1987, 19–24), впоследствии было признано, что надписи относятся к гораздо более позднему времени (разброс предложенных альтернативных датировок от середины III до середины VI в. н.э.), также различно оценивается и временной интервал между нанесением первого и второго текстов (обзор основной литературы см. Levinskaya 2019a).

[5] См. детальный разбор подобных текстов в Levinskaya 2000, 103–118; об эволюции и специфике употребления термина также см. Bonz 1999, 194–199. Θεοσεβής, встречающееся в эпитафиях, даже если речь об этническом еврее или прозелите, всегда может быть истолковано в исконном значении слова «благочестивый» (Levinskaya 2000, 103–108, 113–117). То же самое можно сказать и о вотивных надписях, даже найденных непосредственно в синагоге (ibid., 108–109, 111–112).

[6] Schürer 1897, 174, Anm. 70. Поддержано Т. Раджак (Rajak 1985, 285); к принятию конъектуры Шюрера склоняются также П. Требилко (Trebilco 1991, 161–162) и И.А. Левинская (Levinskaya 2019b, 387–388).

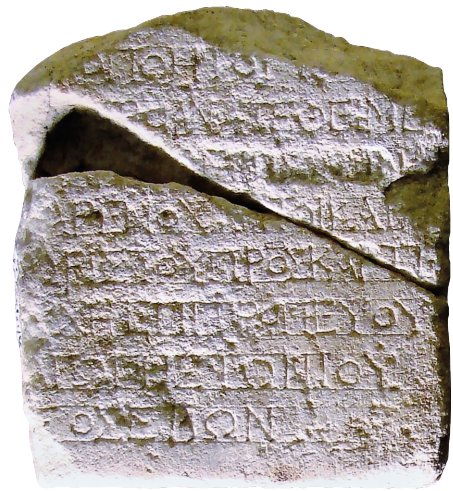


Рис. 2. Манумиссия *SEG* 57: 731.
Фото А.П. Бехтер, 2017 г.
Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, инв. № КЛ-2491

Подобная трактовка, вполне увязывающаяся с надписью из Афродисиады, где обе группы объединены вместе, но при этом четко разграничены, весьма вероятна, однако никак не помогает решить вопрос о том, были ли θεοσεβεῖς включены в состав иудейской общины или нет. Л. Робер полагал, что в текст не следует вносить каких-либо изменений, а Θεοσέβιοι является местным наименованием евреев, используемым в Милете, т.е. надпись гласит «место евреев, именуемых также Θεοσέβιοι»[7]. Отказ от эмендации всегда привлекателен, но слабость гипотезы состоит в отсутствии каких-либо параллелей: других текстов с термином Θεοσέβιοι в иудейском контексте или практики использования каких-то специфических параллельных наименований для иудеев в других регионах. Г. Хоммель также отказывается от эмендации, однако θεοσεβίῶν понимает как генитив множественного числа от θεοσεβεῖς, т.е. «место евреев, именуемых также “боящимися Бога”». Г. Хоммель полагает, что надпись маркирует «место не просто евреев, а только тех, которые именуются также “боящимися Бога”», которых не искушенная в тонкостях отношений двух этих групп театральная администрация причислила к иудеям[8]. При трактовке текста в прочтении Хоммеля можно пойти даже дальше, предположив, что места были зарезервированы и для иудеев, и для квазипрозелитов, которых далекие от иудаизма люди воспринимали как единую группу с двумя разными названиями. Здесь уместно вспомнить свидетельство Диона Кассия, приводимое самим Хоммелем, который, хотя и для более позднего периода, отмечает, что иудеями именовали не только собственно евреев, но и тех, кто перенимал их обычаи (XXXVII. 17. 1). Впрочем, сразу следует оговориться, что мы не знаем, кто был инициатором нанесения надписи на спинки кресел: театральная администрация или же сами евреи и/или квазипрозелиты, т.е. отражает ли надпись взгляд изнутри еврейской общины, для которой разница между иудеем и квазипрозелитом, остающимся язычником, принципиальна, или же представляет точку зрения людей со стороны, для которых все приверженцы новой веры являют собой монолитную группу, известную под разными наименованиями.

[7] Robert 1964, 41; эту концепцию поддержал П. Херрманн, подчеркивающий, что в тексте нет речи о дихотомии евреев и «боящихся Бога» (*Milet* VI, 2, 940 IIIg).
[8] Hommel 1975, 184–185.

Как видим, каждый из вариантов прочтения имеет свои сильные и слабые стороны, поэтому принять однозначное решение едва ли возможно[9].

При такой скудости материала особую ценность приобретают эпиграфические памятники Боспора, где уже в I в.н.э. известны манумиссии, в которых вольноотпущенники передаются под опеку иудейской синагоги. Συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων упоминается в ряде пантикапейских текстов: *КБН* 70 (81 г. н.э.), 72 (конец I – первая половина II в. н.э.), 73 (первая половина II в. н.э.). Во всех этих документах, кроме *КБН* 71, о которой специально будет сказано ниже, Ἰουδαίων является последним словом надписи. Однако в 2007 г. при охранных раскопках в Боспорском переулке под руководством А.И. Айбабина была найдена мраморная стела с двумя разновременными греческими надписями, вторая из которых представляет собой манумиссию, причем в ее последних строках уверенно читается ἐπιτροπευούσης [τῆς συν]αγωγῆς τῶν Ἰου[δαίων καὶ θ]εοσεβῶν (рис. 2)[10]. Памятник был опубликован вскоре после находки в 2008 г. А.И. Айбабиным и В.А. Сидоренко[11]. В 2018 г. В.А. Сидоренко представил более подробную публикацию[12], внеся некоторые изменения в первоначальное прочтение. В дальнейшем стела была представлена в англоязычной статье И.А. Левинской[13]. Не имея возможности аутопсии, исследовательница предпочла воздержаться от ревизии текста, сосредоточившись на комментировании последних строк надписи, чтение которых сомнения не вызывает. Новое прочтение предложил С.Ю. Сапрыкин, подвергший серьезной коррекции восстановление начальной части текста[14]. Благодаря любезному разрешению А.И. Айбабина одному из авторов удалось осмотреть камень, на основании чего хотелось бы представить свое прочтение надписи, поскольку оно отличается от предложенных другими авторами. Восстановление последних строк не вызывает сомнения, все расхождения касаются начальной части текста. Итоговая реконструкция надписи В.А. Сидоренко выглядит следующим образом: [Βασιλεύοντος βασιλέως Τιβερίου | Ἰουλίου Κότυος φιλοκαίσαρος | καὶ φιλορωμαίου εὐσεβοῦς ἔτους | ..τ΄ μηνός Ξανδι]κο(ῦ) γι΄, Θητο γυ[νὴ πρό]|τερον τοῦ δεῖνος ...]τρο(υ) ἀνατέθει Μει|[κρᾶτος (?) τῷ θεῷ] τ[ὸ]ν [θ]ρεπτ[ὸν ἐμα]||[υτῆς (?) ὅπως ᾖ ἀπ]αρενόχλητοι καὶ ἀ|[νεπίληπτοι χ]ωρὶς τοῦ προσκαρτε|[ρεῖν τῇ προσε]υχῇ ἐπιτροπευού|[σης τῆς συν]αγωγῆς τῶν Ἰου|[δαίων καὶ θ]εοσεβῶν. От первоначальной реконструкции, представленной в публикации 2008 г., отличается только трактовка стк. 5–7, которые сначала были прочитаны как Μει|[… καὶ τοὺς θ]ρεπτ[οὺς] (ἐ)αυ|[υτῆς (?) ὅπως (ὦσ)ιν? ἀπ]αρενόχλητοι. Вариант Сапрыкина выглядит следующим образом: [--- συνδύ]ο πο(ι)ητοὺ[ς] Θ[εῶι Ὑψίσ|τωι Παντοκρά]τορι ἀνατεθειμέ|[νους τοὺς θ]ρεπτοὺς

---

[9] Интересно отметить, что в том же милетском театре, но в другом ряду была открыта надпись θε[οσ?]εβίων (*IJudO* II 37). Восстановление представляется несомненным, однако к пониманию первой надписи новый текст нас никак не приближает, поскольку может трактоваться в рамках любой из предложенных гипотез.

[10] Камень поступил на хранение в Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, инв. № КЛ-2491.

[11] Aibabin, Sidorenko 2008, 124–126, рис. 2; см. также *SEG* 57: 731.

[12] Sidorenko 2018, 513–516, рис. 2.

[13] Levinskaya 2019b, 383–391.

[14] Saprykin 2019, 144–146.

ἐμ[οὺς | ὅπως εἰσὶν ἀπ]αρενόχλητοι καὶ ἀ|[νεπίληπτοι χ]ωρὶς τοῦ προσκαρτε|[ρεῖν τῇ προσε]υχῇ ἐπιτροπευού|[σης τῆς συν]αγωγῆς τῶν Ἰου|[δαίων καὶ θ]εοσεβῶν. Насыщенное грамматическими и ономастическими ляпсусами чтение Сидоренко, безусловно, требует основательного пересмотра, однако и вариант Сапрыкина не представляется нам удачным.

Прочтение текста, начиная с [ἀπ]αρενόχλητοι в стк. 7, не вызывает сомнений. Стк. 8–9, содержащие стандартную формулу завершающих манумиссии гарантий неприкосновенности вольноотпущенников, позволяют довольно точно вычислить длину строки: 25–27 букв. Стк. 10 оказывается существенно короче – всего 21 буква. Надо отметить, что резчик закончил стк. 10 раньше, несмотря на наличие места еще для одной–двух букв, видимо, ради силлабического переноса, и буквы в последних двух строках расставлены гораздо более свободно (мастер явно перестал экономить место). Можно, конечно, предположить наличие в лакуне механической ошибки из разряда диттографий, что даст нам еще одну–две дополнительные буквы, но здесь мы переходим в область чистой фантазии. Поэтому стоит остановиться на восстановлении стандартной формулы.

В.А. Сидоренко полностью восстанавливает датировочную формулу, считая эпонимом Котиса I. При этом основным критерием выбора является соотношение длины имени правителя и размера строки. Учитывая, что размер утраченной верхней части стелы неизвестен, подобные расчеты не выглядят убедительно. Судя по предложенному восстановлению, издатели исходят из того, что резчик не использует переносов слов на другую строку, однако из сохранившегося текста видно, что это не так. Поэтому никаких оснований для предпочтения Котиса I другим боспорским правителям I в. н.э. нет, с равной вероятностью эпонимами могут быть Рескупорид II или Савромат I[15]. На произвольность восстановления эпонимной датировки указывает и С.Ю. Сапрыкин[16], обоснованные сомнения в правомерности восстановления полной датировочной формулы также высказала И.А. Левинская[17].

В первой уцелевшей строке В.А. Сидоренко видит конечную часть датировки по боспорской эре и невозможное женское имя Θητο[18], однако за *омикроном* вне всякого сомнения следует *ипсилон*: перед обломом заметно начало расхождения наклонных линий, формирующих верхнюю часть буквы. За число месяца γι΄ принята *пи* с ее характерной удлиненной горизонталью, что сразу вызывает сомнение в чтении следующей округлой буквы как *теты*; в данном случае предпочтительнее *омикрон*. Таким

---

[15] Палеографически надпись вряд ли может относиться к периоду правления Аспурга: для текстов этого времени характерны относительно крупные *омикрон* и *тета*; *пи* в большинстве случаев имеет укороченную правую вертикаль (ср. *КБН* 39, 40, 985; Bekhter, Butyagin 2007, № 3, 77–79, рис. 6).

[16] Saprykin 2019, 144–145. По палеографии исследователь относит надпись ко второй половине I – началу II в. н.э. На наш взгляд, признаков, характерных для письма рубежа I–II в. н.э., не наблюдается, текст следует датировать серединой – второй половиной I в. н.э.

[17] Levinskaya 2019b, 384–385.

[18] Крайняя сомнительность прочтения этого имени была отмечена А. Аврамом (*BE* 2019, 346), см. также Belousov, Eliseeva 2019, 193–194.

образом, мы, как и С.Ю. Сапрыкин, в начале строки читаем ΟΠΟΝΤΟΥ̣. Далее Сапрыкин отмечает утрату одной буквы и на краю облома видит фрагментированную *тету*. На наш взгляд, вслед за *ипсилоном* видна нижняя часть вертикали; промежуток между ней и предыдущей буквой довольно велик, поэтому скорее всего утраченная буква – *фи*, которая нередко имеет в этот период довольно крупную окружность. Данные разночтения могут объясняться различиями в субъективном восприятии сильно разрушенного текста, но, несмотря на различия в понимании последней уцелевшей в строке буквы, нельзя не признать, что предложенное Сапрыкиным восстановление πο(ι)ητού[ς] объективно невозможно. Нижняя часть строки видна очень хорошо, и никаких следов *сигмы* там не видно. В чтении начала стк. 2 мы следуем за Сидоренко, видящего там Τ̣ΡΟ, тогда как Сапрыкин читает Τ̣Ο̣Ρ̣Ι̣. После стоящего в конце строки ΜΕ *йота*, как верно отмечает Сапрыкин[19], не просматривается, поэтому никаких оснований для восстановления Μεικρᾶτος нет.

В стк. 2 отчетливо читается ΑΝΑΤΕΘΕΙΜΕ, несомненно, представляющее собой форму от ἀνατίθημι. Выбор глагола неожиданен: в иудейских манумиссиях обычно используется ἀφίημι (*КБН* 70, 71, 73), ἀνατίθημι более характерно для языческих манумиссий (*КБН* 74, 1021), хотя в *КБН* 1123 мы находим ἀνέθηκεν τ[ῆι] προσευχῆι. В.А. Сидоренко видит в ἀνατέθει форму третьего лица единственного числа вместо нормативного ἀνατίθησι. Подобное искажение засвидетельствовано на Боспоре, хотя и для более позднего времени (*КБН* 1021_6, II в. н.э.)[20], так что такой вариант нельзя совсем исключить[21], однако все известные нам пантикапейские манумиссии оформлены от первого лица. С.Ю. Сапрыкин восстанавливает причастие ἀνατεθειμέ̣[νους], соответствующее нормативной грамматике, но плохо вписывающееся в структуру манумиссии. Оборот, где используется данная форма, οἱ ἀφεωμένοι ἐλεύθεροι καὶ ἀνατεθεμένοι, засвидетельствован только в двух языческих манумиссиях второй половины II в. до н.э., происходящих из Эпира (*SEG* 38: 497, 502). Хронологическая, географическая, структурная и содержательная отдаленность этих текстов от рассматриваемой надписи не позволяют провести каких бы то ни было аналогий.

Стк. 3 практически уничтожена: почти во всю ее длину выдолблен неглубокий желобок. Вероятно, камень, уже однажды использовавшийся вторично[22], подготавливали к последующему использованию уже в качестве строительной детали. Хотя и В.А. Сидоренко, и С.Ю. Сапрыкин предлагают свои варианты чтения (в обоих случаях присутствует слово θρεπτός, что объясняется не столько убедительно восстанавливающимися остатками букв, сколько необходимостью этого термина в формуляре), на наш взгляд, невозможно с уверенностью восстановить ни одно слово.

Таким образом, оба варианта реконструкции надписи оказываются несостоятельны. Чтение Сидоренко при всех грамматических несуразностях в целом

---

[19] Отсутствие *йоты* в конце строки отмечает также А. Аврам (*BE* 2019, 346), предполагающий здесь чтение личного имени, начинающегося на Με, см. также Belousov, Eliseeva 2019, 194.

[20] Подробнее о смешении форм глаголов на -ω и на -μι в боспорской эпиграфике см. Dovatur 1965, II Б § 5.

[21] К ε > ει см. Dovatur 1965, I А § 2.

[22] Подробнее об изначальной форме камня и его последующем использовании см. Sidorenko 2018, 511–512.

следует структуре боспорских манумиссий, известной нам по уцелевшим текстам. Версия же Сапрыкина представляет собой искусственную конструкцию, построенную на весьма шатких основаниях. О невозможности чтения πο(ι)ητού[ς] уже было сказано выше; кроме того, не вполне понятно, какой смысл вкладывается в это слово, основное значение которого «усыновленный», и как оно соотносится с читаемым дальше θρεπτούς. Восстановление Θ[εῶι Ὑψίστωι Παντοκρά]τορι представляется крайне сомнительным по целому ряду соображений. Во-первых, оно строится на небесспорном прочтении сильно поврежденных букв. Во-вторых, для помещаемого автором в конце стк. 1 Θ[εῶι Ὑψίσ- места явно недостаточно (впрочем, перемещение избыточных букв в следующую строку, содержащую согласно реконструкции Сапрыкина 25 букв, может помочь решению этой проблемы). В-третьих, почитание Бога Высочайшего Пантократора характерно исключительно для Горгиппии, в то время как в Пантикапее этот культ неизвестен. Наконец, в известных нам горгиппийских манумуссиях, упоминающих данное божество, посвящение Богу Высочайшему Пантократору всегда открывает формуляр, причем с обязательным дополнением εὐλογητός (*КБН* 1123, 1125, 1126).

В стк. 1, на наш взгляд, скорее всего должно читаться [ἀδελφ]οποητοῦ (хотя нельзя совсем исключить и πατροποητός). Слово ἀδελφοποητός[23], обозначающее «сводный брат/сводная сестра», дважды засвидетельствовано в боспорской эпиграфике: *КБН* 333 и *КБН* 339 (обе – Пантикапей, I в.н.э.). Термин этот, в зависимости от того, как мы поймем структуру текста, должен относиться либо к манумиттору, либо к вольноотпущеннику.

Глагол ἀνατίθημι требует датива, а так как перед ним читается ṬРО, которое можно понимать только как генитив личного имени, зависящего от [ἀδελφ]οποητοῦ, то указание на адресата посвящения должно стоять после глагола. За неимением других аналогий кроме *КБН* 1023 дополняем τ[ῆι] προσευχῆι. Это дополнение вне зависимости от понимания глагольной формы сразу «съедает» почти половину стк. 3, где, согласно логике текста, должны размещаться слова τοὺς θρεπτοὺς ἐμοὺς и имена отпускаемых на волю (дополнение τῶι θεῶι ничуть не спасает ситуацию). Очевидно, что и для того, и для другого места нет. Исходя из этого соображения, а также трактовки ΑΝΑΤΕΘΕΙΜΕ, можно предложить несколько вариантов восстановления текста.

Вариант 1. [---------- ὁ/ ἡ δεῖνα ἀδελφ]οποητοῦ .|[-----]τρο(υ) ἀνατέθει Με|[---καὶ ὁ/ἡ δεῖνα τῆι προσευχῆι | ὅπως ὦσιν/εἰσὶν ἀπ]αρενόχλητοι...: «[---------- сводного б]рата? [и ----------]тра посвящает Ме[---- и ---- молельне, чтобы быть им гарантированными от бес]покойства...». В данном случае мы считаем, что уцелевший текст начинается с имени манумиттора, ἀνατέθει = ἀνατίθησι, а τοὺς θρεπτοὺς ἐμοὺς опущено (ср. фанагорийскую манумиссию 41 г. н.э.[24]), указаны только личные имена вольноотпущенников. Недостатки этого варианта очевидны: нехарактерное для пантикапейских манумиссий использование формы третьего лица вкупе с немотивированной заменой *эпсилона* на *йоту*, а также нехарактерным для манумиссий пропуском τοὺς θρεπτοὺς.

---

[23] К выпадению *йоты* в глаголе ποιέω и производных от него см. Dovatur 1965 I A § 10.
[24] Danshin 1993, 59–63.

Вариант 2. [---------- ὁ/ ἡ δεῖνα ἀδελφ]οποητοῦ .|[-----]τρο(υ) ἀνατέθειμε|[ν τῆι προσευχῆι τοὺς θρεπτοὺς ἡμῶν | ὅπως ὦσιν/εἰσὶν ἀπ]αρενόχλητοι: «[---------- сводного б]рата? [и ----------]тра посвящае[м молельне вскормленников наших, чтобы быть им гарантированными от бес]покойства...». В данном прочтении мы исходим из того, что имена и родственные отношения вольноотпущенников указаны в начале уцелевшей части текста, а манумиттор также был не один. При таком понимании утраченная часть текста, содержавшая датировочную формулу, имена манумитторов и имя как минимум одного из отпускаемых на волю вскормленников, оказывается весьма внушительной, и стела по размеру приближается к публикуемому памятнику из Гермонассы. Слабым местом данного прочтения является неправильная с точки зрения нормативной грамматики форма ἀνατέθειμεν. Очевидно, что она заменяет ἀνατίθεμεν по аналогии с ἀφίεμεν вместо более привычного ἀνέθηκαν (ср. ἀνατίθησι в *КБН* 985 и ἀνατίθει в *КБН* 1021), однако замена ударной *йоты* на *эпсилон* не может быть объяснена фонетически, это может быть только ошибкой резчика или автора рукописного текста (упреждающее написание, обусловленное наличием *эпсилона* в следующем слоге?).

Вариант 3. [---------- ὁ/ ἡ δεῖνα ἀδελφ]οποητοῦ .|[-----]τρο(υ) ἀνατεθειμέ|[νους τῆι προσευχῆι τοὺς θρεπτοὺς ἐμοὺς | ὅπως ὦσιν/εἰσὶν ἀπ]αρενόχλητοι: «[---------- сводного б]рата? [и ----------]тра посвящен[ных молельне вскормленников наших, чтобы быть им гарантированными от бес]покойства...». В утраченной части надписи после имени манумиттора, видимо, стоял глагол ἀφίημι, за которым следовали имена отпускаемых на волю. Проблема, как уже было сказано, состоит в отсутствии манумиссий такой структуры как на Боспоре, так и за его пределами, что делает данную реконструкцию умозрительной.

Возможно, новые эпиграфические находки помогут скорректировать чтение манумиссии из Боспорского переулка, в настоящее же время задача, как кажется, не имеет однозначного решения.

Прежде чем вернуться к публикуемому тексту, имеет смысл еще раз обратиться к одной из самых обсуждаемых боспорских надписей – манумиссии *КБН* 71 (Пантикапей, I в.н.э.). Основная дискуссия развернулась вокруг последних слов документа. Первые издатели понимали завершающее текст θεὸν | σέβων как «почитая Бога», т.е. обозначение одного из условий отпуска на волю (грамматическая неправильность конструкции не является чем-то уникальным для эпиграфики Боспора первых веков н.э.)[25]. В дальнейшем независимо друг от друга Г. Беллен и Б. Лифшиц предложили эмендацию θεο{ν}|σεβῶν[26]. Это последнее прочтение получило широкое признание[27], однако ряд исследователей продолжили отстаивать первоначальное чтение, не предполагающее изменения текста[28]. Находка А.И. Айбабина закрывает многолетнюю дискуссию (И.А. Левинская изменила свою позицию по вопросу об эмендации *КБН* 71 после того, как ей стала

[25] Marti 1934, 66–68, № V; *КБН* 71.

[26] Bellen 1965–1966, 171–176; Lifschitz 1969, 95–96.

[27] К примеру, Reynolds, Tannenbaum 1987, 54; Rajack 1985, 259; Trebilco 1991, 155–157; Gibson 1999, 144; Overman 1999, 155.

[28] Nadel 1975, 278; Bowersock 2002, 361–362; Bowersock 2007, 251–254; Levinskaya 2000, 124–135.

известна новая пантикапейская манумиссия)[29], публикуемая же надпись из Гермонассы является дополнительным подтверждением необходимости исправления последних строк *КБН* 71.

Вернемся, наконец, к нашей надписи. Текст, вне всякого сомнения, должен заканчиваться словами (συν)επιτροπευούσης τῆς συναγωγῆς τῶν Ἰουδαίων καὶ θεοσεβῶν. В предпоследней строке на левом краю хорошо видна фрагментированная *омега*. Поскольку край стелы затерт и не ясно, были ли перед θεο<σε>βῶν еще какие-нибудь буквы, можно предложить два варианта распределения слов по строкам. В первом случае *омега* входит в слово συναγωγῆς (принято в основном тексте), во втором буква является частью артикля, а θεο<σε>βῶν оказывается единственным словом в строке, помещенным не с краю, а по центру (ср. подобную декоративность в *КБН* 73): τῆς συνα]|γωγῆς τ]ῶ̣[ν Ἰουδαίων καὶ] | θεοσεβῶν.

Реконструкция содержательной части надписи может быть только предположительной на основе других манумиссий лучшей сохранности, но таких известно немного. Естественно, мы исключаем манумиссии, гарантами которых выступают языческие святилища: *КБН* 74. Также мы вынуждены отказаться от рассмотрения сильно фрагментированных текстов: *КБН* 69 и 986, где уцелели только датировочные формулы и отдельные буквы, не дающие удовлетворительного смысла; *КБН* 71, где частично уцелели только последние строки, хотя там безусловно читается [τῆς συναγω]γῆς τῶν | [Ἰουδα]ίων; *КБН* 1128, представляющую собой незначительный фрагмент из середины текста, и *КБН* 1125, где при хорошо сохранившейся начальной части, содержащей дату, имена манумиттора и вольноотпущенницы, полностью утрачена юридическая составляющая, в том числе и указание на гаранта манумиссии. Возможно, в эту же категорию входит фрагмент надписи с фрагментированной эпонимной датировкой с именем Аспурга, найденный в Мирмекии[30]. Из двух найденных в Фанагории фрагментов, являющихся, по мнению В.П. Яйленко, манумиссиями, один слишком незначителен, чтобы быть уверенными в правильности жанровой атрибуции[31], трактовка же другого неоднозначна[32]. Неоднозначна и трактовка *КБН* 985, где в стк. 18–20 достаточно убедительно восстанавливаются слова θω|[π]εί[ας ἕνεκα καὶ] προσ|[κ]αρ[τερή]σεως, характерные для вольноотпущеннических актов под опекой иудейской общины, но при этом нет упоминания самой иудейской общины[33]. В *КБН* 1123 упоминается προσευχή, но при этом нет упоминаний иудеев и «боящихся Бога» и присутствует апелляция к языческим Зевсу, Гее и Гелиосу[34]. Обращение к этим же божествам присутствует в *КБН* 1126, где гарантом совершаемого акта выступает отец манумиттора. В *КБН* 1127 в стк. 6 хорошо читается

---

[29] Levinskaya 2019b, 386–387.

[30] Butyagin, Bekhter 2007, 77–79.

[31] Jailenko 2003, 364–366.

[32] Jailenko 2003, 351–354.

[33] Восстановление в стк. 8 τ[ῆς προσευχῆς], принятое в *КБН*, нельзя считать сколько-нибудь убедительным; в данной строке от дополнений следует воздержаться.

[34] Упоминание языческих божеств в иудейском контексте может быть трактовано как своего рода юридическая формальность, требуемая правовой процедурой (подробнее см. Levinskaya 2000, 164–165).

τῇ προσευ[χῇ], а уцелевшая часть основного текста похожа на краткую версию *КБН* 1126, опять же без упоминания иудеев и квазипрозелитов.

Несомненно, к жанру манумиссий принадлежит неопубликованный памятник, хранящийся в Восточно-Крымском историко-культурном музее заповеднике (инв. № КЛ-1574, vidi), где отчетливо читается [---κ]αὶ προσκᾳ[ρτερεῖν] | [(συν) επιτρ]οπεούσῃ[ς] | τῶν Ἰουδ̣[αίων]. Однако эти слова не являются финальными, в следующей строке восстанавливается [βασιλ]έ̣ως Κότ[υος], т.е. вопреки обычному для Пантикапея формуляру дата помещена не в начале, а в самом конце текста.

Таким образом, текстов удовлетворительной сохранности, близких к нашему документу по структуре и содержанию, заканчивающихся словами τῆς συναγωγῆς τῶν Ἰουδαίων или τῆς συναγωγῆς τῶν Ἰουδαίων καὶ θεοσεβῶν, оказывается всего пять. Четыре из них найдены в Пантикапее: в двух представлен сокращенный формуляр (*КБН* 71 и стела из Боспорского переулка), в двух других (*КБН* 70 и 73) – более пространный. При известной вариативности основные элементы все же остаются неизменными. И.А. Левинская, отмечая различия в формуляре манумиссий: использование глагола προσκαρτερεῖν вместо существительного προσκαρτέρησις, обратная последовательность перечисления гарантий: ἀνεπίληπτος καὶ ἀπαρενόχλητος (можно также добавить отсутствие θωπεία), в *КБН* 71 и в надписи, найденной в 2007 г., – осторожно предполагает, что в разных синагогах Пантикапея могли использоваться разные формуляры[35]. На Азиатском Боспоре известна только одна манумиссия из Фанагории, где вольноотпущенники передаются под опеку иудейской синагоги[36]. Фанагорийская надпись стоит несколько особняком в этом ряду, занимая промежуточное положение между кратким и развернутым формулярами. Текст демонстрирует с одной стороны крайнюю сжатость в центральной части, фактически сводя ее к перечислению прилагательных, причем с заменой ἀπαρενόχλητος на ἀνεπικόλυτος, завершающая же клаузула, напротив, ближе к пространным *КБН* 70 и 73.

Что касается надписи из Гермонассы, то, судя по внушительному размеру утраченной части (высота строк и межстрочный интервал выдержаны достаточно точно, можно рассчитать количество утраченных строк), здесь явно не использовался сокращенный формуляр. Однако был ли он близок пантикапейской или фанагорийской модели или же представлял собой еще одну разновидность, сказать нельзя. Мы предлагаем условную реконструкцию, базирующуюся на полностью сохранившейся *КБН* 70, содержащей 19 строк, или еще более пространной, хотя и серьезно поврежденной, *КБН* 73. Возможно, отпускаемых на волю было больше одного, хотя в известных боспорских манумиссиях число отпускаемых рабов не превышает двух, за исключением фанагорийской. Чтобы не перемещаться в область чистой фантазии, видимо, на этом в попытках реконструкции полностью утраченного текста стоит остановиться.

Таким образом, к настоящему времени мы располагаем уже тремя надписями, неопровержимо доказывающими, что на Боспоре «боящиеся Бога» рассматривались как члены иудейской общины. Трудно решить, была ли это исключительно

---

[35] Levinskaya 2019b 387, n. 25.
[36] Danshin 1993, 59–63.

боспорская практика или же и в Афродисиаде, и, возможно, в Милете (хотя только на основе надписи, показывающей, что иудеи и квазипрозелиты, возможно, сидели вместе в театре, делать столько далеко идущие выводы было бы неосмотрительно) ради политических, материальных или социальных выгод иудеи готовы были включить квазипрозелитов в свои общины, выделяя при этом в отдельную группу. Безусловно, боспорские документы являются весомым аргументом в пользу последнего, но географическая и хронологическая отдаленность (все боспорские памятники принадлежат к I в. н.э.) заставляет быть осторожными в этом вопросе.

Возвращаясь к боспорским манумиссиям I в. н.э., следует отметить, что помимо трех манумиссий, упоминающих общину иудеев и «боящихся Бога», в ряде документов этого периода гарантом неприкосновенности вольноотпущенников является συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων: *КБН* 70, 72 (обе – Пантикапей)[37] и фанагорийская манумиссия (51 г. н.э.). Исследователи уже обращали внимание на этот феномен, обычно в связи с трактовкой последней строки *КБН* 71. И.А. Левинская, еще до находки А.И. Айбабина отстаивая неэмендированное чтение θεὸν | σέβων, заметила, что при его принятии мы сталкиваемся с необходимостью признать параллельное существование двух типов общин: чисто иудейских и смешанных[38]. Т. Раджак оставила вопрос открытым: по ее мнению, нельзя сказать, являются ли община иудеев и община иудеев и«боящихся Бога» из разных боспорских текстов одной и той же организацией или же их следует различать[39]. Предположение Э. Гибсон о том, что все общины были однотипны, а квазипрозелиты добавляли упоминание о себе, желая подчеркнуть свою принадлежность к иудейской общине, выглядит легковесно[40]. Манумиссия все же представляет собой официальный документ, где едва ли возможны вольности в обозначении гаранта совершаемого юридического действия. Видимо, в качестве рабочей гипотезы следует принять, что по крайней мере на Боспоре одновременно существовали два типа общин: первые включали в себя только иудеев, тогда как в состав других входили и квазипрозелиты. Можно предположить, что причиной могла быть крайняя немногочисленность собственно иудеев. В настоящий момент мы можем только поставить вопросы и высказать предположения, дать же на них исчерпывающие ответы пока невозможно.

Подведем итоги. Во-первых, перед нами первая манумиссия, происходящая из Гермонассы, другие памятники этого жанра для этого центра пока не известны. Во-вторых, документ однозначно свидетельствует о наличии в Гермонассе I в. н.э. иудейской общины. Наконец, упоминание «боящихся Бога» еще раз подтверждает, что по крайней мере в Боспорском царстве в первые века нашей эры квазипрозелиты были включены в состав иудейской общины. Более того, наш текст показывает, что подобная практика имела место не только в Пантикапее, но и по другую сторону пролива.

---

[37] *КБН* 72 может принадлежать и к началу II в. н.э., текст слишком фрагментарен, чтобы сделать однозначные выводы.

[38] Levinskaya 2000, 128.

[39] Rajak 1985, 159.

[40] Gibson 1999, 142.

Литература / Referenses

Aibabin, A.I., Sidorenko, V.A. 2008: [A new Jewish manumission inscription from Panticapaeum]. *Bosporskie issledovaniya* [*Bosporos Studies*] 17, 121–127.
Айбабин, А.И., Сидоренко, В.А. Новая иудейская манумиссия из Пантикапея. *Боспорские исследования* 17, 121–127.

Bellen, H. 1965–1966: Συναγωγῆ τῶν Ἰουδαίων καὶ Θεοσεβῶν. Die Aussage einer bosporanischen Freilassungsinschrift (CIRB 71) zum Problem der «Gottfürchtigen». *Jahrbuch für Antike und Christentum* 8–9, 171–176.

Belousov, A.V., Eliseeva, L.G. 2019: [Epigraphica Pontica. The Greek and Latin inscriptions of ancient Black Sea region. Year 2018]. *Aristey. Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii* [*Aristeas. Philologia Classica et Historia Antiqua*] 20, 157–202.
Белоусов, А.В., Елисеева, Л.Г. Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2018 г. *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории* 20, 157–202.

Bonz, M.P. 1994: The Jewish donor inscription from Aphrodisias: Are they both third-century and who are the theosebeis? *Harvard Studies in Classical Philology* 96, 281–299.

Bowersock, G.W. 2002: The Highest God with particular reference to North Pontus. *Hyperboreus* 8, 353–363.

Bowersock, G. 2007: CIRB, no. 71 and recent debates. In: A. Bresson, A. Ivantchik, J.-L. Ferrary (éd.), *Une koinè pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s.a. C. – IIIe s.p. C.)*. (Mémoires, 18). Bordeaux, 251–254.

Butyagin, A.M., Bekhter, A.P. 2007: [New inscriptions from Myrmekion]. In: I.V. Tunkina (ed.), *EUCHARISTERION: Antikovedchesko-istoriograficheskiy sbornik pamyati Ya.V. Domanskogo* [*ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Studies in Antiquity and Historiography in Memoriam Ya.V. Domanskiy*]. Saint Petersburg, 72–81.
Бутягин, А.М., Бехтер, А.П. Новые надписи из Мирмекия. В сб.: И.В. Тункина (отв. ред.), *ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского (1928–2004)*. СПб., 72–81.

Chaniotis, A. 2002: The Jews in Aphrodisias: New evidence and old problem. *Scripta Classica Israelica* 21, 209–242.

Chkhaidze, V.N. 2016: *Otchet ob issledovanii na territorii Tamanskogo gorodishcha (Germonassa–Tmutarakan'). Raskop «Nagornyy» (st. Taman' Temryukskogo r-na Krasnodarskogo kraya) v 2016 g.* [*Report on the 2016 survey season of the site of Taman (Germonassa–Tmutarakan). Excavation site «Nagornyy» (stanitsa Taman of Temyukskiy district of Krasnodar Krai*]. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. P-1, No. 54497. Moscow.
Чхаидзе, В.Н. *Отчет об исследовании на территории Таманского городища (Гермонасса–Тмутаракань). Раскоп «Нагорный» (ст. Тамань Темрюкского р-на Краснодарского края) в 2016 г.* Архив ИА РАН. Р-1. № 54497.

Gibson, E.L. 1999: *The Jewish Manumission Inscriptions of the Bosporus Kingdom*. (Texts and Studies in ancient Judaism, 75). Tübingen.

Danshin, D.I. 1993: [Phanagorian community of Jews]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 59–72.
Даньшин, Д.И. Фанагорийская община иудеев. *ВДИ* 1, 59–72.

Dovatur, A.I. 1965: [Short outline of the grammar of the Bosporan inscriptions]. In: V.V. Struve *et al.* (eds.), *Corpus Inscriptionum Regni Bosporani*. Moscow–Leningrad, 797–831.
Доватур, А.И. Краткий очерк грамматики боспорских надписей. В кн.: В.В. Струве и др. (ред.), *Корпус Боспорских надписей*. М.– Л., 797–831.

Hommel, H. 1975: Juden und Christen im kaiserzeitlichen Milet. *Istanbuler Mitteilungen* 25, 167–195.

Jailenko, V.P. 2003: [The Phanagorian manumissions and lists of names from the finds of the 1970s]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of Bosporus*], 6, 351–374.
Яйленко, В.П. Фанагорийские манумиссии и списки имен из находок 1970-х гг. *Древности Боспора* 6, 351–374.

Levinskaya, I.A. 2000: *Deyaniya apostolov na fone evreyskoy diaspory* [*The Book of Acts in its diaspora setting*]. Saint Petersburg.
Левинская, И.А. *Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры*. СПб.

Levinskaya, I.A. 2019a: [The dating of the Aphrodisias stele inscriptions: hypotheses and arguments]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [*Memoirs of NovSU*] 6 (24). URL: https://www.novsu.ru/file/1574730; accessed on: 20.10.2021.
Левинская, И.А. Датировка грекоязычных еврейских надписей на стеле из Афродисиады: гипотезы и аргументы. *Ученые записки Новгородского государственного университета* 6 (24). URL: https://www.novsu.ru/file/1574730; дата обращения: 20.10.2021.
Levinskaya, I. 2019b: The synagogue of Jews and Godfearers. *Early Christianity* 10/3, 383–391.
Lifshitz, B. 1969: Notes d'épigraphie grecque. *Revue biblique* 76/1, 92–98.
Marti, Yu. Yu. 1934: [New epigraphic materials from the Bosporus]. In: V.F. Gaydukevich, B.N. Grakov, S.A. Zhebelyev, T.N. Knipovich, Yu. Yu. Marti (eds.), *Iz istorii Bospora* [*From the history of the Bosporan Kingdom*]. Moscow–Leningrad, 57–89.
Марти, Ю.Ю. Новые эпиграфические памятники Боспора. В сб.: В.Ф. Гайдукевич, Б.Н. Граков, С.А. Жебелёв, Т.Н. Книпович, Ю.Ю. Марти (ред.), *Из истории Боспора*. (Известия ГАИМК, 104). М.–Л., 57–89.
Nadel, B. 1975: Actes d'affranchissement des esclaves du Royaume du Bosphore et les origines de la *manumissio in ecclesia*. In: *Symposion 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln–Wien, 265–291.
Overman, J.A. 1999: Jews, slaves and the synagogue on the Black Sea: the Bosporan manumission inscriptions and their significance for diaspora Judaism. In: H.C. Kee, L.H. Cohick (eds.), *Evolution of the Synagogue: Problems and Progress*. Harrisburg, 141–157.
Rajak, T. 1985: Jews and Christians as groups in a pagan world. In: J. Neusner, E.S. Frerichs (eds.), *To See Ourselves as Others See Us: Christians, Jews, «Others» in Late Antiquity*. Chico, 247–262.
Reynolds, J., Tannenbaum, R. 1987: *Jews and Godfearers in Aphrodisias: Greek Inscriptions with Commentary. Texts from the Excavations at Aphrodisias conducted by Kenan T. Erim.* (Cambridge Philological Society, Suppl. XII). Cambridge.
Robert, L. 1964: *Nouvelles inscriptions de Sardes*. Paris.
Saprykin, S. Yu. 2019: To the publication of some inscriptions from Bosporus. *Aristey. Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii* [*Aristeas. Philologia Classica et Historia Antiqua*] 20, 143–156.
Сапрыкин, С.Ю. К публикации некоторых боспорских надписей. *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории* 20, 143–156.
Sidorenko, V.A. 2018: [Two stone inscriptions excavated in Bosphorskii lane in Kerch in 2007]. *Materialy po archeologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*] 23, 510–519.
Сидоренко, В.А. Две надписи на камне из раскопок в Боспорском переулке в 2007 г. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, 23, 510–519.
Schürer, E. 1897: Die Juden im bosporanischen Reiche und die Genossenschaften der σεβόμενοι θεὸν ὕψιστον ebendaselbst. *Sitzungsberichte der königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin* XII/1, 200–255.
Trebilco, P.R. 1991: *Jewish Communities in Asia Minor.* (Society for New Testament Studies Monograph Series, 69). Cambridge.
Williams, M. 1994: The Jews and Godfearers inscription from Aphrodisias. *Historia* 21, 297–310.

Vestnik drevney istorii
81/4 (2021), 938–959
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/4 (2021), 938–959
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910014115-9

ВТОРАЯ ПЕРЕДВИЖНАЯ ГИРЯ ОТ РИМСКИХ «БЫСТРЫХ» ВЕСОВ ИЗ СВЯТИЛИЩА ЭКЛИЗИ-БУРУН (ГОРНЫЙ КРЫМ)

А. В. Лысенко[1], В. И. Мордвинцева[2]

[1] *Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Крым*
[2] *Институт Всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;*
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия;
Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

[1] *E-mail*: a-lysenko@mail.ru [2] *E-mail*: vmordvintseva@hse.ru

[1] *ORCID*: 0000-0001-9467-0010 [2] *ORCID*: 0000-0003-2940-0545

В статье публикуется фигурная передвижная подвесная гиря в виде мужского бюста от римских «быстрых» весов. Это уже вторая такая находка из святилища Эклизи-Бурун (южная часть Горного Крыма), одним из основных элементов ритуальной практики которого являлось жертвоприношение инокультурных предметов путем их поломки. Факт обнаружения на святилище двух практически неповреждённых гирь от римских безменов позволяет предполагать, что обе они оказались у адептов культового комплекса вместе с весами, которые и подверглись деструкции. Возможно, весы находились на кораблях, в 49 г. в ходе римско-боспорской войны перевозивших римлян вдоль побережья Крыма со стороны Боспора на запад, выброшенных штормом на «берег тавров» и разграбленных местными варварами, которые затем принесли трофеи в святилище.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Южная Таврика, святилище, римские «быстрые» весы, передвижная гиря

Данные об авторах: Александр Владимирович Лысенко – научный сотрудник ИАК РАН; Валентина Ивановна Мордвинцева – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН, старший научный сотрудник ГАУГН, доцент ВШЭ.

Статья подготовлена А.В. Лысенко в рамках выполнения плановой темы Отдела археологии Раннего железного века ИАК РАН «Археологические культуры Крыма в раннем железном веке: проблемы хронологии, контактов, трансформации», В.И. Мордвинцевой – в рамках проекта РНФ № 18-18-00237-П «Боспор и Северная Колхида. Греческие колонии в негреческом окружении: динамика взаимодействия разнотипных обществ».

SECOND AEQUIPONDIUM FROM ROMAN BALANCE SCALES FROM EKLIZI-BURUN SANCTUARY (MOUNTAIN CRIMEA)

Aleksandr V. Lysenko[1], Valentina I. Mordvintseva[2]

[1] *Institute of archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences, Simferopol, Crimea*
[2] *Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;*
HSE University, Moscow, Russia;
State Academic University for Humanities, Moscow, Russia

[1] *E-mail*: a-lysenko@mail.ru [2] *E-mail*: vmordvintseva@hse.ru

[2] *Acknowledgements*: Russian Scientific Foundation, project no. 18-18-00237-П

The article is devoted to the publication of a movable weight in the shape of a male bust from the Roman steelyard. It is the second find of such item in the sanctuary of Eklizi-Burun (Southern part of the Mountain Crimea). The offering of objects belonging to an alien culture through their deliberate damage was one of the main ritual practices there. The discovery of two practically intact weights from the Roman balance scales at the sanctuary suggests that both weights were acquired by worshippers at the sanctuary together with the balance scales, which were then destroyed and offered as dedication. It is possible that the balance scales came from the ships which in 49 AD, during the Roman-Bosporan War, transported Romans troops along the Crimean coast from the Bosporus to the west, and were beached by a storm on the "coast of the Tauri" and there plundered by local barbarians, who then brought the trophies to the sanctuary.

Keywords: North Pontic region, South Taurica, sanctuary, Roman steelyard, aequipondium

Передвижные подвесные антропоморфные гири для римских «быстрых» весов – артефакты, редкие не только для Крыма, но и для всей античной ойкумены. Большинство их происходит с территории Италии[1]. В Северном Причерноморье до недавнего времени были достоверно известны две находки – гиря в виде бюста женщины с римской прической, горло которой пробито фрагментом балки весов, из урочища Широкая Балка, полуостров Абрау Краснодарского края[2], и гиря – бюст Минервы, обнаруженная при земляных работах в хуторе Холодном Ростовской области[3]. Третий экземпляр, как и публикуемый, найден в 2005 г. в пределах культового комплекса Эклизи-Бурун[4]. Обычно на одном памятнике обнаруживают не более одного такого предмета (исключение – Помпеи (закрытые комплексы 79 г. н.э.), где известно не менее пяти экземпляров[5]). Поэтому находка на Эклизи-Бурун второй римской фигурной антропоморфной гири – экстраординарное событие, в какой-то мере увеличивающее информационный потенциал обоих артефактов.

---

[1] Franken 1994, 22.
[2] Onayko 1971, 73–74; Dmitriev *et al*. 2004, 272.
[3] Kaposhina 1967, 208; Kropotkin 1970, 40, 129, № 1267; Treister, Kosyanenko 2005, 162–164, рис. 2.
[4] Lysenko, Masyakin 2016.
[5] Franken 1994, 241, Nr. A77, A113, A126, A137, A186.

КОНТЕКСТ НАХОДКИ

Эклизи-Бурун (1527 м н. у. м., 12,5 км от берега моря) – вершина горного массива Чатыр-Даг, расположенного в центре южной части Горного Крыма (рис. 1, *1*) и традиционно отождествляемого с упомянутой Страбоном горой Трапезунт (Strab. VII. 4. 3)[6]. Археологический объект на ней обнаружен в 1997 г. Алуштинским отрядом Горно-Крымской экспедиции КФ ИА НАНУ. Обследования и сборы подъемного материала осуществлялись здесь в 2000–2010 и 2017–2020 гг., шурфовка (4 м^2) – в 2005 г., небольшие раскопки (50 м^2) – в 2006 г.[7] В римское время[8] на Эклизи-Бурун располагалось «открытое» святилище с признаками полифункционального использования естественного ограниченного пространства[9], в средневизантийский и позднесредневековый (до начала нового времени) периоды – христианские храмы. В начале XX в. на вершине водрузили крест, иногда там проходят богослужения[10].

Объект представляет собой пятно культурных отложений (площадь – не менее 1,4 га)[11], залегающих на слегка наклонной площадке (примерно 90 × 15–20 м – около 0,15 га), где, видимо, располагался культовый комплекс, и окружающих ее склонах различной крутизны[12]. По его периметру прослежен обширный ареал находок артефактов преимущественно римского времени, видимо, связанных со святилищем и перемещенных либо естественными склоновыми процессами, либо преднамеренно, в ходе функционирования и/или разрушения комплекса[13]. Судя по остаткам ритуальных действий, здесь совершались массовые жертвоприношения животных[14], изначально (разово?) путем складирования, а впоследствии посредством сожжения их останков, в том числе на принесенных со стороны дровах (большинство фрагментов – части черепов и нижних челюстей).

---

[6] Pallas 1999, 87; см. Lysenko 2015, 55–56; 2019a, 301–302, рис. 1, *3*.

[7] Lysenko 2005–2009, 383–384; 2013.

[8] Для римского времени выделяются два периода функционирования святилища – «раннеримский» (рубеж эр – 2-я половина II – 1-я половина III в. н.э.) и «позднеримский» (1-я половина III – 1-я (?) половина IV в. н.э.) (Lysenko 2019b, 140).

[9] О святилищах Горного Крыма римского времени см. Lysenko 2005–2009.

[10] См. Lysenko 2013, 277.

[11] Lysenko 2013, 277–278.

[12] С северо-востока площадка ограничена пологим (14°–15°), а с юго-запада – северо-запада – крутыми (до 36°) склонами. Ее юго-восточную границу образует обрывистый скальный клиф высотой до 100 м. Здесь за последние полторы тысячи лет в результате экзогенных гравитационных процессов рельефообразования край плато, видимо, частично обрушился.

[13] Отдельные артефакты, относящиеся к святилищу, обнаружены на скалах, ограничивающих памятник с юго-востока, более чем на 120 м ниже предполагаемого центра объекта (результат обвала края площадки?). Довольно много таких вещей найдено в 0,5 км к западу и более чем на 300 м ниже, у подошвы склона, в щебнисто-глыбовой неразмываемой коллювиальной осыпи, которая помимо прочего, видимо, формировалась как конус выноса лотковых снежных лавин, спровоцировавших и обеспечивших перемещение на значительное расстояние части культурных отложений (судя по некоторым находкам – не ранее X в. н.э.).

[14] Преобладают домашние: свинья, мелкий и крупный рогатый скот.

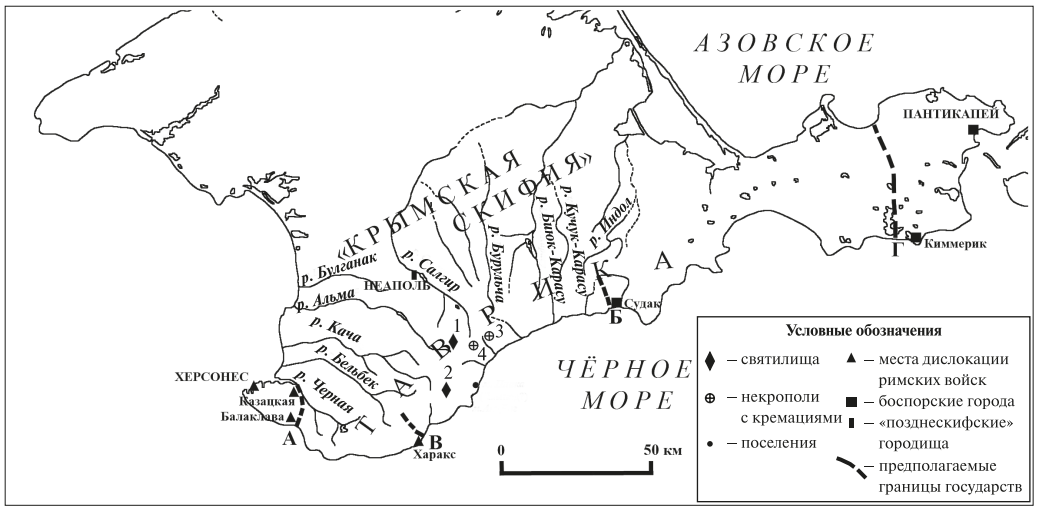


Рис. 1. Местоположение святилища Эклизи-Бурун в Южной части Горного Крыма римского времени. Предполагаемые границы государств: *А, В* – полиса Херсонес на рубеже эр и во второй трети II – первой трети IV в. н.э.; *Б, Г* – Боспорского царства в I–III и во второй половине IV в. н.э. Археологические объекты: *1* – Эклизи-Бурун; *2* – Гурзуфское Седло; *3* – Лучистое-2; *4* – Чатыр-Даг. *Карта А.В. Лысенко, В.И. Мордвинцевой*

Тут же, видимо, осуществлялась ритуальная трапеза с возлияниями и последующим разбитием или деформированием иными способами использованных сосудов, а также жертвовались (в основном путем преднамеренной поломки и складирования) разнообразные вещи. Среди вотивов представлены элементы костюма, монеты, оружие, орудия труда, посуда и прочее[15].

Публикуемая гиря[16] обнаружена ниже предполагаемого центра святилища, за пределами пятна культурного слоя, примерно в 30 м от первой гири, на участке, с которого происходит большая часть элементов римского военного снаряжения, найденного в процессе изучения памятника. Факт обнаружения на святилище, одним из основных элементов ритуальной практики которого являлось жертвоприношение инокультурных предметов путем их поломки, двух практически не поврежденных гирь от римских безменов, позволяет предполагать, что обе они оказались у адептов культового комплекса вместе с весами, которые и подверглись деструкции[17].

ОПИСАНИЕ ПРЕДМЕТА

Гиря выполнена в виде «бюста» – круглого скульптурного оплечного изображения головы человека. На его макушке расположена массивная, монолитная с ним петля (рис. 2; 3). Изделие литое, биметаллическое: фигурная оболочка

[15] Lysenko 2013, 277–279.

[16] Хранится в фондах Отдела ГБУ РК «Центральный музей Тавриды» «Алуштинский историко-краеведческий музей».

[17] См. Lysenko, Masyakin 2016, 168–169, прим. 12.

Рис. 2. Гиря от римского безмена из святилища Эклизи-Бурун: *1* – вид анфас; *2, 4* – виды в профиль; *3* – вид сзади. *Фото А. В. Лысенко, В. И. Мордвинцевой*

из трехкомпонентной бронзы (Cu+Sn+Pb)[18], полностью или частично заполнена свинцом[19].

Изображение представляет молодого, безусого, безбородого мужчину европеоидной расы. Его голова относительно большая, продолговатая, немного наклонена и повернута на четверть вправо (рис. 2, *1*). Лицо овальное, довольно полное, гладкое, скулы едва заметны. Левая щека более выпуклая, чем правая (следствие дефекта отливки?) (рис. 3, *1, 2*). Лоб средней ширины, низкий,

[18] Возможно, соответствует сплаву, описанному Плинием Старшим как «формовая медь» (*NH*. 34. 9).

[19] Информация о металле получена в результате рентгено-флуоресцентного анализа (Lysenko *et al*. 2021).

скошенный, прямой. Линия роста волос на нем дугообразная, вогнутая. Брови, видимо, средней длины и ширины, волосяной покров на них не детализирован. Глаза большие (правый крупнее, «косит»?), овальные, косонаружные. Контуры радужной оболочки показаны гравировкой, зрачки – глубокими конусовидными со скругленным дном выемками (рис. 2, *1*)[20]. Нос средней величины, узкий, с выпуклой[21] спинкой средней длины, слегка приплюснутый (рис. 2, *2, 4*) (возможно, вследствие деформации при использовании предмета)[22]. Кайма губ широкая и толстая, верхняя – с бугорком в центре, с резко очерченным каплевидным фильтром (подносовой бороздой), выступает над нижней. Нижняя немного смещена влево. Линия смыкания их краев волнистая. Рот малый, сомкнут, углы его опущены. Подбородок широкий, средней высоты, прямоугольный (?), субвертикальный. Уши открыты, средней величины, треугольные, прилегающие или слегка отставленные (рис. 2, *2, 4*). Мочки большие, треугольные, слитные. Шея довольно длинная и широкая, с двумя чуть заметными складками, заметно напряжение левой грудино-ключично-сосцевидной мышцы, кадык не выражен[23]. Прическа изображенного короткая, образована крупными локонами, завершающимися резкими округлыми завитками, у макушки направленными в основном против часовой стрелки, ниже – в разные стороны (рис. 3, *3*). Они закрывают виски, спадают на шею, на лбу образуют симметричную, немного смещенную вправо «вилку» (рис. 2, *1*). Эта особенность позволяет видеть в прическе сильно редуцированную так называемую «поликлетову» схему[24], образец которой – бронзовая (известна по мраморным римским копиям) статуя копьеносца (Doryphoros), созданная Поликлетом Старшим около середины V в. до н.э.[25] и считавшаяся каноном мужской красоты[26].

Персонаж одет в плащ (paludamentum?), наброшенный на спину и левое плечо, образующий складки (слева спереди выступают, сзади прилегают плотно, показаны врезными линиями). На правом плече он застегнут фибулой-брошью с округлым щитком. На голове – составной лавровый (?) венок, асимметричный относительно продольной оси (рис. 2, *2, 4*; 3, *1, 2*). Его элементы (листья и плоды?) сильно стилизованы и их не всегда возможно различить между собой. Видны 24 ориентированных вперед «листа» (три или четыре из них, возможно,

---

[20] Существует предположение, что такие выемки инкрустировались стеклянной пастой или цветными камнями, однако Н. Франкен считает, что это было не обязательно (Franken 1994, 24). Учитывая прекрасную сохранность бюста из Эклизи-Бурун, можно уверенно заключить, что вставки в зрачках отсутствовали.

[21] Возможно, следствие деформации.

[22] Подобное явление наблюдается на многих опубликованных гирях в виде бюстов, вне зависимости от типа изображаемого персонажа (см. Franken 1994, Nr. A2, A7, A15, A22, A38bis, A46, A47, A62, A94, A97, A111, A115, A117, A125, A134, A152bis, A153, A165, A180bis, A184, A201, B14–B18, B22 и др.).

[23] Описание выполнено с применением методики отождествления личности по внешним признакам (словесного портрета), используемой в криминалистике (см. Belkin 1967, 68–92; Zinin 2006, 62–70, 162–171).

[24] Franken 1994, 44.

[25] Stewart 1990; Borbein 1996.

[26] Sengoku-Haga *et al*. 2015, 205–207.

«плоды»), сгруппированные с каждой стороны в 4 «пучка» по 3–4 шт. (с левой стороны показаны 11 листьев, с правой – 13). Листовые пластинки простые, продолговатые, с острыми притупленными верхушками (основания не видны или не проработаны), цельнокрайние (?), с сетчатым жилкованием (на листьях при помощи непересекающихся треугольных в сечении углублений показан «рельеф», схематично отображающий главные и, местами, боковые жилки)[27]. О форме «плодов» определенно судить сложно. Листья изображены, видимо, закрепленными на «основе» – проволоке или металлической трубке, которая показана над лбом персонажа в виде рельефной узкой полосы, соединяющей листья (рис. 2, *1*). Венок опирается на правое ухо и перекрывает верх левого. Ленты его окончаний (leminisci) завязаны на затылке узлом (сильно стилизован, схема неразборчива) (рис. 2, *3*), их сужающиеся концы волнообразно ниспадают на плечи изображенного (по три волны с каждой стороны).

На предмете видны «старые» царапины и забитости (?). Снаружи изделие равномерно патинировано, заметна лишь одна небольшая свежая царапина.

Общая высота гири – 9 см, ширина – 5,67 см, толщина – 4,64 см. Масса – 767 г (утраты незначительны), что при переводе в римскую весовую систему составляет 2 фунта (librae) 4 унции (unciae)[28].

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ГИРИ

Бюст сформован по утрачиваемой восковой модели со стержнем. Судя по «сглаженности» некоторых элементов отливки (листья венка, левое ухо?), модель, вероятно, неоднократно репродуцировалась и, судя по асимметричности лица изображаемого (рис. 3, *1, 2*)[29], возможно, тиражировалась в разъемной глиняной или гипсовой форме, состоящей из двух или более частей. Процесс изготовления гири можно реконструировать следующим образом[30]. Составные части формы (матрицы) покрыли тонким слоем воска изнутри и соединили, а оставшееся пустым пространство заполнили через технологическое отверстие мягкой глиной, образовав стержень. После высыхания воска матрицу разобрали, а поверхность модели доработали. Затем сформировали один или несколько литников и покрыли модель глиной с отощителем путем многократного погружения или полива соответствующей взвесью. После высыхания образовавшейся таким образом формы в нее залили бронзу, заместившую воск. Затем изделие остыло, глиняная оболочка была разрушена, стержень выбит, а образовавшаяся полость залита свинцом. Отверстие, прорезанное в основании бюста, через которое выбивался стержень и заливался наполнитель гири, было закрыто подпрямоугольной бронзовой пластинкой и зашлифовано. Ее передняя часть неплотно прилегает к поверхности отливки (выступает над ней). У правого дальнего угла отверстия видны две прочерченные тонкие

---

[27] См. Khrzhanovskiy, Ponomarenko 1985, 90–94.

[28] 1 фунт (libra) = 327,45 г, 1 унция (uncia) = 1/12 фунта = 27,28 г (Mutz 1993, 7).

[29] Подобное явление заметно на некоторых опубликованных гирях в виде бюстов (см., например, Franken 1994, Nr. A149).

[30] Общую реконструкцию процесса см. Franken 1994, 23.

Рис. 3. Гиря от римского безмена из святилища Эклизи-Бурун: *1, 2* – повороты в три четверти; *3* – вид сверху; *4* – вид снизу. *Фото А.В. Лысенко, В.И. Мордвинцевой*

линии, образующие угол, близкий к прямому (рис. 3, *4*). Видимо, это следы его неудачной разметки.

Форма головы бюста искажена – заметны по крайней мере две «площадки» выше затылочной и на левой половине теменной ее частей, в пределах которых «смазаны» детали рельефа локонов прически изображаемого (рис. 2, *3*; 3, 3). Причины этого – дефекты матрицы или восковой модели, появившиеся перед ее использованием, возможно, в результате непреднамеренной деформации, либо повреждение отливки или готовой гири (например, в результате воздействия на нее твердого предмета с плоской поверхностью, нагретого до температуры выше 1000° С). На гире видны отдельные, местами довольно длинные[31] усадочные трещины, газовые раковины и/или усадочные поры, образовавшиеся при остывании бронзы. Один свищ, расположенный левее петли для подвешивания, окружен пятном светло-серого металла, видимо, заполнителя (рис. 3, *3*). Вероятно, он

[31] От левого глаза до левой ленты венка на шее вдоль линии роста волос, спереди в нижней части и у основания шеи.

существовал до заливки гири свинцом или «вскрылся» в ходе этого процесса. Исходя из особенностей его расположения, а также результатов проведенного рентгено-флуоресцентного исследования, можно предполагать, что форма в процессе литья бронзовой оболочки гири находилась в положении «лицом вниз» (свищ маркирует «область» дислокации одного из литников)[32]. Прочие заметные раковины либо не сквозные (например, на левом ухе и вокруг него), либо, возможно, вскрылись при холодной обработке отливки (на венке над левым ухом, у левого края линии роста волос перед лентой венка) (рис. 2, *4*). На завершающей стадии скульптуру доработали шлифовкой, гравировкой[33] и полировкой.

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ПРЕДМЕТА

По наличию цельнолитой с изделием петли публикуемый артефакт можно отнести к «первичным» (primären) гирям по классификации Н. Франкена, которые отличают от «вторичных», переделанных из предметов изначально иного функционального назначения[34].

Гиря (aequipondium) предназначена для римских «неравноплечных весов», также известных как безмен, «быстрые весы», «весы с подвижным грузом»[35], применявшихся для определения веса сравнительно крупных объектов[36]. Название «быстрые весы» указывает на практичность устройства, которая заключалась в портативности, мобильности и быстроте взвешивания, обусловленной использованием лишь одной сравнительно легкой гири. Теоретические принципы действия этого механизма описаны в работах Аристотеля (*Mechan*. 853b) и, возможно, Архимеда (*Phys. Comment*. 7. 5), но впервые это устройство относительно точно описал в конце I в. до н.э. Витрувий (X. 3. 4), что примерно соответствует хронологической позиции артефактов, обнаруженных в наиболее ранних документированных контекстах[37].

В общем виде безмен представляет собой массивную балку с делящими ее на два неравных плеча одним – тремя пунктами для подвешивания (петлями), часто расположенными в субперпендикулярных плоскостях. К концу короткого плеча крепились (в том числе на цепях) чашка и/или крючья, на которые укладывался или надевался взвешиваемый объект. На длинном располагалась закрепленная на скользящей «серьге» подвесная передвижная «неизменная» гиря. «Серьга» изначально, вероятно, монтировалась на балке и к гире посредством неразъемных соединений, а конец длинного плеча был оборудован утолщением (ограничителем), препятствующим дезинтеграции механизма. На это же плечо наносили 1–3 равномерные шкалы, каждая из которых использовалась для одной из комбинаций величин плеч,

---

[32] См. Minasyan 2014, 74–77.

[33] Гравированные линии на голове бюста часто довольно грубые (относительно широкие и глубокие). Некоторые из них нарушают схему прически изображаемого, представленную на отливке (рис. 2, *3*).

[34] Franken 1994, 19.

[35] Franken 1993; 1994, 14–15.

[36] Grönke, Weinlich 1992, 193.

[37] Franken 1994, 13–14.

возникавших при подвешивании весов за один из пунктов (чем больше отношение длин плеч, тем большая масса могла измеряться на весах). Цены деления шкал и точность взвешивания, видимо, определялись нормативом использовавшихся при их градуировании разновесов (для весов, подобных рассматриваемым – римский фунт (libra) и его фракции[38]). Впоследствии, в процессе взвешивания, при уравновешивании балки положение «серьги» на соответствующей шкале указывало искомый вес груза[39]. Таким образом, массы основных частей безмена (балки и навесных на нее элементов), находились в пропорциональной зависимости друг от друга[40], и каждая гиря являлась неотъемлемой частью конкретных весов, которые еще при производстве калибровались под нее, т.е. конструкция безмена не предполагает, что вес гири должен точно соответствовать некоему нормативу[41]. Периодически, возможно, после замены отдельных элементов, весы поверялись, о чем помимо прочего свидетельствуют надписи эдилов на их балках[42].

Наблюдается зависимость между весом гири и длиной балки весов[43]. В связи с этим можно предположить примерные размерные характеристики инструмента, частью которого был aequipondium из Эклизи-Бурун. Среди опубликованных полностью сохранившихся устройств по массе гири наиболее близок к рассматриваемому безмен из частной коллекции, опубликованный А. Мутцем[44]. При весе гири в 698 г (ок. 2 и 1/6 либр) длина его балки составляет 44,28 см. Хорошая сохранность артефакта позволила экспериментально определить для него ориентировочный порог взвешивания – 14700 г (примерно 45 либр).

Гири, подобные публикуемой, чаще всего находят с безменами из массивной бронзы типа «Помпеи», которые, по мнению исследователей, исходивших в основном из географии находок, изготавливались практически исключительно в Италии (Кампании и Риме) с начала I в. н.э. до времени императора Траяна[45].

ВРЕМЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ГИРИ

Большинство подвесных антропоморфных гирь римского времени произведено до середины II в. н.э.[46] Более ранние и поздние экземпляры относительно редки. Датирующими признаками являются особенности формы и размер артефактов[47]. Н. Франкен отметил несколько тенденций в развитии этих

---

[38] Chuistova 1962, 134; Grönke, Weinlich 1992, 198.
[39] Chuistova 1962, 133; Franken 1993, 69; Grönke, Weinlich 1992, 192.
[40] Franken 1994, 24.
[41] Šimek 2011, 13.
[42] Chuistova 1962, 134–135; Grönke, Weinlich 1992, 197–198.
[43] Mutz 1983, 36–37, 45.
[44] Mutz 1983, 23.
[45] Franken 1994, 22, 24, 25, 27, 44; 1993, 77–80.
[46] Franken 1994, 25.
[47] Franken 1994, 25.

характеристик. Крупные гири чаще встречаются в позднеримский период[48]. Для относительно ранних (августовского времени) экземпляров характерна небольшая, оплечная часть бюста. При этом контур его «основания» обычно имеет форму «приостренного овала»[49]. Волны ниспадающих на плечи лент венка становятся со временем более частыми и высокими, так что их высота превышает длину промежутка между ними. Сочетание «поликлетовой прически» и «поликлетова наклона головы» также свидетельствует об относительно ранней хронологической позиции бюста[50]. Близкую стилистическую аналогию крымской находке представляет мраморный портрет нумидийского царя Юбы II. Их сходство выражается в общих пропорциях бюста, стиле прически, повороте головы, деталях одежды (плащ застегнут на правом плече круглой брошью)[51].

Таким образом, изготовление второй обнаруженной на святилище Эклизи-Бурун гири от безмена по формальным признакам может быть предположительно датировано временем раннего принципата. Надежно зафиксированный terminus ante quem для весов типа Помпеи, частью которых с высокой долей вероятности является публикуемый артефакт, – 47 г. н.э., судя по надписям на балках инструментов из Неаполя (с «вторичной» гирей из бронзового бюста мальчика) и Парижа (с гирей – бюстом женщины в венке)[52].

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ИЗОБРАЖЕННОГО ПЕРСОНАЖА

Идентификация изображенного персонажа, как правило, базируется на особенностях его иконографии – сочетании значимых признаков в рамках конкретной изобразительной традиции с ее визуальными стереотипами, отражающими определенные социальные нормы[53]. Для римских портретных[54] бюстов к таким признакам относятся: *1)* тип прически; *2)* особенности костюма; *3)* специфические атрибуты; *4)* пропорции лица и оплечья. В какой-то мере этот подход применим и к римским фигурным гирям в виде бюстов, с точки зрения искусствоведения представляющим собой сложное, комплексное явление, сочетающее в себе признаки произведений прикладного (утилитарные, в том числе культовые/политические функции, серийность производства и обусловленный этим схематизм/редуцированность образов), а также мобильного изобразительного искусства (скульптура малых форм).

В наиболее полном на сегодняшний день каталоге римских гирь-бюстов Н. Франкена их классификация по представленным образам имплицитно

---

[48] Высота бюстов-гирь императорского времени варьирует в пределах от 4,5 до 28 см, их вес – от 99 до 3359 г, большинство – от 500 до 2000 г (Franken 1994, 19). Т.е. публикуемый экземпляр по этим показателям находится у нижней границы средних значений.

[49] Franken 1994, 27.

[50] Philipp 1979, 146; Franken 1994, 44.

[51] Schulze 2020, 353–355; Abb. 5.

[52] Franken 1993, 79.

[53] Trofimova 2017, 42; Tanner 2000, 24.

[54] Римский портрет хотя и подразумевал конкретного человека, передавал не реальность, а представление о ней (см. Trofimova 2017, 44).

построена на соотнесении с известными иконографическими типами (оригиналами), которые копировались и тиражировались в «малых формах»[55]. Выделены категории «боги и герои», «женщины с идеальной прической», «императоры» и «атлеты». Прямые аналогии рассматриваемому изделию обнаружить не удалось. По формальным признакам оно может быть отнесено к категории «императоры», к группе «драпированные юноши в лавровом венке»[56], образованной тремя бюстами[57]. Два из них датированы временем Клавдия[58] и Нерона[59], один интерпретирован как изображение Октавиана Августа[60]. Очевидно, что атрибуция этой категории гирь гипотетична и оставляет простор для дальнейших разработок[61].

Публикуемый предмет, судя по комплексу хронологически значимых признаков, один из наиболее ранних в группе. Принимая во внимание это обстоятельство, а также индивидуальные особенности представленного на бюсте персонажа (сравнительно узкое лицо, чуть раскосые глаза), нельзя исключить сопоставление его с образом Октавиана Августа[62]. Также следует признать допустимым интерпретацию его как Аполлона, один из атрибутов которого – венок из листьев лавра[63], в котором он часто изображался[64], в частности в драпированной одежде[65]. Среди причесок этого божества, помимо наиболее характерных длинных (с прямым пробором, валиком волос вокруг головы и спускающимися на плечи волнистыми локонами), иногда присутствуют и короткие[66]. Н. Франкен определенно ассоциирует с Аполлоном одну гирю своей выборки, датируемую

---

[55] Franken 1994, 34–54.

[56] Значимыми признаками для ее выделения послужили «поликлетова прическа», лавровый венок и драпированная одежда, подобная изображенной на гирях в виде бюста Меркурия (Franken 1994, 45).

[57] Franken 1994, 45–46, Nr. 154–156.

[58] Franken 1994, 45, Nr. A154.

[59] Franken 1994, 45, Nr. A155.

[60] Franken 1994, 44, Nr. A156.

[61] Категория сформирована из иконографически близких гирь-бюстов. Основная их масса (28 экз.) объединена в группу «юноши в панцире, лавровом венке или шлеме» (Franken 1994, Nr. A126–A153). Их интерпретация, видимо, базируется на предположении Х. Филипп о том, что в период Ранней Империи лавровый или дубовый венок, за редкими исключениями, был связан с образом императора (Philipp 1979, 152), а также на половозрастной принадлежности изображенных (мужчины в расцвете сил) и отсутствии специфических атрибутов (кроме венков – см. Franken 1994, 41), характерных для других «канонических» персонажей (богов, героев). По мнению Н. Франкена, идентификация образов, представленных на гирях этой категории, как императоров скорее всего «была очевидна для древнего наблюдателя» (Franken 1994, 45).

[62] Trofimova 2017, 44. О типах изображений Октавиана Августа см. Pollini 2010. Известна еще по крайней мере одна гиря-бюст, интерпретируемая как изображение Октавиана в возрасте 5–6 лет (Chuistova 1962, 89, табл. 38).

[63] Аполлон Дафний – «лавровый», «прорицающий из лавра», «любящий лавровое дерево» (Losev 1980, 93)

[64] *LIMC* II.2, Apollon 272, 273, 325, 352, 363, 449, 455–457, 461, 469, 520–530, 533, 538, 539, 541, 544, 547–558.

[65] *LIMC* II.2, Apollon 53, 79, 83, 135, 402, 514.

[66] *LIMC* II.2, Apollon 551, 552, 559b.

предположительно началом II в. н.э.[67] Значимые признаки: характерная прическа, а также перекинутая через плечо лента колчана. В отношении еще одного экземпляра[68] исследователь высказался менее уверенно. К вероятным значимым признакам он отнес наличие лаврового венка, наброшенного на одно плечо края плаща и небольшого наклона головы.

Возможно также, что приведенные варианты идентификации образа на публикуемой гире дополняют друг друга. Официальные портреты Октавиана 30/31–27 гг. до н.э. и неофициальные изображения Августа времени принципата несут черты его ассимиляции[69] с различными богами – Юпитером, Аполлоном[70] и др. Дж. Поллини предположил, что иногда в обличье Аполлона могли видеть Октавиана, поскольку он провозгласил Аполлона своим божественным покровителем и принимал иногда его облик (Suet. *Aug.* 70), по крайней мере его в этом обвиняли[71], а также потому, что существовал нарратив, повествующий о том, что Октавиан был сыном Аполлона (ibid. 94. 4)[72]. Таким образом, сопоставление рассматриваемой фигурной гири с изображениями Октавиана Августа в образе Аполлона не лишено оснований.

Появление римских «быстрых» весов и соответствующих гирь хронологически примерно совпадает с установлением принципата. По мнению многих исследователей, деятельность некоторых мастерских, изготавливавших безмены, возможно, непосредственно контролировалась императорами, а гири с их обобщенными, «неофициальными» образами служили дополнительной гарантией правильности калибровки инструментов[73] и могли вызывать представление о незримом вездесущем присутствии высших должностных лиц государства, в том числе на рынках и в других общественных местах[74]. Кроме того, они, подобно монетам[75], видимо служили средством пропаганды императорского культа со времени начала его становления. В любом случае выбор темы изображения не был случаен. Использование и репродуцирование этих образов имело динамический, процессуальный характер в рамках социального взаимодействия[76].

---

[67] Franken 1994, 34, Nr. A2.

[68] Franken 1994, 34, Nr. A3.

[69] Под ассимиляцией с божеством Дж. Поллини понимает изменение портрета человека таким образом, чтобы он выглядел как бог, или изображение бога, которое в некоторой степени имеет физиогномическое сходство с конкретным человеком. В итоге возникает двусмысленность относительно того, изображается ли человек как бог или бог как человек (Pollini 1990, 335).

[70] Например, на серии денариев, чеканенных на Западе, возможно в Риме, в 29–27 гг. до н.э. (Pollini 1990, 349), а также на кистофорах Сирии (после 20 г. до н.э.) (Abramzon 1995, 360) Октавиан представлен в виде Аполлона. Об отождествлении Августа с Аполлоном см. также Zanker 1988, 44, 48–53.

[71] Pollini 1990, 345.

[72] См. Pollini 1990, 350.

[73] Grönke, Weinlich 1992, 198; Franken 1994, 25.

[74] Ruprechtsberger 2020, 32.

[75] См. Abramzon 1995, 370–373, 374.

[76] Tanner 2000, 23.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Составить представление о обстоятельствах, при которых публикуемый артефакт оказался на святилище Эклизи-Бурун, позволяет комплексный анализ соответствующих археологических и исторических источников.

Контексты находок «быстрых» весов и их элементов, в частности гирь в виде бюстов, более или менее синхронные периоду их производства и бытования, по группам сфер деятельности достаточно разнообразны (различные гражданские[77] и милитарные[78], в том числе сакральные (погребальные)[79] и остатки кораблекрушений[80]), что свидетельствует о широком распространении таких устройств среди носителей различных хозяйственно-культурных типов. Однако среди этих контекстов абсолютно преобладают «цивилизованные имперские» (локализуются в пределах Римской империи), в связи с чем исследователи полагают, что у «варваров» интерес к подобным техническим приспособлениям отсутствовал[81].

Святилище Эклизи-Бурун и другие известные культурно гомогенные с ним археологические объекты Южной части Горного Крыма (святилище Гурзуфское Седло[82] (II–I вв. до н.э. – IV в. н.э.), а также могильники с погребениями остатков кремаций Лучистое-2[83] (рубеж I–II – вторая треть III вв. н.э.) и Чатыр-Даг[84] (2-я треть III – 1-я треть IV вв. н.э.) расположены в центре исторической области Таврика[85] (рис. 1, *1–4*). Результаты их исследования позволяют предполагать, что эти комплексы использовали обитавшие в центре ландшафтной зоны «Южнобережье» более или менее оседлые «варварские» племена[86], в какой-то мере инкорпорированные в сферу культурного влияния Боспорского государства[87]. В греко-римской нарративной традиции (Ps.-Scymn. 831–832; Strab. VII. 4. 3; Plin. *NH*. IV. 85, 86; Tac. *Ann*. XII. 17. 3; Arr. *PPE*. 30) и местных эпиграфических документах I в. до н.э. – сер. III в. н.э. население Таврики обозначено нарицательными экзоэтнонимами[88] «тавры», «скифотавры»,

---

[77] Franken 1994, 22, Nr. A29, A56, A81, A194; Grönke, Weinlich 1992, 214, 219, Nr. 12, 70.
[78] Franken 1994, 22, Nr. A14, A179.
[79] Franken 1994, 22, Nr. A194.
[80] Franken 1994, 22, 23, Nr. A93, A129bis.
[81] Franken 1994, 22.
[82] Novichenkova 2002; 2015.
[83] Lysenko *et al.* 2014; Lysenko *et al*. 2015; Mordvintseva, Lysenko 2016.
[84] Myts *et al*. 2006.
[85] Lysenko, Mordvintseva 2019, 273, 274, 278; Lysenko 2019a, 290–298, рис. 1, *1, 3, 9, 10.*
[86] Имеется в виду уровень социокультурной интеграции (лит. см. Kradin 2015). Предположительно их можно охарактеризовать как расширенные семьи – малые сегментированные патрилиниджи (?) или системы из нескольких минимальных патрилиниджей, возможно, входившие в более крупное социальное образование (segmentary society) (см. Lysenko, Mordvintseva 2019, 273–274).
[87] Lysenko *et al.* 2015, 320.
[88] Использовались представителями территориальных цивилизованных / государственных структур по отношению к «варварам», видимо, уже как нарицательный термин, в силу некоторого сходства их локализации (в физико-географической провинции Горный Крым) и хозяйственно-культурного типа («пиратство») с широко

«тавроскифы» (?). В источниках они упоминаются как агрессоры против представителей Рима (Tac. *Ann*. XII. 17. 3) и Херсонеса[89], а также как объект завоевания[90] и дипломатического давления[91] для Боспорского царства. По контексту сообщений можно заключить, что в них речь идет о безгосударственных социумах, обладавших политической субъектностью, – видимо, представлявших собой довольно эффективную военную силу и проецировавших ее на античные политии. В целом эти сведения соответствуют данным, полученным при исследовании святилищ Гурзуфское Седло и Эклизи-Бурун[92]. В то же время эти объекты демонстрируют инновацию в обрядовой практике Крыма[93]. Есть основания полагать, что население, использовавшее горные святилища с остатками сожжений животных и могильники с захоронениями остатков кремаций, переместилось в Таврику по крайней мере во II в. до н.э. из области распространения латенизированных археологических культур[94].

Одна из особенностей святилищ Гурзуфское Седло и Эклизи-Бурун – наличие многочисленных вещей римского производства, присутствующих в большинстве категорий инвентаря (в частности, элементов римского военного снаряжения, а также редких в Северном Причерноморье «ранних» римских серебряных монет)[95], видимо, представляющих собой воинские трофеи, добытые варварами у римских военнослужащих, а затем использованные как вотивы[96]. По предполагаемой хронологической позиции исследователи подразделили эти предметы на 5–6 групп: *1)* 2-я половина II – 1 половина I вв. до н.э. (Гурзуфское Седло); *2)* 50–30-е годы I в. до н.э. (Гурзуфское Седло); *3)* 27 г. до н.э. – 14 г. н.э. (Гурзуфское Седло, Эклизи-Бурун); *4/5)* I в. н.э. (14 г. – 50-е годы) (Гурзуфское Седло, Эклизи-Бурун); *5/6)* 2-я половина II – 1-я половина III вв. н.э. (Эклизи-Бурун, Гурзуфское Седло?)[97]. Не исключено, что частоту и объем ритуальных действий, проводившихся на этих святилищах, во многом определяли периодичность и обстоятельства участия их адептов в военных операциях, а римские артефакты каждой из выделенных хронологических групп оказались в этих комплексах единовременно. В таком случае, исходя из ассортимента и дат инокультурных вотивов (римские вещи и нумизматический материал), а также данных исторических источников, можно полагать, что эти люди несколько раз (3–5) вступали в боевые столкновения

растиражированными благодаря греческой нарративной традиции мифологическими по происхождению представлениями о «таврах» начала эпохи раннего железа (см. Lysenko 2019a, 295–297).

[89] *IOSPE* I² 562; Zubar 1990, 108–109; Sarnowski 2000, 209.

[90] *CIRB* 39, 40, 1237.

[91] *SEG* 55: 862; Saprykin 2005, 46.

[92] См. Lysenko 2018, 219–221.

[93] Lysenko 2019a, 294.

[94] Lysenko 2018, 220, прим. 3, 4; Lysenko, Mordvintseva 2019, 278–279.

[95] Объем выборки таких предметов, их деталей и фрагментов в материалах исследования святилища Гурзуфское Седло превышает 2600 экземпляров (Novichenkova 2017, 6).

[96] Novichenkova 1998, 66; Lysenko, Masyakin 2012.

[97] Lysenko, Masyakin 2012; Novichenkova 2017, 13–14.

с римскими войсками[98]: 2-я половина II – 2-я треть I вв. до н.э. – за пределами Крыма и, возможно, на территории Боспорского государства; последняя четверть I в. до н.э. (время Августа) – вблизи или на территории Боспора; 1-я половина – середина I в. н.э. (время Тиберия–Клавдия) – в центре Южной Таврики (Tac. *Ann*. XII. 17. 3); 2-я половина II – начало III вв. н.э., возможно, вблизи границ Херсонеса[99]. В 1-й половине – 2-й трети III в. н.э. эта активность, видимо, в основном прекратилась (разрушение комплекса Эклизи-Бурун)[100]. Наиболее обоснованным выглядит предположение о участии адептов обоих святилищ в эпизоде римско-боспорской войны (крупнейшей военной акции римлян в Северном Причерноморье) в середине I в. н.э., поскольку об этом прямо упомянуто в нарративной традиции. Косвенно это подтверждается совпадением части спектров происходящих из святилищ нумизматических находок с материалами из раскопок слоя пожара цитадели боспорского городища Артезиан, гибель которого (осень 47 г.?) исследователи связывают с перипетиями этого конфликта[101]. Помимо прочего результаты этих работ демонстрируют существенное (до 75 лет) «запаздывание» римских серебряных монет поздней Республики – ранней Империи в крымских контекстах[102] и позволяют удревнить нижние даты некоторых типов других артефактов[103]. В связи с этим не исключено, что по крайней мере часть римских предметов из горных святилищ, датированных эпохой Августа, археологизировалась в середине I в. н.э.

На основании обобщения всех имеющихся данных о публикуемом артефакте (сохранность, хронологическая позиция, принадлежность к «римской имперской» материальной культуре, особенности контекста обнаружения) можно с высокой

---

[98] Lysenko, Masyakin 2016, 168–169; Novichenkova 2017, 14–15.

[99] *IOSPE* I² 562; Lysenko 2019b, 142.

[100] Lysenko, Masyakin 2012, 23; Lysenko 2013, 28.

[101] На сходство комплексов ранних римских денариев и кистофоров из Гурзуфского Седла и цитадели Артезиана уже обращали внимание (Abramzon, Vinokurov 2016, 726–727). На Эклизи-Бурун также обнаружены подобные монеты: республиканский (монетарии L. и C. Memies L.f. Galeria) денарий 87 г. до н.э. (Sear 2000, 121, No. 262), легионные денарии Марка Антония 32–31 гг. до н.э. (Seaby 1978, 124, No. 38), денарии 29–27 гг. до н.э. (Брундизи или Рим) (*RIC* I, 60, No. 269b, pl. 5), 15–13 гг. до н.э. и 2 г. до н.э. – 4 г. н.э. (Лугдун) (*RIC* I, 52, 55, no. 171a, 207, pl. 3, 4) Августа, чеканенный в Лугдуне денарий Тиберия (*RIC* I, 95, no. 30, pl. 11), а также кистофор провинции Азия 19–18 гг. до н.э. (Пергам) (*RIC* I, 82, no. 508, pl. 9; см. Lysenko 2013, 279–280). Специалисты допускают, что они могли быть завезены в Крым римскими военнослужащими (Abramzon *et al.* 2012, 126–127, табл. XIV; 2014, 7; Abramzon, Vinokurov 2016, 724–727). Кроме того, на Гурзуфском Седле найдены довольно многочисленные бронзовые боспорские монеты первой половины I в. н.э.: 28 – Аспурга, 7 – Гипепирии, 26 – Митридата III (VIII) (Novichenkova 2015, 51–52). С Эклизи-Бурун происходят 3 асса Аспурга и 1 – Гипепирии, а также статер Митридата III (VIII) 41/42 г. н.э. По мнению исследователей, такие монеты использовались Митридатом III (VIII) для выплат жалования войскам в ходе войны, а по окончании конфликта монеты этого царя, видимо, были изъяты из обращения (Abramzon *et al.* 2012, 99; 2014, 6; Abramzon, Vinokurov 2016, 714, 720–721), т.е. на святилище они оказались скорее всего в 40–49 гг.

[102] Abramzon, Vinokurov 2016, 725–727.

[103] Abramzon *et al*. 2014.

долей вероятности предполагать, что весы, частью которых являлась рассматриваемая гиря, как и безмен, гиря от которого обнаружена на Эклизи-Бурун в 2005 г., оказались в Таврике в ходе римско-боспорской войны 45–49 гг.[104], были захвачены «таврами»/«скифо-таврами» во время столкновения с римскими военнослужащими и затем пожертвованы в святилище[105]. Возможно, весы находились на кораблях, перевозивших римлян в 49 г. вдоль побережья Крыма со стороны Боспора на запад, выброшенных штормом на «берег тавров» и разграбленных местными варварами (Tac. *Ann*. XII. 17)[106]. Одно из вероятных мест этого события (мыс Плака, вблизи которого локализуется древний Лампад[107]) находится в 17,5 км к ЮЮВ по прямой от святилища Эклизи-Бурун и в 11,3 км к ВСВ от Гурзуфского Седла (см. рис. 1)[108]. Исходя из того, что при исследовании известных кораблекрушений римского времени на судах обнаруживались элементы не более чем одного безмена[109], а на святилище Эклизи-Бурун найдено две гири от римских «быстрых» весов, можно предполагать, что в 49 г. на Южный берег Крыма штормом выбросило не менее двух римских кораблей.

Эта гипотеза косвенно подтверждается объемом и особенностями состава уникального для Северного Причерноморья[110] комплекса металлических статуэток божеств из святилища Гурзуфское Седло. Большинство богов представлено двумя различными по хронологической позиции (?), размерам и технике изготовления скульптурками: Зевс (Юпитер), Посейдон (Нептун), Гермес, Аполлон, Артемида (Диана), Тюхе (Фортуна), Исида – Исида-Тюхе, Кибела. Одиночны изваяния Ареса (Марса) или Диоскура и змея (Гликон?). Наиболее «поздние» фигурки датируются первой половиной I в. н.э.[111] Судя по наличию греко-египетского божества (Исида), набор персонажей скорее характерен для Средиземноморья[112].

---

[104] Лит. см. Goroncharovskij 2003.

[105] Возможно, такого рода жертвоприношения являлись завершающим актом обряда, подобного «посвящению» врага (до битвы или в ее ходе) в жертву подземным богам, периодически проводившемуся римскими полководцами, а также центральноевропейскими варварами (германцами, галлами) для привлечения «высших сил» на свою сторону и достижения военной победы. Первое известное описание подобной практики относится к 340 г. до н.э., когда ее, если верить античной традиции, применил консул Публий Деций Мус в ходе II Латинской войны (между римлянами и латинами) (Liv. VIII. 9). Связываемые исследователями с такого рода действиями депозиты с трофеями, в целом сходные с выявленными на Гурзуфском Седле и Эклизи-Бурун, известны по материалам изучения центрально- и североевропейских святилищ эпохи раннего железа (Kozlenko 2020).

[106] Koltukhov 1993, 218; Zubar 1993.

[107] См. Lysenko 2019a, 299–301.

[108] Lysenko, Gerasimov 2008.

[109] В репрезентативной сводке А. Паркера для Средиземного и западной части Черного морей учтено 714 кораблекрушений I в. до н.э. – IV в. н.э. различной степени изученности (в основном лишь разведанных). По крайней мере в 5 пунктах обнаружено по одному безмену или его части (Parker 1992, 178–179, 197, 212, 318–319, no. 404, 415, 464, 504, 1017).

[110] См. Treister 1998, 68–69.

[111] Novichenkova 2015, 41–42, 187–201.

[112] Kaufmann-Heinimann 1998, 194.

Присутствие сравнительно редких фигурок Посейдона (Нептуна)[113], возможно, косвенно подтверждает принадлежность статуэток лараариям кораблей (по крайней мере один такой артефакт обнаружен среди остатков кораблекрушения с гирей в виде бюста Минервы)[114], т.е. нельзя исключать возможность того, что большинство скульптурок является частями двух сходных комплектов, которые могли происходить из двух лараариев[115], располагавшихся на римских кораблях[116]. Если это предположение верно, то создается впечатление, что среди фигурных римских гирь из кораблекрушений (в каталоге Н. Франкена учтено две) сравнительно часто встречаются бюсты из категории «императоры» (две – Эклизи-Бурун, одна – Остия, остатки торгового судна в Porto di Claudio[117]), т.е., возможно, безмены с такими гирями были особенно популярны на римском флоте.

Литература / References

Abramzon, M. 1995: *Monety kak sredstvo propagandy ofitsial'noy politiki Rimskoy imperii* [*Coins as Means of Propaganda of Official Politics of Roman Empire*]. Moscow.

Абрамзон, М. *Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи*. М.

Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I. 2016: [Gold staters of Aspourgos and Mithridates III and new assemblages of coins and jewelry from the site of Artesian]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 712–743.

Абрамзон М.Г., Винокуров, Н.И. Золотые статеры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан. *ВДИ* 3, 712–743.

Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I., Treister, M. Yu. 2012: [Two hoards with coins and jewelry of the period of the Roman-Bosporan war of AD 45–49 from the site of Artezian]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 93–146.

Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. Два клада монет и ювелирных изделий времени Римско-Боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан. *ВДИ* 3, 93–146.

Abramzon, M., Vinokurov, N., Treister, M. 2014: [Chronological indicators and problems of interpretation of the layer of Bosporan-Roman war from Artezian settlement]. In: *Mezhdynarodnaya nauchnaya konferentsiya XV Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i sredevekov'ya. Aktual'nye problemy khronologii.* [*International Scholarly Conference XV Bosporan readings. Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Topical Problems of Chronology*]. Kerch, 5–10.

Абрамзон, М., Винокуров, Н., Трейстер, М. Хронологические индикаторы и проблемы интерпретации слоя Боспоро-римской войны городища Артезиан. В сб.: *Международная научная конференция XV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии.* Керчь, 5–10.

Belkin, R.S. (ed.) 1967: *Kriminalistika. Uchebnik dlya spetsial'nykh srednikh uchebnykh zavedeniy* [*Criminalistics. A handbook for special secondary educational institutions*]. Moscow.

Белкин, Р.С. (ред.). *Криминалистика. Учебник для специальных средних учебных заведений*. М.

---

[113] Kaufmann-Heinimann 1998, 193, Abb. 139: Neptune.

[114] Parker 1992, 197, no. 464.

[115] В сохранившихся in situ остатках лараариев находят 1–10 (в среднем 4–6) статуэток разных размеров, качества и стилей (Kaufmann-Heinimann 1998, 185, 192).

[116] По состоянию на 1992 г. было учтено не менее пяти случаев находок металлических статуэток божеств среди остатков кораблекрушений римского времени (в трех случаях – с безменами или гирями от них; см. Parker 1992, 134, 178–179, 180, 197, 212, 453, no. 283 (Jupiter), 404 (Venus), 464 (Neptune), 504 (Venus, Diana, and the Dioscuri), 1238 (Isis-Fortuna)).

[117] Franken 1994, A129bis.

Borbein, A.H. 1996: Polykleitos. In: O. Palagia, J.J. Pollitt (eds.), *Personal Styles in Greek Sculpture*. Cambridge, 66–90.

Chuistova, L.I. 1962: [Classical and medieval weight systems spread in the North Pontic region]. In: *Arkheologiya i istoriya Bospora* [*Archaeology and History of Bosporos*] II. Simferopol, 7–235.
Чуистова, Л.И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье. В сб.: *Археология и история Боспора* II. Симферополь, 7–235.

Franken, N. 1993: Zur Typologie der antiken Schnellwaage. *Bonner Jahrbücher* 193, 69–120.

Franken, N. 1994: *Aequipondia. Figürliche Laufgewichte römischer und frühbyzantinischer Schnellwaagen*. Alfter.

Goroncharovskij, V.A. 2003: [The Roman-Bosporan conflict of the 40s AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 161–170.
Горончаровский, В. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н.э. *ВДИ* 3, 161–170.

Grönke, E., Weinlich, E. 1992: Römische Laufgewichtswaagen. *Bayerische Vorgeschichtsblätter* 57, 189–230.

Kaposhina, S. 1967: [Italian import on the Lower Don]. *Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva* [*Notes of Odessa Archaeological Society*] 2 (35), 208–213.
Капошина, С. Итальский импорт на Нижнем Дону. *Записки Одесского археологического общества* 2 (35), 208–213.

Kaufmann-Heinimann, A. 1998: *Götter und Lararien aus Augusta Raurica. Herstellung, Fundzusammenhänge und sakrale Funktion figürlicher Bronzen in einer römischen Stadt*. (Forschungen in Augst, 26). Augst.

Khrzhanovskiy, V., Ponomarenko, S. 1985: *Botanika* [*Botanics*]. Kyiv.
Хржановский, В., Пономаренко, С. *Ботаніка*. Київ.

Koltukhov, S.G. 1993: [Notes on the military-political history of the Crimean Scythia]. In: *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ya i Kryma* [*Antiquities of the steppe Pontic region and Crimea*]. Issue IV. Zaporozh'e, 206–222.
Колтухов, С.Г. Заметки о военно-политической истории Крымской Скифии. В сб.: *Древности степного Причерноморья и Крыма*. Вып. IV. Запорожье, 206–222.

Kozlenko, A.V. 2020: [The ritual of "devotion" (devotio) among the Romans and their neighbors]. In: E.S. Danilov (ed.), *Antichnaya religiya v predelakh polisov i imperiy* [*Antique religion in frames of poleis and empires*]. Yaroslavl, 40–61.
Козленко, А.В. Обычай «посвящения» (devotio) у римлян и их соседей. В сб.: Е.С. Данилов (ред.), *Античная религия в пределах полисов и империй*. Ярославль, 40–61.

Kradin, N.N. 2015: [Conception of «tribe» in the modern anthropology]. *Peterburgskie slavyanskie i balkanskie issledovaniya* [*Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*] 2, 4–12.
Крадин, Н.Н. Понятие «племя» в современной антропологии. *Петербургские славянские и балканские исследования* 2, 4–12.

Kropotkin, V. 1970: *Rimskie importnye izdeliya v Vostochnoy Evrope (II v. do n.e. – V v. n.e.)*. [*Roman Imports in Eastern Europe (2nd c. BC – 5th c. AD)*]. Moscow.
Кропоткин, В.В. *Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.)*. М.

Losev, A.F. 1980: [Apollo]. In: S.A. Tokarev (ed.), *Mify narodov mira* [*Myths of the Peoples of the World*]. Vol. I. Moscow, 92–95.
Лосев, А.Ф. Аполлон. В кн.: С.А. Токарев (ред.), *Мифы народов мира*. Т. I. М., 92–95.

Lysenko, A.V. 2005–2009: [Roman shrines in the South of the Rocky Crimea (an etude of systematization)]. *Stratum plus* 4, 374–400.
Лысенко, А.В. Святилища римского времени южной части Горного Крыма (опыт систематизации). *Stratum plus* 4, 374–400.

Lysenko, A. 2013: Das Heiligtum Eklizí-Burún in römischer Zeit. In: S. Müller, M. Schmauder (Hrsg.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung*. Frankfurt a.M., 276–283.

Lysenko, A.V. 2015: [History of research of the Southern Mountain Crimea in Roman period]. *Arkheologicheskiy almanakh* 33. *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika* [*Archaeological Almanac* 33. *The Ancient & Medieval Taurica*], 55–107.
Лысенко, А.В. История исследования Южной части Горного Крыма римского времени. *Археологический альманах* 33. *Древняя и средневековая Таврика*, 55–107.

Lysenko, A.V. 2018: [Cultural and historical processes in the Southern part of the Mountain Crimea of Roman times (1 c. BC – 4 c. AD). In: V. Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Bosporskiy fenomen*.

Obschee i osobennoe v istoriko-kulturnom prostranstve antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Ch. 2 [*The Bosporan Phenomenon. General and Peculiar Features of Historical and Cultural Space in the World of Classical Antiquity. Proceedings of the International Conference*. Pt. 2]. Saint Petersburg, 218–225.

Лысенко, А.В. Культурно-исторические процессы в южной части Горного Крыма римского времени (I в. до н.э. – IV в. н.э.). В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции*. Ч. 2. СПб., 218–225.

Lysenko, A.V. 2019a: [Toponymy of the Southern part of the Mountain Crimea of Roman times (archaeological comments)]. In: Yu.A. Belyaev (ed.), *Toponimika Kryma* [*Toponymy of the Crimea*]. Issue 3. Simferopol, 287–313.

Лысенко, А.В. Топонимия Южной части Горного Крыма римского времени (археологические комментарии). В сб.: Ю.А. Беляев (ред.), *Топонимика Крыма*. Вып. 3. Симферополь, 287–313.

Lysenko, A.V. 2019b: [Imprint from a Roman coin found on the sanctuary of Eklizi-Burun (South Crimea)]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [*History and Archaeology of the Crimea*] 10, 131–150.

Лысенко, А.В. Индикация с римской монеты из святилища Эклизи-Бурун (Южный Крым). *История и археология Крыма* 10, 131–150.

Lysenko, A.V., Gerasimov, V.E. 2008: [Classical anchor stocks found off Plaka cape in the Crimea]. *Rossiyskaya arkheologiya* [*Russian Archaeology*] 3, 120–124.

Лысенко, А.В., Герасимов, В.Е. О находках штоков античных якорей у мыса Плака в Крыму. *РА* 3, 120–124.

Lysenko, A.V., Masyakin, V.V. 2012: Roman imports in the Mountain Crimea (from the Eklizi Burun sanctuary) in age of Augustus. In: M. Jacob (ed.), *The Romans at the Black Sea During the Time of Augustus. The Evidence of Literary, Archaeological and Numismatic Sources. Abstracts*. Tulcea, 22–23.

Lysenko, A.V., Masyakin, V.V. 2016: [A Roman figured weight from the sanctuary of Eklizi-Burun (Southern Crimea). In: *Istoriya i arkheologiya Kryma*. Vyp. 3. *Sbornik statey, posvyashchennyy 60-letiyu so dnya rozhdeniya V.A. Kutaisova* [*History and Archaeology of the Crimea*. Vol. 3. *The Volume of Collected Papers is Dedicated to the 60th Anniversary of V.A. Kutaisov*]. Симферополь, 161–177, 410–411.

Лысенко, А.В., Масякин, В.В. Римская фигурная гиря из святилища Эклизи-Бурун (Южный Крым). В сб.: *История и археология Крыма*. Вып. 3. *Сборник статей, посвященный 60-летию со дня рождения В.А. Кутайсова*. Симферополь, 161–177, 410–411.

Lysenko, A.V., Masyakin, V.V., Mordvintseva, V.I. 2015: [Grave 1 of the necropolis Luchistoe-2 of the Roman period (the Southern Crimea). *Istoriya i arkheologia Kryma* [*History and archaeology of the Crimea*] 2, 295–333, 620–628.

Лысенко, А.В., Масякин, В.В., Мордвинцева, В.И. Могила № 1 некрополя римского времени Лучистое-2 (Южный Крым). *История и археология Крыма* 2, 295–333, 620–628.

Lysenko, A.V., Mordvintseva, V.I. 2019: [Costume metal jewelry – votives for the Eklizi-Burun sanctuary dating to the Roman period (to the cultural attribution of site)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Problems of History, Philology, Culture*] 4 (66), 240–295.

Лысенко, А.В., Мордвинцева, В.И. Металлические украшения костюма – вотивы святилища римского времени Эклизи-Бурун (к культурной атрибуции памятника). *ПИФК* 4 (66), 240–295.

Lysenko, A.V., Mordvintseva, V.I., Antipenko, A.V., Smekalova, T.N., Leonov, L.L. 2021: [X-ray-fluorescence mapping of the elemental composition and manufacturing technology of the Roman figured weight from the Eklizi-Burun sanctuary in the Mountainous Crimea]. *Rossiyskie nanotechnologii* [*Russian Nanotechnologies*] 16/5, 51–60.

Лысенко, А.В., Мордвинцева, В.И., Антипенко, А.В., Смекалова, Т.Н., Леонов, Л.Л. Рентгено-флуоресцентное картирование элементного состава и технология изготовления римской фигурной гири из святилища Эклизи-Бурун в Горном Крыму. *Российские нанотехнологии* 16/5, 51–60.

Lysenko, A., Mordvintseva, V., Sudarev, N., Yurochkin, V. 2014: [Study of the necropolis Luchistoe-2 of Roman time in the South Crimea]. In: N. Grinenko (ed.), *Istoricheskoe nasledie Kryma* [*Historical heritage of the Crimea*]. Simferopol, 210.

Лысенко, А., Мордвинцева, В., Сударев, Н., Юрочкин, В. Исследования могильника римского времени Лучистое-2 в Южном Крыму. В сб.: Н. Гриненко (ред.), *Историческое наследие Крыма*. Симферополь, 210.

Malyshev, A.A., Dmitriev, A.V., Mednikova, M.B., Terekhova, N.N., Rozanova, L.S., Ravich, I.G. 2004: [Shirokaya Balka in antique epoch: an output and perspectives of its research]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of Bosporos*] 7, 272–301.
Малышев, А.А., Дмитриев, А.В., Медникова, М.Б., Терехова, Н.Н., Розанова, Л.С., Равич, И.Г. Широкая Балка в античную эпоху: результаты и перспективы исследования. *Древности Боспора* 7, 272–301.

Minasyan, R.S. 2014: *Metalloobrabotka v drevnosti i srednevekov'e* [*Metalwork in Antiquity and Medieval period*]. Saint Petersburg.
Минасян, Р.С. *Металлообработка в древности и средневековье*. СПб.

Mordvintseva, V.I., Lysenko, A.V. 2016: [Study of the necropolis Luchistoe-2 of Roman times Luchistoe-2 (Southern Crimea). In: *Arheologichni doslidzhennja v Ukrai'ni 2015 r.* [*Archaeological studies in the Ukraine in 2015*]. Kyiv, 7–10.
Мордвинцева, В.И., Лысенко, А.В. Исследования могильника римского времени Лучистое-2 (Южный Крым). В сб.: *Археологічні дослідження в Україні 2015 р*. Київ, 7–10.

Mutz, A. 1983: *Römische Waagen und Gewichte aus Augst und Kaiseraugst*. Augst.

Myts, V.L., Lysenko, A.V., Shchukin, M.B., Sharov, O.V. 2006: *Chatyr-Dag – nekropol rimskoy epokhi v Krymu* [*Chatyr-Dag – a Necropolis of Roman Times in the Crimea*]. Saint Petersburg.
Мыц, В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. *Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму*. СПб.

Novichenkova, M.V. 2017: *Rymsʹke viysʹkove sporjadzhennja v Tavryci I st. do n.e. – I st. n.e.* [*Roman Military Equipment in Taurica from the 1st c. BC to the 1st c. AD*]. Abstract of the dissertation. Kyiv.
Новиченкова, М.В. *Римське військове спорядження в Таврицi I ст. до н.е. – I ст. н.*е. Автореф. дис. на здобуття наук. ступ. канд. іст. наук. Київ.

Novichenkova, N.G. 1998: [Roman military equipment in the sanctuary at the Gurzuf Sedlo pass]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 51–67.
Новиченкова, Н.Г. Римское военное снаряжение из святилища у перевала Гурзуфское седло. *ВДИ* 2, 51–67.

Novichenkova, N.G. 2002: *Ustroystvo i obryadnost' svyatilishcha u perevala Gurzufskoye Sedlo* [*Arrangement and Ritual of the Sanctuary Near Gurzufskoye Sedlo Pass*]. Yalta.
Новиченкова, Н.Г. *Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло*. Ялта.

Novichenkova, N.G. 2015: *Gornyi Krym II v. do n.e. – II v. n.e. po materialam svyatilishcha u perevala Gurzufskoe Sedlo* [*Mountain Crimea from the 2nd c. BC to the 2nd c. AD According to the Materials of the Sanctuary Near Gurzufskoye Sedlo Pass*]. Simferopol.
Новиченкова, Н.Г. *Горный Крым II в. до н.э. – II в. н.э. по материалам святилища у перевала Гурзуфское Седло*. Симферополь.

Onayko, N.A. 1971: [A bronze bust-weight from the excavation of antique settlement in Shirokaya Balka]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*] 128, 73–77.
Онайко, Н.А. Бронзовый бюст-гиря из раскопок античного поселения в Широкой Балке. *КСИА* 128, 73–77.

Pallas, P.S. 1999: *Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [*Observations Made During the Travelling Around the Southern Viceroyalties of Russian State in Years 1793–1794.*]. Moscow.
Паллас, П.С. *Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах*. (Научное наследство, 27). М.

Parker, A.J. 1992: *Ancient Shipwrecks of the Mediterranean and the Roman Provinces*. (BAR International Series, 580). Oxford.

Philipp, H. 1979: Zu einer Gewichtsbüste aus dem Kerameikos. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung* 94, 137–159.

Pollini, J. 1990: Man or god: divine assimilation and imitation in the Late Republic and Early Principate. In: K.A. Raaflaub, M. Toher (eds.), *Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and His Principate*. Berkeley, 334–363.

Pollini, J. 2010: Portraits of Augustus. In: M. Gagarin, E. Fantham (eds.), *The Oxford Encyclopedia of Ancient Greece and Rome*. Vol. I. *Academy–Bible*. Oxford, 344–346.

Ruprechtsberger, E.M. 2020: Antike Waagen – ein kulturgeschichtlicher Überblick aus Anlass einer in Lauriacum gefundenen römischen Schnellwaage. *Jahrbuch der Gesellschaft für Landeskunde und Denkmalpflege Oberösterreich* 165, 9–65.

Saprykin, S. Yu. 2005: [Encomion from Pantikapaeum and the history of the Bosporan kingdom on the turn of the 1st and the 2nd cc. AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 45–81.
Сапрыкин, С.Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н.э. *ВДИ* 2, 45–81.

Sarnowski, T. 2000: [A tombstone of a freedman IOSPE I² 562 and the question of a time of committing of Roman garrisons in Chersonesos]. In: T. Sarnowski, O. Ja. Savelja (Hrsg.), *Balaklava. Römische Militärstation und Heiligtum des Iupiter Dolichenus*. Warschau, 206–211.
Сарновски, Т. Надгробие вольноотпущенника IOSPE I² 562 и вопрос о времени введения римского гарнизона в Херсонесе. В сб.: T. Sarnowski, O. Ja. Savelja (ред.), *Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена*. Warschau, 206–211.

Schulze, H. 2020: Juba II. und Ptolemaios von Mauretanien. Endpunkt des hellenistischen Herrscherporträts. In: A. Pangerl (Hrsg.), *Portraits. 400 Jahre hellenistische Portraits*. München, 353–357.

Seaby, H.A. 1978: *Roman Silver Coins*. Vol. I. *The Republic to Augustus*. London.

Sear, D.R. 2000: *Roman Coins and their Values. The Millennium Edition*. Vol. I. *The Republic and the Twelve Caesars 280 BC – AD 96*. London.

Sengoku-Haga, K., Zhang, Y., Lu, M., Ono, S., Oishi, T., Masuda, T., Ikeuchi, K. 2015: Polykleitos' works 'from one model': new evidence obtained from 3D digital shape comparisons. In: A. Patay-Horváth (ed.), *New Approaches to the Temple of Zeus at Olympia. Proceedings of the First Olympia-Seminar 8th–10th May 2014*. Newcastle upon Tyne, 201–222.

Šimek, M. 2011: Uteg za brzu vagu – arheološki nalaz sa Humščaka. *Historia Varasdiensis Časopis Za Varaždinsku Povjesnicu* 1, 13–26.

Stewart, A. 1990: *Greek Sculpture: An Exploration*. Vol. I–II. New Haven and London.

Tanner, J. 2000: Portraits, power, and patronage in the Late Roman Republic. *The Journal of Roman Studies* 90, 18–50.

Treister, M. Yu. 1998: [On the find of bronze and silver statuettes at the Gurzuf Sedlo Pass]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 68–80.
Трейстер, М.Ю. К находке бронзовых и серебряных статуэток в святилище у перевала Гурзуфское Седло. *ВДИ* 2, 68–80.

Treister, M., Kosyanenko, V. 1995: [Bronze figures of Minerva from the collection of Rostov museum]. *Rossiyskaya arkheologiya* [*Russian Archaeology*] 1, 159–164.
Трейстер, М., Косяненко, В. Бронзовые фигурки Минервы из собрания Ростовского музея. *РА* 1, 159–164.

Trofimova, A.A. 2017: [Did portraiture exist as a genre in Classical antiquity? About one of the problems in art theory]. *Aktualnye problemy teorii i istorii iskusstva* [*Actual Problems of Theory and History of Art*] 7, 39–50.
Трофимова, А.А. Существовал ли портрет в античном мире? К проблеме жанра. *Актуальные проблемы теории и истории искусства* 7, 39–50.

Zanker, P. 1988: *The Power of Images in the Age of Augustus*. Ann Arbor.

Zinin, A. 2006: *Rukovodstvo po portretnoy ekspertize* [*The Portrait Examination's Guide*]. Moscow.
Зинин, А. *Руководство по портретной экспертизе*. М.

Zubar, V. 1990: [Notes on the Latin epigraphics of Chersonesos and Charax]. *Arheologija* [*Archaeology*] 2, 107–114.
Зубар, В. Нотатки з латинської епіграфіки Херсонеса і Харакса. *Археологія* 2, 107–114.

Zubar, V. 1993: [New finds of helmets in Taurica]. *Arheologija* [*Archaeology*] 1, 66–70.
Зубар, В. Нові знахідки фрагментів римських шоломів у Таврицi. *Археологія* 1, 66–70.

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

Vestnik drevney istorii
81/4 (2021), 960–980
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/4 (2021), 960–980
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910017367-6

«ДОМ ДУШИ» ИЗ СОБРАНИЯ ГМИИ имени А. С. ПУШКИНА

Е. А. Анохина[1], С. Е. Малых[2]

[1] *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Москва, Россия*
[2] *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия*

[1] *E-mail*: evgeniia.anokhina@arts-museum.ru [2] *E-mail*: malyh2002@mail.ru

[1] *ORCID*: 0000-0002-1795-3356 [2] *ORCID*: 0000-0002-2077-7285

Статья посвящена анализу необычного древнеегипетского глиняного жертвенника, так называемого дома души, из собрания ГМИИ имени А.С. Пушкина (I, 1а 6114), ранее находившегося в коллекции Р. де Рустафьелля. Авторы дают общую характеристику обожженных глиняных жертвенников, бытовавших в долине Нила сравнительно короткое время с эпохи Первого Переходного периода и вплоть до Среднего царства, и рассматривают особенности оформления «дома души» из ГМИИ. В статье поднимается также вопрос о подлинности жертвенника, поскольку элементы его оформления нетипичны для аналогичных памятников.

Ключевые слова: Древний Египет, «дом души», жертвенник, Р. де Рустафьелль, подделки, ГМИИ имени А.С. Пушкина

Данные об авторах. Евгения Александровна Анохина – кандидат исторических наук; научный сотрудник Отдела Древнего Востока ГМИИ имени А.С. Пушкина; участник научного коллектива по проекту РНФ 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников)» в МГУ имени М.В. Ломоносова; Светлана Евгеньевна Малых – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН; участник научного коллектива по проекту РНФ 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников)» в МГУ имени М.В. Ломоносова.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников)». Авторы статьи приносят глубокую благодарность хранителю «дома души» заведующей Отделом Древнего Востока ГМИИ О.А. Васильевой и старшему научному сотруднику Отдела Древнего Востока ГМИИ О.П. Дюжевой.

«SOUL HOUSE» FROM THE PUSHKIN STATE MUSEUM OF FINE ARTS, MOSCOW

Evgeniia A. Anokhina[1], Svetlana E. Malykh[2]

[1] *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;*
The Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia
[2] *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;*
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

[1] *E-mail*: evgeniia.anokhina@arts-museum.ru [2] *E-mail*: malyh2002@mail.ru

Acknowledgments: Russian Science Foundation, project no. 19-18-00369

The paper deals with the analysis of an unusual Ancient Egyptian clay offering tray, a so-called "soul house", from the Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow (Inv. no. I, 1a 6114). The authors provide a general description of pottery offering trays from the First Intermediate Period and the Middle Kingdom and discuss specific elements of decoration of the "soul house" from the Pushkin Museum. The paper also highlights the question of authenticity of the Pushkin Museum "soul house" since its elements are non-typical for similar objects. In this respect, the authors address the topic of forgeries in the collection of R. de Rustafjell and present the results of technological and thermoluminescence analysis of the clay of the "soul house".

Keywords: Ancient Egypt, "soul house", offering tray, R. de Rustafjaell, fakes, the Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow

В 2012 г. в ГМИИ имени А.С. Пушкина (далее ГМИИ) была открыта новая экспозиция древнеегипетских памятников, в которой оказались представлены некоторые экспонаты, долгое время хранившиеся в запаснике и недоступные публике. Среди них так называемый дом души (инв. № I, 1а 6114, рис. 1) – керамический жертвенник, приобретенный музеем в 1913 г. на распродаже коллекции Роберта де Рустафьелля в Лондоне. Покупка была совершена по инициативе Б.А. Тураева, основателя российской науки о Древнем Востоке, создателя и хранителя Отдела Древнего Востока Музея изящных искусств имени Александра III[1] (ныне ГМИИ).

ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКА

К сожалению, о происхождении жертвенника – месте и времени его находки – ничего не известно. «Дом души» всегда привлекал внимание специалистов своей необычностью, порождая различные интерпретации композиции

[1] На этом же аукционе Музей приобрел глиняный гроб с изображением фигуры скорченного человека на крышке (инв. № I, 1а 6122), а также ткань эпохи Нового царства с изображением богини Хатхор (инв. № I, 1а 6113; Rustafjaell 1913, lot 567, 576). Подробнее о покупке Музеем памятников на распродаже коллекции Р. де Рустафьелля см. Anokhina *et al.* 2020, 24–30.

памятника. Но опубликован он был лишь кратко в каталоге выставки «Путь к бессмертию», проходившей в 2002 г. в ГМИИ[2].

Памятник представляет собой керамическую модель постройки с двором, окруженным высокой стеной. В передней части стены сделано небольшое отверстие-вход[3]. Крыша постройки оформлена тремя куполами, в которых прорезаны узкие технологические отверстия для улучшения равномерности прокаливания при обжиге (по три в центральном и правом куполах, два в левом куполе). Во внутреннее помещение постройки ведут три входа, разделенные столбами-опорами. На фасаде постройки помещено налепное изображение диска, а также мумиеобразная фигура. Длина памятника – 29,5 см; высота – 37,7 см; ширина – 32 см.

КЕРАМИЧЕСКИЕ ЖЕРТВЕННИКИ В ЕГИПТЕ

«Дом души» из ГМИИ описывали и как модель дома, и как модель житницы, и как модель гробницы. По своему типу он относится к многочисленной группе лепных керамических жертвенников эпохи Первого Переходного периода – Среднего царства, которые встречаются при раскопках в Нильской долине повсеместно, за исключением Дельты (от Лишта на севере до Нубии на юге)[4], и происходят главным образом из некрополей[5]. Они встречаются прежде всего в небогатых шахтных погребениях и поэтому являются скорее предметами низовой культуры. Размеры глиняных жертвенников обычно не превышают 30–50 см в ширину и длину. Их можно разделить на два типа. Первый тип

---

[2] Berlev *et al.* 2002, 77. Помимо этого, жертвенник упоминается в каталоге продажи коллекции де Рустафьелля (Rustafjaell 1913, 36), а также в путеводителе Музея изящных искусств 1914 г. (Turaev *et al.* 1914, 15).

[3] В настоящее время фрагмент над входом утрачен. На фотографии в каталоге продажи коллекции де Рустафьелля какие-либо повреждения отсутствуют (Rustafjaell 1913, pl. XXX), но в инвентаре Памятников Древнего Египта, хранящемся в Отделе Древнего Востока ГМИИ, указано, что «над входом выбит кусок».

[4] Petrie 1900, 26; 1907, 14–20, pl. XIV–XXIIE; Peet, Loat 1913, 24, pl. IX, *3*; Slater 1974, 301–315; Niwinski 1975; 1981; 1984; Kuentz 1981; Tooley 1989, 249–304; Leclère 2001; Spence 2011; López Grande 2011, 583, fig. 2e; Kilian 2012; 2016 (благодарим автора за копию ее работ); Mi 2020; 2021 (благодарим автора за копию его работы). В статьях Ф. Ми дается современная библиография, в том числе ссылки на последние археологические находки глиняных жертвенников. См. также краткую, но емкую аннотацию А.О. Большакова к глиняному жертвеннику на сайте Государственного Эрмитажа (URL: https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/08.%20applied%20arts/186636/!ut/p/z1/04_Sj9CPykssy0xPLMnMz0vMAfIjo8zi_R0dzQyNnQ28_J1NXQwc_YMCTIOc_dwNDE30w8EKDHAARwP9KGL041EQhd94L0IWAH1gVOTr7JuuH1WQWJKhm5mXlq8fYWChp5BYUJCTmZqikFhUUqwfYWhhZmZsBnRPFJqJnt7mQBNDTD38_cOcjZxNoArwuKkgNzSiysfDINNRUREAT-No9Q!!/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/?lng=ru; дата обращения: 11.11.2021).

[5] Находки в поселениях немногочисленны, см. Spence 2011, 908–909; Kilian 2012, 110. Некоторое количество лепных подносов с моделями подношений происходит из поселения времени XII династии в Лахуне (Фаюм) – Petrie 1890, 25, pl. XIII, *102*; 1891, pl. IV. О социальном и культовом значении керамических жертвенников, найденных в поселениях, см. Picardo 2014.

Рис. 1. «Дом души». *ГМИИ, Инв. № I, 1 а 6114*

Рис. 2. Глиняный жертвенник-поднос эпохи Первого Переходного периода – Среднего царства. *ГМИИ, Инв. № I, 1 а 5146*

представляет собой простые глиняные жертвенники-подносы овальной, круглой, прямоугольной, U-образной формы со сливом для стекания воды и с различными моделями пищевых жертв, показанных весьма схематично (лепешек и конических хлебов, бычьих голов, ног и ребер, птицы, сосудов (в основном сосудов-Hs, использовавшихся для возлияний водой), а также изображений каналов или иных водоемов (рис. 2[6]). Внешне они напоминают не столько поднос, сколько двор, огороженный низким забором, с входом-сливом. Примечательно, что в дальней от входа части предмета нередко располагается полукруглое или квадратное возвышение[7] (алтарь или сиденье, см. ниже), в некоторых случаях – навес[8].

Ко второму типу принадлежат лепные керамические жертвенники-подносы с моделями построек (их обычно отождествляют с домом или гробницей), с огороженным двором, с моделями жертв и другими элементами оформления[9] (рис. 3). Иногда на таких жертвенниках изображались человеческие фигурки[10] – видимо, владельца жертвенника или его «души», а также его домочадцев.

---

[6] Это керамический поднос из собрания В.С. Голенищева (ГМИИ, инв. № I, 1 а 5146). Сведений о месте и времени приобретения памятника не сохранилось. Судя по оформлению, он происходит из района Арманта или Гебелейна. Аналогии: Mond, Myers 1937, pl. XXII, *5–6*; Mi 2020, 112–114.

[7] Например, Petrie 1891, pl. IV, *20*; 1900, pl. XIX, *2, 5–9, 13*.

[8] Например, Petrie 1900, pl. XIX, *1p*; 1901, pl. XXV (W 70); Tooley 1989, 433–434, pl. 69, *1–2*; 70, *1*; 75, *1*; 77, *2*; 78, *2*.

[9] Например, Petrie 1907, pl. XV–XXI.

[10] Petrie 1907, pl. XVIII, *118*, XXII; подробнее см. ниже.

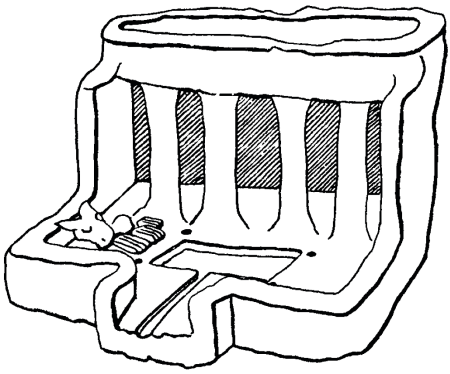


Рис. 3. «Дом души» из некрополя Дейр-Рифа (прорисовка по: Kuenz 1981, fig. 10)

В конце XIX в. У.М.Ф. Питри[11] предложил для них название «дома души» (в иностранной литературе soul house, maison d'âme, Seelenhaus)[12].

Топография находок «домов души» более узкая, по сравнению с керамическими жертвенниками-подносами, и на данный момент ограничена некрополями Куббет эль-Хава на юге и Бени Хасан на севере[13]: кроме необычной концентрации этих предметов в Дейр-Рифе, в остальных местах их находки достаточно немногочисленны[14].

У.М.Ф. Питри одним из первых предположил, что изначально, при IX–X династиях, появились простые керамические прямоугольные или овальные подносы[15]. Прототипом для них могли послужить округлые керамические и каменные подносы для различных подношений (настоящих и символических), широко распространенные в погребальном и культовом инвентаре гробниц эпохи Древнего царства[16]. С начала XI династии форма подносов стала усложняться, схематично передавая двухчастный двор, а с середины XI династии на таких подносах-дворах начинают изображаться с помощью налепленных кусочков глины подношения, выполненные весьма схематично, но вполне узнаваемо. Итогом этой эволюции можно считать сложные лепные керамические жертвенники, из моделей подносов-дворов с подношениями преобразовавшиеся в модели различных построек, нередко двухэтажных, с колонными и лестницами[17].

---

[11] Petrie, Quibell 1896, 42; Petrie 1907, 15.

[12] Древнеегипетский термин для этой группы памятников неизвестен. Данное название имеет свои недостатки, так как не отражает главной особенности этих памятников – обеспечение усопших жертвами. В данной статье оно используется в силу устоявшейся традиции.

[13] Spence 2011, 895. В Музее искусства и истории в Брюсселе находится «дом души» (инв. № E.2283), купленный в Гизе, однако исследователи сомневаются в его происхождении из этого некрополя (Tooley 1989, 292–293; Mi 2021, 58).

[14] Tooley 1989, 295–297, tabl. 15 (type 4). В работе Э. Тули приведены только те «дома души», место находки которых известно. В музейных собраниях находится значительное количество памятников без провенанса, многие из них не опубликованы.

[15] Petrie 1900, 26; 1907, 16; ср. Niwinski 1975, 97–98; 1984, 811.

[16] См. например: Junker 1951, Tf. XXIIId; Reisner, Smith 1955, 88–89, fig. 132–133; Malykh 2010, 234–235.

[17] О сути трансформации глиняных подносов в «дома души» см. аннотацию А.О. Большакова (выше, прим. 4), см. также: Slater 1974, 307–313, 402; Spence 2011, 900–901; Kilian 2012, 110–111; ср. Niwinski 1975, 97–98; 1984, 811.

Рис. 4. Каменный жертвенник эпохи XII династии. *ГМИИ, Инв. № I, 1а 5339*

Предложенная У.М.Ф. Питри схема развития керамических жертвенников от простых подносов к сложным «домам души» подтверждается исследованием Р.А. Слейтер памятников из Дендеры[18]. В то же время исследователи указывают, что датировки Питри требуют корректировки. Так, например, первые глиняные подносы с моделями жертвенных даров встречаются уже в начале Первого Переходного периода[19], а «дома души», согласно современной – датировке материала из некрополя Дейр-Рифа, относятся ко времени XII–XIII династий[20]. В последних работах различия в оформлении жертвенников связывают прежде всего с местными традициями изготовления этих памятников в конкретных регионах[21].

Керамические жертвенники типологически связаны с каменными жертвенниками в виде прямоугольного блока или диска[22], являвшимися центральным элементом в оформлении древнеегипетских храмов и гробниц со времен додинастической эпохи и вплоть до греко-римского периода, поскольку приношение жертв было важнейшей частью культовой практики жителей долины Нила[23] (рис. 4).

---

[18] Slater 1974, 307–314.
[19] Minault-Gout 1980, 277; Kilian 2012, 110.
[20] Arnold 2005, 1–75.
[21] Tooley 1989, 248–299; Leclère 2001, 118–119; Spence 2011, 901; Killian 2012.
[22] Petrie 1907, 15.
[23] О каменных жертвенниках см. Bolshakov 1985; 2001a.

Хотя глиняные жертвенники представляют обособленную группу памятников, характерных для достаточно короткого временного промежутка – Первого Переходного периода и эпохи Среднего царства[24], – по своей сути они не отличаются от своих каменных аналогов и также использовались в некрополях в жертвенных ритуалах, в ритуалах возлияния, которые могли сопровождаться произнесением магических, культовых текстов. Оформление глиняных жертвенников соответствует оформлению каменных жертвенников, на поверхности которых обычно изображались различные жертвы (хлеба, овощи, куски мяса, птица, сосуды и т.д.), а также углубления для возлияний; иногда встречаются изображения владельца жертвенника. Но если на каменных жертвенниках, как правило, высекались надписи (прежде всего жертвенные формулы[25]), то глиняные жертвенники эпохи Первого Переходного периода и Среднего царства «безмолвны» (вероятно, это связано с технологией изготовления и с относительно невысокой стоимостью работы). Показательно, что единственная известная надпись на глиняном подносе из Куббет эль-Хавы – это также жертвенная формула, как и на каменных жертвенниках[26].

Логично предположить, что на появление сложных керамических жертвенников – «домов души» – повлияли распространенные в эпоху Первого Переходного периода и Среднего царства деревянные модели домов, ремесленных мастерских и других хозяйственных построек, которые показывают процесс производства зерна, приготовления пива, перевозки жертв и т.д.[27] Их главной функцией было снабжение умершего жертвами.

Существуют разные точки зрения относительно того, что именно изображали «дома души» – модель дома или же модель гробницы, поскольку элементы домашней архитектуры использовались при сооружении гробниц[28]. Однако термин «модель» не должно вводить в заблуждение – глиняные жертвенники никогда не изображали ни действительно существовавших домов, ни гробниц[29]. Их главной задачей было показать обеспечение умершего жертвами – как приготовление их в доме/хозяйстве владельца, так и приношение их в гробницу[30]. Не случайно в некоторых «домах души» встречаются сцены приготовления пищи[31]. Но по сути «дома души» представляют собой те же жертвенники, что и простые глиняные подносы или каменные жертвенники.

---

[24] О глиняных жертвенниках греко-римского периода см. Ivanov 2019.

[25] Жертвенные формулы, или так называемые формулы *ḥtp-dj-nswt*, – самые значимые гробничные надписи с точки зрения практики отправления гробничного культа. Они состоят из набора единообразных фраз, которые включали наименование царя и/или бога, наименование жертвенных даров и указание лица, кому они адресованы.

[26] Текст надписи: *prt-ḫrw m t ḥnḳt ꜣpdw mꜣw-ḥḏ jmꜣḫw* – «возглашение из хлеба, пива, птицы, белых антилоп <для> *имаху*», см. Edel 2008, 1626–1627, fig. 2, 1633, Abb. 8; Kilian 2016, 174.

[27] О деревянных моделях см. Eschenbrenner-Diemer 2017 (в статье приведена библиография по теме).

[28] Niwinski 1975, 101–105; Leclère 2001; Spence 2011; Mi 2021.

[29] Spence 2011; Mi 2021, 70.

[30] О более широкой трактовке «домов души» из некрополя Дейр-Рифа см. Spence 2011.

[31] Petrie 1907, 20; Tooley 1989, 292–293.

Возможно, «дома души», помещенные рядом с устьем шахты небогатых погребений, приобретали дополнительное значение, заменяя собой отсутствующее место культа – надземную часть гробницы (часовню), открытую для родственников умершего, жрецов и других посетителей[32]. Заметим, что нередко и каменные жертвенники являлись единственным элементом оформления гробницы, концентрируя на себе гробничный культ. Иную роль, вероятно, играли глиняные жертвенники, найденные в погребальных камерах и шахтах, т.е. в подземной части гробницы, недоступной для посещения[33]. Такие жертвенники не имели отношения к гробничному культу – предполагалось, что они будут использоваться умершим. Следует подчеркнуть важное наблюдение А.О. Большакова об искажении сути при одинаковом обозначении жертвенников, находимых в часовнях и погребальных камерах[34]. Это связано с принципиальным различием между часовней и погребальной камерой и с существованием в древнеегипетской гробнице двух миров – мира *kꜣ* (мира изображений часовни, надземных помещений) и мира *bꜣ* (мира погребальной камеры)[35]. Но отметим, что никакого различия в оформлении глиняных жертвенников, находимых в культовых или подземных частях гробницы, нет[36], как нет различий у предметов культового и погребального инвентаря, в частности у керамических сосудов.

Интересная интерпретация «домов души» была недавно предложена Ф. Ми[37]. Исследователь подчеркивает, что «дома души» служили для жертвенного обеспечения их владельца, но могли быть не связаны с гробницей, поскольку памятники находят не только в некрополях, но и в поселениях. Ми приводит в качестве возможных прототипов «домов души» «model-mastabas» в Дендере и Балате эпохи Первого Переходного периода и святилища *mꜥḥꜥt* в Абидосе эпохи Среднего царства и говорит о том, что «дома души» могли служить миниатюрными святилищами/часовнями своим владельцам, в которых отправлялся их культ. Здесь нужно подчеркнуть, что в «домах души» могли соединяться различные представления и идеи, что свойственно сознанию древних египтян.

Эти общие замечания о глиняных жертвенниках эпохи Первого Переходного периода и Среднего царства должны относиться и к «дому души» из ГМИИ. Но в чем заключается его необычность, порождающая столь разнообразные интерпретации? Дело в том, что для многих элементов его оформления не находится аналогий не только среди подобных ему жертвенников, но в принципе среди памятников культуры Первого Переходного периода и Среднего царства. Речь идет об уникальной форме крыши в виде конических куполов, а также

---

[32] Slater 1974, 311; Niwinski 1975, 104–105; 1984, 806; López Grande 2011, 583.

[33] По данным Э. Тули, около 200 из 370 рассмотренных ею глиняных жертвенников было обнаружено на поверхности устья шахты в шахтных гробницах или в часовнях; около 80 жертвенников было найдено непосредственно в погребальной камере, см. Tooley 1989, 301–303.

[34] Bolshakov 2001a, 573.

[35] Об этом см. Bolshakov 2001b, 225–237; Demidchik 2013; 2015 (в работах дана библиография по теме).

[36] Это же касается и каменных жертвенников.

[37] Mi 2021, 71–73.

изображении диска над входом в постройку. Редкими являются и изображение мумиеобразной фигуры, и отсутствие изображений жертв, и высокие стены, окружающие двор.

ГРОБНИЦА, ДОМ, ЖИТНИЦА?

1. Купола

Купола у «дома души» из ГМИИ трактовались по-разному. В аукционном каталоге Р. де Рустафьелля указано, что они «могут представлять собой высокую соломенную кровлю» дома[38]. В кратком иллюстрированном путеводителе Музея изящных искусств имени Александра III, изданном в 1914 г., Б.А. Тураев называет «дом души» «глиняной моделью житниц и двора» из-за наличия куполов[39]. Такое же название ему дано в инвентаре Памятников Древнего Египта, хранящемся в Отделе Древнего Востока ГМИИ. В каталоге выставки «Путь к бессмертию» 2002 г. купола представлены уже как «три пирамидообразных возвышения, которые могли изображать *скальный массив* (курсив наш. – *Авт.*) некрополя или молельни, скрытой внутри»[40]. Сама же постройка рассматривается в каталоге как «фасад скальной гробницы с тремя входами внутрь».

Отметим, что ни у одного «дома души» эпохи Первого Переходного периода – Среднего царства нет куполов подобной формы[41]. Для построек большинства «домов души» характерна плоская крыша или же навес в форме арки. Купола на московском жертвеннике по своему виду ближе к изображению житниц/амбаров/зернохранилищ[42].

Первые глиняные модели зернохранилищ с куполообразными крышами известны со времен I династии из Абидоса[43]. Помимо глины, модели зернохранилищ с куполообразными или плоскими крышами в Египте изготавливались из камня (с эпохи Древнего царства[44]) или дерева (с конца эпохи Древнего царства[45]). Всего известно около 160 моделей зернохранилищ и их фрагментов для

---

[38] Rustafjaell 1913, 36.

[39] Turaev *et al*. 1914, 15.

[40] Berlev *et al*. 2002, 77.

[41] Пирамидообразное завершение частных гробниц, характерное для эпохи XIX династии, неизвестно для времени Среднего царства.

[42] Обычно в литературе их называют granaries. Существуют различные способы хранения зерна в зависимости от доступа воздуха: хранение с ограничением вентиляции воздуха осуществляется в силосных башнях (silos); хранение с вентиляцией воздуха осуществляется в житницах/амбарах/зернохранилищах (granaries). В Египте археологически надежно фиксируются только силосные башни. Поэтому модели могли представлять не зернохранилища, а силосные башни (Montonati 2018, 9; Bardoňová 2019, 47–48, 152).

[43] Bardoňová 2019, 152.

[44] Bardoňová 2019, Catalogue ID Iconography 243, 244 (URL: http://giza.fas.harvard.edu/sites/5271/full/; http://giza.fas.harvard.edu/sites/5271/full/; дата обращения: 11.11.2021).

[45] Bardoňová 2019, Catalogue, *passim*. Деревянные модели были обычно связаны с погребениями высшей знати (например, визиря Мекетра в Дейр эль-Бахри или Джхутинахта в Дейр эль-Берше).

времени Раннего – Среднего царства[46]. При этом большинство из них – 92 примера – сделано из дерева и датируется эпохой раннего Среднего царства[47].

Для глиняных моделей в основном характерна полусферическая форма крыши[48]. При этом модели Древнего царства напоминали сосуды с небольшими коническими крышками и дверками, поставленные на круглый поднос. Таким образом, крыши амбаров представляли собой полусферы с остроконечными навершиями. От эпохи Первого Переходного периода и Среднего царства сохранились модели зернохранилищ, состоящих из нескольких силосных башен, окруженных стеной, которые иногда даже называют «домами души». Известны также модели отдельно стоящих силосных башен.

От времени Древнего и Среднего царств сохранилось около 120 изображений зернохранилищ на стенах гробниц, стелах и саркофагах[49]. Значение изображений или моделей зернохранилищ в гробницах / погребениях было связано с идеей обеспечения их владельцев необходимым пропитанием[50].

Между изображениями и моделями зернохранилищ прослеживаются общие черты[51]. Исследователи пытаются также определить, как настоящие зернохранилища, зафиксированные археологически, соответствуют изображениям или моделям[52]. В нашем случае это не столь принципиально, важнее понять, правомерно ли отождествлять купола «дома души» из ГМИИ с зернохранилищем (точнее с силосными башнями).

Как на изображениях, так и на глиняных, деревянных, каменных моделях зернохранилища часто изображались с полусферическими куполами. Но ни на одном из памятников нет заостренных куполов, как у московского «дома души», за исключением весьма необычных керамических моделей амбаров из Хиу, относящихся к концу Древнего царства – Первому Переходному периоду[53]. Это продолговатые керамические пивные кувшины, перевернутые вверх дном и еще до обжига переделанные под модели зернохранилищ с прорезанными прямоугольными дверками в средней части тулова. Таким образом, в силу использования для моделей пивных кувшинов верх таких амбаров имеет коническую форму, весьма близкую форме заостренных куполов «дома души».

Следует обратить внимание, что у куполов «дома души» из ГМИИ нет важного элемента зернохранилищ/силосных башен – специального отверстия для выемки зерна. Три входа «дома души» не могут являться такими отверстиями, судя по

---

[46] Bardoňová 2019, 152. Об изображениях и моделях зернохранилищ см. Tooley 1989, 89–128; Kroenke 2010, 201–219; Bardoňová 2019, 152–246 (в издании приведена подробная библиография по теме).

[47] Bardoňová 2019, 205.

[48] Например, Petrie 1907, pl. XXII; Reisner, Smith 1955, 89, fig. 133, pl. 55f–g (из G 4733E); Tooley 1989, 116–122; Roik 1988, fig. 306; Kroenke 2010, 201–204; Bardoňová 2019, ID Iconography 162, 167–169, 171, 172, 235.

[49] Bardoňová 2019, 152, Catalogue, *passim*.

[50] Bardoňová 2019, 155. Там же см. другие интерпретации.

[51] Bardoňová 2019, 152–246.

[52] Bardoňová 2019, 237–246.

[53] Petrie 1901, pl. XXV.

имеющимся изображениям и моделям житниц[54]. Поэтому интерпретация московского памятника как житницы кажется менее вероятной, чем его отождествление с моделью гробницы или дома, однако полностью исключить ее нельзя.

Купола на московском жертвеннике могли также символизировать хлебаконусы *t3*[55], занимавшие важное место в жертвенной формуле *ḥtp-dj-nswt*. Небольшие модели таких хлебов нередко встречаются на керамических жертвенниках Первого Переходного периода – Среднего царства[56].

2. Диск

Значение декора в виде диска на московском памятнике – налепа круглого куска глины над средним проходом в сооружение – остается неясным. В качестве аналогии можно привести жертвенник из эль-Каба[57] (UC18400, XII династия), однако у последнего налеп не один, а целая серия под крышей и вдоль ограды двора, напоминающая либо торцы бревен перекрытий, либо ряды керамических конусов, уложенные над гробницами Среднего царства, например в Дейр эль-Бахри[58]. Подобный ряд дисков встречается еще на двух жертвенниках из Королевского музея Онтарио (918.32.23; 909.80.565)[59]. Там диски изображены над входом в сооружение (вероятно, часовню). Но изображения одного диска нет не только на глиняных жертвенниках эпохи Первого Переходного периода и Среднего царства, но и в оформлении гробниц этого времени.

Предположение, что здесь может идти речь о солнечном диске, маловероятно. В гробницах Среднего царства встречаются изображения крылатого солнечного диска, но совершенно в другом контексте[60].

---

[54] Ср. керамическую модель зернохранилища из Саламии близ эль-Тода эпохи Первого Переходного периода (Blackman 1920, 206–208, pl. XIX–XX): силосные башни помещены на крыше постройки, при этом у каждой из них имеется отверстие для выемки зерна. Ср. также керамическую модель зернохранилища из Египетского музея Берлина (инв. № ÄMB15090, Roik 1988, fig. 306; авторы статьи выражают благодарность сотруднице Египетского музея и собрания папирусов в Берлине Яне Хельмбольд-Дойе за присланные фотографии памятника): три силосных башни помещены на одном возвышении-платформе (его не совсем верно называют крышей постройки), и каждая из них имеет отдельное отверстие для выемки зерна.

[55] О выпекании конических хлебов *t3* (в узком значении – *ḥtt*/*ḥt3*) в керамических формах-*bḏ3* см. Faltings 1998, 91–92. Авторы выражают благодарность научной сотруднице Отдела Древнего Востока ГМИИ В.В. Смоленковой за консультации.

[56] Slater 1974, 309; Killian 2012, 109.

[57] Quibell 1898, pl. V, *4*.

[58] Winlock 1942, 128, pl. 12. Г. Уинлок предположил, что фриз из таких конусов мог имитировать торцы жердей или бревен крыши.

[59] URL: https://collections.rom.on.ca/objects/497586/ancient-model-of-a-soul-house?ctx=f78d025f-0117-4856-b321-019017651867&idx=1; https://collections.rom.on.ca/objects/189163/ancient-model-of-a-house?ctx=ad52ca1d-520b-4e32-a370-ac267997b5a3&idx=1490; дата обращения: 02.04.2021).

[60] El-Khadragy 2006, 152–153. Авторы статьи выражают благодарность сотруднику Майнцского университета имени Иоганна Гутенберга А.А. Ильину-Томичу за указание на эту работу, а также за предоставленные публикации.

3. Мумиеобразная фигура

Перед входом в постройку помещено изображение мумиеобразной фигуры. Подобные фигуры, встречающиеся на глиняных жертвенниках с моделями домов или гробниц, трактуются по-разному: статуя умершего, его Двойник-*kꜣ* или же «душа»-*bꜣ*[61]. Адресатом жертв в гробницах или, шире, в часовнях/святилищах являлся Двойник-*kꜣ* (статуи, как и другие изображения умершего, являлись его Двойниками), с которым был связан мир надземных помещений гробницы. Концепцию «души»-*bꜣ* относят, как правило, к миру погребальной камеры[62]. Каких-либо письменных указаний на то, кто изображался в «домах души», нет. Если рассматривать «дома души» как жертвенники, то логично предположить, что представленные фигуры являются Двойниками-*kꜣ*, получателями жертвенных даров[63]. Отметим, что достоверных находок в погребальных камерах жертвенников с изображением фигуры владельца не известно[64].

Подтверждением идеи о Двойнике-*kꜣ* может являться жертвенник из Лувра (инв. № E26927) неизвестного происхождения (рис. 5)[65]. Он представляет собой поднос в виде двора или помещения, окруженного стеной. На задней части стены схематически изображена ниша, по центру которой помещена мумиеобразная фигура – явная отсылка к гробничной ложной двери с изображением (возможно, статуей) усопшего. Перед фигурой находится высокий стол, рядом с которым разложены разнообразные жертвы, окруженные линией (возможно, так изображен жертвенник). «Дом души» из Лувра можно трактовать как трехмерное изображение сцены трапезы – центральной сцены оформления древнеегипетских гробниц, – в которой принимает участие Двойник владельца гробницы, его *kꜣ*.

Известно еще несколько «домов души», на которых изображена фигура, сидящая перед жертвенным столиком или же просто перед разложенными жертвами[66]. На ряде глиняных жертвенников, в том числе и на простых подносах, имеются изображения прямоугольных или квадратных сидений, кроватей, которые предназначались, по всей видимости, для умершего[67].

---

[61] Petrie 1907, 15.

[62] О различии миров *kꜣ* и *bꜣ* см. выше.

[63] Ср. немногочисленные надписи на деревянных моделях Среднего царства, в которых говорится об обеспечении жертвами *kꜣ* умершего (Eschenbrenner-Diemer 2017, 181).

[64] Правда, происхождение некоторых памятников не установлено, поэтому нельзя исключать вероятности их находки в погребальных камерах. Модели гробниц с погребальными камерами из Эдфу, на одной из которых изображена лежащая мумиеобразная фигура, следует рассматривать как отдельный тип памятников и не смешивать их с «домами души», см. Niwinski 1975, 109–111, fig. 35; ср. Tooley 1989, 256.

[65] Niwinski 1984, 808; Leclère 2001, fig. 2 (URL: http://cartelfr.louvre.fr/cartelfr/visite?srv=car_not_frame&idNotice=3647&langue=fr; дата обращения: 11.11.2020).

[66] Petrie 1907, 20, pl. XXII (36, 134); Tooley 1989, 265, 274; Mi 2021, 56–58.

[67] Petrie 1900, pl. XIX; 1907, 17, 20; Slater 1974, 308–309; Niwinski 1984, 808; Tooley 1989, 254–293.

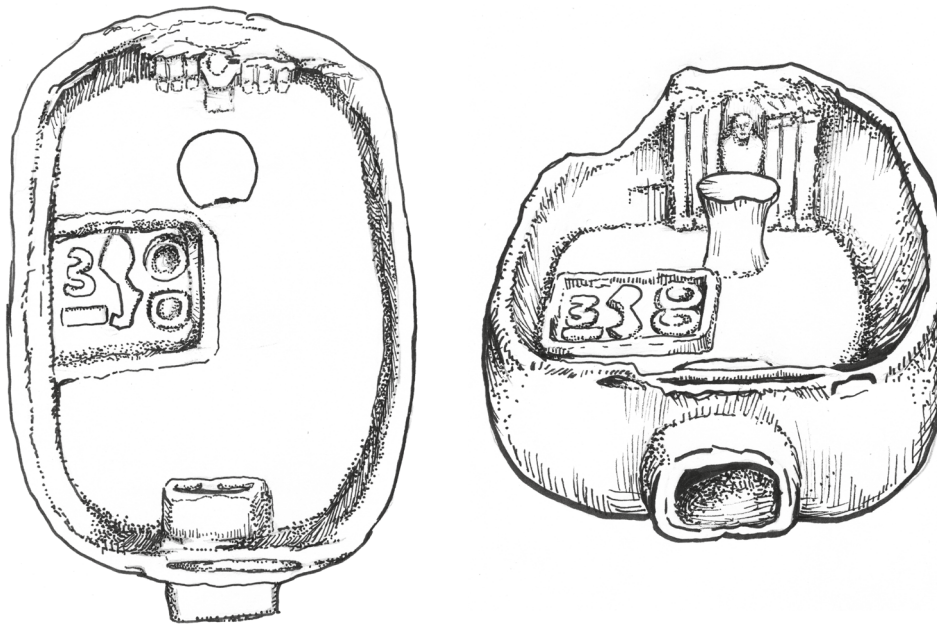


Рис. 5. Керамический жертвенник. *Лувр, Инв. № E26927; рис. Т.П. Удымы*

Помимо фигурки владельца жертвенника, в «домах души» помещались изображения и других лиц – вероятно, домочадцев, прислуги.

В каталоге выставки «Путь к бессмертию» мумиеобразная фигура названа осирической статуей[68]. Этот термин обычно относят к царской скульптуре, тогда как «дома души» – памятники частного характера. Но именно в эпоху Среднего царства появляются мумиеобразные царские и частные статуи/статуэтки[69]. Интересно, что и на деревянных моделях времени второй половины правления Сенусерта I – правления Сенусерта III умерший начинает изображаться именно как мумия или в облегающем плаще[70].

4. Отсутствие изображения жертв и форма стен

В «доме души» из ГМИИ отсутствуют изображения жертвенных даров, хотя, как правило, они присутствуют на подобных памятниках[71]. Их необходимость диктуется назначением глиняных жертвенников.

---

[68] Berlev *et al*. 2002, 77.

[69] О мумиеобразных гробничных статуэтках времени правления конца XII–XIII династий см. Grajetzki, Whelan 2008.

[70] Eschenbrenner-Diemer 2017, 179.

[71] Модели жертв отсутствуют у группы подносов с изображением каналов, см. Niwinski 1975, 88; 1984, 808. О «домах души» без моделей жертв см. Petrie 1907, 18, pl. XVIIIB, *83, 22, 32*, pl. XIX, *32, 66, 43, 79*.

У.М.Ф. Питри, анализируя «дома души» из некрополя Дейр-Рифа, отметил, что дары отсутствуют у жертвенников с моделями домов высокой степени детализации и с высокими стенами[72]. Действительно, «дом души» из ГМИИ также имеет высокие стены, но о проработанности архитектурной модели говорить не приходится[73]. Вслед за У.М.Ф. Питри высказывались суждения, что изображения жертв исчезают в поздний период бытования памятников и что это связано с изменением их назначения – превращением из жертвенников (шире – заменителей часовни, места культа) в модели настоящих домов[74]. Но выше уже отмечалось, что «дома души» никогда не являлись точными копиями или моделями жилых построек, а их главной функцией было поддержание культа владельца. Возможно, что в московском «доме души» моделями жертвенных даров являлись остроконечные купола, олицетворяющие хлеба-*t3*.

5. Стилистический анализ

В завершении стилистического анализа московского «дома души» с осторожностью можно предположить, что он представляет собой модель часовни с двором, окруженным высокой стеной с отверстием-стоком, и с изображением фигуры владельца, точнее, его Двойника. Уникальность «дома души» из ГМИИ можно объяснить характерным для этой группы памятников в целом разнообразием в оформлении, что закономерно для вылепленных вручную глиняных изделий, среди которых не найти точных повторов. Но наличие такого количества нетипичных элементов оформления у одного памятника заставляет особенно внимательно отнестись к вопросу о его подлинности. В данном случае это небезосновательно, тем более что в собрании египетских древностей бывшего владельца «дома души» Роберта де Рустафьелля находилось немало подделок, в том числе и из глины.

РОБЕРТ ДЕ РУСТАФЬЕЛЛЬ И ЕГО КОЛЛЕКЦИЯ

Ныне имя Роберта де Рустафьелля (1856–1943) не слишком известно ученым, хотя в последние годы внимание к его загадочной личности заметно возросло[75]. Памятники из его коллекции хранятся во многих крупных египтоло-

---

[72] Petrie 1907, 18.

[73] В коллекции де Рустафьелля находился еще один весьма необычный «дом души», ныне хранящийся в Лувре (инв. № AF 12920), см. Rustafjaell 1913, pl. XXX (lot 415). «Дом души» из Лувра представляет собой двухэтажное здание с лестницей и двором, окруженным высокой стеной с небольшим отверстием-входом. Никаких жертв или изображений человеческих фигур в этой модели нет.

[74] Vandier 1955, 978; Niwinski 1975, 79.

[75] Личностью Р. де Рустафьелля и судьбой его коллекции в последнее десятилетие активно занимается куратор Хьюстонского музея естественных наук Т. Хардвик, но, к сожалению, результаты его исследования еще не опубликованы. Авторы выражают ему особую благодарность за консультации и предоставленную информацию. Основные и наиболее достоверные сведения о де Рустафьелле см. Bierbrier 2012, 479–480; Ryholt 2014, 173–187; Hagen, Ryholt 2016, 259. Если не оговорено отдельно, далее используется биографическая информация из этих изданий.

гических собраниях: в Британском музее, Всемирном музее Ливерпуля, Музее Фицуильяма в Кембридже, Египетском центре при Университете Суонси, Бристольском Музее и художественной галерее, Национальном музее Шотландии в Эдинбурге, Египетском музее Берлина, Коллекции папирусов Копенгагенского Университета, Музее искусства «Метрополитен», Музее естественной истории Карнеги в Окланде (Питсбург), Художественном музее Уолтерс в Балтиморе, наконец, в ГМИИ, Государственном Эрмитаже и др.

Имеющиеся сведения о биографии Р. де Рустафьелля весьма противоречивы, так как сам коллекционер мифологизировал свою жизнь. По словам египтолога Т. Хардвика, он – «одна из самых странных и загадочных фигур» египтологии конца XIX – начала XX в.; «двоеженец, человек со множеством имен (Роберт Смед/Смит, Фокус-Смит, де Рустафьелль, Роман Орбелиани. – *Е. А.*), постоянно имевший проблемы с законом, собиратель коллекции как ценных, так и не стоящих внимания предметов, включая самые древние в мире картины на холсте и частицу Животворящего Креста, человек-хамелеон, объявлявшийся в самых странных местах»[76].

Информация о коллекции древностей де Рустафьелля столь же противоречива, как и его биография. Первые сведения о его древнеегипетском собрании появляются в 1906 г. Этим же годом датируется первая распродажа египетских памятников аукционным домом Сотби, Уилкинсона и Ходжа в Лондоне (550 лотов). За ней последовала еще одна в 1907 г. (245 лотов)[77]. Следующая серия больших распродаж датируется 1913–1915 гг.: 1913 г. – Лондон (1051 лот)[78]; 1914 г. – Париж (239 лотов)[79]; 1915 г. – Нью-Йорк (745 лотов)[80]. В 1949 г., уже после смерти де Рустафьелля, его дочь организовала распродажу оставшихся вещей из его собрания.

Де Рустафьелль не входил в число ведущих торговцев древностями, но пытался самыми разнообразными способами привлечь внимание возможных покупателей. Он был очень предприимчивой натурой: в Египте основал компанию по продаже памятников древности (Luxor Trading Co.), написал несколько книг по Древнему Египту[81], печатался в газетах, чтобы рекламировать свои памятники. В 1909 г. де Рустафьелль открыл «Музей практической археологии» (Museum of Practical Archaeology), точнее, магазин, на главной улице Луксора, центра торговли древностями[82]. В аукционных каталогах не единожды отмечается уникальность того или иного предмета (так, московский «дом души» назван «замечательной моделью дома»[83]).

---

[76] URL: https://www.classics.pitt.edu/event/not-model-egyptologist-rickety-life-and-times-robert-de-rustafjaell; дата обращения: 11.11.2021. Известно, что он жил / бывал в Англии, Швеции, России, Грузии, Турции, Греции, США, Египте.

[77] Rustafjaell 1907b (издание осталось нам недоступно).

[78] Rustafjaell 1913.

[79] Rustafjaell 1914a.

[80] Rustafjaell 1915a; 1915b.

[81] Rustafjaell 1907a; 1909.

[82] Voss 2014, 57; Hagen, Ryholt 2016, 259.

[83] Rustafjaell 1913, 36.

Уже современники отмечали, что в собрании де Рустафьелля находилось большое количество фальшивых памятников. Известный египтолог Людвиг Борхардт в своем сообщении комиссии Большого Берлинского Словаря о древнеегипетских подделках пишет следующее о «Музее практической археологии»: «Там собрано вместе огромное количество подделок всякого рода. К чести его (де Рустафьелля. – *Е. А.*) мне хотелось бы думать, что он этого не знает»[84]. В начале XX в. в Египте с ростом числа путешественников из Европы и Америки и возросшим спросом на египетские древности значительно увеличилось производство подделок[85]. Конечно, нельзя исключать того, что сам де Рустафьелль был связан с их изготовлением, но прямых подтверждений этому нет[86].

Среди сомнительных вещей из коллекции де Рустафьелля особенно выделяются предметы из глины: это додинастические сосуды с современной росписью[87], «удивительные по реализму статуэтки архаической эпохи» (статуя сидящего мужчины[88], статуя человека с головой собаки[89], женские статуэтки[90]), сосуд с помещенной в нем фигурой мужчины[91], глиняная модель лодки[92]. Подделкой оказался и глиняный гроб, купленный Музеем изящных искусств в 1913 г. вместе с «домом души»[93].

Что касается глиняных подносов и «домов души» эпохи Первого Переходного периода и Среднего царства из коллекции де Рустафьелля, то каких-либо сведений о том, что среди них есть подделки, в литературе нет. Правда, еще У.М.Ф. Питри неоднократно жаловался на большое количество качественных новоделов среди наиболее детально проработанных «домов души»[94]. Глиняные жертвенники было легко подделать из-за дешевизны материала, относительно несложной формы, разнообразия вариантов, а также из-за «примитивности» стиля. Но выявить фальшивые памятники по иконографическим признакам непросто как раз из-за отсутствия строгого канона, по которому создавались оригиналы[95].

---

[84] Voss 2014, 57.
[85] О подделках древнеегипетских памятников см. Fiechter 2005.
[86] Подробнее см. Anokhina *et al.* 2020, 22–23.
[87] Brunton 1934; Askamit 2001, 59; Hendrickx 2002, 30, n. 2.
[88] Rustafjaell 1914b, 31; 1915a, pl. 1, 18–19; 1915b, 100 (lot 713).
[89] Rustafjaell 1914b, 31; 1915a, pl. 1, 19.
[90] Rustafjaell 1914b, 31; 1915a, pl. 1, 20–21.
[91] Rustafjaell 1913, pl. XXV (lot 295).
[92] Rustafjaell 1913, pl. XXXII (lot 420).
[93] См. Anokhina *et al.* 2020, 31–37.
[94] Petrie 1900, 26; 1907, 14.
[95] Интересно, что у керамической модели коптской часовни или дома из коллекции де Рустафьелля, выставленной на аукционе в 1913 г. вместе с «домом души», имеются купола, очень схожие с куполами жертвенника: Rustafjaell 1913, 37, pl. XXXI (lot 418).

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ И ТЕРМОЛЮМИНЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗЫ КЕРАМИЧЕСКОГО ЖЕРТВЕННИКА ИЗ ГМИИ

Для определения подлинности «дома души» из ГМИИ были проведены дополнительные исследования – технологический и термолюминесцентный анализы глины, из которой изготовлен жертвенник[96].

Технологический анализ «дома души» показал, что его формовка среднего качества, местами видны углубления от пальцев. В куполах вылепленного здания острым уплощенным предметом сделаны технологические отверстия для улучшения равномерности прокаливания при обжиге. Проходы в здание прорезаны острым предметом. Диск выполнен в технике налепного декора. Мумиеобразная фигура перед входом, вероятно, вылеплена отдельно и затем налеплена на здание. Внешняя поверхность «дома души» заглажена снаружи и частично внутри. Все элементы «дома души» изготовлены и обожжены единовременно.

При изготовлении памятника использовалась мергельная среднегрубая среднеплотная глина светло-оранжевато-коричневого цвета (2.5YR5/4, 5YR6/6) с большим количеством растительных частиц, средним количеством известняка, небольшой примесью кварцевого песка, редкими включениями золотистой слюды и красного и коричневого мелкого шамота. Глина схожа с типом глины Marl C[97], являвшейся одной из популярных гончарных глин в эпоху Среднего царства и Второго Переходного периода, добывавшейся в Дельте и в Мемфисско-Фаюмской области[98]. Сосуды из этой глины находят по всему Египту, а также в Нубии[99]. Т.е. предмет сделан из характерной для времени Среднего царства глины, что не противоречит его датировке, используемой в настоящее время.

Данные, полученные при технологическом анализе памятника, удалось подтвердить и термолюминесцентным анализом образца глины, взятого с днища жертвенника. Анализ был проведен в сентябре 2019 г. в Отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа на приборе Daybreak-1100; аналитик – заместитель заведующего Отделом научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа С.В. Хаврин[100]. Результаты анализа показали, что запас энергии ионизирующего излучения, накопленный после обжига «дома души», соответствует возрасту приблизительно 2000–3500 лет. Таким

---

[96] О технологическом изучении древнеегипетских керамических изделий из коллекции ГМИИ, в том числе «дома души», см. экскурс С.Е. Малых в брошюре Anokhina *et al.* 2020, 38–43.

[97] Arnold, Bourriau 1993, 179–180.

[98] Nordström 1986, 633; Arnold, Bourriau 1993, 180; Bourriau *et al.* 2000, 131–132.

[99] Arnold, Bourriau 1993, 61, 180.

[100] Авторы статьи выражают благодарность заведующему Отделом научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа А.И. Косолапову и заместителю заведующего Отделом научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа С.В. Хаврину за возможность провести термолюминесцентный анализ «дома души». Авторы также выражают благодарность заведующему мастерской технико-технологических исследований ГМИИ Ю.В. Питере и художнику-реставратору ГМИИ В.И. Черемхину за содействие при проведении анализа.

образом, «дом души» из ГМИИ не может быть подделкой времен де Рустафьелля. Несмотря на высокую погрешность метода термолюминесцентного анализа при датировании музейных артефактов, его результаты не противоречат принятой датировке глиняного жертвенника эпохой Первого Переходного периода и Среднего царства[101].

В заключение следует добавить, что в научной литературе практически нет описаний глины, из которой были изготовлены жертвенники[102]. В том числе это относится к музейным памятникам, происхождение которых во многих случаях неизвестно. Достоверные находки глиняных жертвенников севернее Фаюмской области не встречаются, при этом «дома души» пока не зафиксированы севернее Бени Хасана[103]. Таким образом, московский памятник дополняет немногочисленный корпус мемфисско-фаюмских жертвенников, являясь одним из самых северных «домов души». Возможно, именно такое происхождение памятника объясняет отсутствие у него стилистических аналогий с другими предметами этого типа.

Литература / References

Anokhina, E.A., Malykh, S.E., Mednikova, M.B., Orfinskaya, O.V. 2020: *Glinyanyy grobik s mumiey iz sobraniya GMII im. A.S. Pushkina: opyt kompleksnogo issledovaniya* [*Clay Coffin with a Mummy from the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts: Attempt of Comprehensive Research*]. Moscow–Saint Petersburg.

Анохина, Е.А., Малых, С.Е., Медникова, М.Б., Орфинская, О.В. *Глиняный гробик с мумией из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина: Опыт комплексного исследования*. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 188. Сер. II: Исторические исследования, 123). М. – СПб.

Arnold, Do. 2005: The architecture of Meketre's slaughterhouse and other early twelfth dynasty wooden models. In: P. Jánosi (ed.), *Structure and Significance: Thoughts on Ancient Egyptian Architecture*. Wien, 1–75.

Arnold, Do., Bourriau, J. 1993: *An Introduction to Ancient Egyptian Pottery*. Mainz am Rhein.

Askamit, J. 2001: False Egyptian predynastic antiquities – a question of methodology. In: J. Miziolek (ed.), *Falsifications in Polish Collections and Abroad*. Warsaw, 51–60.

Bardoňová, M. 2019: *Grain Storage in Ancient Egypt (2600–1650 BC). Typology and Socio-Economic Implications*. PhD Diss. Prague.

Berlev, O.D., Vasil'eva, O.A., Dyuzheva, O.P., Lechitskaya, O.V., Rubinshteyn, R.I., Savel'ev, Yu.A., Smolenkova, V.V., Hodzhash, S.I., Shurinova, R.D. 2002: *Put' k bessmertiyu. Pamyatniki drevneegipetskogo iskusstva v sobranii Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Pushkina. Katalog vystavki* [*The Way to Immortality. Monuments of Ancient Egypt Art from the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts. Catalogue of the Exhibition*]. Moscow.

Берлев, О.Д., Васильева, О.А., Дюжева, О.П., Лечицкая, О.В., Рубенштейн, Р.И., Савельев, Ю.А., Смоленкова, В.В., Ходжаш, С.И., Шуринова, Р.Д. *Путь к бессмертию. Памятники древнеегипетского искусства в собрании Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Каталог выставки*. М.

Bierbrier, M.L. 2012: *Who Was Who in Egyptology*. London.

Blackman, A.M. 1920: A painted pottery model of a granary in the collection of the late Jeremiah James Colman, Esq. of Carrow House, Norwich. *The Journal of Egyptian Archaeology* 6 (3), 206–208.

---

[101] Об использовании термолюминесцентного анализа для датирования древнеегипетских памятников, в том числе о возможных погрешностях при его проведении, см. Payne *et al.* 1977; Goedicke 2006; Hood, Schwenninger 2016.

[102] См. Niwinski 1981, 103–107; Kilian 2012, 106; 2016, 173.

[103] Spence 2011, 895. См. выше, прим. 13.

Bolshakov, A.O. 1985: (Rev.) M. Mostafa. Untersuchungen zu Opfertafeln im Alten Reich]. *Epigrafika Vostoka* [*Oriental Epigraphy*] 23, 102–103.
Большаков, А.О. (Рец.) M. Mostafa. Untersuchungen zu Opfertafeln im Alten Reich. *Эпиграфика Востока* 23, 102–103.
Bolshakov, A.O. 2001a: Offering tables. In: D.B. Redford (ed.), *The Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt*. Oxford, 572–576.
Bolshakov, A.O. 2001b: *Chelovek i ego Dvoynik. Izobrazitel'nost' i mirovozzrenie v Egipte Starogo tsarstva* [*Man and His Double: Artistic Representation and Mentality in the Old Kingdom Egypt*]. Saint Petersburg.
Большаков, А.О. *Человек и его Двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства*. СПб.
Bourriau, J., Nicholson, P.T., Rose, P. 2000: The pottery. In: P.T. Nicholson, I. Shaw (eds.), *Ancient Egyptian Materials and Technology*. Cambridge, 121–147.
Brunton, G. 1934: Modern paintings on predynastic pots. *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte* 34, 149–156.
Demidchik, A.E. 2013: [Written evidence of the continuity of the *kꜣ*-concept with the notion of *twt*, 'image', 'statue']. In: A.O. Bolshakov (ed.), *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2011–2012* [*St. Petersburg Egyptological Readings 2011–2012*]. Saint Petersburg, 68–74.
Демидчик, А.Е. Письменные свидетельства смежности концепта *kꜣ* и понятия *twt* 'изображение'. В сб.: А.О. Большаков (ред.), *Петербургские египтологические чтения 2011–2012.* (ТГЭ, 66). СПб., 68–74.
Demidchik, A.E. 2015: Eleventh dynasty written evidence on the relationship between the *kꜣ* and the cult image. *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde* 142 (1), 25–32.
Edel, E. 2008: *Die Felsgräbernekropole der Qubbet el Hawa bei Assuan*. Paderborn–München–Wien–Zürich.
El-Khadragy, M. 2006: The northern soldiers-tomb at Asyut. *Studien zur Altägyptischen Kultur 35*, 147–164.
Eschenbrenner-Diemer, G. 2017: From the workshop to the grave: The case of wooden funerary models. In: G. Miniaci, M. Betrò, S. Quirke (eds.), *Company of Images. Modelling the Imaginary World of Middle Kingdom Egypt (2000–1500 BC)*. Leuven–Paris–Bristol, 133–191.
Faltings, D. 1998: *Die Keramik der Lebensmittelproduktion im Alten Reich. Ikonographie und Archäologie eines Gebrauchsartikels*. Heidelberg.
Fiechter, J.-J. 2005: *Faux et Faussaires en Art égyptien*. (MonAeg, 11). Turnhout.
Goedicke, C. 2006: Luminescence dating of Egyptian artefacts. In: E. Hornung, R. Krauss, D. Warburton (eds.), *Ancient Egyptian Chronology*. Leiden–Boston, 356–360.
Grajetzki, W., Whelan, P. 2008: The mummiform figure of Senankh from Abydos. *Studien zur Altägyptischen Kultur* 37, 125–130.
Hagen, F., Ryholt, K. 2016: *The Antiquities Trade in Egypt 1880–1930. The H.O. Lange Papers*. (Sci. Dan.H., 4/8). Copenhagen.
Hendrickx, S. 2002: Checklist of predynastic "decorated" pottery with human figuration. *Cahiers Caribéens d'Égyptologie* 3–4, 29–50
Hood, A.G.E., Schwenninger, J.-L. 2016: Optically stimulated luminescence (OSL) dating and its application to ancient Egyptian ceramics in the 21st century. In: B. Bader, C.M. Knoblauch, E.C. Köhker (eds.), *Vienna 2 – Ancient Egyptian Ceramics in the 21st Century*. (OLA, 245). Leuven, Paris, Bristol, 287–298.
Ivanov, S.V. 2019 [To the question of ceramic offering trays from Memphis]. *Egipet i sopredel'nye strany* [*Egypt and Neighbouring Countries*] 3, 32–41.
Иванов, С.В. К вопросу о керамических жертвенниках из Мемфиса. *Египет и сопредельные страны* 3, 32–41.
Junker, H. 1951: *Giza X. Der Friedhof südlich der Cheopspyramide. Westteil*. Wien.
Kilian, A. 2012: Pottery offering trays: General observations and new Material from Asyut. In: J. Kahl, M. El-Khadragy, U. Verhoeven, A. Kilian (eds.), *Seven Seasons at Syut. First Results of the Egyptian-German Cooperation in Archaeological Fieldwork*. Wiesbaden, 105–118.
Kilian, A. 2016: Offering trays. In: J. Kahl, N. Deppe, D. Goldsmith, A. Kilian, Ch. Kitagawa, J. Moje, M. Zöller-Engelhardt, *Asyut, Tomb III: Objects*. Wiesbaden, 173–195.
Kroenke, K.R. 2010: *The Provincial Cemeteries of Naga ed-Deir: A Comprehensive Study of Tomb Models Dating from the Late Old Kingdom to the Late Middle Kingdom*. PhD Diss. Berkeley.

Kuentz, Ch. 1981: Bassins et tables d'offfrandes. *Le Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale* 81, 243–282.
Leclère, Fr. 2001: Les 'maisons d'ame' egyptiennes: une tentative mise au point. In: B. Muller (ed.), "*Maquettes architecturales" de l'Antiquité*. Paris, 99–121.
López Grande, M.J. 2011: Field notes from Dra Abu el-Naga on the First Intermediate Period / Early Middle Kingdom pottery. In: D. Aston, B. Bader, C. Gallorini, P. Nicholson, S. Buckingham (eds.), *Under the Potter's Tree. Studies on Ancient Egypt Presented to Janine Bourriau on the Occasion of her 70th Birthday*. Leuven–Paris–Walpole, 575–602.
Malykh, S. 2010: *Egyptian Votive Pottery of the Old Kingdom*. Moscow.
Малых, С.Е. *Вотивная керамика Египта эпохи Древнего царства*. М.
Mi, F. 2020: Ceramic offering trays in the Museo Egizio, Turin. Establishing typologies and locating unprovenanced specimens. *Rivista del Museo Egizio* 4, 94–121.
Mi, F. 2021: Architectural models of ancient Egypt: The soul houses of the Rijksmuseum van Oudheden. In: M. Arranz Cárcamo, R. Sánchez Casado, A. Planelles Orozco, S. Alarcón Robledo, J. Ortiz García, P. Mora Riudavets (eds.), *Current Research in Egyptology 2019*. Oxford, 47–77.
Minault-Gout, A. 1980: Rapport préliminaire sur les première et seconde campagnes de fouilles du mastaba II à Balat (oasis de Dakhleh), 1979–1980. *Le Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale* 80, 271–286.
Mond, R., Myers, O. 1937: *Cemeteries of Armant*. Vol. I. *The Plates*. London.
Montonati, T. 2018: Two ancient Egyptian models in the historical photographic archive of the Museo Egizio, Turin. *Rivista del Museo Egizio* 2, 1–18.
Niwinski, A. 1975: Plateaux d'offrandes et „maisons d'âmes". Genèse, évolution et fonction dans le culte des morts au temps de la XIIe dynastie. *Études et Travaux* 8, 74–112.
Niwinski, A. 1981: "Domki dusz" i tace ofiarne z Edfu w zbiorach Muzeum Narodowego w Warszawie. *Rocznik Museum Narodowego w Warszawie 25*, 65–108.
Niwinski, A. 1984: Seelenhaus. In: W. Helck, E. Otto (eds.), *Lexikon der Ägyptologie*. Bd.V. Wiesbaden, 806–813.
Nordström, H.-Å. 1986: Ton (clay). In: W. Helck, E. Otto (eds.), *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. VI. Wiesbaden, 629–634.
Payne, C.J., Kaczmarczyk, A., Fleming, S.J. 1977: Forged decoration on predynastic pots. *The Journal of Egyptian Archaeology* 63, 5–12.
Peet, T.E., Loat, W.L.S. 1913: *The Cemeteries of Abydos*. Vol. III. *1912–1913*. London.
Petrie, W.M.F. 1890: *Kahun, Gurob and Hawara*. London.
Petrie, W.M.F. 1891: *Illahun, Kahun and Gurob*. London.
Petrie, W.M.F. 1900: *Dendereh, 1898*. London.
Petrie, W.M.F. 1901: *Diospolis Parva. The Cemeteries of Abadiyeh and Hu. 1898–1899*. London.
Petrie, W.M.F. 1907: *Gizeh and Rifeh*. London.
Petrie, W.M.F., Quibell, J.E. 1896*: Naqada and Ballas. 1895*. London.
Picardo, N. 2014: Houses, soul houses, and offering trays: The lives of mortuary objects before the cemetery. In: *65th Annual Meeting of the American Research Center in Egypt*. San Antonio, 67–68.
Quibell, J.E. 1898: *El Kab*. London.
Reisner, G.A., Smith, W.S. 1955: *A History of the Giza Necropolis. The Tomb of Hetep-Heres the Mother of Cheops*. Vol. II. Cambridge.
Roik, E. 1988: *Das Altägyptische Wohnhaus und seine Darstellung im Flachbild*. Frankfurt am Main–Bern–New York–Paris.
Rustafjaell, R. de 1907a: *Palaeolithic Vessels of Egypt*. London.
Rustafjaell, R. de 1907b: *Catalogue of a Collection of Antiquities from Egypt, Comprising Palaeolithic and Neolithic Implements, Some Very Remarkable and Unique Water Receptacles, Pottery, Being the Second Portion of the Collection of Robert de Rustafjaell*. London.
Rustafjaell, R. de 1909: *The Light of Egypt*. London.
Rustafjaell, R. de 1913: *Catalogue of the Remaining Part of the Valuable Collection of Egyptian Antiquities Formed by Robert de Rustafjaell, esq. Sotheby, Wilkinson & Hodge, 20–24 Jan. 1913*. London.
Rustafjaell, R. de 1914a: *Antiquités d'Égypte Prédynastiques, Romaines et Chrétiennes*. Paris.
Rustafjaell, R. de 1914b: *Stone Age in Egypt*. New York.
Rustafjaell, R. de 1915a: *Photographs of an Egyptian Collection Illustrated in 37 Plates*. New York.

Rustafjaell, R. de 1915b: *Catalogue of the Interesting and Valuable Egyptian Collection Formed by Mr. Robert de Rustafjaell, Fellow of the Royal Geographical Society*. New York.

Ryholt, K. 2014: A Greek-demotic temple archive from Edfu dating to the reign of Ptolemy VIII. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 190, 173–187.

Slater, R.A. 1974: *The Archaeology of Dendereh in the First Intermediate Period*. PhD Diss. Philadelphia.

Spence, K. 2011: Air, comfort and status: Interpreting the domestic features of "Soul houses" from Rifa. In: D. Aston, B. Bader, C. Gallorini, P. Nicholson (eds.), *Under the Potter's Tree. Studies on Ancient Egypt Presented to Janine Bourriau on the Occasion of her 70th Birthday*. Leuven–Paris–Walpole, 895–913.

Tooley, A.M.J. 1989: *Middle Kingdom Burial Customs. A Study on Wooden Models and Related Material*. Liverpool.

Turaev, B., Mal'mberg, V., Shcherbakov, N. 1914: *Muzey izyashchnykh iskusstv imperatora Aleksandra III v Moskve. Kratkiy illyustrirovannyy putevoditel'*. Ch.I. *Egipet, Vavilono-Assiriya, Gretsiya, Rim* [*Museum of Fine Arts of Emperor Alexander III in Moscow. A Brief Illustrated Guide*. Pt.I. *Egypt, Babylon-Assyria, Greece, Rome*]. Moscow.

Тураев, Б., Мальмберг, В., Щербаков, Н. *Музей изящных искусств императора Александра III в Москве. Краткий иллюстрированный путеводитель*. Ч.I. *Египет, Вавилоно-Ассирия, Греция, Рим*. М.

Vandier, J. 1955: *Manuel d'Archéologie égyptienne*. T. II, 2. Paris.

Voss, S. 2014: Ludwig Borchardts Berichte über Fälschungen im ägyptischen Antikenhandel von 1899 bis 1914: Aufkommen, Methoden, Techniken, Spezialisierungen und Vertrieb. In: M. Fitzenreiter (ed.), *Authentizität. Artefakt und Versprechen in der Archäologie*. (IBAES XV). London, 51–59.

Winlock, H.E. 1942: *Excavations at Deir el Bahri: 1911–1931*. New York.

Vestnik drevney istorii
81/4 (2021), 981–1014
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/4 (2021), 981–1014
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910011546-3

НОВЫЕ БРОНЗОВЫЕ МОНЕТЫ ГОСУДАРСТВА СЕЛЕВКИДОВ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Е. В. Захаров[1], С. В. Смирнов[2]

[1] *Государственный исторический музей, Москва, Россия*
[2] *Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия*

[1] *E-mail*: zakharov.evg@gmail.com [2] *E-mail*: smirnovSv3@yandex.ru

[1] *ORCID*: 0000-0001-5530-2231 [2] *ORCID*: 0000-0002-9205-9493

Статья представляет собой третью и заключительную часть каталога монет государства Селевкидов из собрания Отдела нумизматики Государственного исторического музея. В статье публикуются 140 экземпляров, включая редкие и уникальные монетные типы.

Ключевые слова: Селевкиды, нумизматика, эллинизм, Государственный исторический музей, иконография

NEW SELEUKID BRONZES FROM THE COLLECTION OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM

Evgeniy V. Zakharov[1], Svyatoslav V. Smirnov[2]

[1] *State Historical Museum, Moscow, Russia*
[2] *Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

[1] *E-mail*: zakharov.evg@gmail.com [2] *E-mail*: smirnovSv3@yandex.ru

[2] *Acknowledgments*: Russian Science Foundation № 19-78-00043

The present paper is the third and final part of the catalogue of Seleukid coins from the collection of the State Historical Museum (Moscow). It provides a publication of 140 items, including some rare and unrecorded coin issues.

Keywords: Seleukids, numismatics, Hellenism, State Historical Museum, iconography

Данные об авторах. Евгений Вячеславович Захаров – старший научный сотрудник отдела нумизматики ГИМ; Святослав Викторович Смирнов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН.

Исследование С.В. Смирнова (каталог) выполнено в рамках проекта РНФ № 19-78-00043.

В рамках проекта публикации каталога монет государства Селевкидов из российских музейных собраний в 2020 г. была проведена завершающая часть работы с дублетным фондом Отдела нумизматики Государственного исторического музея. Итогом стало определение 140 селевкидских бронзовых монет[1], среди которых было выявлено несколько уникальных экземпляров, относящихся к ранее неизвестным монетным выпускам. Всего за три года работы с собранием были изучены 337 монет государства Селевкидов (одна золотая, 106 серебряных и 230 бронзовых), уточнена их атрибуция и метрологические параметры. В результате удалось определить семь экземпляров, относящихся к ранее неизвестным монетным выпускам. В данной работе публикуется третья и завершающая часть каталога монет государства Селевкидов из собрания Отдела нумизматики Государственного исторического музея, которая включает 140 ранее неопубликованных монет.

Большая часть публикуемых монет происходит из довоенного собрания Государственного исторического музея, созданного в несколько этапов в ходе формирования музейной коллекции в конце XIX – начале XX в. и в 1920–1930-е годы в процессе перераспределения национализированных частных коллекций и фондов непрофильных или региональных музеев. В этот период А.В. Орешниковым (1855–1933) была заложена основа систематической коллекции античных монет музея. Все новые поступления и коллекции объединялись в ней по территориальному и хронологическому принципу, часто без указания источника поступления. Поэтому после погашения старых инвентарных номеров в середине 1950-х годов информация об их происхождении была утеряна. Также сегодня ничего не известно об источниках формирования большой коллекции монет, переданной в музей из «комиссии по приему и выдаче ценностей», в составе которой присутствуют и 15 бронзовых селевкидских монет (№ 4, 11, 34, 51, 56, 58, 66, 67, 69, 79, 114, 130, 133, 136, 137).

Иначе обстоит дело с историей музейных поступлений второй половины XX в. Все они зафиксированы в ныне действующих инвентарных книгах музея, поэтому история происхождения многих монет известна. Уже в конце 1956 г. Государственный исторический музей приобрел коллекцию монет В.С. Кондрашева, в которую, помимо монет античных государств Северного Причерноморья и некоторых древнегреческих полисов, входили и две бронзовые монеты государства Селевкидов (№ 77, 86). Скорее всего, монеты были приобретены владельцем из разных источников, поэтому выяснить историю их происхождения пока невозможно.

Лучше известна история поступления десяти селевкидских монет в составе коллекции, переданной в музей С.С. Ермиловым (№ 55, 64, 65, 89, 112, 113, 120, 122, 124, 129). По его сведениям, монеты были обнаружены в 1961 г. в Египте, в пустыне в 50 километрах от Порт-Саида.

Монетное дело **Селевка I** (312–281) представлено девятью экземплярами. Шесть из них были отчеканены на монетном дворе Антиохии на Оронте, а три в Селевкии на Тигре. Все представленные экземпляры относятся к хорошо

[1] См. табл. I–VIII. Номера иллюстраций соответствуют номерам монет в каталоге.

известным монетным типам: № 1–5, 7 к типу «Медуза/бык», № 6 – «Аполлон/Афина Промахос», № 8 – «Аполлон/бык», № 9 – «рогатая лошадь/якорь». Всего в собрании ГИМ находится 37 монет Селевка I, из них – одна золотая[2], 23 серебряных и 13 бронзовых. Из представленных монет **Антиоха I** (281–261; № 10–24) № 10 относится к продукции монетного двора Тарса, № 11–14 – Антиохии на Оронте, № 15 – Селевкии на Тигре, № 16–22 – Экбатан, № 23–24 – Ай-Ханума[3]. Экземпляр из Тарса (монетный тип «голова Афины/шапки Диоскуров») вызывает наибольший интерес, поскольку относится к ранее неизвестному монетному выпуску, о чем свидетельствует монограмма Λ, ранее не зафиксированная для монетных выпусков Тарса. Судя по метрологическим данным, а также отсутствию дополнительных дифферентов, наиболее близким монетным типом является *SC* 332.3. Остальные экземпляры, несмотря на то что монетные типы, к которым они относятся, хорошо известны и описаны, также не должны остаться без внимания. Так, большинство экземпляров монетной серии, к которой относится № 13 (тип «голова Аполлона/треножник»), имеет надчеканку с изображением якоря – династического символа Селевкидов, в то время как публикуемый экземпляр не имеет надчеканок. Экземпляры № 19–21 относятся к одному из самых мелких бронзовых номиналов, выпускавшихся при Антиохе I,– тип «голова Антиоха/кифара». Монеты № 23–24 являются редкими для коллекции ГИМ экземплярами производства монетного двора Ай-Ханума.

Из трех монет **Антиоха II** (261–246) две (№ 25–26) относятся к типу «голова Аполлона/треножник» (*SC* 522–523) – наиболее распространенному типу бронзовых монет, чеканившихся в Сардах. Третья монета (№ 27) типа «голова Аполлона/Афина» (*SC* 588) относится к чеканке Селевкии на Тигре. Монетное дело **Селевка II** (246–225) представлено пятью монетами (№ 28–33). Монета № 28 относится к производству так называемого «монетного двора ⏃», чья продукция типологически близка выпускам Антиохии на Оронте. Этот монетный двор, функционировавший лишь при двух селевкидских царях Селевке II и Антиохе III, располагался поблизости от столицы и использовался в экстренных случаях. Иконография бронзовых выпусков, изобилующая военными мотивами, сценами триумфа и династической символикой, а также применение египетской технологии изготовления заготовок для бронзовых монет, по всей вероятности, свидетельствуют о функционировании этого монетного двора только в периоды конфликтов с державой Птолемеев, происходивших на территории Сирии в 246 и 219 гг. до н.э. Публикуемый экземпляр относится к монетному типу «Афина/Ника» (*SC* 713) и демонстрирует традиционный для раннеэллинистической иконографии викториальный мотив, использовавшийся еще на монетах Александра. Монета № 29 была отчеканена на монетном дворе Нисибиса и относится к типу «Диоскуры/голова слона» (*SC* 753). Экземпляры № 30–32

---

[2] Данный экземпляр был опубликован Н.А. Фроловой (Frolova 2010, 16, № 26).

[3] Подробнее о бронзовых выпусках Ай-Ханума см. Kritt 1996, pl. IV, *1*; IV, *6*; Kritt 2016, 96–97 – type 9 и type 10. Примечательно, что семь монет типа «Афина/Ника», к которому относится № 23, были обнаружены в ходе недавних раскопок крепости Узундара в Узбекистане (см. Gorin, Dvurechenskaya 2018, 4–10).

представляют собой продукцию монетного двора Экбатан. Так же как и бронзовые выпуски монетного двора ΕΛ, выпуски Экбатан имеют характерную военную и триумфальную иконографию, в данном случае приуроченную к военной кампании Селевка II на востоке. Одним из наиболее характерных для такой иконографической линии сюжетов является портрет Селевка II с бородой (№ 30). Изображение селевкидского правителя с бородой – уникальный художественный прием, символизировавший ритуальный обет, данный правителем перед каким-то важным и значимым событием. В случае с Селевком II принято считать, что речь идет об обете, данном царем перед началом войны с Парфией.

Относительно большое количество публикуемых монет (семь экземпляров) относятся к монетному делу **Селевка III** (225–223). Шесть из них (№ 33–38) были отчеканены в Антиохии, а одна монета (№ 39) – в Экбатанах. Все они относятся к хорошо известным монетным типам. Стоит обратить внимание, что всего в коллекции ГИМ хранится десять монет Селевка III, включая публикуемые. Уникальной является монета селевкидского узурпатора **Молона** (223–220), поднявшего в 223 году до н.э. восстание в «верхних сатрапиях» против молодого царя Антиоха III. Монеты Молона чрезвычайно редки, что, вероятно, обусловлено двумя причинами: во-первых, небольшим объемом их выпуска и, во-вторых, перечеканкой монет узурпатора после его свержения. Так, на сегодняшний день известна лишь одна тетрадрахма Молона[4], а также два типа бронзовых монет. Публикуемый экземпляр № 40 относится к типу «Аполлон/Ника», который чеканился на монетном дворе Экбатан (*SC* 951). Несмотря на плохую сохранность, видно, что изображение стилистически очень близко экземпляру из Национальной библиотеки Франции[5]. Однако, несмотря на типологическую идентичность публикуемого экземпляра известным монетам данной серии, все же монета № 40 имеет одно существенное отличие – более низкий вес и меньший диаметр монетного кружка. Вес всех известных монет Молона данной серии колеблется в пределах от 3,6 до 6,05 г, а диаметр монетного кружка – в пределах от 15 до 18 мм. Представленный экземпляр же весит 2,33 г, диаметр монетного кружка составляет 12–13 мм, что позволяет отнести его к другой метрологической категории, т.е. другому (более мелкому) номиналу. Стоит заметить, что в правление Антиоха III в Экбатанах чеканились бронзовые монеты различных номиналов. Анализ метрологических категорий показывает, что если известные монеты Молона относятся к более крупному бронзовому номиналу (по классификации А. Хутона и К. Лорбер – denomination C), то публикуемый экземпляр является образцом серии более мелких бронзовых номиналов (по классификации А. Хутона и К. Лорбер – denomination D).

Монеты **Антиоха III** (223–187) представлены тринадцатью экземплярами (№ 41–53). Два из них были выпущены на монетном дворе Тира: типы «Антиох/

[4] Этот уникальный экземпляр хранится в собрании археологического музея университета Мюнстера (инв. № LM2). Изображение оборотной стороны представляет собой весьма распространенный для ранних Селевкидов сюжет – Ника, венчающая трофей.

[5] Информация о монете имеется в открытой базе данных Национальной библиотеки Франции; URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b11318410q; дата обращения: 08.09.2021.

пальма» (№ 41) и «Антиох/нос корабля» (№ 42). Экземпляр № 43 относится к продукции так называемого неизвестного монетного двора 62, работа которого, судя по техническим особенностям изготовления монетных кружков, была связана с сирийскими монетными дворами Птолемеев, которые после 198 г. до н.э. перешли под власть Селевкидов, впрочем, сохранив некоторые особенности технологии монетного производства. Экземпляры № 44–45 были отчеканены на монетном дворе Селевкии на Тигре. Бронзовые выпуски Антиоха III в Селевкии можно распределить на двадцать монетных типов. Иконография этих выпусков является отражением царской пропаганды, связанной с кампаниями Антиоха III на востоке. Представленные в публикации монеты относятся к двум типам «Антиох/слон» (*SC* 1191) и «Аполлон стоя» (*SC* 1185). Первый из них является одним из наиболее популярных символов восточных походов среди царей династии Селевкидов, а второй – представляет собой распространенный вариант изображения божества-покровителя династии, т.е. Аполлона.

Большой интерес представляют экземпляры № 46–50, отчеканенные на монетном дворе Экбатан. Бронзовые выпуски Антиоха III из Экбатан характеризуются чеканкой серии крупных номиналов, нетипичных для монетного дела Селевкидов. Так, при Антиохе III были отчеканены шесть серий бронзовых монет, каждая из которых подразделялась на несколько метрологических категорий, соответствовавших различным номиналам, включая наиболее крупные. К этим сериям стоит добавить еще три бронзовые серии, которые не имели крупных номиналов, но, тем не менее, также подразделялись на несколько метрологических категорий. Несомненно, такое четкое метрологическое деление внутри каждой монетной серии, а также полное соответствие метрологических категорий различных серий представляет собой строгую систему номиналов, введенную, по всей вероятности, именно при Антиохе III[6]. Таким образом, к каждой серии бронзовых монет, которая характеризовалась особым монетным типом, относилось несколько номиналов, заметно отличающихся друг от друга как весом, так и диаметром монетного кружка. Попытки подобной унификации бронзовых выпусков, правда, менее уверенные, мы встречаем в Селевкии на Тигре[7] и в Сузах[8]. Четыре публикуемых экземпляра относятся к трем сериям – тип «всадник на лошади» (№ 46–47), тип «лошадь и жеребенок» (№ 48–49), тип «Аполлон на омфале» (№ 50). Экземпляр № 46 представляет собой образец наиболее крупного номинала в серии весом 19,11 г и диаметром монетного кружка 31–32,5 мм.

Три оставшиеся монеты (№ 51–53) относятся к чеканке так называемого неизвестного монетного двора 73, чья продукция по своим техническим параметрам очень близка эмиссиям Экбатан. Иконография монетных выпусков этого двора демонстрирует символику восточного похода (слон, слон с погонщиком),

---

[6] Подобное преобразование, направленное на унификацию системы бронзовых номиналов, а также на создание единой метрологической системы серебряных и бронзовых номиналов, будет предпринято при Антиохе IV, а затем, вероятно, при Деметрии I (см. Doyen 2014).

[7] *SC* 1176–1179.

[8] *SC* 1216–1217, 1218–1219 и 1220–1221.

что, вероятно, может косвенно свидетельствовать о том, что он был организован только на время восточного похода Антиоха III.

Монеты **Селевка IV** (187–175) относятся к производству двух монетных дворов: Антиохии на Оронте (№ 54–56) и Экбатан (№ 57–58). Монетные типы представленных экземпляров хорошо известны: № 54 – «Аполлон стоя» (зубчатый край) (*SC* 1315), № 55–56 – «Дионис/нос корабля» (*SC* 1316), № 57–58 – «Дионис/слон» (*SC* 1356).

Монеты **Антиоха IV** (175–164) представлены 18 экземплярами, большая часть которых относится к одним и тем же монетным типам. Две из публикуемых монет были отчеканены в Антиохии на Оронте. Экземпляр № 59 (тип «Исида/орел») принадлежит к одному из типов так называемой «египтизированной» серии. Примечательным экземпляром является монета № 60 с изображением фигуры Зевса. Она относится к так называемой квазимуниципальной серии, выпускавшейся локальным монетным двором от имени Антиоха IV с использованием селевкидской символики, в частности царского портрета[9].

Восемь экземпляров № 61–68 относятся к монетному типу «голова Антиоха IV в лучистой короне/фигура женского божества» (*SC* 1749), который был характерен для мелких бронзовых номиналов, выпускавшихся монетным двором Ака-Птолемаиды. Монета № 69 была отчеканена в Аскалоне. В поле оборотной стороны имеется дата ΕΜΡ – 145 г. с.э. (= 168/167 г. до н.э.). Стоит также заметить, что монетный двор в Аскалоне появился в правление Антиоха IV. К подобной квазимуниципальной серии относится и экземпляр № 70, отчеканенный на монетном дворе Нисибиса (Антиохии в Мигдонии). Примечательными особенностями этого выпуска являются легенда ΑΝΤΙΟΧΕΩΝ ΤΩΝ ΕΝ ΜΥΓΔΟΝΙΑΙ, упоминающая полис как эмитента данной монетной серии, а также государственный символ – портрет Антиоха IV на лицевой стороне.

Восемь оставшихся монет № 71–78 отчеканены в Селевкии на Тигре и относятся к типу «голова Антиоха/богиня Никефора» (*SC* 1509 и 1510). Особенностью этой монетной серии является обозначение номинала, помещенное на лицевой стороне. Практика обозначения номиналов при Антиохе IV существовала на трех монетных дворах государства Селевкидов: Селевкии на Тигре, Самарии и Нисибиса. По всей вероятности, введение обозначения номинала было частью реформы системы бронзовых выпусков и попыткой унификации монетно-весовой системы в государстве Селевкидов[10].

Единственная бронзовая монета **Антиоха V** (163–161) из собрания ГИМ была отчеканена на монетном дворе Тира (№ 79) и относится к типу «голова Антиоха/пальма» (*SC* 1580). Расположенная на оборотной стороне дата ΝΡ дает точное время выпуска – 150 г. с.э. (= 163/2 г. до н.э.).

---

[9] Hoover 2004, 485–507.

[10] Этой проблемы мы вкратце касались в предыдущих частях работы (Zakharov, Smirnov 2020, 158). Подробнее об обозначениях номиналов на селевкидских монетах см. Houghton 2016, 246–247. В своей относительно недавней работе Ш. Дуайен (Doyen 2014) предложил рассматривать появление обозначения номиналов на монетах Антиоха IV как часть реформы монетно-весовой системы в государстве Селевкидов, ориентированной на римскую систему номиналов.

Монетное дело **Деметрия I** (161–150) представлено 12 экземплярами. Монеты, отчеканенные на монетном дворе Антиохии на Оронте (№ 80–86), относятся к трем разным метрологическим категориям, что соответствует разным номиналам, выпускавшимся на этом монетном дворе при Деметрии I. По всей вероятности, этим царем была предпринята новая попытка унификации системы бронзовых номиналов, которая заключалась в распределении номиналов по иконографическому типу. Из публикуемых экземпляров № 80–81 соответствуют наиболее крупному номиналу (тип «Аполлон/треножник»), № 84–86 – среднему (тип «Артемида/лук и колчан»), № 82–83 – мелкому (тип «голова лошади/голова слона»). Остальные монеты Деметрия I относятся к производству монетных дворов Тира (№ 87–89), Селевкии на Тигре (№ 90) и Экбатан (№ 91).

Монеты **Александра I Балы** (150–145) представлены десятью экземплярами, произведенными на трех монетных дворах: Антиохии на Оронте (№ 92–99), Апамеи на Оронте (№ 100) и на неизвестном монетном дворе 89 (№ 101). Все монеты относятся к хорошо известным монетным типам. Исключение составляет № 98, который является образцом ранее неизвестного монетного выпуска Антиохии на Оронте. Этот экземпляр относится к известному типу, на лицевой стороне которого находится портрет Александра Балы в львиной шкуре, а на оборотной – фигура стоящей Афины с копьем и щитом (*SC* 1793). Особенностями публикуемого экземпляра являются ранее неизвестное сочетание монограмм: в левом внутреннем поле , в обрезе Δ,– а также наличие обозначения монетного двора в виде звезды, размещенного в обрезе на оборотной стороне. Все перечисленные дифференты по отдельности известны на монетах данного типа, однако подобное сочетание встречается впервые.

Две монеты **первого правления Деметрия II** (146–139) относятся к производству монетного двора Антиохии на Оронте (№ 102) и неизвестного монетного двора 94 (№ 103), локализуемого в Северной Сирии и функционировавшего на протяжении короткого промежутка в 145–143 гг. до н.э. после утраты Деметрием контроля над Антиохией. К сожалению, из-за плохой сохранности установить более точные монетные выпуски, к которым относятся данные экземпляры, невозможно.

Четыре монеты **Антиоха VI** (144–142) относятся к продукции монетного двора Антиохии на Оронте и соответствуют хорошо известным монетным типам: № 104–105 – «пантера» (*SC* 2007), № 106–107 – «слон» (*SC* 2006).

Монеты **Антиоха VII** (138–129) представлены тремя типами. Первые два – «бюст Эрота/знак Исиды» (№ 108–113) и «лев/палица» (№ 116) – в большом количестве чеканились на монетном дворе Антиохии на Оронте. Третий – «лилия» (№ 117) – выпускался только в Иерусалиме[11]. К монетному делу Антиохии также относится и единственная монета **второго правления Деметрия II** (129–126) типа «Зевс/Ника» (№ 118).

Пять монет **Александра II** (126–123) представлены продукцией двух монетных дворов. № 119–120, относящиеся к типу «два рога изобилия», а также № 121 типа

[11] Об исторических обстоятельствах этой монетной чеканки см. Zakharov, Smirnov 2020, 158.

«Дионис с канфаром» были отчеканены в Антиохии на Оронте, а № 122 типа «орел» и № 123 типа «Дионис/Тюхе» выпущены в Апамее на Оронте.

Монета № 124 относится к периоду совместного правления **Антиоха VIII** и **Клеопатры Теи** (125–121). Она представлена весьма распространенным монетным типом, на лицевой стороне которого помещен портрет Антиоха в лучистой короне, а на оборотной – сова, сидящая на амфоре.

Монетное дело **Антиоха VIII** (121–96) представлено семью экземплярами. Все они относятся к производству монетного двора Антиохии на Оронте. № 125–130 относятся к одному из самых распространенных типов бронзовых монет Антиоха VIII – «голова Антиоха/орел» (*SC* 2300). Экземпляр № 131 входит в малочисленную серию монет типа «Артемида/Аполлон стоя». К сожалению, из-за плохой сохранности монеты установить точное время ее выпуска невозможно.

Монеты **Антиоха IX** (116–96) представлены четырьмя экземплярами. Три из них были отчеканены в Антиохии на Оронте (№ 132–134), а один (№ 135) принадлежит производству монетного двора, получившего условное название монетный двор «Эрот/Исида», который локализуется в Финикии. Он функционировал непродолжительное время с большими перерывами в 112–111, 108 и 102 гг. до н.э. и выпускал только бронзовые монеты одного типа, по которому и получил свое название.

Также в собрании ГИМ представлены две редкие бронзовые монеты **Антиоха XII** (87–84). Они были отчеканены на монетном дворе Дамаска. № 136 относится к типу «Антиох/Тюхе» (*SC* 2476), № 137 – к типу «Антиох/Зевс» (*SC* 2481). Их иконография демонстрирует большую степень художественной деградации, свойственную всем монетным выпускам поздних Селевкидов.

Оставшиеся три монеты (№ 138–140) остаются неопределенными, прежде всего, из-за плохой сохранности. Сделать какие-то предположения можно лишь в отношении монеты № 138, поскольку в поле оборотной стороны сохранилась легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ. Судя по особенностям иконографии, а также метрологическим параметрам, можно допустить, что данная монета была отчеканена в период правления Антиоха III, хотя эта версия остается условной ввиду стилистической близости изображений на монетах ранних Селевкидов.

Стоит отметить, что собрание селевкидских монет Государственного исторического музея, несмотря на относительную малочисленность, отличается хорошей репрезентативностью материала: в ней представлены монеты 24 из 28 правителей государства Селевкидов, чеканивших собственные монеты, включая редкие выпуски царей Деметрия III, Антиоха XII, а также селевкидских узурпаторов Молона и Трифона. Это обстоятельство позволяет провести количественный анализ материала.

В одной из своих последних работ П. Иоссиф высказал весьма любопытную идею о прямой зависимости между общим количеством известных на сегодняшний день экземпляров бронзовых селевкидских монет и общим объемом

их выпуска в древности[12]. Для подтверждения этой гипотезы была составлена крупная база данных, включающая все известные некладовые находки селевкидских монет, обнаруженные в археологическом контексте (Seleucid Excavated Database – SED). Полученный материал был распределен хронологически по правителям, что позволило выявить определенную хронологическую зависимость объемов выпусков. Далее подобным образом были проанализированы материалы пяти крупнейших нумизматических собраний – Американского нумизматического общества (ANS), Британского музея (BM), Берлинского музея (Berlin), кабинета монет и медалей Национальной парижской библиотеки (BNF) и крупнейшего частного собрания селевкидских монет – коллекции Арнольда Спеера (SNG Spaer). Полученные данные продемонстрировали идентичную либо очень близкую зависимость той, которая была получена на материалах SED.

Главной особенностью подбора материала для данного исследования стала работа с крупнейшими нумизматическими собраниями, которые, по мнению П. Иоссифа, являются наиболее релевантным источником. Однако стоит заметить, что количественный показатель (количество единиц хранения), как кажется, не является определяющим условием. В отличие от большинства частных коллекций, мировые музейные собрания формируются на протяжении многих десятилетий, а процесс их пополнения сопряжен с большим количеством субъективных факторов и ситуаций. Более того, стоит обратить внимание на то, что большая часть всех бронзовых монет государства Селевкидов, которые хранятся в собрании ГИМ, были определены только в ходе работы над нашим проектом, что подразумевает в большинстве случаев их случайное попадание в музейную коллекцию, а не специальный подбор. Так, из 230 бронзовых монет государства Селевкидов определение (не всегда точное) имели только 29. Это обстоятельство подтверждает, что собрание бронзовых селевкидских монет из ГИМ представляет собой случайную выборку – наиболее релевантный материал для количественного исследования.

Результаты количественного анализа материала из собрания ГИМ подтверждают результаты данного исследования на примере относительно небольшой коллекции. Как показано на графике (рис. 1), анализ материала из собрания ГИМ демонстрирует зависимость объемов выпуска бронзовых монет, близкую той, которая была получена в исследовании П. Иоссифа с использованием материалов наиболее крупных собраний селевкидских бронзовых монет. Более того, сравнительный анализ материалов ГИМ с материалами других коллекций показывает относительно высокий коэффициент корреляции, что подчеркивает общие количественные тенденции, характерные для этих коллекций (табл. 1, рис. 2).

На следующем графике (табл. 2, рис. 3) объединены зависимости, демонстрирующие состав музейных коллекций, с зависимостью, представленной в виде гистограммы, иллюстрирующей материалы SED. Обращает на себя внимание большой выброс, приходящийся на правление Антиоха III, который, впрочем,

[12] Iossif 2016, 269–284.

объясняется не столько продолжительностью правления или большими объемами чеканки, сколько конкретными археологическими обстоятельствами обнаружения большого числа бронзовых монет этого царя в Иерусалиме.

В целом количественный анализ нумизматического материала открывает широкие перспективы не только для определения изначальных объемов монетной чеканки, но и для исследования процесса денежного обращения, и даже может быть использован при анализе иконографии[13]. Тем не менее главным залогом успеха подобного исследования являются объемы выборки материала и полнота комплектуемых баз данных, что возможно только при систематическом пополнении материала. Пример собрания ГИМ показывает оправданность и перспективность использования данного подхода и при работе с небольшой, но репрезентативной коллекцией. Однако изучение всех селевкидских монет из российских музейных собраний позволит составить более полную базу данных для дальнейших исследований.

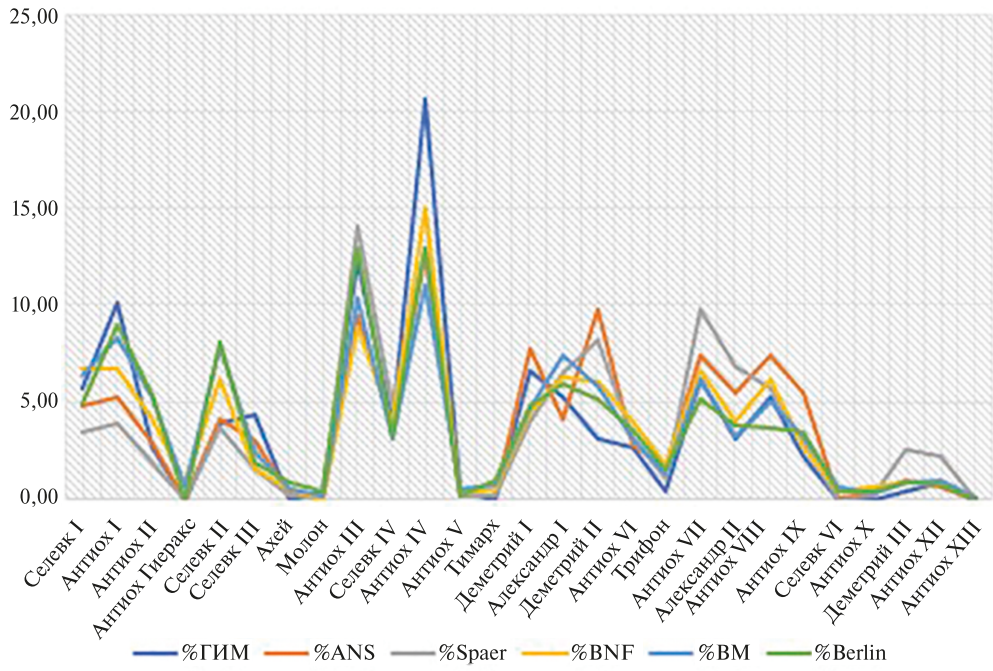


Рис. 1. Распределение бронзовых монет государства Селевкидов из собрания ГИМ и пяти крупнейших мировых коллекций по правителям

Таблица 1

	ANS	Spaer	BNF	BM	Berlin	SED
ГИМ	83%	82%	92%	88%	90%	61%

[13] Примером такого использования количественных методов является работа того же П. Иоссифа (Iossif 2014), посвященная анализу изображений божеств на монетах и печатях Селевкии на Тигре.

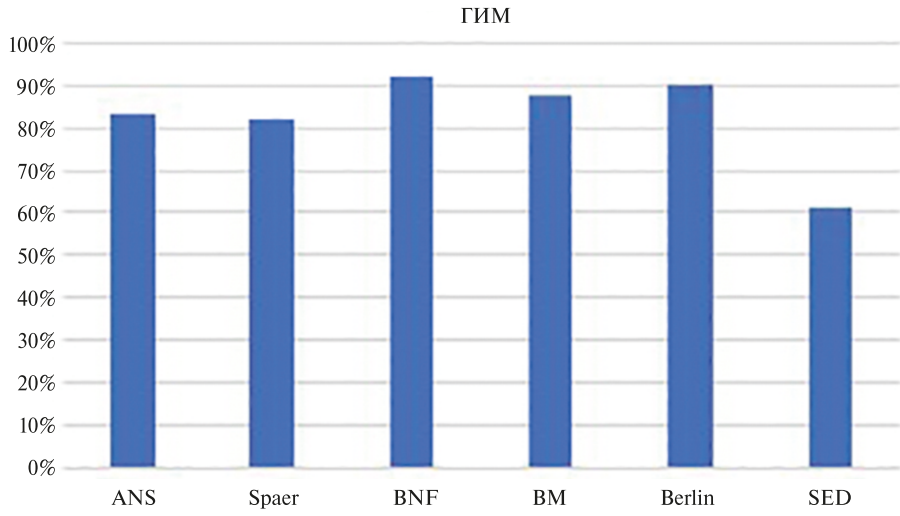


Табл. 1 и рис. 2. Корреляция между коллекцией ГИМ и крупнейшими собраниями бронзовых монет государства Селевкидов

Таблица 2

	% ГИМ	**% ANS**	**% Spaer**	**% BNF**	**% BM**	**% Berlin**	**% SED**
Селевк I	5,70	4,76	3,41	6,7	6,43	4,92	2,04
Антиох I	10,09	5,3	3,93	6,7	8,32	8,94	4,44
Антиох II	2,63	2,87	1,82	4,1	5,29	5,38	4,08
Антиох Гиеракс	0,00	0	0	0,8	0,59	0	0
Селевк II	3,95	4,1	3,7	6,2	7,83	8,11	1,98
Селевк III	4,39	3,01	1,48	1,5	2,38	1,82	2,5
Ахей	0,00	0,25	0,23	0,5	0,54	0,83	0,09
Молон	0,44	0,04	0,06	0	0,22	0,38	0
Антиох III	12,28	9,4	14,11	8,9	10,32	12,95	49,95
Селевк IV	3,95	3,78	4,84	3,9	3,13	3,18	2,46
Антиох IV	20,61	12,56	12,92	15	10,97	12,95	14,17
Антиох V	0,44	0,15	0,23	0,3	0,54	0,23	0,06
Тимарх	0,00	0,18	0,23	0,5	0,7	0,91	0
Деметрий I	6,58	7,73	4,04	4,5	4,7	4,77	4,57
Александр I	5,26	4,1	6,55	6,3	7,35	5,98	1,45
Деметрий II	3,07	9,73	8,14	6,1	5,78	5,15	3,62
Антиох VI	2,63	2,76	3,13	4	3,13	3,56	0,51
Трифон	0,44	1,67	1,08	1,7	1,35	1,52	2,46

	% ГИМ	% ANS	% Spaer	% BNF	% BM	% Berlin	% SED
Антиох VII	6,14	7,37	9,73	6,6	6,16	5,15	0,04
Александр II	3,07	5,45	6,83	4	3,19	3,79	1,06
Антиох VIII	5,26	7,41	5,75	6,2	5,08	3,64	3,14
Антиох IX	2,19	5,45	2,85	2,7	3,19	3,41	0,98
Селевк VI	0,00	0,07	0	0,4	0,59	0,45	0,05
Антиох X	0,00	0,33	0,23	0,6	0,32	0,38	0,02
Деметрий III	0,44	0,91	2,56	0,9	0,86	0,83	0,19
Антиох XII	0,88	0,62	2,16	0,8	0,92	0,76	0,16
Антиох XIII	0,00	0	0	0,1	0,11	0	0

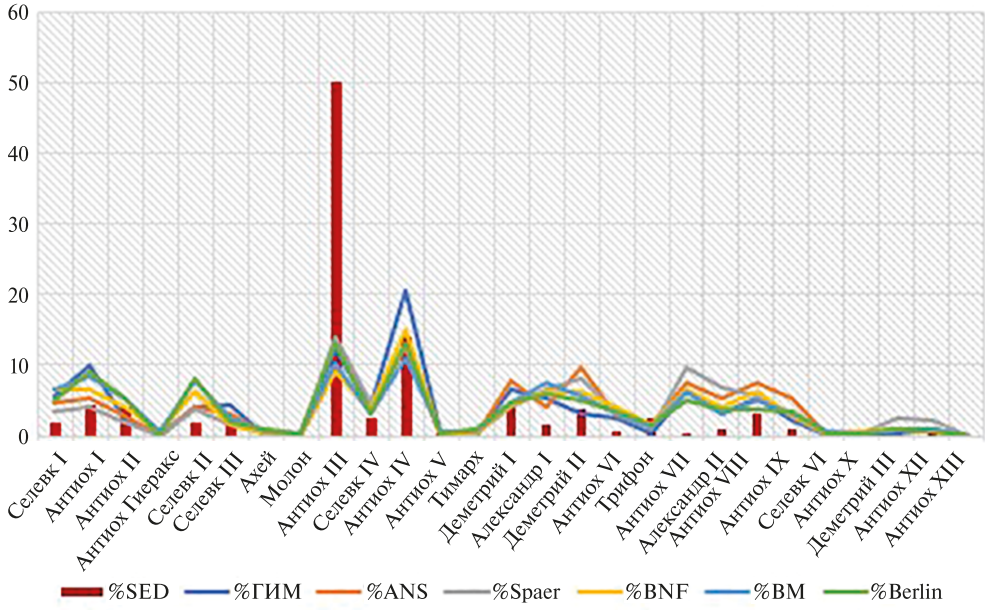


Табл. 2 и рис. 3. Распределение бронзовых монет государства Селевкидов по правителям из собрания ГИМ, пяти крупнейших мировых коллекций и Seleucid Excavated Database (SED)

КАТАЛОГ

СЕЛЕВК I

AE. Антиохия на Оронте.

1–5.

Л.с. Окрыленная голова Горгоны Медузы, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Бодающий бык вправо.
Легенда: над быком – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, в обрезе – ΣΕΛΕΥΚΟΥ. Изображение в точечном ободке.

1. Инв. № КР ОН 871729.
   Монограммы: в обрезе – Ξ.
   Вес – 6,82 г. Диаметр – 19–20,5 мм. Соотношение осей – 11 ч.
   SC 21.

2. Инв. № КР ОН 871730.
   Монограммы: не видны.
   Вес – 7,19 г. Диаметр – 17–21 мм. Соотношение осей – 6 ч.
   SC 21.

3. Инв. № КР ОН 871731.
   Монограммы: не видны.
   Вес – 7,37 г. Диаметр – 17–17,5 мм. Соотношение осей – 11 ч.
   SC 21.

4. Инв. № КР ОН 973529.
   Монограммы: в обрезе – Ξ.
   Вес – 6,61 г. Диаметр – 17–18 мм. Соотношение осей – 6 ч.
   Из «комиссии по приему и выдаче ценностей».
   SC 21.

5. Инв. № КР ОН 871732.
   Монограммы: не видны.
   Вес – 3,81 г. Диаметр – 15–16,5 мм. Соотношение осей – 1 ч.
   SC 22.

6. Инв. № КР ОН 871733.
   Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке, вправо. Изображение в точечном ободке.
   О.с. Афина Промахос в коринфском шлеме, вправо. В правой руке держит копье, в левой щит.
   Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΣΕΛΕΥΚΟΥ. Изображение в точечном ободке.
   Монограммы: не видны.
   Вес – 5,88 г. Диаметр – 17,5–18 мм. Соотношение осей – 9 ч.
   SC 17.

AE. Селевкия на Тигре.

7. Инв. № КР ОН 871734.
   Л.с. Окрыленная голова Горгоны Медузы, вправо. Изображение в точечном ободке.
   О.с. Бодающий бык вправо.
   Легенда: над быком – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, в обрезе – ΣΕΛΕΥΚΟΥ. Изображение в точечном ободке.
   Монограммы: над быком – ⊙, между задних ног быка – ⛛.

Вес – 9,52 г. Диаметр – 22–22,5 мм. Соотношение осей – 3 ч.
SC 151.2.

8. Инв. № КР ОН 871735.
Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Бодающий бык вправо.
Легенда: над быком – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, в обрезе – ΣΕΛΕΥΚΟΥ. Изображение в точечном ободке.
Вес – 2,85 г. Диаметр – 15–15,5 мм. Соотношение осей – 6 ч.
Монограммы: в верхнем поле – ⊙ и звезда.
SC 150.1.

9. Инв. № КР ОН 871736.
Л.с. Голова рогатой лошади, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Якорь.
Легенда: слева – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, справа – ΣΕΛΕΥΚΟΥ.
Монограммы: не видны.
Вес – 2,31 г. Диаметр – 15–16 мм. Соотношение осей – 2 ч.
SC 146.

АНТИОХ I

AE. Тарс.

10. Инв. № КР ОН 871737.
Л.с. Голова Афины в коринфском шлеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Шапки Диоскуров. Изображение в точечном ободке.
Легенда: сверху – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, снизу – ΑΝΤΙΟΧΟΥ.
Монограммы: в обрезе – ⍓.
Вес – 6,58 г. Диаметр – 18,5–19 мм. Соотношение осей – 6 ч.
Неизвестное сочетание монограмм. Наиболее близкий тип SC *332.3a*.

AE. Антиохия на Оронте.

11–13.

Л.с. Голова Антиоха в диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Аполлон, сидящий на омфале. В правой руке держит стрелу, левой опирается на лук.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΝΤΙΟΧΟΥ.

11. Инв. № КР ОН 973530.
Монограммы: в правом внешнем поле – ⋲, в левом внешнем – ⍙.
Вес – 4,02 г. Диаметр – 16,5–18 мм. Соотношение осей – 3 ч.
Из «комиссии по приему и выдаче ценностей».
SC 351.1a.

12. Инв. № КР ОН 871738.
Монограммы: в правом внешнем поле не видна, в левом – ⍙.
Вес – 4,53 г. Диаметр – 15–16 мм. Соотношение осей – 4 ч.
SC 351.

13. Инв. № КР ОН 871739.
Монограммы: в левом внешнем поле – ⍙.
Вес – 3,59 г. Диаметр – 14–15,5 мм. Соотношение осей – 11 ч.
SC 351.1.

14. Инв. № КР ОН 871740.
Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке, вправо. Изображение в точечном ободке.

О.с. Треножник. Изображение в точечном ободке.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΝΤΙΟΧΟΥ.
Обозначение монетного двора: слева – лук, справа – палица.
Монограммы: под палицей – .
Вес – 4,7 г. Диаметр – 18–18,5 мм. Соотношение осей – 10 ч.
SC 347.

АЕ. Селевкия на Тигре.

15. Инв. № КР ОН 871741.
Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке на три четверти вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Ника, венчающая трофей. Изображение в точечном ободке.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΝΤΙΟΧΟΥ.
Монограммы: не видны.
Вес – 3,42 г. Диаметр – 16–17 мм. Соотношение осей – 8 ч.
SC 389.

АЕ. Экбатаны.

16–18.

Л.с. Голова Антиоха в диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Аполлон, сидящий на омфале. В правой руке держит три стрелы, левой опирается на лук. Изображение в точечном ободке.
Легенда: справа от Аполлона – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΝΤΙΟΧΟΥ.

16. Инв. № КР ОН 871742.
Монограммы: не видны.
Вес – 4,24 г. Диаметр – 18–19,5 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 416.

17. Инв. № КР ОН 871743.
Монограммы: не видны.
Вес – 3,48 г. Диаметр – 15 мм. Соотношение осей – 7 ч.
SC 416.

18. Инв. № КР ОН 871744.
Монограммы: не видны.
Обозначение монетного двора: в левом внутреннем поле – передняя часть лошади.
Вес – 1,92 г. Диаметр – 12–13 мм. Соотношение осей – 11 ч.
SC 420.

19–21.

Л.с. Голова Аполлона с длинными волосами, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Кифара.
Легенда: слева – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, внизу – ΑΝΤΙΟΧΟΥ.

19. Инв. № КР ОН 871745.
Монограммы: не видны.
Вес – 1,14 г. Диаметр – 10–11 мм. Соотношение осей – 10 ч.
SC 418.

20. Инв. № КР ОН 871746.
Монограммы: в правом поле сверху – , в правом поле снизу – .
Вес – 1,1 г. Диаметр – 10–11 мм. Соотношение осей – 6 ч.
SC 418b.

21. Инв. № КР ОН 871747.
Монограммы: не видны.
Вес – 0,9 г. Диаметр – 8,5–10 мм. Соотношение осей – 10 ч.
SC 418.

22. Инв. № КР ОН 871748.
Л.с. Голова Антиоха в диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Аполлон стоя. В правой руке держит стрелу, левой опирается на лук. Изображение в точечном ободке.
Легенда: справа от Аполлона ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΝΤΙΟΧΟΥ.
Монограммы: не видны.
Вес – 2,87 г. Диаметр – 14–15 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 414.

АЕ. Ай Ханум.

23. Инв. № КР ОН 871749.
Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке на три четверти вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Ника, венчающая трофей. Изображение в точечном ободке.
Легенда: справа от Аполлона ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΝΤΙΟΧΟΥ.
Монограммы: в левом внешнем поле – Δ.
Обозначение монетного двора: над Никой – звезда.
Вес – 6,8 г. Диаметр – 20,5–21 мм. Соотношение осей – 6 ч.
SC 458.

24. Инв. № КР ОН 871750.
Л.с. Голова Афины в бактрийском шлеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Ника стоя с венком. Изображение в точечном ободке.
Легенда: справа от Аполлона – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΝΤΙΟΧΟΥ.
Монограммы: не видны.
Вес – 5,58 г. Диаметр – 18–18,5 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 453.

АНТИОХ II

АЕ. Сарды.

25–26.

Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке, вправо.
О.с. Треножник.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΝΤΙΟΧΟΥ.

25. Инв. КР ОН 871751.
Монограммы: не видны.
Вес – 3,6 г. Диаметр – 16,5–17 мм. Соотношение осей – 10 ч.
SC 522.

26. Инв. № КР ОН 871752.
Монограммы: в левом внешнем поле – ⨊.
В обрезе – династический символ: якорь.
Вес – 3,41 г. Диаметр – 15–16 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 523.

AE. Селевкия на Тигре.

27. Инв. № КР ОН 871753.
Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Афина стоя, правой рукой опирается на копье, у ног щит.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΝΤΙΟΧΟΥ.
Монограммы: в правом внутреннем поле – , в левом внешнем поле просматривается частично.
Вес – 7,64 г. Диаметр – 19 мм. Соотношение осей – 11 ч.
SC 588.

СЕЛЕВК II

AE. Монетный двор .

28. Инв. № КР ОН 871754.
Л.с. Голова Афины в коринфском шлеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Ника стоя. В руках венок и пальмовая ветвь.
Монограммы: в левом внутреннем поле – .
Вес – 5,47 г. Диаметр – 18 мм. Соотношение осей – 1 ч.
SC 713. 1 или 3.

AE. Нисибис.

29. Инв. № . КР ОН 871755.
Л.с. Парный портрет Диоскуров в пилосах на три четверти влево. Изображение в точечном ободке.
О.с. Голова слона, вправо. Изображение в точечном ободке.
Легенда: вверху – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, внизу – ΣΕΛΕΥΚΟΥ.
Монограммы: в правом поле – N.
Вес – 4,16 г. Диаметр – 18 мм. Соотношение осей – 6 ч.
SC 753b.

AE. Экбатаны.

30. Инв. № КР ОН 871756.
Л.с. Голова Селевка с бородой в диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Лук в колчане. Изображение в точечном ободке.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΣΕΛΕΥΚΟΥ.
Монограммы: в правом внешнем поле – , в левом внешнем – .
Вес – 2,55 г. Диаметр – 13–14 мм. Соотношение осей – 8 ч.
SC 824.

31. Инв. № КР ОН 871757.
Л.с. Голова Селевка в диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Аполлон стоя. В правой руке держит стрелу, левой опирается на треножник. Изображение в точечном ободке.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΣΕΛΕΥΚΟΥ.
Монограммы: в левом внутреннем поле под стрелой – , в правом внешнем поле – .
Вес – 2,52 г. Диаметр – 14–15 мм. Соотношение осей – 9 ч.
SC 815.

32. Инв. № КР ОН 871758.
Л.с. Голова Геракла в львиной шкуре, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Аполлон стоя. В правой руке держит стрелу, левой опирается на треножник. Изображение в точечном ободке.

Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΣΕΛΕΥΚΟΥ.
Монограммы: в левом внутреннем поле – и .
Вес – 5,54 г. Диаметр – 17–18 мм. Соотношение осей – 11 ч.
SC 825.

СЕЛЕВК III

AE. Антиохия на Оронте.

33–38.

Л.с. Драпированный бюст Артемиды, вправо. За спиной колчан. Изображение в точечном ободке.
О.с. Аполлон, сидящий на омфале, в правой руке держит стрелу, левой опирается на лук.
Легенда: справа от Аполлона – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΣΕΛΕΥΚΟΥ.

33. Инв. № КР ОН 871759.
Монограммы: в обрезе – .
Вес – 3,57 г. Диаметр – 15–17 мм. Соотношение осей – 2 ч.
SC 922.1j.

34. Инв. № КР ОН 973531.
Монограммы: не видны.
Вес – 2,66 г. Диаметр – 13,5–14 мм. Соотношение осей – 4 ч.
Из «комиссии по приему и выдаче ценностей».
SC 922.

35. Инв. № КР ОН 871760.
Монограммы: не видны.
Вес – 4,88 г. Диаметр – 15 мм. Соотношение осей – 1 ч.
SC 922.

36. Инв. № КР ОН 871761.
Монограммы: в обрезе – ΔΩ.
Вес – 2,89 г. Диаметр – 14 мм. Соотношение осей – 1 ч.
SC 922.7d

37. Инв. № КР ОН 871762.
Монограммы: в левом внешнем поле – .
Вес – 3,03 г. Диаметр – 15–17 мм. Соотношение осей – 1 ч.
SC 922.1.

38. Инв. № КР ОН 871763.
Монограммы: не видны.
Вес – 2,42 г. Диаметр – 13–16 мм. Соотношение осей – 3 ч.
SC 922?

AE. Экбатаны.

39. Инв. № КР ОН 871764.
Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Треножник.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΣΕΛΕΥΚΟΥ.
Обозначение монетного двора: под треножником – голова лошади.
Монограммы: не видны.
Вес – 0,84 г. Диаметр – 10–11 мм. Соотношение осей – 2 ч.
SC 947.

МОЛОН

AE. Экбатаны.

40. Инв. № КР ОН 871765.
Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Ника стоя. В правой руке венок, в левой пальмовая ветвь. Изображение в точечном ободке.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΜΟΛΩΝΟΣ.
Монограммы: в левом внешнем поле – ⋔.
Вес – 2,33 г. Диаметр – 12–13 мм. Соотношение осей – 9 ч.
SC 951.

АНТИОХ III

AE. Тир.

41. Инв. № КР ОН 871766.
Л.с. Голова Антиоха в диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Пальма. Изображение в точечном ободке.
Легенда по кругу: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ.
Вес – 4,07 г. Диаметр – 17–18 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 1081.

42. Инв. № КР ОН 871767.
Л.с. Голова Антиоха в диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Нос корабля с палубой. Изображение в точечном ободке.
Легенда: над носом галеры ΒΑΣΙΛΕΩΣ, под ней ΑΝΤΙΟΧΟΥ.
Дата не видна.
Вес – 9,66 г. Диаметр – 22–22,5 мм. Соотношение осей – 2 ч.
SC 1078.

AE. Неизвестный монетный двор 62.

43. Инв. № КР ОН 871768.
Л.с. Голова Афины в коринфском шлеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Ника стоя. В правой руке держит венок, в левой – пальмовую ветвь.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΝΤΙΟΧΟΥ.
Династический символ в левом внутреннем поле – якорь.
Монограммы: в левом внутреннем поле – АГ.
Вес – 7,31 г. Диаметр – 20 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 1095.4b.

AE. Селевкия на Тигре.

44. Инв. № КР ОН 871769.
Л.с. Голова Антиоха в диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Слон.
Легенда: вверху – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, внизу – ΑΝΤΙΟΧΟΥ.
Монограммы: в левом поле – ⋔.
Вес – 3,66 г. Диаметр – 16 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 1191.

45. Инв. № КР ОН 871770.
Л.с. Голова Аполлона в диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Аполлон стоя. В правой руке стрела, левой опирается на треножник.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΝΤΙΟΧΟΥ.

Монограммы: не видны.
Вес – 2,77 г. Диаметр – 14–15 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 1185.

AE. Экбатаны.

46–47.

Л.с. Голова Антиоха в диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Всадник на лошади.
Легенда: вверху – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, внизу – ANTIOXOY.
Монограммы: в левом поле – , в правом – .

46. Инв. № КР ОН 871771.
Вес – 19,11 г. Диаметр – 31–32,5 мм. Соотношение осей – 10 ч.
SC 1259.

47. Инв. № КР ОН 871772.
Вес – 10,05 г. Диаметр – 23–24 мм. Соотношение осей – 9 ч.
SC 1260.

48–49.

Л.с. Голова Антиоха в диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Лошадь с жеребенком.
Легенда: вверху – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, внизу – ANTIOXOY.
Монограммы: в левом поле – .

48. Инв. № КР ОН 871773.
Вес – 4,69 г. Диаметр – 17–18 мм. Соотношение осей – 5 ч.
SC 1270.

49. Инв. № КР ОН 871774.
Вес – 2,6 г. Диаметр – 14–15 мм. Соотношение осей – 5 ч.
SC 1271.

50. Инв. № КР ОН 871775.
Л.с. Голова Антиоха в диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Аполлон, сидящий на омфале. В правой руке стрела, левой опирается на лук.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ANTIOXOY.
Монограммы: не видны.
Вес – 9,21 г. Диаметр – 20,5–21,5 мм. Соотношение осей – 2 ч.
SC 1248.

AE. Неизвестный монетный двор 73.

51–52.

Л.с. Голова Антиоха в диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Слон с погонщиком.
Легенда: вверху – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, внизу – ANTIOXOY.
Монограммы: не видны.

51. Инв. № КР ОН 973532.
Вес – 10,51 г. Диаметр – 20 мм. Соотношение осей – 11 ч.
Из «комиссии по приему и выдаче ценностей».
SC 1273.

52. Инв. № КР ОН 871776.
Вес – 8,31 г. Диаметр – 22 мм. Соотношение осей – 7 ч.
SC 1273.

53. Инв. № КР ОН 871777.
Л.с. Голова Антиоха в диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Слон.
Легенда: вверху – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, внизу – ΑΝΤΙΟΧΟΥ.
Монограммы: не видны.
Вес – 7,56 г. Диаметр – 20–22 мм. Соотношение осей – 11 ч.
SC 1276.

СЕЛЕВК IV

AE. Антиохия на Оронте.

54. Инв. № КР ОН 871778.
Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке, вправо.
О.с. Аполлон стоя. В правой руке держит стрелу, левой опирается на треножник. Зубчатый край.
Легенда: справа от Аполлона – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΣΕΛΕΥΚΟΥ.
Монограммы: на лицевой стороне – , на оборотной в левом внутреннем поле – не видна.
Вес – 10,11 г. Диаметр – 21,5–22 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 1315.6a.

55–56.

Л.с. Драпированный бюст Диониса, вправо. За спиной тирс. Изображение в точечном ободке.
О.с. Нос корабля с палубой. Изображение в точечном ободке.
Легенда: вверху – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, внизу – ΣΕΛΕΥΚΟΥ.

55. Инв. № 120.
Монограммы: на лицевой стороне не просматривается, на оборотной над носом галеры – .
Вес – 8,09 г. Диаметр – 20 мм. Соотношение осей – 12 ч.
От С.С. Ермилова, Египет, 1961 г.
SC 1316.3a.

56. Инв. № КР ОН 973533.
Монограммы: не видны.
Вес – 7,6 г. Диаметр – 19–20,5 мм. Соотношение осей – 2 ч.
Из «комиссии по приему и выдаче ценностей».
SC 1316.

AE. Экбатаны.

57–58.

Л.с. Драпированный бюст Диониса на три четверти вправо. За спиной тирс. Изображение в точечном ободке.
О.с. Слон.
Легенда: вверху – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, внизу – ΣΕΛΕΥΚΟΥ.
Монограммы: не видны.

57. Инв. № КР ОН 871779.
Вес – 5,34 г. Диаметр – 18–19 мм. Соотношение осей – 2 ч.
SC 1356.

58. Инв. № КР ОН 973534.
Вес – 2,33 г. Диаметр – 13–13,5 мм. Соотношение осей – 4 ч.
Из «комиссии по приему и выдаче ценностей».
Наиболее близкие типы – *SC* 1353–1356.

АНТИОХ IV

АЕ. Антиохия на Оронте.

59. Инв. № КР ОН 871780.
Л.с. Голова Исиды, украшенная знаком Исиды, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Орел на молнии.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΝΤΙΟΧΟΥ.
Вес – 20,53 г. Диаметр – 26–27 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 1414.

60. Инв. № КР ОН 871781.
Л.с. Голова Антиоха в лучистой короне и диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Драпированная фигура Зевса, вправо. В правой вытянутой руке держит венок. Изображение в точечном ободке.
Легенда: справа ΑΝΤΙΟΧΕΩΝ, слева – ΤΩΝ ΠΡΟΣ ΔΑΦΝΗΙ.
Монограммы: в левом внешнем поле – ΠΑ.
Вес – 9 г. Диаметр – 18,5–19,5 мм. Соотношение осей – 11 ч.
SC 1418.1g.

АЕ. Ака-Птолемаида.

61–68.

Л.с. Голова Антиоха в лучистой короне, вправо. Ленты диадемы лежат ровно за спиной. Изображение в бусинном ободке.
О.с. Женское божество в длинной мантии стоит влево. Правой рукой опирается на скипетр. Изображение в точечном ободке. Зубчатый край.
Легенда: справа ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΝΤΙΟΧΟΥ.

61. Инв. № КР ОН 871782.
Вес – 2,31 г. Диаметр – 14–15 мм. Соотношение осей – 1 ч.
SC 1479.

62. Инв. № КР ОН 871783.
Вес – 2,37 г. Диаметр – 14,5–15 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 1479.

63. Инв. № КР ОН 871784.
Вес – 2,52 г. Диаметр – 13,5–14,5 мм. Соотношение осей – 1 ч.
SC 1479.

64. Инв. № 123.
Вес – 4,41 г. Диаметр – 15–16 мм. Соотношение осей – 1 ч.
От С.С. Ермилова, Египет, 1961 г.
SC 1479.

65. Инв. № 124.
Вес – 2,88 г. Диаметр – 13,5–14,5 мм. Соотношение осей – 1 ч.
От С.С. Ермилова, Египет, 1961 г.
SC 1479.

66. Инв. № КР ОН 973535.
Вес – 2,3 г. Диаметр – 14 мм. Соотношение осей – 11 ч.
Из «комиссии по приему и выдаче ценностей».
SC 1479.

67. Инв. № КР ОН 973536.
Вес – 2,32 г. Диаметр – 14 мм. Соотношение осей – 1 ч.
Из «комиссии по приему и выдаче ценностей».
SC 1479.

68. Инв. № КР ОН 871785.
Вес – 2,56 г. Диаметр – 13–13,5 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 1479.

AE. Аскалон.

69. Инв. № КР ОН 973537.
Л.с. Голова Антиоха в лучистой короне и диадеме, вправо. Одна лента диадемы лежит ровно за спиной, другая развевается. Изображение в точечном ободке.
О.с. Драпированная фигура Зевса, вправо. В правой вытянутой руке держит венок. Изображение в точечном ободке.
Легенда: справа ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΝΤΙΟΧΟΥ.
Дата: ΕΜΡ (145 г.с.э. = 168/7 г. до н.э.)
Монограммы: в левом внутреннем поле – ΑΣ.
Вес – 5,4 г. Диаметр –21,7 мм. Соотношение осей – 1 ч.
Из «комиссии по приему и выдаче ценностей».
SC 1494.2.

AE. Нисибис (Антиохия в Мигдонии).

70. Инв. № КР ОН 871786.
Л.с. Голова Антиоха в лучистой короне и диадеме, вправо. Одна лента диадемы лежит ровно за спиной, другая развевается. Изображение в точечном ободке.
О.с. Ника стоя. В правой руке держит венок.
Легенда: справа ΑΝΤΙΟΧΕΩΝ, слева – ΤΩΝ ΕΝ ΜΥΓΔΟΝΙΑΙ.
Монограммы: не видны.
Вес – 2,71 г. Диаметр – 16–17 мм. Соотношение осей – 1 ч.
SC 1503.

AE. Селевкия на Тигре.

71–78.

Л.с. Голова Антиоха в лучистой короне и диадеме, вправо. Один конец диадемы лежит ровно за спиной, другой лежит на плече. Изображение в бусинном ободке.
О.с. Сидящая на троне богиня, влево, в правой руке держит Нику. У ног богини птица. Изображение в точечном ободке.
Легенда: справа от богини – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΝΤΙΟΧΟΥ.

71. Инв. № КР ОН 871787.
Вес – 8,22 г. Диаметр – 19–20 мм. Соотношение осей – 2 ч.
SC 1509.

72. Инв. № КР ОН 871788.
Вес – 6,89 г. Диаметр – 18,5–19 мм. Соотношение осей – 1 ч.
SC 1509.

73. Инв. № КР ОН 871789.
Вес – 8,42 г. Диаметр – 19,5–21 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 1509.

74. Инв. № КР ОН 871790.
Вес – 6,29 г. Диаметр – 18,5–21 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 1509.

75. Инв. № КР ОН 871791.
Вес – 3,36 г. Диаметр – 16–17 мм. Соотношение осей – 11 ч.
SC 1510.

76. Инв. № КР ОН 871792.
Вес – 3,44 г. Диаметр – 15 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 1510.

77. Инв. № КР ОН 987035.
Вес – 3,73 г. Диаметр – 16–17,5 мм. Соотношение осей – 1 ч.
Из коллекции В.С. Кондрашева.
SC 1510.

78. Инв. № КР ОН 871793.
Вес – 4,21 г. Диаметр – 16–17 мм. Соотношение осей – 1 ч.
SC 1510.

АНТИОХ V

AE. Tup.

79. Инв. № КР ОН 973538
Л.с. Голова Антиоха в диадеме вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Пальма. Изображение в точечном ободке.
Дата: В поле по бокам от пальмы N – P (150 г. с.э. = 163/2 г. до н.э.).
Вес – 2,18 г. Диаметр – 15 мм. Соотношение осей – 1 ч.
Из «комиссии по приему и выдаче ценностей».
SC 1580.

ДЕМЕТРИЙ I

AE. Антиохия на Оронте.

80–81.

Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке, вправо. За спиной лук и колчан. Изображение в точечном ободке.
О.с. Треножник. Зубчатый край.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ.

80. Инв. № КР ОН 871794.
Вес – 14,93 г. Диаметр – 24–25 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 1644.

81. Инв. № КР ОН 871795.
Вес – 14,78 г. Диаметр – 25–27 мм. Соотношение осей – 1 ч.
SC 1644.

82–83.

Л.с. Голова лошади. Изображение в точечном ободке.
О.с. Голова слона. Зубчатый край.
Легенда: вверху – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, внизу – ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ.

82. Инв. № КР ОН 871796.
Вес – 3,33 г. Диаметр – 15 мм. Соотношение осей – 10 ч.
SC 1646.

83. Инв. № КР ОН 871797.
Вес – 4,13 г. Диаметр – 14–16 мм. Соотношение осей – 1 ч.
SC 1646.

84–86.

Л.с. Драпированный бюст Артемиды, покрытой стефаной, вправо. За спиной лук и колчан. Изображение в точечном ободке.
О.с. Лук и колчан. Зубчатый край.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ.

84. Инв. № КР ОН 871798.
Вес – 6,77 г. Диаметр – 20 мм. Соотношение осей – 1 ч.
SC 1645.

85. Инв. № КР ОН 871799.
Вес – 6,58 г. Диаметр – 17,5–18 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 1645.

86. Инв. № КР ОН 987036.
Вес – 6,92 г. Диаметр – 20–20,5 мм. Соотношение осей – 12 ч.
Из коллекции В.С. Кондрашева.
SC 1645.

AE. Тир.

87–89.

Л.с. Голова Деметрия в диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Нос корабля с палубой. Изображение в точечном ободке.
Легенда: вверху в две строки – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ, внизу – ΤΥΡΙΩΝ.

87. Инв. № КР ОН 871800.
Дата просматривается частично.
Вес – 7,77 г. Диаметр – 19,5–20 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 1672.

88. Инв. № КР ОН 871801.
Дата над носом корабля просматривается частично.
Вес – 6,28 г. Диаметр – 19–20 мм. Соотношение осей – 11 ч.
SC 1672.

89. Инв. № 118.
Дата: над носом корабля – LAΞP (161 г. с.э. = 152/1 г. до н.э.)
Вес – 5,12 г. Диаметр – 19–20 мм. Соотношение осей – 1 ч.
От С.С. Ермилова, Египет, 1961 г.
SC 1672.

AE. Селевкия на Тигре.

90. Инв. № КР ОН 871802.
Л.с. Голова Деметрия в диадеме в шкуре слона, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Афина, сидящая на троне. В левой руке держит копье и опирается на щит. Изображение в точечном ободке.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ.
Вес – 3,1 г. Диаметр – 16 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 1696.

AE. Экбатаны.

91. Инв. № КР ОН 871803.
Л.с. Голова Деметрия в диадеме, вправо. Изображение в бусинном ободке.

О.с. Аполлон, сидящий на омфале. В правой руке держит стрелу, левой опирается на лук. Изображение в точечном ободке.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ.
Вес – 2,39 г. Диаметр – 15–16 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 1739.

АЛЕКСАНДР I

АЕ. Антиохия на Оронте.

92–96.

Л.с. Голова Александра в львиной шкуре, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Аполлон стоя. В правой руке держит стрелу, левой опирается на лук.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

92. Инв. № КР ОН 871804.
Обозначение монетного двора: в левом внешнем поле – трезубец.
Монограммы: в обрезе – , в левом внутреннем поле – А.
Вес – 7,88 г. Диаметр – 18–19 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 1795.3b.

93. Инв. № КР ОН 871805
Вес – 6,32 г. Диаметр – 18–18,5 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 1795.

94. Инв. № КР ОН 871806.
Обозначение монетного двора: в левом внешнем поле – звезда.
Монограммы: в обрезе не просматривается, в левом внутреннем поле отсутствует.
Вес – 5,43 г. Диаметр – 18–18,5 мм. Соотношение осей – 1 ч.
SC 1795.2a.

95. Инв. № КР ОН 871807.
Вес – 5,6 г. Диаметр – 18–20 мм. Соотношение осей – 1 ч.
SC 1795.2a.

96. Инв. № КР ОН 871808.
Обозначение монетного двора и монограммы: не видны.
Вес – 6,04 г. Диаметр – 18 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 1795.

97. Инв. № КР ОН 871809.
Л.с. Голова Александра в беотийском шлеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Ника стоя. В правой руке держит венок, в левой пальмовую ветвь.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.
Обозначение монетного двора: во внешнем левом поле – колос.
Монограммы: в левом внутреннем поле – , в обрезе – N или .
Вес – 6,53 г. Диаметр – 19–19,5 мм. Соотношение осей – 1 ч.
SC 1790.4d.

98. Инв. № КР ОН 871810.
Л.с. Голова Александра в диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Афина стоя. В правой руке держит Нику, в левой копье и щит. Зубчатый край.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.
Обозначение монетного двора: в обрезе слева – звезда.
Монограммы: в обрезе – звезда и Δ, в левом внутреннем поле – .

Вес – 7,62 г. Диаметр – 20–21 мм. Соотношение осей – 12 ч.
Неизвестное сочетание монограмм. Наиболее близкие типы – SC *1793.1 и 1793.4.*

99. Инв. № KP OH 871811.
Л.с. Голова Александра в диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Драпированная фигура Зевса, вправо. В правой вытянутой руке держит венок. Изображение в точечном ободке.
Легенда: слева – ΑΝΤΙΟΧΕΩΝ.
Монограммы: не видны.
Вес – 5,92 г. Диаметр – 19–21 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 1788.

AE. Апамея на Оронте.

100. Инв. № KP OH 871812.
Л.с. Голова Александра в львиной шкуре, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Аполлон стоя. В правой руке держит стрелу, левой опирается на лук.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.
Обозначение монетного двора: в левом внешнем поле – пальмовая ветвь.
Монограммы: в обрезе – , в левом внутреннем поле отсутствует.
Вес – 5,47 г. Диаметр – 18–18,5 мм. Соотношение осей – 1 ч.
SC 1805.2d.

AE. Неизвестный монетный двор 89.

101. Инв. № KP OH 871813.
Л.с. Голова Александра в диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
*О.*с. Нос корабля. Зубчатый край.
Легенда: вверху – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, внизу – ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.
Династический символ в правом поле – якорь.
Монограммы: отсутствуют.
Вес – 3,23 г. Диаметр – 15–16 мм. Соотношение осей – 11 ч.
SC 1814.3.

ДЕМЕТРИЙ II (ПЕРВОЕ ПРАВЛЕНИЕ)

AE. Антиохия на Оронте.

102. Инв. № KP OH 871814.
Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Треножник.
Легенда: справа в две строки ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ, слева в три строки – ΘΕΟΥ ΦΙΛΑΔΕΛΦΟΥ ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ.
Монограммы: не видны.
Вес – 6,26 г. Диаметр – 19 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 1913.

AE. Неизвестный монетный двор 94.

103. Инв. № KP OH 871815.
Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Треножник.

Легенда: справа в две строки ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ, слева в три строки – ΦΙΛΑΔΕΛΦΟΥ ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ.
Дата и монограммы: не видны.
Вес – 4,64 г. Диаметр – 18,5 мм. Соотношение осей – 1 ч.
SC 1920.

АНТИОХ VI

АЕ. Антиохия на Оронте.

104–105.

Л.с. Голова Антиоха в лучистой короне и диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Пантера, идущая влево. Во рту держит сломанное копье. Зубчатый край.
Легенда: в две строки вверху – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ, в две строки внизу – ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΔΙΟΝΥΣΟΥ.
Монограммы: в правом поле – ΣΤΑ.

104. Инв. № КР ОН 871816.
Вес – 3,42 г. Диаметр – 18 мм. Соотношение осей – 11 ч.
SC 2007.

105. Инв. № КР ОН 871817.
Обозначение монетного двора: в правом поле – звезда.
Вес – 4,12 г. Диаметр – 18–18,5 мм. Соотношение осей – 1 ч.
SC 2007c.

106–107.

Л.с. Голова Антиоха в лучистой короне и диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Слон, идущий влево. В хоботе держит факел. Зубчатый край.
Легенда: в две строки вверху – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ, в две строки внизу – ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΔΙΟΝΥΣΟΥ.
Монограммы: в правом поле – ΣΤΑ.

106. Инв. № КР ОН 871818.
Монограммы: не видны.
Вес – 8,27 г. Диаметр – 21–23 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 2006.

107. Инв. № КР ОН 871819.
Обозначение монетного двора: в правом поле– звезда.
Монограммы: в правом поле – ΣΤΑ.
Вес – 6,4 г. Диаметр – 20,5–21,5 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 2006c.

АНТИОХ VII

АЕ. Антиохия на Оронте.

108–115.

Л.с. Бюст Эрота, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Знак Исиды.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ, слева – ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ.

108. Инв. № КР ОН 871820.
Дата: □ΟΡ177 г. с.э. = 136/135 г. до н.э.
Монограммы: в левом внешнем поле – ⏄.

Вес – 5,75 г. Диаметр – 17 м. Соотношение осей – 12 ч.
SC 2067.5.

109. Инв. № КР ОН 871821.
Монограммы: не видны.
Вес – 5,09 г. Диаметр – 17–18 м. Соотношение осей – 1 ч.
SC 2067.

110. Инв. № КР ОН 871822.
Монограммы: не видны.
Вес – 5,44 г. Диаметр – 17,5–18,5 м. Соотношение осей – 12 ч.
SC 2067.

110. Инв. № КР ОН 871823.
Монограммы: не видны.
Вес – 4,41 г. Диаметр – 17 м. Соотношение осей – 2 ч.
SC 2067.

112. Инв. № 115.
Монограммы: не видны.
Вес – 6,01 г. Диаметр – 18–19,5 м. Соотношение осей – 1 ч.
От С.С. Ермилова, Египет, 1961 г.
SC 2067.

113. Инв. № 116.
Монограммы: не видны.
Вес – 5,1 г. Диаметр – 18–19 м. Соотношение осей – 11 ч.
От С.С. Ермилова, Египет, 1961 г.
SC 2067.

114. Инв. № КР ОН 973539.
Монограммы: не видны.
Вес – 5,33 г. Диаметр – 18–19 м. Соотношение осей – 12 ч.
Из «комиссии по приему и выдаче ценностей».
SC 2067.

115. Инв. № КР ОН 871824.
Вес – 5,15 г. Диаметр – 16–17 м. Соотношение осей – 1 ч.
SC 2067.

116. Инв. № КР ОН 871825.
Л.с. Голова льва. Изображение в точечном ободке.
О.с. Палица.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ, слева – ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ.
Дата: в правом внутреннем поле – ΙΟΡ.
Монограммы: в левом внешнем поле – ⏃.
Вес – 2,67 г. Диаметр – 14–14,5 м. Соотношение осей – 8 ч.
SC 2068.4.

АЕ. Иерусалим. 131/130 г. до н.э.

117. Инв. № КР ОН 871826.
Л.с. Лилия. Изображение в точечном ободке.
О.с. Якорь.
Легенда: слева – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ, справа – ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ.
Дата не видна.
Монограммы: отсутствуют.
Вес – 2,46 г. Диаметр – 14–15 мм. Соотношение осей – 7 ч.
SC 2123.

ДЕМЕТРИЙ II (ВТОРОЕ ПРАВЛЕНИЕ)

AE. Антиохия на Оронте.

118. Инв. № КР ОН 871827.
Л.с. Голова Зевса в лавровом венке, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Ника, шагающая вправо, в одной руке венок, в другой пальмовая ветвь.
Легенда: справа в две строки – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ, слева в две строки – ΘΕΟΥ ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ.
Монограммы: не видны.
Вес – 5,94 г. Диаметр – 16,5 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 2170.

АЛЕКСАНДР II

AE. Антиохия на Оронте.

119–120.

Л.с. Голова Александра в лучистой короне и диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Два рога изобилия, повязанные лентами.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

119. Инв. № КР ОН 871828.
Обозначение монетного двора: в левом внутреннем поле – рог изобилия.
Монограммы: в правом внутреннем поле – A.
Вес – 6 г. Диаметр – 19–20 мм. Соотношение осей – 1 ч.
SC 2235.1e.

120. Инв. № 121.
Обозначение монетного двора: в левом внутреннем поле – палица.
Монограммы: в левом внутреннем поле – A, в правом внутреннем поле – ⊙.
Вес – 8,68 г. Диаметр – 21,5 мм. Соотношение осей – 12 ч.
От С.С. Ермилова, Египет, 1961 г.
SC 2237.2a.

121. Инв. № КР ОН 871829.
Л.с. Голова Александра в диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Фигура молодого Диониса с канфаром и тирсом, стоя.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.
Дата просматривается частично.
Монограммы: в левом внешнем поле – 𐤀.
Вес – 6,3 г. Диаметр – 18–18,5 мм. Соотношение осей – 1 ч.
SC 2229.6.

AE. Апамея на Оронте.

122. Инв. № 117.
Л.с. Голова слона. Изображение в точечном ободке.
О.с. Орел. Зубчатый край.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.
Монограммы: не видны.
Вес – 3,37 г. Диаметр – 15–17,5 мм. Соотношение осей – 11 ч.
От С.С. Ермилова, Египет, 1961 г.
SC 2243.

Таблица I

Вестник древней истории, том 81 № 4
(вклейка к статье Е.В. Захарова, С.В. Смирнова, стр. 981–1014)

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39

Таблица II

Вестник древней истории, том 81 № 4
(вклейка к статье Е.В. Захарова, С.В. Смирнова, стр. 981–1014)

Таблица III

Вестник древней истории, том 81 № 4
(вклейка к статье Е.В. Захарова, С.В. Смирнова, стр. 981–1014)

56

57

58

59

60

61

62

63

64

65

66

67

68

69

70

71

72

Таблица IV

Вестник древней истории, том 81 № 4
(вклейка к статье Е.В. Захарова, С.В. Смирнова, стр. 981–1014)

Таблица V

Вестник древней истории, том 81 № 4
(вклейка к статье Е.В. Захарова, С.В. Смирнова, стр. 981–1014)

89

90

91

92

93

94

95

96

97

98

99

100

101

102

103

Таблица VI

Вестник древней истории, том 81 № 4
(вклейка к статье Е.В. Захарова, С.В. Смирнова, стр. 981–1014)

Таблица VII

Вестник древней истории, том 81 № 4
(вклейка к статье Е.В. Захарова, С.В. Смирнова, стр. 981–1014)

124

125

126

127

128

129

130

131

132

133

134

135

136

137

138

139

140

Таблица VIII

Вестник древней истории, том 81 № 4
(вклейка к статье Е.В. Захарова, С.В. Смирнова, стр. 981–1014)

123. Инв. № КР ОН 871830.
Л.с. Голова Диониса в плющевом венке, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Крылатая Тюхе стоя. В левой руке рог изобилия, в правой румпель, на голове калаф. Зубчатый край.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.
Монограммы: не видны.
Вес – 7,8 г. Диаметр – 18–20 мм. Соотношение осей – 11 ч.
SC 2242.

АНТИОХ VIII И КЛЕОПАТРА ТЕА

АЕ. Антиохия на Оронте.

124. Инв. № 122.
Л.с. Голова Антиоха в лучистой короне и диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Сова на амфоре.
Легенда: справа в две строки – ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΚΛΕΟΠΑΤΡΑΣ, слева – ΚΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ.
Дата и монограммы: не видны.
Вес – 5,43 г. Диаметр – 19 мм. Соотношение осей – 12 ч.
От С.С. Ермилова, Египет, 1961 г.
SC 2263.

АНТИОХ VIII

АЕ. Антиохия на Оронте.

125–131.

Л.с. Голова Антиоха в лучистой короне и диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Орел. За крылом скипетр.
Легенда: справа в две строки – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ, слева – ΕΡΙΦΑΝΟΥΣ.

125. Инв. № КР ОН 871831.
Дата и монограммы: не видны.
Вес – 6,12 г. Диаметр – 18–19 мм. Соотношение осей – 1 ч.
SC 2300.

126. Инв. № КР ОН 871832.
Монограммы: в левом внешнем поле – ΙΕ.
Вес – 5,79 г. Диаметр – 19 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 2300.4–8?

127. Инв. № КР ОН 871833.
Монограммы: не видны.
Вес – 5,68 г. Диаметр – 16,5 мм. Соотношение осей – 12 ч.
SC 2300.

128. Инв. № КР ОН 871834.
Дата в обрезе – ΒΣ (202 г. с.э. = 111/110 г. до н.э.)
Монограммы: в левом внешнем поле – .
Вес – 5,95 г. Диаметр – 18–19 мм. Соотношение осей – 11 ч.
SC 2307.2a.

129. Инв. № 119.
Монограммы: не видны.
Вес – 6,34 г. Диаметр – 18,5–19 мм. Соотношение осей – 12 ч.
От С.С. Ермилова, Египет, 1961 г.
SC 2307.

130. Инв. № КР ОН 973540.
Вес – 7,72 г. Диаметр – 21 мм. Соотношение осей – 12 ч.
Из «комиссии по приему и выдаче ценностей».
SC 2307.

131. Инв. № КР ОН 871835.
Л.с. Бюст Артемиды, вправо. За спиной колчан. Изображение в точечном ободке.
О.с. Аполлон стоя. В правой руке стрела, левой опирается на лук.
Легенда: справа в две строки – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ, слева – ΕΡΙΦΑΝΟΥΣ.
Дата в обрезе – ϐϥϼ (192 г. с.э. = 121/120 г. до н.э.).
Вес – 3,11 г. Диаметр – 13,5–14 мм. Соотношение осей – 2 ч.
SC 2301.1.

АНТИОХ IX

AE. Антиохия на Оронте.

132–133.

Л.с. Голова Геракла в лавровом венке, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Афина стоя. В правой руке держит Нику, в левой копье и щит.
Легенда: справа в две строки – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ, слева – ΦΙΛΟΠΑΤΟΡΟΣ.

132. Инв. № КР ОН 871836.
Монограммы: в левом внешнем поле – ⏃.
Вес – 5,06 г. Диаметр – 17–18,5 мм. Соотношение осей – 4 ч.
SC 2368.3.

133. Инв. № КР ОН 973541.
Монограммы: в левом внешнем поле – ⏃.
Вес – 4,56 г. Диаметр – 17–18 мм. Соотношение осей – 11 ч.
Из «комиссии по приему и выдаче ценностей».
SC 2368.1 или 2.

134. Инв. № КР ОН 871837.
Л.с. Голова Антиоха в диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Крылатый пучок молний.
Легенда: справа в две строки – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ, слева – ΦΙΛΟΠΑΤΟΡΟΣ.
Монограммы: не видны.
Вес – 5,71 г. Диаметр – 18,5–19,5 мм. Соотношение осей – 1 ч.
SC 2364.

AE. Монетный двор «Эрот/Ника» (Финикия).

135. Инв. № КР ОН 871838.
Л.с. Бюст Эрота, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Ника, шагающая влево. В руке держит венок.
Легенда: справа в две строки – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ, слева – ΦΙΛΟΠΑΤΟΡΟΣ.
Монограммы: в левом внешнем поле – ⏃.
Вес – 5,06 г. Диаметр – 17–18,5 мм. Соотношение осей – 4 ч.
SC 2388.9.

АНТИОХ XII

АЕ. Дамаск.

136. Инв. № КР ОН 973542.
Л.с. Драпированный бюст Антиоха в диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Тюхе стоя. В руках держит рог изобилия и пальмовую ветвь. Изображение в точечном ободке.
Легенда: справа в три строки – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ, слева в две строки – ΦΙΛΟΠΑΤΟΡΟΣ ΚΑΛΛΙΝΙΚΟΥ.
Монограммы: не видны.
Вес – 6,99 г. Диаметр – 20,5–22 мм. Соотношение осей – 1 ч.
Из «комиссии по приему и выдаче ценностей».
SC 2476.

137. Инв. № КР ОН 973543.
Л.с. Драпированный бюст Антиоха в диадеме, вправо. Изображение в точечном ободке.
О.с. Зевс стоя. В правой руке держит Нику, в левой скипетр. Изображение в точечном ободке.
Легенда: справа в три строки – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΔΙΟΝΥΣΟΥ, слева в три строки – ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΦΙΛΟΠΑΤΟΡΟΣ ΚΑΛΛΙΝΙΚΟΥ.
Монограммы: не видны.
Вес – 7,17 г. Диаметр – 18,5–21,5 мм. Соотношение осей – 12 ч.
Из «комиссии по приему и выдаче ценностей».
SC 2481.

НЕОПРЕДЕЛЯЕМЫЕ

138. АЕ. Антиох III? Инв. № КР ОН 871839.
Л.с. Голова правителя в диадеме, вправо.
О.с. Аполлон, сидящий на омфале. В правой руке стрела, левой опирается на лук.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΑΝΤΙΟΧΟΥ.
Монограммы: не просматриваются.
Вес – 4,88 г. Диаметр – 17–18 мм. Соотношение осей – 12 ч.

139. Инв. № КР ОН 871840.
Л.с. Голова правителя в диадеме, вправо.
О.с. Аполлон, сидящий на омфале. В правой руке стрела, левой опирается на лук.
Легенда: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ.
Вес – 1,28 г. Диаметр – 12–14 мм. Соотношение осей – 5 ч.

140. Инв. № КР ОН 871841.
Л.с. Неразборчиво.
О.с. Аполлон стоя. В правой руке стрела, левой опирается на лук.
Легенда не сохранилась.
Вес – 1,39 г. Диаметр – 10–11 мм. Соотношение осей – 12 ч.

Литература / References

Doyen, C. 2014: Le systeme monétaire et pondéral d'Antiochos IV. In: C. Feyel, L. Graslin-Thomé (éd.), *Le projet politique d'Antiochos IV, Actes des journées d'études francoallemandes, Nancy, 17–19 juin 2013*. Nancy.

Gorin, A.N., Dvurechenskaya, N.D. 2018: *Katalog monet kreposti Uzundara (Yuzhnyy Uzbekistan)* [*Catalogue of Coin Findings from the Fortress of Uzundara (Southern Uzbekistan)*]. Tashkent.
Горин, А.Н., Двуреченская, Н.Д. *Каталог монет крепости Узундара (Южный Узбекистан)*. Ташкент.

Frolova, N.A. 2010: *Antichnye zolotye monety v sobranii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Ot antichnosti do Vizantii* [*Ancient Gold Coins from the Collections of the State Historical Museum. From Antiquity to Byzantium*]. Moscow.
Фролова, Н.А. *Античные золотые монеты в собрании Государственного исторического музея. От античности до Византии*. М.

Hoover, O. 2004: Ceci n'est pas l'autonomie: the coinage of Seleucid Phoenicia as a Royal and Civic Power Discourse. *Le Roi et l'économie. Autonomies locales et structures royales dans l'économie de l'empire séleucide*. (Topoi. Suppl. 6), 485–507.

Houghton, A. 2016: The Seleucids. In: W. Metcalf (ed.), *The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage*. Oxford–New York, 235–251.

Iossif, P.P. 2014: Seleucia on the Tigris under the Seleucids: «monetary» pantheon vs. «glyptic» pantheon. *Mythos. Rivista di Storia delle Religioni* 8, 35–53.

Iossif, P.P. 2016: Using site finds as basis for statistical analysis of the Seleucid numismatic production and circulation. An introduction to the method. In: F. Duyrat, C. Grangjen (eds.), *Les monnaies de fouille du monde grec (VIe–Ier s.a.C.). Apports, Approches et Méthodes*. Bordeaux, 263–296.

Kritt, B. 1996: *Seleucid Coins of Bactria*. Lancaster–London.

Kritt, B. 2016: *The Seleucid Mint of Aï Khanoum*. Lancaster.

Zakharov, E.V., Smirnov, S.V. 2020: [New Seleukid coins from the collection of the State Historical Museum]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 80/1, 150–171.
Захаров, Е.В., Смирнов, С.В. Новые монеты государства Селевкидов из собрания Государственного исторического музея. *ВДИ* 80/1, 150–171.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Vestnik drevney istorii
81/4 (2021), 1015–1029
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/4 (2021), 1015–1029
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910017368-7

НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ: ПЕРЕПИСКА АЛАНА Х. ГАРДИНЕРА И В.С. ГОЛЕНИЩЕВА 29–30 ИЮЛЯ 1914 г.

О. А. Васильева[1], И. А. Ладынин[2]

[1] *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Москва, Россия*
[2] *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

[1] *E-mail*: vassilievagmii@gmail.com [2] *E-mail*: ladynin@mail.ru

[1] *ORCID*: 0000-0002-5101-458X [2] *ORCID*: 0000-0002-8779-993X

В статье публикуются два письма из переписки выдающихся египтологов первой половины XX в. – письмо А.Х. Гардинера В.С. Голенищеву от 29 июля 1914 г. и ответное письмо В.С. Голенищева от 30 июля 1914 г. (черновик). Оба документа хранятся в Архиве В.С. Голенищева в Париже. Письма позволяют оценить настроение крупнейших представителей европейской науки в преддверии Первой мировой войны, уточнить детали их биографии в 1914 г., их научных планов, их участия в становлении будущего лидера советской науки о древнем Востоке В.В. Струве.

Ключевые слова: В.С. Голенищев, А.Х. Гардинер, египтология, Первая мировая война, древнеегипетские памятники, В.В. Струве, Музей Изящных искусств в Москве, Центр Владимира Голенищева в Париже

Данные об авторах. Ольга Александровна Васильева – кандидат исторических наук, участник научного коллектива по проекту РНФ 19-18-00369 в МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий отделом древнего Востока ГМИИ имени А.С. Пушкина; Иван Андреевич Ладынин – доктор исторических наук, доцент, руководитель научного коллектива по проекту РНФ 19-18-00369 в МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников)».

ON THE EVE OF THE GREAT WAR: CORRESPONDENCE BETWEEN ALAN H. GARDINER AND VLADIMIR GOLENISHCHEV, 29th–30th July 1914

Olga A. Vassilieva[1], Ivan A. Ladynin[2]

[1] *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia*
[2] *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; HSE University, Moscow, Russia*

[1] *E-mail*: ladynin@mail.ru [2] *E-mail*: vassilievagmii@gmail.com

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no.19-18-00369

The article contains a publication of two letters from the correspondence between the leading Egyptologists of the first half of the twentieth century: the letter from Alan H. Gardiner to Vladimir Golenishchev of 29th July 1914 and the draft reply by Golenishchev of 30th July 1914. Both documents are kept in the Archive of Vladimir Golenishchev in Paris. The letters provide an insight into the mood of the outstanding European scholars on the verge of World War I, clarify some details of their biography in 1914, and throw new light on their research plans, and their contribution to the intellectual formation of the future leader of the Soviet ancient Near East scholarship, Vassily Struve.

Keywords: Vladimir Golenishchev, Alan H. Gardiner, Egyptology, World War I, Ancient Egyptian monuments, V.V. Struve, Museum of Fine Arts in Moscow, Centre Wladimir Golénischeff in Paris

В хорошо известном отечественным египтологам сборнике об истории приобретения коллекции В.С. Голенищева в Музей изящных искусств, изданном ГМИИ им. А.С. Пушкина в 1987 г., опубликовано четыре письма из Архива В.С. Голенищева в Париже[1] с неполными (без указания года) датировками, уточнение которых составителями сборника – 1915 г. – всегда производило впечатление странной ошибки. Письмо В.В. Струве В.С. Голенищеву (с примечательной фразой во втором его абзаце: «А Вы, Владимир Семенович, для меня же выше государя»[2]) датировано 4 мая и содержит рассказ о его личных обстоятельствах в России (в том числе о смерти отца), о работе над стелами и саркофагами из коллекции Голенищева[3] и над статьями об экономике эллинистического

[1] Архив В.С. Голенищева в Париже не имеет самостоятельного статуса и находится внутри так называемого Центра Владимира Голенищева (Centre Wladimir Golénischeff), являющегося частью коллежа École Pratique des Hautes Études (Sciences religieuses del' EPHE). Подробную информацию о Центре см. на сайте URL: https://www.ephe.fr/bibliotheques/bibliotheques-et-centres/centre-wladimir-golenischeff (дата обращения: 20.10.2021).

[2] Demskaya *et al.*1987, 242.

[3] В.В. Струве говорит о чтении текстов на этих памятниках, а фраза: «Все это я более или менее закончил и думаю в ближайшие месяцы, по крайней мере, стелы

Египта[4], а также о стажировке в Берлине под руководством А. Эрмана, начавшейся 12 апреля того же года, и о встречах с немецкими египтологами (крайне подробно, с многочисленными личными характеристиками)[5]. Среди прочего Струве сообщает Голенищеву о работе над своей магистерской диссертацией: «Тему мою я должен был переменить. Вместо “Чиновники Ср[еднего] ц[арства]” я должен писать “чиновники Нов[ого] ц[арства]”. Первую тему взял один из берлинцев, некто Гофман, который обрабатывает и издает Кахунские папирусы и наряду с этим и должен коснуться чиновничества»[6].

Следующим в сборнике помещено короткое письмо Голенищева[7], написанное доброжелательно и чрезвычайно просто; оно представляет собой ответ на письмо Струве от 1 июля, которое было послано Голенищеву в Ниццу и затем переслано в Бад-Гомбург, где «у одного из Франкфуртских профессоров» проходит «серьезный курс лечения» его жена. Голенищев пишет, что как раз пребывание в Бад-Гомбурге препятствует ему «на обратном пути» (судя по всему, в Россию; см. далее) повидать Струве в Берлине, сообщает ему, что написал о его просьбе А.Х. Гардинеру, и поздравляет с предстоящей свадьбой. Согласно примечанию составителей, письмо Струве от 1 июля не было обнаружено[8].

Далее в сборнике помещено, несомненно, ответное письмо Струве от 16 июля[9], начинающееся с пространного описания того, как он «изнервничался в последнее время и стал страшно мнительным и боязливым» под влиянием и личных бедствий, и впечатлений от стажировки в Берлине. Важнейшим моментом в этом письме является как раз оценка пресловутой просьбы Струве, переадресованной Голенищевым Гардинеру: «Транскрипция его (Гардинера – *О. В.*, *И. Л.*) папирусов мне необходима до зарезу»[10]. Мы узнаем, что в связи с этим Струве уже получил рекомендацию А. Эрмана, которую переслал Гардинеру, но при этом явно больше полагался на ходатайство перед крупнейшим британским египтологом именно Голенищева. Получение от Голенищева ответа, что он написал по этому вопросу Гардинеру, разуверило Струве в подозрениях о нерасположении

переслать Борису Александровичу (Тураеву – *О. В.*, *И. Л.*) для печати» (Demskaya *et al.* 1987, 243) – свидетельствует, что данная работа проводилась в связи с подготовкой некоей публикации. Неясно, однако, какая публикация имеется в виду: в списке трудов В.В. Струве (Pigulevskaya *et al.* 1962, 7–22) публикации подобных памятников не учтены. Возможно, В.В. Струве должен был подготовить материал для одного из выпусков «Памятников музея изящных искусств имени императора Александра III в Москве», издававшихся при участии Б.А. Тураева (см., например, Pamyatniki 1913, 73–80, 109–128; Demskaya *et al.* 1987, 302–306; Tomashevich 2002, 377–378), который, однако, не был опубликован (может быть, и сама подготовительная работа Струве осталась не завершена).

[4] Речь идет о статьях Struve 1913; 1915.

[5] Demskaya *et al.* 1987, 242–246.

[6] Demskaya *et al.* 1987, 246; возможно, имеется в виду автор работы Hoffmann 1915.

[7] В парижском архиве в папке «Struve. Taka-Hussein» отсутствует; написано карандашом на обороте черновика письма А.Х. Гардинеру и находится в папке «Gardiner».

[8] Demskaya *et al.* 1987, 246–247, n. 1.

[9] Demskaya *et al.* 1987, 247–250.

[10] Demskaya *et al.* 1987, 249.

к нему Голенищева и принесло убеждение, что он сможет успешно завершить свою диссертацию; надо сказать, что эмоциональность этого письма и в самом деле производит чрезвычайное впечатление.

Наконец, последнее из этих четырех писем, отправленное Голенищевым Гардинеру из Бад-Гомбурга и не имеющее даты, содержит собственно изложение просьбы Струве[11]: Голенищев пишет, что накануне «получил письмо от одного молодого начинающего египтолога», ученика Б.А. Тураева, стажирующегося у Эрмана, который «приступает к работе над диссертацией о “Государственных образованиях в период Нового царства”»: «Это очень скромный, трудолюбивый молодой человек, лишенный какого-либо состояния, чье будущее единственно зависит от успешного завершения диссертации»[12]. Голенищев просит Гардинера разрешить Струве пользоваться иероглифическими транскрипциями иератических папирусов «из Турина и Лейдена», которые были сделаны Гардинером для картотеки берлинского «Словаря египетского языка»[13], «поскольку не в человеческих силах, особенно для новичка, выполнить за короткое время транскрипции всех иератических папирусов». Голенищев гарантирует, что Струве использует «из этих транскрипций только те выдержки, которые необходимы для диссертации», и предлагает справиться о нем у А. Эрмана или Г. Мёллера. Отметим, что в начале письма Голенищев, как и в письме Струве, говорит о своих личных планах: он собирался уехать в Петербург, как писал об этом Гардинеру из Ниццы, но не смог исполнить своего намерения из-за необходимости провести с женой «около шести недель» в Бад-Гомбурге.

Не вызывает сомнений, что последовательность писем в переписке Струве и Голенищева была установлена составителями сборника верно, однако приписанная им датировка должна вызывать удивление: все они отнесены к 1915 г.! Между тем и берлинская стажировка Струве, и его женитьба на Марии Леонидовне Богородской пришлись на 1914 г.[14] По сути дела, уже само содержание этих писем позволяет уверенно откорректировать эту датировку; однако окончательным доводом в пользу этого являются два четко датированных письма из переписки В.С. Голенищева и А.Х. Гардинера, относящиеся к концу июля 1914 г. (в этой переписке датировки идут, безусловно, по «новому стилю»). Данные письма обнаружены О.А. Васильевой в ходе ее работы по изучению переписки В.С. Голенищева в зарубежных архивах. Оба они находятся в Архиве В.С. Голенищева в Париже и являются частью обширного массива переписки двух ученых, связанных не только научными контактами, но и уже успевшей к началу 1910-х годов окрепнуть дружбой; они не были опубликованы составителями сборника ГМИИ, поскольку не относились напрямую к истории приобретения для московского Музея коллекции Голенищева.

---

[11] Demskaya *et al.* 1987, 250–252.

[12] Demskaya *et al.* 1987, 251 (весь перевод ходатайства Голенищева приведен на этой странице).

[13] О создании «Словаря египетского языка» и о его картотеке, доступной теперь онлайн (см. *DZA*) см. Korostovtsev 1963, 113–115.

[14] См., например, Petrovskiy 1969, 8.

Более ранним оказывается письмо Гардинера Голенищеву, написанное 29 июля 1914 г. в берлинском отеле «Континенталь», по-французски (как и практически вся переписка двух ученых[15]), с обеих сторон сложенного вдвое листа почтовой бумаги отеля[16], черными чернилами. Судя по всему, оно представляет собой ответ на письмо Голенищева, опубликованное в сборнике ГМИИ имени А.С. Пушкина. Приведем его текст во французском оригинале и переводе (здесь и далее орфография и пунктуация оригинала сохранены; исправления и описки комментируются при необходимости)[17]:

Le 29 Juillet 14,

Mon cher ami,

Votre lettre nous a suivis tout d'abord à Chamonix, puis à Berlin, d'où nous voulions partir aujourd'hui même pour prendre le bateau finlandais à Stettin. En vue de la situation politique il me semblait cependant plus prudent de changer nos plans, et nous allons passer quelques semaines en Danemark au lieu de Finlande.

Avant mon départ de l'Angleterre je vous écrivais une longue lettre à Nice, qui semble ne pas vous être parvenue. M. Petrie a été enchanté de pouvoir publier vos photographies, seulement il lui serait nécessaire d'avoir ou bièn[18] les négatifs ou bièn des impressions sur un papier brun et plus lisse. Encore vous serait-il très reconnaissant de quelques mots d'explication que vous pourriez ajouter. Voulez-vous lui écrire directement à

Edwards Library
University College
Gower Street
London, W.C.

Je regrette infiniment la nouvelle de la maladie de Madame Golénischeff, et j'espère que la cure de Homburg qu'elle va faire rétablira sa santé parfaitement. Veuillez la saluer de ma part, et lui dire que nous sommes toujours très chagrinés de ce que vous n'ayez pas songé encore à nous faire visite en Angleterre.

Quant à la demande de M. Struve je l'accorde très volontiers et de tout mon coeur. Il faudra naturellement qu'il se restreigne à donner des citations des texts, et non pas àles publier en entier. Même si je le voulais, je ne serais pas en état de lui donner une telle autorisation, car il s'agit de papyrus qui ne m'appartiennent pas à moi mais aux musées de Turin et de Leide[19]. Si je savais l'adresse de M. Struve je lui écrirais un mot moi-meme.

Ibscher m'a confié un message pour vous. Il dit avoir une photographie de Livre des Morts qu'il a déroulé pour vous, et voudrait savoir si vous voulez avoir cette photographie. Sinon il me la céderait à moi, avec votre permission, pour qu'elle fasse partie de mes archives photographiques qui s'accroitrent[20] toujours. Mais sans doute vous avez besoin de la photographie vous-même.

Nos meilleures salutations à Madame Golenischeff et à vous-meme

---

[15] Только последнее письмо Гардинера Голенищеву (февраль 1945 г.), хранящееся в парижском архиве, написано по-английски.

[16] В верхней левой части лицевой стороны листа – эмблема отеля, его название (Continental Hotel. L. Adlon H. Klicks. Berlin) и адрес (Berlin. Neustadt. Kirchstr. 6/7. Telegr. Adr. Continotel).

[17] Перевод писем И.А. Ладынина. Авторы статьи благодарны Д.А. Изосимову за набор французского текста писем.

[18] Так в тексте, вместо ожидаемого bien (то же далее).

[19] Так в тексте, вместо ожидаемого Leyde (то же далее в письме В.С. Голенищева).

[20] Так в тексте. Ошибка Гардинера – правильно s'accroissent.

Toujours votre tout devoué
Alan H. Gardiner

29 июля [19]14

Мой дорогой друг,

Ваше письмо следовало за нами сначала в Шамони, затем в Берлин, откуда мы собирались уехать прямо сегодня, чтобы сесть на финский корабль в Штеттине. Ввиду политической ситуации мне кажется более осторожным изменить наши планы, и мы собираемся провести несколько недель в Дании вместо Финляндии.

Перед моим отъездом из Англии я написал вам в Ниццу длинное письмо, которое, кажется, до Вас не дошло. Г-н Питри[21] был очень рад возможности опубликовать ваши фотографии, только ему понадобится получить либо негативы, либо отпечатки на коричневой и более гладкой бумаге. Еще он был бы очень признателен вам за несколько слов объяснения, которые вы могли бы добавить. Вы могли бы написать ему прямо по адресу:

Эдвардсовская библиотека[22]
Университетский колледж
Гоуэр-стрит
Лондон, Запад-Центр

Я бесконечно огорчен известием о болезни госпожи Голенищевой, и я надеюсь, что лечение в Гомбурге, которое она пройдет, превосходно восстановит ее здоровье. Будьте добры передать ей мой привет и сказать, что мы все время сожалеем, что вы пока не собрались навестить нас в Англии.

Что касается просьбы г-на Струве, я охотно и от всего сердца даю на нее согласие. Естественно, необходимо, чтобы он ограничился цитатами из текстов, а не публиковал их целиком. Даже если бы я пожелал, я не был бы в состоянии дать ему разрешение на это, поскольку речь идет о папирусах, которые принадлежат не мне, а музеям Турина и Лейдена. Если бы у меня был адрес г-на Струве, я написал бы ему пару слов сам.

Ибшер[23] передал мне сообщение для вас. По его словам, у него есть фотография Книги мертвых, которую он развернул для вас, и он хотел бы знать, не захотите ли вы эту фотографию получить. Если нет, он уступит ее мне, с вашего разрешения, чтобы она стала частью моих фотографических архивов, которые непрерывно растут. Но, без сомнения, эта фотография понадобится вам самому.

Наши искренние приветствия госпоже Голенищевой и вам.

Неизменно преданный Вам

Алан Х. Гардинер

---

[21] Питри, Уильям Мэтью Флиндерс (1853–1942) – крупнейший британский египтолог-археолог, основоположник исследований додинастического Египта, с 1914 – издатель журнала Ancient Egypt, о публикации в котором идет речь здесь и далее (см., например, Bierbrier 2019, 363–365; Drower 1995).

[22] Египтологическая библиотека в составе библиотеки Института археологии Университетского колледжа Лондона (URL: https://www.ucl.ac.uk/archaeology/about-us/institute-archaeology-library; дата обращения: 20.10.2021), которая была создана на средства Амелии Эдвардс, поддерживавшей исследования У.М.Ф. Питри (Bierbrier 2019, 145–146; Moon 2006). В Университетском колледже находится также коллекция египетских памятников, собранная Питри и приобретенная у него в 1913 г. (Bierbrier 2019, 364; URL: https://www.ucl.ac.uk/culture/petrie-museum; дата обращения: 20.10.2021).

[23] Ибшер, Хуго (1874–1943) – переплетчик по первоначальной специальности, с 1891 – известный реставратор папирусов в египтологическом собрании берлинских музеев, выполнявший аналогичную работу во многих музеях Европы (Bierbrier 2019, 233).

Доставка этого письма в Бад-Гомбург заняла, очевидно, меньше суток, поскольку ответ на него Голенищева датирован 30 июля 1914 г. В нашем распоряжении черновик этого письма[24], который написан на листе почтовой бумаги “Grand Hotel und Villa Fürstenruhe”[25], также сложенном вдвое, черными чернилами с обеих сторон, причем на обороте текст занимает лишь половину листа:

30 Juillet 1914

Mon cher ami[26],

Merci de tout coeur pour la charmante lettre que Vous[27] venez de m’adresser de Berlin. Je ne sais vraiment pas, comment Vous exprimer toute ma profonde reconnaissance pour la permission, que Vous voulez bien accorder à mon protégé, de pouvoir chercher dans Vos copies des papyrus de Leide et de Turin[28] les matériaux nécessaires pour sa dissertation. Comme je Vous l’ai déjà écrit, je puis Vous donner l’assurance qu’il n’abusera guère[29] de Votre bonté et ne voudra jamais outrepasser l’autorisation, que Vous lui octroyez, en se permettant jamais de publier[30] des texts entiers. Du reste[31] avec toutes les complications politiques qui ce dernier temps ont surgi[32] d’une manierè si inattendue, sait-on encore s’il va pouvoir continuer ses études à Berlin?! On parle partout de la guerre et la guerre paraît en effet si proche, qu’il est vraiment difficile en ce moment d’escompter l’avenir et de dire, où nous serons et ce que nous serons bientôt!

Quant à Vous, l’orage qui se prépare en Europe Vous a bien servi, car il Vous a empêché d’aller à Hangö, où, comme je l’apprends ici d’une famille russe, il y a eu cet année de scarlatine. La famille en question s’était au printemps installée à Hangö voulant y passer l’été, mais elle a dû précipitamment s’enfuir de l’endroit à cause [de][33] l’apparition de cette maladie, qui venait subitement d’y éclater!

Je regrette infiniment que la lettre, que Vous m’avez envoyeé à Nice pour me demander les négatifs pour Mr[34]. Petrie, ne me soit pas parvenue, car malheureusement je ne les ai pas

---

[24] Чистовик письма отсутствует. В архиве А. Гардинера в Институте Гриффиса последнее письмо Голенищева к Гардинеру в 1914 г. датировано 15 марта (см. далее), следующее – только 18 декабря 1917 г.

[25] В верхней левой части лицевой стороны листа – эмблема отеля и его название (Grand Hotel und Villa Fürstenruhe, Bad Homburg V.D.H.).

[26] В одной строке с обращением, справа от него, карандашная пометка «(Gardiner)», сделанная, очевидно, самим Голенищевым при упорядочении своего архива, чтобы не ошибиться в адресате данного письма.

[27] Можно обратить внимание, что если местоимение vous и его производные пишутся Гардинером со строчной буквы, то Голенищев, в соответствии с практикой русской корреспонденции, неизменно пишет их с прописной буквы.

[28] Слова «copies des papyrus de Leide et de Turin» вписаны вместо зачеркнутого слова «textes».

[29] Слово «guère» написано поверх зачеркнутого «pas».

[30] Слова «se permettent jamais de publier» – вписка и исправление вместо «publiant».

[31] Слова «Du reste» вписаны вместо зачеркнутого слова «Même».

[32] Слова «ce dernier temps ont surgi» – вписка и исправление вместо «viennent de surgir».

[33] Слова «l’apparition de» вписаны сверху; предлог de, связанный с à cause, первоначально был употреблен в словосочетании «à cause de cette maladie» и при вписке оказался по ошибке вычеркнут (нами восстановлен в квадратных скобках).

[34] Судя по тому, что далее такое же сокращение употребляется применительно к Х. Ибшеру и Б.А. Тураеву, оно передает французское Monsieur, а не английское Mister.

emportés avec moi et maintenant je ne pourrai les avoir que lorsque je serai rentré a Nice, *in châa Allah*[35], au mois de September.

En ce qui concerne la photographie de Mr. Ibscher, dont Vous me parlez, je ne me rends pas bien compte s'il s'agit de photographies tirées d'un exemplaire avec vignettes du Livre des Morts que Mr. Ibscher a déroulé pour moi il y a deux ans et qu'ensuite il a expédié à l'Ermitage de St Pétersbourg, ou bien si c'est une photographie faite d'un papyrus funéraire (très ancien) du Museé de Moscou, dont Mr. Touraeff lui a fait rassembler et recoller les fragments et dont, je sais, Mr. Ibscher avait tiré des photographies.

30 июля 1914

Мой дорогой друг,

Благодарю от всего сердца за чудесное письмо, которое Вы только что направили мне из Берлина. Я, по правде, не знаю, как выразить Вам всю мою глубокую благодарность за разрешение, которое Вы благоволили дать моему подопечному,– возможность искать в Ваших копиях папирусов из Лейдена и Турина материалы, необходимые для его диссертации. Как я Вам уже писал, я могу дать Вам заверения, что он нисколько не злоупотребит Вашей добротой и никогда не пожелает выйти за рамки того полномочия, которое Вы ему предоставили, позволив себе когда-либо опубликовать эти тексты целиком. Впрочем, при всех тех политических осложнениях, которые за это последнее время возникли столь неожиданным образом, можно ли еще думать, что он сможет продолжить свои занятия в Берлине?! Всюду говорят о войне, и война и в самом деле кажется столь близкой, что сейчас и вправду трудно рассчитывать на будущее и сказать, где мы вскоре окажемся и чем мы станем.

Что до Вас, то буря, которая собирается в Европе, оказала Вам добрую услугу, ибо помешала Вам отправиться в Ханко[36], где, как я здесь узнал от одной русской семьи, в этом году была скарлатина. Эта семья обосновалась весной в Ханко, желая провести там лето, но должна была быстро бежать из этого места по причине появления этой болезни, которая внезапно там разразилась!

Я бесконечно сожалею, что письмо, которое Вы мне отправили в Ниццу, чтобы попросить негативы для г-на Питри, не дошло до меня, ибо, к сожалению, я их не привез с собой и теперь не смогу их получить до тех пор, пока не вернусь в Ниццу, *ин ша'а Ллах*[37], в сентябре.

Что касается фотографии г-на Ибшера, о которой Вы мне говорите, я не возьму в толк, идет ли речь о фотографиях экземпляра Книги мертвых с виньетками, который г-н Ибшер развернул для меня два года назад и который он затем отправил в санкт-петербургский Эрмитаж, или же это фотография, сделанная с погребального папируса (очень древнего) московского Музея, фрагменты которого г-н Тураев[38] дал ему собрать и склеить и с которого, как я знаю, г-н Ибшер сделал фотографии.

Как видно, эти письма производят впечатление прежде всего отразившимся в них историческим фоном: накануне написания первого из них, 28 июля 1914 г., Австрия объявила войну Сербии и между ними начались военные действия,

---

[35] Подчеркнуто Голенищевым.

[36] Полуостров на южном побережье Финляндии, более известный как приобретенная СССР в 1940 г. военно-морская база. Голенищев употребляет шведское написание его названия (Hangö udd, откуда русское устаревшее «Гангут»).

[37] Араб. «если пожелает Аллах».

[38] Тураев, Борис Александрович (1868–1920) – основоположник российской египтологии и науки о древнем Востоке, со времени поступления коллекции В.С. Голенищева в Музей изящных искусств в Москве ее хранитель (Tomashevich 2002, 367–378).

а в день написания второго, 30 июля, частичная мобилизация русской армии была превращена во всеобщую, что в конечном счете и стало поводом для всеобщей мобилизации в Германии и объявления ею войны России 1 августа[39]. Примечательна, кстати, некоторая отстраненность от европейских событий Гардинера, говорящего о них как будто лишь в связи с планами на предстоящий отдых: он понимает опасности, связанные с плаванием по Балтике и Финскому заливу в условиях возможной войны между Германией и Россией, однако, как и абсолютное большинство англичан, еще не знает о прямом обязательстве и намерении Британии вступить в приблизившуюся европейскую войну на стороне Франции и России[40]. Собственно говоря, Гардинер не вполне сознает, сколь близка война, как и Голенищев, по-видимому, полагающий, что сможет провести в Бад-Гомбурге с женой весь срок ее лечения, вплоть до сентября, а также говорящий с оттенком юмора о пользе, которую европейские события доставили семье Гардинера, избавив ее от скарлатины в Финляндии (очевидно, и ему пока трудно представить, что европейский конфликт затронет его корреспондента-англичанина более непосредственно). Вместе с тем эти письма позволяют обсудить ряд конкретных проблем, связанных прежде всего с событиями жизни и научными планами В.С. Голенищева и В.В. Струве в 1914 г.

К сожалению, сейчас мы не имеем точных сведений о том, когда и как именно уехали из Германии Голенищев и Струве; однако если Голенищев с женой должны были покинуть ее уже при начале военных действий, очевидно, на тех условиях, которые предоставлялись для этого подданным воюющих с Германией государств, то Струве, как мы увидим далее, скорее всего уехал еще до того, как июльский кризис 1914 г. вступил в свою самую острую финальную фазу. Об этом позволяет судить тональность его письма, датированного 16 июля и опубликованного в сборнике ГМИИ: в нем идет речь о многих проблемах молодого ученого, но совершенно не затрагиваются события июльского кризиса. На наш взгляд, это позволяет полностью решить вопрос, датировано ли это письмо по старому или по новому стилю: в первом случае его датировка соответствовала бы 29 июля 1914 г., и, сколь велика ни была бы поглощенность Струве делами его будущей диссертации, трудно поверить, что в эти дни и в столь эмоциональном письме он не сказал бы ни слова об угрозе войны. Напротив, если это письмо написано 16 июля по новому стилю, т.е. уже после сараевского убийства, но за неделю до австрийского ультиматума Сербии 23 июля, после которого угроза войны стала непосредственной, такое молчание о политических событиях вполне объяснимо. Этот вывод решает заодно и вопрос о датировках остальных писем Струве, посланных Голенищеву: по-видимому, находясь в Европе, ученые, чтобы не путаться в датах, пользовались той системой их обозначения, которая была принята в странах их пребывания.

---

[39] См. хронологию событий июльского кризиса 1914 г. по: Tarle 1958, 274–317.

[40] См. в автобиографических заметках Гардинера о его отдыхе летом 1914 г. в Шамони у его друга Робера Гертца («I was myself too ignorant and too careless of politics to have even suspicion of the impending tragedy, but Robert on reading his newspaper said ‘C’est la guerre’»), о крушении его плана задержаться для работы в Берлине и возвращении через Данию и Швецию в Великобританию уже осенью (Gardiner1962, 28–29).

В таком случае Струве пишет Голенищеву письмо с просьбой ходатайствовать за него перед Гардинером 1 июля по новому стилю, причем Голенищев уже не успевает получить его в Ницце и отвечает на него из Бад-Гомбурга, куда его переслали. Точно так же он не успевает получить письмо Гардинера из Англии, где идет речь о необходимости прислать Питри негативы и отпечатки фотографий с кратким комментарием. Из Бад-Гомбурга Голенищев пишет Гардинеру, хлопоча за Струве, и одновременно самому Струве, сообщая ему об этом. Оба эти письма написаны до 16 июля по новому стилю, когда Струве пишет Голенищеву свое благодарственное письмо; и, учитывая, что, как мы видим, доставка писем внутри Германии даже в конце июля 1914 г., накануне военных действий, занимала всего лишь около суток, вряд ли будет неосторожностью датировать эти два письма Голенищева 14 или 15 июля. По всей вероятности, Голенищев прибыл в Бад-Гомбург вообще в самом начале июля, так как определяет в обоих этих письмах срок лечения своей жены как двухмесячный и пишет Гардинеру, что ему остается провести здесь еще «около шести недель». Что касается Струве, то в статье, приуроченной к его 80-летию, Н.С. Петровский датирует женитьбу молодого ученого 31 июля 1914 г., к сожалению, не указывая, имеется ли в виду датировка по старому или новому стилю (см. выше наше прим. 14). Пожалуй, это не столь важно, поскольку письмо Струве от 16 июля содержит фразу: «Слава Богу, что я его (письмо Голенищева – *Авт.*) получил еще до моего отъезда в Россию, а то бы я уехал с тягостным сознанием того, что Вы на меня рассердились»[41]. Очевидно, что в таком случае написание этого письма отделено от отъезда Струве в Россию, действительно, считанными днями, и в таком случае он уехал до острой фазы июльского кризиса. Может быть, на это же намекает и фраза Голенищева в письме Гардинеру от 30 июля: «Впрочем, ...можно ли еще думать, что он сможет продолжить свои занятия в Берлине?!» Разумеется, форма этой фразы может быть истолкована по-разному, но, вполне вероятно, Голенищев имеет в виду буквально то, что Струве, как ему известно, уехавший в Россию из-за своей женитьбы, не сможет приехать обратно в Берлин после начала войны.

Еще один вопрос, который этот комплекс корреспонденции побуждает задать также в связи с научной биографией В.В. Струве, касается его планировавшейся работы над магистерской диссертацией, которая, по-видимому, и была главной целью его стажировки в Берлине. Письма не позволяют точно восстановить ее тему, однако, судя по всему, она и была сформулирована весьма общо, как исследование египетской администрации времени Нового царства. К этому времени, как мы можем, кстати, судить и по первому письму Струве Голенищеву, в его работе определились два направления: изучение египетских памятников (что позволило ему в дальнейшем работать в Эрмитаже) и социально-экономическая история эллинистического Египта (первооснова его будущего интереса к социологическим схемам вообще[42]). Как видно, наставник Струве в Санкт-Петербургском университете Б.А. Тураев принял во внимание его интерес к проблемам общественного развития, но выбрал для него в их рамках классическую

[41] Demskaya *et al.* 1987, 247.
[42] Ladynin 2016, 78–80; 2020.

египтологическую тему, предполагающую работу с терминологией на массовом материале, причем рассчитывал на ее окончательное определение в Берлине А. Эрманом. Правомерно поинтересоваться, к каким именно иератическим папирусам Струве хотел получить доступ через посредство транскрипций Гардинера. Что касается папирусов из Туринского музея, это довольно очевидно: речь идет, несомненно, о серии папирусов, вошедшей позднее в известную публикацию А.Х. Гардинера «Ramesside Administrative Documents» и включавшей документы знаменитого поселения работников фиванского некрополя в Дейр эль-Медине[43]. Факсимиле нескольких из этих папирусов были изданы в конце XIX в., однако качество их изданий было неудовлетворительным, и в 1905 г. Гардинер проводил их колляцию для целей берлинского «Словаря египетского языка»[44]. С лейденскими папирусами дело обстоит чуть сложнее, поскольку сам Гардинер их не публиковал; однако в предисловии к публикации Я. Черни «Late Ramesside Letters» есть упоминание о проведенной Гардинером также в первом десятилетии XX в. и в связи с подготовкой берлинского «Словаря...» колляции двух лейденских папирусов, ранее изданных В. Шпигельбергом по несовершенному факсимиле в составе целой группы документов[45]. В дальнейшем переиздание этих документов было задумано Т.Э. Питом и Я. Черни при поддержке Гардинера, но из-за смерти Пита было в итоге реализовано одним Черни. Соответственно, в материалах берлинского «Словаря...» были по крайней мере транскрипции папирусов с письмами писца фиванского некрополя из Дейр эль-Медины по имени Джехутимесу pLeiden I 369[46] и pLeiden I 370[47].

Переговоры Струве через посредство Голенищева с Гардинером о получении доступа к этим материалам дает нам повод задуматься о возможностях, упущенных отечественной египтологией не только из-за революции, но и из-за Первой мировой войны: если бы Струве получил возможность довести до конца свою берлинскую стажировку, он познакомился бы с документальным материалом позднерамессидского времени, потенциал которого для выявления самых разных форм общественных отношений в отечественной науке показал до сих пор только Е.С. Богословский[48]. Заметим, что при формулировке Струве своей социологической концепции ему основательно не хватало именно документального материала из Египта (литературные тексты, которыми он обосновывал свою гипотезу

---

[43] Туринский налоговый папирус – *pTurin* 1896+2006 (Pleyte, Rossi 1869–1876, vol. 2, pl. 65, 96–97, 100–101, 155–157; Gardiner 1948, 35–44); папирус с описанием стачки работников царского некрополя –*pTurin* 1880 (Pleyte, Rossi 1869–1876, vol. 2, pl. 35–48, Gardiner 1948, 45–58); фрагмент из дневника фиванского некрополя, связанный содержательно с налоговым папирусом; Туринский обвинительный папирус – *pTurin*1887 (Pleyte, Rossi 1869–1876, vol. 2, pl.61; Gardiner 1948, 73–81); начало *pTurin* 1882 (Pleyte, Rossi 1869–1876, vol. 2, pl.51–60; Gardiner 1948, 82–83).

[44] Gardiner 1941, 22; 1948, iv; 1962, 9–11.

[45] Černý 1939, v; *cf.* Gardiner 1962, 10–11.

[46] Spiegelberg 1895, 219–222; Černý 1939, vii; 1–2.

[47] Spiegelberg 1895, 233–240; Černý 1939, viii; 9–11.

[48] Bogoslovskiy 1983.

«социального переворота» в конце Среднего царства[49], его, конечно, не заменяли); а способность работать с таким материалом он продемонстрировал уже на втором этапе своего научного пути, изучая шумерские документы[50]. Транскрипции Гардинера, а также практический опыт и кругозор, которые Струве приобрел бы, работая с позднерамессидским материалом, по меньшей мере предоставили бы ему шанс сделать свои социологические построения более конкретными и менее схематичными, чем они в итоге оказались; однако этому шансу, как и целому ряду других, наметившихся в русской египтологии на рубеже 1900-х и 1910-х годов[51], не было суждено реализоваться.

Что касается научных планов самого Голенищева, которые отразились в его переписке с Гардинером, то об одном из них, связанном с публикацией его материалов в журнале «Ancient Egypt», который издавался с 1914 г. У.М. Флиндерсом Питри, позволяет судить еще одно письмо, написанное Голенищевым в Ницце 15 марта 1914 г. Гардинеру и сейчас хранящееся в собрании его рукописей в Институте Гриффита в Оксфорде (Gardiner MSS AHG 142.112.26)[52]. В нем Голенищев предлагает опубликовать в журнале, первый номер которого ему только что прислал Питри, сделанные им зимой 1913–1914 гг. фотографии рельефных изображений чужеземных пленников с основания колоссальной статуи Рамсеса II на фасаде храма в Абу-Симбеле[53]. Еще в 1880-е годы Питри проявил интерес к отображению в египетских памятниках расовых особенностей разных народов, и, по мнению Голенищева, эти фотографии могли бы дополнить изданную им тогда подборку фотографий “Racial Types from Egypt”[54]. Сам Голенищев обратил внимание на эти изображения еще во время поездки в Абу-Симбел зимой 1890–1891 гг., но тогда не имел фотоаппарата; высказывая некоторые суждения об этих изображениях, он в то же время не считал себя компетентным для их полноценного исследования. Дальнейшая переписка с Гардинером, как мы видели, и посвящена предоставлению этих фотографий Питри; однако их публикация (действительно, с предварительными заметками Голенищева и с более подробным исследованием самого Питри) появилась лишь в 4 томе “Ancient Egypt” в 1917 г.[55]

---

[49] Ilin-Tomich 2016.

[50] См. сводку в Postovskaya 1961, 118–119, 177–178, 225–226; Struve 1961; 1984.

[51] См. о школе Б.А. Тураева, около половины представителей которой не пережили потрясений Гражданской войны и первых десятилетий Советской власти, в Tomashevich 2002, 352–364.

[52] Архив Алана Х. Гардинера хранится в составе большого архива Института Гриффиса в Окфорде (Griffith Institute, Oxford) и является частью Восточного Института Окфордского Университета (подробнее см. URL: http://www.griffith.ox.ac.uk/archive/holdings/; дата обращения: 20.10.2021).

[53] «Эти фотографии, сделанные мной в последнюю зиму в Абу-Симбеле при помощи кодака, представляют ряд пленников, высеченный на основании северного колосса, совсем рядом от входа в храм» (Ces photographies prises par moi l’hiver dernier à Abou-simbel à l’aide d’un kodak, répresentent la série de prisonniers gravée sur la base du colosse nord, tout près de l’entrée du temple). Имеется в виду третий колосс на фасаде храма в Абу-Симбеле, находящийся непосредственно к северу от входа: *PM* VII 100 (26).

[54] Petrie 1887.

[55] Petrie 1917.

Трудно определить совершенно точно, что за фотографии был готов предоставить Голенищеву либо Гардинеру берлинский реставратор Х. Ибшер. Во всяком случае, та альтернатива, которую намечает в своем письме сам Голенищев («...идет ли речь о фотографиях экземпляра Книги мертвых с виньетками, который г-н Ибшер развернул для меня два года назад и который он затем отправил в санкт-петербургский Эрмитаж, или же это фотография, сделанная с погребального папируса (очень древнего) московского Музея, фрагменты которого г-н Тураев дал ему собрать и склеить...»), предполагает, что, во-первых, данные фотографии могли быть сделаны с какого-то папируса, присланного Голенищевым Ибшеру для технической работы с ним. Очевидно, в таком случае речь идет не о папирусе из собрания самого Голенищева, в 1912 г. («два года назад») уже переданного Музею изящных искусств, а, возможно, об одном из папирусов Эрмитажа (коль скоро туда он и был возвращен после работы над ним); сказать что-то более определенное невозможно без специального обращения к фотоархиву Государственного Эрмитажа и, возможно, к собранию рукописей и фотоархиву Гардинера в Оксфорде. Второе допущение – что Ибшер говорит о фотографиях папируса московского Музея изящных искусств (соответственно, принадлежавшего ранее самому Голенищеву) – заставляет думать о папирусе ГМИИ I.1б.119 с религиозным текстом времени Среднего царства, связанным с Текстами саркофагов. Фотографии этого текста, хранящиеся в архиве проекта издания Текстов саркофагов А. де Бука в Лейдене, были изучены в небольшой статье Й. Боргхаутса[56]: судя по всему, они были переданы де Буку А.Х. Гардинером[57]. В таком случае письмо Голенищева Гардинеру может установить еще одну деталь в истории этого папируса (то, что он был отреставрирован Х. Ибшером, очевидно, между 1912 и 1914 гг., когда коллекцию Голенищева уже хранил Б.А. Тураев[58]), а также проясняет, каким образом данные фотографии достались Гардинеру.

Таким образом, нам удалось пополнить небольшой корпус писем, характеризующих контакты В.С. Голенищева, В.В. Струве и А.Х. Гардинера накануне Первой мировой войны, публикация которого была начата еще в 1987 г. Неясно, сохранились ли недостающие, но известные нам по упоминаниям письма Струве и Гардинера Голенищеву в Ниццу в ее архивах. Думается, эта переписка служит интересным отражением как ощущений крупнейших египтологов накануне готовых обрушиться на привычный им мир потрясений, так и альтернатив в развитии науки, выбор между которыми был предопределен этими потрясениями. Как видно, финал пребывания Голенищева и его супруги в Германии накануне и, возможно, в первые дни мировой войны пока нам неизвестен, и связанные с этим сюжетом материалы стоит продолжать искать дальше.

---

[56] Borghouts 1989; Lavrentyeva 2016, 209–211. Авторы статьи признательны Н.В. Лаврентьевой (ГМИИ имени А.С. Пушкина) за консультацию при идентификации этого папируса и за присылку статьи Й. Боргхаутса.

[57] Lavrentyeva 2016, 211.

[58] Он был назначен хранителем коллекции Голенищева с 1 января 1912 г. (см. письмо ему И.В. Цветаева от 21 декабря 1911 г. в Demskaya *et al.* 1987, 125–126).

Литература / References

Bierbrier, M.L. (ed.) 2019: *Who Was Who in Egyptology*. 5th revised ed. London.

Bogoslovskiy, E.S. 1983: *Drevneegipetskie mastera. Po materialam iz Der-el'-Medina* [*Ancient Egyptian Artisans. From the Der el-Medina Materials*]. Moscow.
Богословский, Е.С. *Древнеегипетские мастера. По материалам из Дер-эль-Медина*. М.

Borghouts, J.F. 1989: A new Middle Kingdom netherworld guide. In: S. Schoske (Hrsg.), *Akten des 4. Internationalen Ägyptologen-Kongresses, München, 1985*. Bd. 3: *Linguistik – Philologie – Religion*. Hamburg, 131–139.

Černý, J. 1939: *Late Ramesside Letters*. (Bibliotheca Aegyptiaca, 9). Bruxelles.

Demskaya, A.A., Hojash, S.I., Berlev, O.D., Kachalina, G.I., Yakovleva, E.M. (eds.) 1987: *Vydayushchiysya russkiy vostokoved V.S. Golenishchev i istoriya priobreteniya ego kollektsii v Muzey izyashchnykh iskusstv (1909–1912)* [*The Outstanding Russian Orientalist V.S. Golenishchev and the Acquisition of His Collection for the Museum of Fine Arts (1909–1912)*]. Moscow.
Демская, А.А., Ходжаш, С.И., Берлев, О.Д., Качалина, Г.И., Яковлева, Е.М. (сост). *Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1909–1912)*. (Из архива ГМИИ, 3). М.

Drower, M.S. 1995: *Flinders Petrie: A Life in Archaeology*. 2nd publication. Madison (Wisc.).

Gardiner, A.H. 1941: Ramesside texts relating to the taxation and transport of corn. *Journal of Egyptian Archaeology* 27, 19–73.

Gardiner, A.H. 1948: *Ramesside Administrative Documents*. London–Oxford.

Gardiner, A.H. 1962: *My Working Years*. London.

Hoffmann, K. 1915: *Die theophoren Personennamen des älteren Ägyptens*. (Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens, 7/1). Leipzig.

Ilin-Tomich, A. 2016: [Social revolution in Egypt in the works by Vasily Struve]. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo* [*Journal of Dmitriy Pozharskiy University*] 2(4), 35–46.
Ильин-Томич, А.А. Социальный переворот в Египте в трудах В.В. Струве. *Вестник Университета Дмитрия Пожарского* 2(4), 35–46.

Korostovtsev, M.A. 1963: *Vvedenie v egipetskuyu filologiyu* [*Introduction to the Egyptian Philology*]. Moscow.
Коростовцев, М.А. *Введение в египетскую филологию*. М.

Ladynin, I.A. 2016: [The work by Manetho of Sebennytos and the history of Egypt in the first millennium B.C. in the research of Vasily Struve]. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo* [*Journal of Dmitriy Pozharskiy University*] 2(4), 73–104.
Ладынин, И.А. Труд Манефона Севеннитского и история Египта I тыс. до н.э. в исследованиях В.В. Струве. *Вестник Университета Дмитрия Пожарского* 2(4), 73–104.

Ladynin, I.A. 2020: [The Journey Begins: Letter from Vasily Struve to Mikhail Rostovtzev of 25 May 1914]. *Vestnik arkhivista* [*Herald of an Archivist*] 4, 1119–1130.
Ладынин, И.А. В начале пути: письмо В.В. Струве М.И. Ростовцеву от 25 мая 1914 г. *Вестник архивиста* 4, 1119–1130.

Lavrentyeva, N.V. 2016: [Rare copies of religious texts on papyrus: storage forms or method of transformation?] In: M.A. Chegodaev, N.V. Lavrentyeva (eds.), *Aegyptiaca Rossica* 4. Moscow, 203–219.
Лаврентьева, Н.В. Редкие списки религиозных текстов на папирусах: форма хранения или способ трансформации? В сб.: М.А. Чегодаев, Н.В. Лаврентьева (ред.), *Aegyptiaca Rossica* 4. М., 203–219.

Moon, B.E. 2006: More Usefully Employed: Amelia B. Edwards, Writer, Traveller and Campaigner for Ancient Egypt. London.

Pamyatniki 1913: *Pamyatniki Muzeya izyashchnykh iskusstv imeni imperatora Aleksandra III v Moskve* [*Monuments of the Emperor Alexander III's Museum of Fine Arts in Moscow*]. Issue III–IV. Moscow.
Памятники Музея изящных искусств имени императора Александра III в Москве. Вып. III–IV. М.

Petrie, W.M.F. 1887: *Racial Types from Egypt*. (British Association for the Advancement of Science. Publications). S.l.

Petrie, W.M.F. 1917: Racial types from Abu Simbel. *Ancient Egypt* 4, 57–61.

Petrovskiy, N.S. 1969: [Vasiliy Vasilyevich Struve]. In: D.A. Olderogge (ed.), *Strany i narody Vostoka*. Vyp. VIII: *Geografiya, etnografiya, istoriya* [*Lands and Peoples of the Orient*. Issue VIII: *Geography, Ethnography, History*]. Moscow, 7–15.

Петровский, Н.С. Василий Васильевич Струве. В сб.: Д.А. Ольдерогге (ред.), *Страны и народы Востока*. Вып. VIII: *География, этнография, история*. М., 7–15.

Pigulevskaya, N.V., Kallistov, D.P., Katsnel'son I.S., Korostovtsev, M.A. (eds.) 1962: *Drevniy mir. Sbornik statey. Akademiku V.V. Struve*. [*Ancient World. Collection of Papers. To Academician V.V. Struve*]. Leningrad.

Пигулевская, Н.В., Каллистов, Д.П., Кацнельсон, И.С., Коростовцев, М.А. (сост.). *Древний мир. Сборник статей. Академику В.В. Струве*. Л.

Pleyte, W., Rossi, F. 1869–1876: *Papyrus de Turin*. Vol. 1–2. Leiden.

Postovskaya, N.M. 1961: *Izuchenie drevney istorii Blizhnego Vostoka v Sovetskom Soyuze (1917–1959 gg.)* [*The Research of the Ancient History of the Near East in the Soviet Union (1917–1959)*]. Moscow.

Постовская, Н.М. *Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917–1959 гг.)*. М.

Spiegelberg, W. 1895: Correspondances du temps des rois-prêtres publiées avec autres fragments épistolaires de la Bibliothèque nationale. In: *Notices et extraits des manuscrits de la Bibliotheque Nationale* XXXIV/2. Paris, 199–317.

Struve, V.V. 1913: [On the history of ἀπόμοιρα]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya* [*Journal of the Ministry for Public Education. New Series*] 48/12, 499–511.

Струве, В.В. К истории ἀπόμοιρα. *ЖМНП. Новая серия* 48/12, 499–511.

Struve, V.V. 1915: [The right of possession on plowed fields and vines in the Ptolemaic Egypt]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya* [*Journal of the Ministry for Public Education. New Series*] 55/1, 1–64.

Струве, В.В. Право владения землями пахотной и виноградной в птолемеевском Египте. *ЖМНП. Новая серия* 55/1, 1–64.

Struve, V.V. 1961: *Gosudarstvo Lagash: Bor'ba za rasshirenie grazhdanskogo prava v Lagashe XXV–XXIV vv. do n.e.* [*The Polity of Lagash: The Struggle for the Enlargement of Civil Rights at Lagash in 25th–24th Cent. B.C.*]. Moscow.

Струве, В.В. *Государство Лагаш: Борьба за расширение гражданского права в Лагаше XXV–XXIV вв. до н.э.* М.

Struve, V.V. 1984: *Onomastika rannedinasticheskogo Lagasha: izbrannye trudy* [*Onomastics of the Early Dynastic Lagash: Selected Works*]. Moscow.

Струве, В.В. *Ономастика раннединастического Лагаша: избранные труды*. М.

Tarle, E.V. 1958: [Europe in the age of imperialism]. In: E.V. Tarle, *Sochineniya: V 12 t.* [*Works in 12 Vol.*]. Vol. V. Moscow, 21–508.

Тарле, Е.В. Европа в эпоху империализма. В кн.: Е.В. Тарле, *Сочинения: В 12 т.* Т. V. М., 21–508.

Tomashevich, O.V. 2002: [A love confession instead of an afterword]. In: B.A. Turaev, *Bog Tot. Opyt issledovaniya v oblasti egipetskoy kultury* [*The God Thoth. Experience in Research of Egyptian Culture*]. Saint Petersburg, 315–388.

Томашевич, О.В. Объяснение в любви вместо послесловия. В кн.: Б.А. Тураев, *Бог Тот. Опыт исследования в области египетской культуры*. СПб., 315–388.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Vestnik drevney istorii
81/4 (2021), 1030–1044
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/4 (2021), 1030–1044
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910011673-3

СУЛЛА: САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ И ВОСПРИЯТИЕ

Из работ последних лет

Интерес исследователей к личности Суллы по-прежнему велик, и среди круга тем, которые особенно привлекают внимание ученых в последнее время,– то, как он изображал себя и свои действия сам и как это делали другие. Ведь грозный диктатор был не только политиком и полководцем, но и писателем, чья монументальная автобиография оказала немалое влияние на последующую литературу о той эпохе.

Именно этому сочинению посвятила свою диссертацию Фиона Ноубл, озаглавив ее «Сулла и боги: религия, политика и пропаганда в автобиографии Луция Корнелия Суллы»; основная часть этой работы представляет собой комментарий к соответствующим фрагментам его записок[1]. Автор признает, что они были частью общего литературного процесса: воспоминания писали Лутаций Катул, Эмилий Скавр, Рутилий Руф, и Сулла, возможно, взялся за автобиографию под влиянием Катула (такого же, как и он, врага Мария, что не могло не импонировать Сулле). У Катула он, как полагает Ноубл, позаимствовал не только форму автобиографии, но и те возможности, которые открывал этот жанр в период смуты. Однако труд Суллы сильно отличался от названных: в нем можно усматривать «сочетание двух линий, которые развивались в рамках нарождавшегося жанра автобиографии: Сулла объединил непосредственные политические выгоды, которые видел в автобиографии Катула, с более солидной литературной обработкой у Скавра и Рутилия, чтобы создать труд, способный затмить их всех по объему и охвату материала» (с. 14). Вполне вероятно, что Сулла пользовался заметками, которые делал во время прежних кампаний; он также не только привлекал, но и напрямую цитировал записки Катула, тогда как другие мемуаристы чужих автобиографий не цитировали (что вполне вероятно, хотя, заметим, у нас нет полного текста каких-либо воспоминаний того времени) (с. 7–15, 56).

Суллу, по-видимому, весьма интересовало отношение к нему современников, раз он до последнего момента продолжал работать над записками. Ноубл считает, что в отличие от прежних мемуаристов, которые прежде всего старались подчеркнуть свою роль в событиях, Сулла особое внимание уделил самозащите, опровержению неблагоприятных сведений о себе (суждение спорное, ибо наверняка то же самое делал Рутилий Руф), а главная идея его мемуаров заключалась в демонстрации того, что их автор – любимец богов, и в этом также состояло его новаторство.

Данных о названии воспоминаний Суллы мало. В центре его мемуаров – res gestae, поэтому они могли называться Res gestae L. Cornelii Sullae, Libri rerum gestarum L. Cornelii Sullae или Commentarii de rebus gestis suis L. Cornelii Sullae. Но использовать название *Res gestae* неверно, ибо может сложиться впечатление, что так записки диктатора назывались изначально. Это и не совсем мемуары, ибо не все их атрибуты приложимы к труду Суллы: перед нами рассказ не обо всей его жизни и карьере, а о событиях или группе таковых, где их автор играл ведущую роль (с. 25–30).

По мнению Ноубл, сочинение Суллы не превращалось в прямую апологию автора (думается, как раз наоборот), но в нем критически рассматривались некоторые неблагоприятные для него сюжеты и сведения. «В этом отношении автобиография [Суллы] была одной из первых изощренных попыток индивида лично контролировать и указывать, как другим воспринимать его через письменный текст» (с. 43).

---

[1] Noble 2014, комментарий см. 44–237.

Весьма важен вопрос о влиянии записок Суллы на последующую традицию. Ноубл отвергает подход, при котором цитата из них или ссылка рассматриваются как свидетельство того, что содержащий ее пассаж заимствован из того же источника. Античные авторы цитировали его текст в своих целях, не стремясь точно передать данные, излагаемые Суллой; многое из того, что принимают за его сообщения, может восходить не к нему, а к просулланским авторам (с. 39, 41, 66).

Значительное место в автобиографии диктатора занимали рассуждения о felicitas, где автор описывал и подробно определял свое понимание этого концепта. Ноубл принимает точку зрения Р. Льюиса, согласно которой первая книга автобиографии была посвящена обсуждению ее автором роли felicitas в его жизни. Мало что указывает на использование Суллой термина felicitas для обозначения абстрактного божества, Felicitas, с которой у него были особые отношения. Сама по себе felicitas возможна только при благоволении богов, а потому выражение felicitas divina (у Плутарха εὐτυχίαν τινὰ θείαν) явно избыточно. Возможно, это трактовка Плутархом точки зрения Суллы и его презентации felicitas. Трудно сказать, когда именно начал использоваться агномен Felix, но Сулла подает все так, будто felicitas была ему присуща всегда (с. 53, 90–94, 99, 225).

Важную роль в концепции felicitas у Суллы играли неоднократно упоминаемые им сны, которыми, если верить ему, он руководствовался как «посланиями» божества в принятии решений и то же советовал Лукуллу, возможно, видя в нем человека, обладавшего (или способного обладать) felicitas. Римлянам такое отношение к сновидениям было несвойственно, а потому и здесь Сулла оказался новатором – убийство сограждан, т.е. очевидный акт гражданской войны (феномена для Рима, заметим, тоже нового) он мог тем самым преподнести как исполнение воли богов, явленной ему во сне (Plut. *Sull*. 6. 10; 9. 7–8; с. 89, 99–102, 117–118).

Нетривиальной была и наглядная пропаганда Суллы. Он установил трофеи в честь побед над понтийцами при Херонее и Орхомене, на которых вопреки обычной римской практике велел выбить надписи не на латинском языке, а на греческом, упомянув в них Ареса, Нику и Афродиту. Перед нами «первый случай, когда эти три божества появляются в виде триады в греческом или римском контексте» (с. 166). Вполне возможно, сам Сулла именовался в надписи Эпафродитом, но не очевидно, что он имел в виду подчеркнуть особую связь с Афродитой/Венерой: его отношения с богами носили куда более многообразный характер – значительную роль в них занимали и другие небожители, такие как Аполлон, Беллона, Геркулес. Сулла не только поставил эти трофеи, но и выбил их изображение на монетах: на знаменитой серии *RRC* 359, где явил еще одно новшество, впервые поместив на них в качестве парного символа посох и кувшин (lituus). Ф. Ноубл считает наиболее непротиворечивым объяснение М. Кроуфорда[2], согласно которому это был намек не на авгурат, поскольку Сулла еще не стал авгуром, а на куриатный закон, который наделил его империем, и тем самым оспаривалось его объявление hostis (с. 160–172). Упомянутые трофеи, по мнению Ноубл, были среди прочего и ответом Суллы на обвинения в том, будто он выиграл битву при Херонее с помощью сговора с Архелаем (автор усматривает здесь параллель с Марием, которого ненавистники пытались лишить славы победы при Верцеллах). Одним из элементов антисулланской версии отношений будущего диктатора с понтийским военачальником был и слух о том, будто именно в угоду последнему Сулла казнил афинского тирана Аристиона, что явно не соответствует действительности. Ноубл обращает внимание, что Архелай бросился в ноги Сулле, когда тот с гневом отверг попытки понтийца смягчить для Митридата условия мира, хотя римлянин такого унижения вовсе не требовал – возможно, перед нами часть его «царского» образа, как и в сцене переговоров с парфянами, когда Сулла сел между Ариобарзаном и Оробазом (с. 185–191). Думается, однако, дело здесь не в царском образе: в обоих случаях будущий диктатор стремился показать, что отстоял честь Рима.

Довольно странно, как нам кажется, звучит и трактовка рассказа Суллы (насколько его можно восстановить по источникам) о событиях, предшествовавших его маршу на Рим. Он, по словам Ноубл, признавал малоприятный факт посещения во время беспорядков на Форуме дома своего злейшего врага – Мария, но подчеркивал, что не бежал туда, а добровольно явился обсудить возникшую ситуацию. После же переговоров Сулла (очевидно, подозревая подвох) успел прибыть к армии раньше трибунов, которые должны были передать командование над

[2] Crawford 1974, 373–374.

его армией Марию. В целом из его рассказа создается впечатление, что он держал события под контролем, продумывая каждый шаг. При этом Ноубл полагает, будто Сулла в целом верно изображал происходившее, поскольку многие из читателей его мемуаров были современниками этих событий (с. 141–148).

Такая логика вызывает сомнения. Сулла утверждал, что его привели в дом Мария, угрожая мечами, люди Сульпиция (Plut. *Mar.* 35. 4), но Ноубл считает такой шаг добровольным, что противоречит смыслу этого слова. Кроме того, отнюдь не очевидно, что Сулла подозревал обман со стороны Мария и нарочно спешил к армии, чтобы обогнать трибунов, – это лишь догадка Плутарха, который писал почти через 200 лет после событий, зная, чем они закончатся. Наконец, то, что многие читатели Суллы были современниками событий, никак не мешало ему искажать происходившее: трудно представить, чтобы они в то время выступили с опровержением сулланской трактовки событий.

Однако при рассмотрении вопроса о взятии Афин Ноубл признает, что попытки Суллы изобразить свое поведение как мягкое в отношении афинян неубедительны, равно как и мнение, будто на эти его действия обычно смотрят сквозь призму проскрипций (ведь после взятия город получил «свободу»)[3] – как показывают данные археологии, Афины подверглись значительным разрушениям. Правда, победитель все же не уничтожил Афины и их жителей полностью, что и нашло отражение в его мемуарах, однако на образ Суллы в глазах греков его расправа с Афинами (наряду с конфискациями храмовых сокровищ) повлияла сугубо отрицательно (с. 152–155; подробнее см. ниже при анализе книги А. Экерт).

Куда более сложен вопрос о пожаре, погубившем храм Юпитера Капитолийского. Почему Сулла вообще упомянул об этой неприятной истории? Ведь он, согласно предсказанию, мог спасти святилище, если бы поспешил, но не сделал этого. По мнению Ноубл, Сулла хотел защититься от обвинений в поджоге храма через своих агентов, в чем его подозревали. Он не стал ссылаться на недостаток felicitas; единственный известный нам случай такого рода – это его сожаления, что он не успеет освятить этот храм после восстановления (Plin. *NH*. VII. 138). Как полагает автор, Сулла свалил всю ответственность на Карбона и Мария Младшего, с которыми ему пришлось сражаться вместо того, чтобы идти спасать храм Юпитера (с. 192–200). Стремясь представить врагов в наихудшем свете – ведь именно они помешали уберечь главное святилище Рима,– Сулла, похоже, не замечает, что эти обстоятельства можно объяснить и так: felicitas оставила Суллу, коль скоро он не успел разбить врага и подойти к Риму.

В заключение Ноубл указывает, что автобиография была попыткой Суллы возвеличить себя, которая, однако, в значительной степени потерпела неудачу: многие его законы скоро отменили, созданная им система пала; насколько широкую аудиторию имели записки диктатора, неизвестно, во всяком случае, образ их автора в памяти потомков остался отнюдь не таким, как хотел он сам. Созданный им автопортрет явно не был убедителен, коль скоро Сенека задавался вопросом, qualis Sulla fuerit (*ad Marc.* 12. 6); не сомневались, пожалуй, лишь в его felicitas. «Тем не менее это был важный интеллектуальный порыв»: Сулла был не первым, кто написал автобиографию, но он впервые вел пропаганду столь целенаправленно и с помощью столь широкого набора средств (литературы, архитектуры, монументов, памятников, монет, надписей), стремясь переосмыслить недавние события. «Сведе́ние различных элементов самопрезентации в один связный рассказ было исключительно важным предприятием. Если бы текст автобиографии дошел до нас, можно только гадать, насколько глубоко изменилось бы наше представление об этом бурном периоде». Но даже сохранившиеся фрагменты являются одним из значительных текстов той эпохи (с. 227–233).

Несомненно, диссертация Ноубл представляет собой интересный опыт трактовки фрагментов автобиографии Суллы, и многие ее наблюдения и гипотезы весьма любопытны. В то же время стоит отметить, что влияние воспоминаний диктатора на античную традицию, действительно очень серьезное, было достаточно своеобразным, учитывая крайнюю пристрастность их автора, нисколько не считавшегося с фактами, если они противоречили его представлениям о себе.

С диссертацией Ноубл во многом тематически перекликается монография Александры Экерт «Луций Корнелий Сулла в памяти древних»[4]. Как отмечает исследовательница, в нау-

---

[3] Именно на это указывает Страбон (IX. 1. 20), умалчивая при этом о разорении Афин и резне (с. 151–152).

[4] Eckert, 2016.

ке доминирует мнение, что в античной традиции образ Суллы носил отрицательный характер. Exempla в античной литературе имели целью явить не только положительные, но и отрицательные примеры, чтобы напомнить о тяжких нарушениях принятых в обществе норм его членами. Одним из таких нарушителей и был Сулла, чье поведение оказалось включено в культурную память древних (с. 7–9).

Как и Ноубл, Экерт уделяет немалое внимание felicitas Суллы, которая упоминается в каждом третьем сохранившемся фрагменте его автобиографии. Конечно, нужно различать время, когда происходили события, связанные с его felicitas, и время написания им автобиографии. Но ясно, что Сулла задолго до ее создания начал наглядно демонстрировать свое счастье и благоволение богов к нему, назвав, в частности, своих детей редкими в то время именами Фавста и Фавсты, а в 82 г.[5] открыто приняв прозвище Felix. Однако это было явным нарушением римских традиций, поскольку, как отмечал Цицерон (*De imp. Pomp.* 47), никто не должен сам приписывать себе felicitas – это может прогневить богов; обладает человек ею или нет, решают окружающие, и конная статуя Суллы на форуме с надписью SVLLA FELIX DICTATOR подчеркивала его пренебрежение нормами. Отрицательно оценивали претензии Суллы на felicitas и в последующее время: Веллей Патеркул (II. 27. 5) говорил, что тот мог бы считаться счастливым, если бы умер в день битвы у Коллинских ворот, а Валерий Максим (VI. 4. 4) и Сенека (*Dial.* I. 3. 7–8) сравнивали Рутилия Руфа и Суллу, отдавая предпочтение первому – Рутилий отказался вернуться из изгнания, чтобы не видеть «счастливого» правления Суллы; Светоний (*Tib.* 59. 2) приводит ходившие по Городу стихи против Тиберия, где среди прочего говорилось, что Сулла был счастлив несчастьем Рима, и т.д. Общий смысл сводился к тому, что не может быть счастлив тот, кто приносит несчастье res publica, а прозвище Felix стало признаком единоличного правителя в Риме.

Неудивительно, что императоры первых двух веков Принципата старались публично не связывать свое имя с felicitas, а когда Плиний Младший сообщает, как сенат воскликнул, обращаясь к Траяну, ‘o te, felicem!’ (*Paneg.* 74), то добавляет, что важно не только обладать felicitas, но и считаться достойным ее. Тотчас же ставится риторический вопрос, не даровать ли Траяну прозвище Felix официально, но тут же дается ответ, что оно будет говорить лишь об удаче принцепса, а не о его моральных качествах. При Флавиях и Антонинах на монетах чеканились легенды FELICITAS AVGVSTI и FELICITAS PVBLICA, и лишь Коммод стал величать себя Pius Felix – именно в таком сочетании. Септимий Север от подобного именования воздержался, однако после его смерти Юлия Домна стала зваться IVLIA PIA FELIX AVGVSTA, а со времени Каракаллы PIVS FELIX прочно входит в состав императорской титулатуры. Любопытно также, что потомки Суллы продолжали зваться Felices, но их «счастье» было относительным, учитывая участь убитого по приказу Нерона Фавста Суллы. Весьма вероятно, что именно они, сохраняя значительное влияние и при Юлиях–Клавдиях, препятствовали распространению слухов о смерти диктатора от фтириаза, недаром первое дошедшее до нас сообщение о нем появляется лишь у Плиния Старшего, который отмечает, что Сулла стремился скрыть свою малопочтенную болезнь. Очевидно, лишь после того как пресекся его род, об этом стали говорить более открыто (с. 61–86).

Если прозвище Felix прочно закрепилось за Суллой и его потомками, то греческий аналог, Eutyches, в эллинском культурном мире особого распространения не получил. Иначе обстояло дело с прозвищем Эпафродит, которое Сулла, судя по надписям и монетам, стал использовать с 84 г. Диодор, возможно, увидевший надписи, где тот именовался Эпафродитом и диктатором, усматривал связь между прозвищами Felix и Эпафродит, ведь felicitas – способность одерживать победы с помощью богов (Diod. 38/39. 15. 1). Плутарх видел тут несколько иную связь: человеку, чтобы избежать зависти окружающих, стоит хотя бы отчасти приписывать свои успехи милости богов; Суллу он приводит в пример такого поведения (*Sull.* 34. 3; *Mor.* 542F). В свою очередь, Аппиан (*BC.* I. 97), на словах разделяя точку зрения Диодора и Плутарха[6], дает понять: такая связь ни для него, ни для его читателей не очевидна (с. 128–131).

Любопытны наблюдения Экерт по поводу связи Ареса и Афродиты в пропаганде Суллы. Оба эти божества наряду с Никой присутствуют на херонейском трофее. Афродита ассоциировалась с римской Венерой и ее плодородием, а отсюда – с римскими представлениями

[5] Здесь и далее, если не оговорено иное, все даты – до н.э.

[6] При этом Аппиан ошибочно утверждает, будто Сулла взял прозвище Фавста (с. 130–131).

о felicitas. Цепочка Эпафродит – Афродита – Венера – felicitas – Sulla Felix современникам Суллы была понятна. Афродита (Венера) – родоначальница римлян, отсюда связь с претензиями римлян на господство в Греции как продолжение Троянской войны и, следовательно, с губительным Аресом. Однако в автобиографии Сулла говорил лишь о позитивных качествах этого бога, т.е. боевой мощи. (Здесь Экерт явно не учитывает, что одно начало не противоречит другому. Кроме того, мемуары диктатора дошли до нас лишь в отрывках, и мы не знаем, что́ могло на сей счет содержаться в несохранившихся частях.) Для представлений эллинов о Сулле характерна написанная Эрикием от имени погребенной в Кизике афинянки эпитафия, где та жалуется, что ее насильно переместили в Рим по воле «губительного италийского Ареса» (λοιγὸς Ἄρης Ἰταλῶν: *Anth. Gr.* VII. 368). И хотя Сулла прямо в эпиграмме не назван, весьма вероятно, что речь идет именно о нем, поскольку он был единственным римлянином, силой захватившим Афины.

Примечательно, что в Беотии, сильно пострадавшей от Суллы, культовая связь между Афродитой и Аресом осознавалась сильнее, чем в других областях Греции. Впрочем, было место, где о грозном римлянине сохранилась не худшая память, – святилище Амфиарая в Оропе. По мнению Экерт, именно оттуда, а не из Дельф, как часто считают, получил он цитируемый Аппианом оракул с пожеланием слать дары Аполлону (т.е. храму; *BC*. I. 97. 453). В Амфиарайоне толковали сны, при этом часть алтаря в храме была посвящена Афродите. Возможно, Сулла остался в святилище на ночь и, как он счел, разгадал собственный сон, увидев Афродиту в рядах своих воинов. На основании этого оракула Сулла назначил ежегодный доход Дельфам с бывшей фиванской земли и послал золотую секиру в Афродисиаду. В Оропе чтили его память (Амфиарайон получил привилегии от него), о чем свидетельствовали статуи Суллы и его жены Метеллы (с. 91, 132–137).

Куда более подробно, чем Ноубл, останавливается Экерт на поведении Суллы в отношении Афин и позиции античных авторов в этом вопросе. Сам Сулла считал одной из главных удач в своей жизни то, что не разрушил город Паллады, тогда как Лукулл, которому он посвятил автобиографию, не смог спасти от сожжения Амис и говорил, что судьбою ему была уготована слава Муммия (Plut. *Luc*. 19.5). Сулла же не только не уничтожил Афины, но и сохранил их как полис с прежним устройством, тогда как погубитель Коринфа навязал другим городам Эллады новый порядок управления. Страбон, как уже говорилось, о резне и разрушениях умалчивает, другие же писатели много говорят о них. Плутарх описывает потоки крови и вспоминает в связи со взятием Афин Девкалионов потоп, используя однокоренные слова κατακλύζω и κατακλυσμός (*Sull.* 14. 6 и 10), тем самым, по мнению Экерт, давая понять всю абсурдность заявления Суллы о том, что он пощадил Афины. Аппиан порицает Суллу за избиение даже женщин и детей, в результате чего лишь немногие уцелели и смогли воспользоваться дарованной им «свободой»; упоминает, что Пирей и верфи погибли в огне. Особенно суров в своих оценках Павсаний (чего стоит рассказ об уничтожении каждого десятого из загнанных в Керамик афинян). «Греческий автор не находит ни одного доброго слова для Суллы. Это весьма примечательно, поскольку в своем труде он полностью воздерживается от отрицательных оценок в адрес римлян» (с. 94); Павсаний полагает, что Сулла был более жесток, нежели приличествовало римлянину (I. 20. 7). Как показывают раскопки, город действительно подвергся беспощадному разгрому: был разрушен Эрехтейон, сильно пострадали Царская стоя и здание гелиэи. Сказалось завоевание и на экономике Афин, которые теперь начали сами в немалом количестве ввозить высококачественную керамику. В Афинах перестали функционировать школы академиков и перипатетиков. Греческие авторы порицали Суллу за то, что тот покарал за вину тирана Аристиона всех афинян, и это суждение воспринял Веллей Патеркул. В то же время он не обвинил прямо Суллу во лжи за возложение ответственности на всех жителей города – возможно, из-за упоминавшегося выше влияния потомков диктатора.

Любопытна позиция Цицерона. Он не упоминает о прекращении деятельности Академии после 86 г., изображая дело так, будто там по-прежнему немало посетителей (*Fin.* V. 1–3). Оратор не мог не видеть разрушений в Афинах, но предпочел умолчать о них – по-видимому, это была табуированная тема для римлян; сам же Сулла постарался изобразить в мемуарах дело так, будто его действия вполне соответствовали римским нормам (с чем, заметим, трудно не согласиться). Как полагает Экерт, после разрушения Коринфа многие представители римской элиты рассматривали полное уничтожение крупных городов Эллады как нечто неприемлемое. Сулла хотел создать впечатление, будто следовал этому правилу, тем более что речь шла о таком важном цен-

тре, как Афины. Однако и греки, и те римляне, которые бывали в Афинах после 86 г., видели, что на деле он поступил иначе, но римляне предпочитали на сей счет хранить молчание (с. 90–100).

Естественно, осталось в памяти греков и уничтожение городов Беотии, чьих жителей Сулла обвинял в измене, хотя их позиция обусловливалась скорее суровой необходимостью – понтийцам они сопротивляться не могли. Правда, помнили об этом преимущественно в самой Беотии, поэтому о гибели Галей, Анфедона и Ларимны сообщает только Плутарх (*Sull*. 26. 6–8) в рассказе о шутке Суллы при разговоре с местными рыбаками, являющей образец циничеcкого юмора. Павсаний пишет о горестной судьбе Фив, так и не оправившихся от сулланского разорения, и о недостойном римлян обращении с Орхоменом. После похищения весьма почитаемой статуи из храма Афины в Алалкоменах тот пришел в упадок (Paus. IX. 7. 5–6; 33. 5–6). Помимо беотийских святилищ, пострадали и куда более крупные – в Олимпии, Эпидавре, Дельфах; греческие авторы подчеркивают отсутствие у Суллы всяких угрызений совести и пиетета при конфискациях в храмах. Особо осведомленный Плутарх (он сам был дельфийским жрецом) помимо различных деталей, связанных с изъятием храмовых богатств, добавляет от себя сравнение Суллы с прежними римскими полководцами, державшими армию в узде, тогда как он наложил руку на имущество богов ради угождения воинам (*Sull*. 12. 5–14). Диодор указывает, что в Олимпии Сулла захватил сокровищ больше, чем фокидяне в IV в. в Дельфах (38/39. 7), и тем самым уподобляется им. При этом остается открытым вопрос, возместили ли убытки Дельфам фиванские земли, переданные им специально с этой целью. Павсаний (IX. 33. 6) именно с разграблением храмов связывает вшивую болезнь Суллы (с. 102–110).

Не менее сурово порицают античные авторы и жестокое обращение с городами и святилищами Малой Азии. Финансовые тяготы, обрушившиеся на ее полисы и их жителей (помимо контрибуции еще и постои), подтверждаются данными эпиграфики и нумизматики; только Эфес мог после войны чеканить серебряную монету. Экерт подчеркивает, что если Митридат заплатил лишь 3000 талантов контрибуции, то с городов Азии Сулла потребовал 20 000 (с. 111–119).

Римляне же, конечно, больше помнили о сулланском терроре, восприятие которого Экерт описывает, пользуясь терминологией Дж. Александера, как «культурную травму», приводящую к фундаментальным и длительным изменениям в обществе, ее пережившем. Важнейшую роль в укоренении тех или иных трагических событий (horrendous event) в сознании общества именно как такой травмы играют люди, которых Александер именует carrier groups: они создают единообразное описание соответствующих событий (master narrative, элементы которого содержались и в сочинениях многих авторов имперского времени). В случае с Суллой это могли быть те, кто ускользнул от сулланских охотников за проскриптами (самый известный из них – Цезарь)[7]; члены семей жертв, очевидцы расправ, особенно сыновья убитых, лишившиеся не только отцов, но и права на политическую жизнь; наконец, жители особо пострадавших италийских городов – Сульмона, Арретия, Волатерр. Представление о сулланском терроре создавалось не только числом жертв, но и бесконтрольностью убийств[8], притом что после введения проскрипций ситуация изменилась лишь частично, поскольку tabulae время от времени пополнялись; кроме того, расправа с самнитами на Villa publica была произведена в нарушение данного Суллой слова. Убийство Офеллы (Афеллы) показывает, что даже приближенные диктатора не могли чувствовать себя в безопасности. Как следует из текста Цицерона, «произвол и жестокость сулланских проскрипций угрожали главным ценностям римского общества – мягкости и человечности» (с. 151). Кроме того, причиной убийств служила жажда обогащения: рабы получали награду за доносы на господ, сыновья – за предательство отцов, и т.д., что разрушало общественные устои; Цицерон (намеками) и Валерий Максим (уже открыто) уподобляли Суллу Ганнибалу (с. 139–168)[9].

Память о проскрипциях надолго осталась в умах римлян: Цезарь подчеркивал, что будет поступать мягко, а не так, как Сулла; Цицерон, не желая восхвалять clementia Caesaris, в то же время боялся террора наподобие сулланского; отличие своих проскрипций от сулланских под-

---

[7] Заметим, что принадлежность Цезаря к числу проскриптов многократно (и небезосновательно) ставилась под сомнение (литературу см. Ridley 2000, 221, n. 32).

[8] Экерт принимает весьма спорную точку зрения Х. Хефтнера, который вслед за Плутархом (*Sull*. 31.1) и Орозием (V. 21. 1) считает, будто проскрипциям предшествовали массовые и бесконтрольные убийства (Heftner 2006, 33–52).

[9] Cic. *Rosc. Am*. 88–89; Val. Max. IX. 2. 1.

черкивали и триумвиры, хотя в действительности их действия были ничуть не лучше; произвол и насилие, творившиеся во время проскрипций триумвиров, как предполагает Экерт, углубили в культурной памяти римлян нанесенную Суллой травму. Тиберий в надгробной речи Августу постарался обойти этот вопрос, а Августин и Орозий противопоставляли милосердие первых христианских правителей Рима (тем самым подчеркивая превосходство своей религии) жестокости Суллы (с. 168–173).

Даже отказ Суллы от власти вызвал по преимуществу критическое отношение, хотя и по разным причинам; всего Экерт выделяет три подхода: *1)* Сулла подвергал себя опасности; *2)* хотя Сулла и совершил тем самым нечто неслыханное для тирана, это не отменяло совершенных им насилий и жестокостей[10]; наконец, *3)* Сулла, отказываясь от власти, ставил под угрозу стабильность в государстве. Неудивительно, что время его господства рассматривалось как поворот к худшему: Сулла не просто развязал гражданскую войну, присвоил власть и устроил неслыханный террор – он подорвал общественные устои и не обеспечил прочности res publica (с. 190–197, 216).

Несомненно, Экерт проделала немалую работу, проанализировав и нарративные, и эпиграфические, и нумизматические, и археологические источники. В целом с ее наблюдениями и выводами нельзя не согласиться, однако важны пропорции: в книге преобладает обвинительный уклон, и хотя оснований для него более чем достаточно, в научном отношении он (как, впрочем, и апологетический) таит в себе опасность – оказались упущены некоторые выигрышные для Суллы аспекты его деятельности[11].

Несколько иной угол зрения у Пьера Ассанмаке. В его монографии «От победы к власти: развитие и проявление императорской идеологии в эпоху Мария и Суллы» анализируется религиозный аспект пропаганды обоих политиков[12]. Мария и Суллу можно считать в известном смысле предшественниками Цезаря и Августа. Особенностям самопрезентации и пропаганды последних (особенно Августа) уделяется сравнительно много внимания, что не в последнюю очередь объясняется обилием источников. Однако концепции, сформулированные для более поздних эпох, способны повлиять на восприятие предшествующих и зачастую не столь богатых источниками периодов. Эта особенность историографии в полной мере осознается автором, поэтому он опирается на современный исследуемому периоду материал – преимущественно монеты и надписи.

Ассанмаке принимает популярную идею, что для идеологического климата тех лет были характерны апокалиптические настроения, связанные в числе прочего с провозглашением гаруспиками «нового века». Это способствовало появлению типа imperator'а, способного убедить массы в благосклонности к нему богов (с. 46). Учащаются обращения к образу Аполлона, который до этого времени не привлекал особого внимания римлян. Нарративные источники сообщают о роскошных играх в честь Аполлона во время претуры Суллы. Также Аполлон внезапно начинает появляться на многих монетах; иногда это можно объяснять родовой пропагандой triumviri monetales, однако таких случаев не так много. Здесь уместно задаться вопросом о смысловой нагрузке образа Аполлона в рассматриваемый период. Ассанмаке не согласен с А. Альфёльди, который считал, что изображение Аполлона символизировало наступление золотого века, а также связь Аполлона с пророчествами и кумской сивиллой,– этот аспект в его культе появляется только в 60-х годах. Для прояснения функций этого божества в римском пантеоне исследователь обращается к обстоятельствам учреждения игр в честь Аполлона и приходит к выводу, что Аполлон прежде всего – бог победы, и именно в этом контексте следует рассматривать обращение к его образу политиков 90–80-х годов. В случае Суллы это, конечно, были особенно пышные ludi Apollinares, включавшие venationes со львами. Ассанмаке видит в этом своего рода имитацию триумфа и апелляцию к царской идеологии в эллинистическом духе (с. 83). Впрочем, Суллу с ludi Apollinares в некотором смысле связывала и семейная традиция, поскольку первые такие игры были организованы его прадедом. Чеканку монет

[10] При этом Дионисию Галикарнасскому приписывается отрицательная оценка отказа Суллы от власти (*AR.* V. 77. 1), хотя у Дионисия речь идет (в V. 77. 4–5) об оценке диктатуры Суллы в целом.

[11] Прежде всего полководческий (Vaucher 2017), отчасти законодательный и литературный.

[12] Assenmaker 2014, 48–95, 135–305.

с изображением Аполлона Ассанмаке склонен объяснять реакцией других родов (например, Кальпурниев), также связанных с Аполлоном, на сулланскую пропаганду.

Ассанмаке обращается к значению термина imperator, подчеркивая, что в первую очередь это должностное лицо, наделенное империем. С учетом этого он предлагает расширить пространство для интерпретаций и датировок монет с легендами L. Sulla imperator, не связывая их только с провозглашением Суллы императором после битвы при Орхомене. Ассанмаке обращает внимание на средства пропаганды, использованные Суллой во время Первой Митридатовой и гражданской войн: с его точки зрения, в этот момент пропаганда имела особое значение, поскольку должна была доказать легитимность властных притязаний Суллы. Важное место среди этих средств, как известно, занимали монеты. Будущий диктатор перенял у марианцев образ триумфатора, куда менее канонический для римских монет, нежели образ Виктории. Впервые он появляется на денариях марианца Гая Фундания, а Сулла дополнил его легендой L. Sulla imperator. При этом Ассанмаке пересматривает датировку монет с легендами L. Sulla imperator и L. Sulla imperator iterum (см. ниже).

Особое внимание автор обращает на изображения на денариях и ауреях Суллы, выпущенных для финансирования кампании в Италии. Не совсем ясно, что́ символизируют эти изображения: кувшин и посох (lituus) в центре и два трофея по краям. Интересно присутствие на монетах Суллы именно двух трофеев, а не одного или трех, что более характерно для римских монет. В этом иногда видят отсылку к победам при Херонее и Орхомене. Однако такое изображение на монете с легендой imperator iterum заставляет предполагать связь с двукратным провозглашением Суллы императором. Таким образом, два трофея могут символизировать не сами установленные трофеи, а две главные победы его балканской кампании, которые сопровождались императорской акклямацией Суллы. Относительно же двух других символов, посоха и кувшина, автор полагает, что для Суллы важно было продемонстрировать легальность своей власти – именно в этом, видимо, и заключался их смысл (с. 209).

В начале карьеры Суллы незаметно, чтобы он особенно почитал какое-либо определенное божество (кроме разве что Аполлона, см. выше). Во время войны с Митридатом он начинает особо выделять Афродиту-Венеру. Однако Ассанмаке предлагает рассмотреть эту связь в контексте его отношения к другим богам, чтобы уяснить, в чем заключались ее особые функции. Так, трофеи, воздвигнутые после битвы при Херонее, Сулла посвятил не только Афродите, но и Аресу и Нике (см. выше). Арес и Афродита – достаточно распространенная пара в греческом мире, однако Ассанмаке обращает внимание также на важную роль, которую играли в римском пантеоне Марс и Венера, причем независимо друг от друга. Ассанмаке тоже рассматривает упоминавшийся выше эпизод с получением Суллой оракула, приводимого Аппианом: в отличие от Экерт он полагает, что сведения об этом оракуле отсутствовали в мемуарах Суллы, а процитированный ответ был правдоподобной подделкой. После возвращения в Италию Сулла вновь обратился к почитанию более привычного для римлян Аполлона. Если говорить о культе кровавой богини войны Ма-Беллоны, то Сулла, по мнению Ассанмаке, не случайно после битвы у Коллинских ворот собрал сенаторов именно в ее храме в то самое время, когда его воины убивали пленных самнитов неподалеку, на Villa publica. Это можно воспринимать как посвящение Беллоне, чей образ был призван легитимировать проскрипции и массовые казни (с. 241)[13].

Интерес к Афродите-Венере, которая считается личной покровительницей Суллы, проявился у представителей его рода еще в середине II в.[14] Однако уже упоминавшийся оракул и приписываемое Сулле прозвище Эпафродит свидетельствуют о его особом интересе к этой богине. Одной из наиболее привлекательных ее черт было покровительство троянцам, к которым себя возводили римляне, причем актуализация этой темы при отношениях с греками восходит по меньшей мере к Титу Квинкцию Фламинину. Сулла, с одной стороны, следовал этой

---

[13] Заметим, что расправа с самнитами не являлась частью проскрипций. Вероятнее, что на выбор места заседания повлияло иное обстоятельство – храм Беллоны был построен в честь победы над самнитами (Liv. X. 10. 17, 21; Ovid. *Fast*. VI. 199–208; Fündling 2010, 113).

[14] Здесь автор ссылается на асс П. Суллы (*RRC* 205/2), полагая вслед за М. Кроуфордом (Crawford 1974, 250), будто корабль увенчивает голова Венеры, но это не более чем догадка; единственное известное нам изображение головы Венеры на носу корабля встречается на ассе Меммия, отчеканенном гораздо позже, в 106 г. (*RRC* 313/4), где перед ней отчетливо виден Купидон. В нашем случае ничего подобного нет.

традиции, с другой – пытался выстроить более тесные связи между собой и богиней. В этом смысле Цезарь, почитавший Венеру как свою божественную прародительницу, куда больше следовал традиции. Возвращаясь к херонейским триумфам, посвященным Афродите наряду с Аресом и Никой, стоит отметить важность для Суллы Венеры-Афродиты в роли Venus Victrix. По мнению Ассанмаке, в традиционном римском пантеоне Венера не считалась непосредственно богиней военной победы; таким образом, исследователь не согласен с теми, кто видит в почитаемой Суллой Венере чисто римское божество: речь идет об адаптации Суллой греческих традиций образа Афродиты.

Как полагает автор, чтобы понять особенности пропаганды Цезаря и Августа, необходимо обратиться к Сулле, который продемонстрировал очевидную преемственность в отношении политических традиций, заложенных Марием. Прославление военных побед привело к переосмыслению содержания титула «император», который появляется уже на монетах Суллы. Однако кампания в Греции стала для Суллы поворотным моментом, поскольку с этого времени он стал акцентировать в своей пропаганде не столько собственные победы, сколько благосклонность богов, которые даровали ему их, тем самым подтверждая его власть (с. 298). Вместе с изменением политической ситуации возросла и ценность монет как средства пропаганды: изображения на них перестают быть воспоминанием о деяниях отдельных родов и все больше содержат указания на текущую политическую ситуацию. Конструируя свой личный пантеон, Сулла не только опирался на римские традиции, но и придавал традиционным богам новые функции, как, например, это произошло с Венерой и Беллоной, и тем самым «обогащал» римский пантеон (с. 301–303).

Ассанмаке проработал большой материал, выводы его весьма интересны – в частности, идеи о развитии Суллой методов самопрезентации, заложенных Марием и его окружением, а также о росте значимости монет как средства пропаганды во время балканской кампании Суллы. В последнем случае, правда, требуется уточнить, что это диктовалось самой обстановкой, поскольку, отсутствуя в Италии, будущий диктатор просто вынужден был прибегать к монетной пропаганде больше, чем к открытой устной. Кроме того, Ассанмаке пытается увидеть скрытый смысл там, где его могло и не быть: например, апелляцию к царской идеологии в эллинистическом духе во время Аполлоновых игр, в которых сам же усматривает и аналогию с триумфом – празднеством вполне традиционным. Пышность же игр просто способствовала росту популярности Суллы, полезной для его дальнейшей карьеры.

Как уже говорилось, Ассанмаке выступает за передатировку монет с легендой L. Sulla imperator[15]. Если относить ассы, денарии и ауреи с легендой L. Sulla imperator к 83–82 гг., то игнорируется разница между imperator и imperator iterum (с. 263). Между тем, учитывая важность монет как средства пропаганды, в добавлении iterum нельзя не видеть смысловой нагрузки. По мнению Ассанмаке, монеты с надписью imperator были выпущены раньше, чем монеты с легендой imperator iterum, а не наоборот, как это представлено у М. Кроуфорда[16]. По сути, на монетах Суллы надпись imperator появляется впервые, причем сразу на аурее, что указывает на особое значение, которое Сулла придавал этой легенде. Ассанмаке допускает, что появление таких монет было связано с Союзнической войной, когда Суллу могли провозгласить императором, или же с походом на Рим в 88 г. Вторая версия кажется ему менее вероятной, поскольку во время похода у Суллы не было бы возможности заниматься выпуском монет; таким образом, исследователь предлагает датировать монеты 90–89 гг. Проквестором, ответственным за эти выпуски, Ассанмаке считает Луция Манлия, проконсула 78 г. Он признает, что главный аргумент против его гипотезы – это отсутствие монет L. Sulla imperator в кладах, датируемых 90–82 гг. Однако, с его точки зрения, это может объясняться тем, что клады времен Союзнической войны и в целом 80-х годов вообще довольно редки. Хотя доводы Ассанмаке весьма основательны, следует учитывать, что Сулла, указав на двукратное провозглашение его императором, не обязательно должен был делать это всегда и позднее.

Политической саморекламе Суллы и отчасти Мария посвящена статья Эльке Штайн-Хёлькескамп «Власть, память и памятники: Марий, Сулла и борьба за общественное пространство»[17]. Автор отмечает, что Сулла, отказавшись от власти, не прекращал заботиться о своем

[15] Assenmaker 2013, 247–277.

[16] См. Crawford 1974, 80. Монеты *RRC* 367–368 он относит к 82 г. (ibid. 386–387).

[17] Stein-Hölkeskamp 2013, 429–446.

имидже, еще за два дня до смерти продолжая писать мемуары. Однако их аудитория была узкой, куда больше людей могли видеть связанные с его именем памятники и постройки. Конная статуя Суллы на северной стороне Форума стояла между Комицием и Курией перед ростpами; пространство вокруг памятника было связано с воспоминаниями еще о царских временах, рядом находились и памятники раннереспубликанского времени, а потому можно полагать, что выбор Суллой места для собственной статуи не был случайным. В то же время возведение таких статуй, начало которому и положил памятник диктатору, не происходило по доброй воле граждан, для Цицерона подобные случаи служили отрицательным примером. С одной стороны, данное мероприятие Суллы вписывалось в давнюю традицию прославления аристократов и их претензий на признание в общественном пространстве, с другой – резко нарушало ее, так как установка конной статуи смертного, да еще при его жизни, в Риме прецедентов не имела. Комиций, где ее установили, был местом, связанным с монополией государства на общественную память, и для подобных самопрезентаций требовалось одобрение политических институтов. «Установка позолоченной статуи на Комиции символизировала высшую точку и одновременно последний шаг в затянувшемся более чем на десять лет процессе, в ходе которого Сулла все более систематически нарушал устоявшиеся правила монументальной самопрезентации» (с. 435).

Помимо установки статуи, диктатор инициировал перестройку Курии по причине увеличения числа сенаторов, что, впрочем, также вызвало осуждение Цицерона (*Fin*. V. 2), и возведение Табулярия с его архитектурными новшествами; наконец, началось восстановление храма Юпитера Капитолийского. Капитолий был до предела насыщен памятниками. Среди них важное место занимала скульптурная группа, изображавшая выдачу Югурты Сулле, который, естественно, доминировал в этой композиции, тем самым претендуя на особое место в памяти римлян, хотя в действительности слава пленения нумидийского царя принадлежала Марию. В то же время победных памятников самого арпината посетители Форума уже не увидели бы, так как Сулла приказал их снести. Но полностью изгнать Мария из общественной памяти ему, конечно, не удалось. Остроту антагонизма между обоими политиками продемонстрировал резонанс, который вызвало восстановление Цезарем трофеев Мария. Когда после битвы при Фарсале «народ» удалил конные статуи Суллы и Помпея с Ростр, Цезарь приказал их восстановить, добавив к ним и собственную конную статую. «Таким демонстративным актом clementia он еще раз недвусмысленно отмежевался от коммеморативных практик Суллы и одновременно ясно дал понять, что борьба за господство в этом поле (in Medium der Monumente) отныне завершена. Вместе с тем был положен конец традиционным соревновательным коммеморативным практикам нобилитета, которые в конечном счете являлись выражением принципиального равенства [в среде] аристократии и ее коллективного главенства» (с. 444). Завершил этот процесс Август, монополизировавший контроль над ними и воздвигший на своем форуме статуи героев римской истории.

Статья Штайн-Хёлькескамп представляет несомненный интерес, позволяя уточнить контекст мероприятий Суллы по созданию собственного образа. Однако в некоторых деталях согласиться с ней трудно: например, с тем, что посетители Капитолия в 79 г., видя изображения выдачи Югурты Сулле, вспоминали скандал, связанный с установлением этих статуй, – скорее всего память о нем померкла на фоне кровавых событий гражданской войны. Сомнительно также, что на аурее Манлия перед нами портрет Суллы – это была его конная статуя[18], что не одно и то же, хотя, конечно, тоже выходило далеко за рамки обычая. Наконец, едва ли можно с уверенностью утверждать, будто конная статуя Суллы была воздвигнута в обход соответствующих процедур – в источниках об этом ничего не говорится (App. *BC*. I. 97. 451), но ничто не мешало Сулле получить формальное одобрение сената и народа.

Значительное внимание уделено самопрезентации Суллы в статье Карстена Ланге и Фредерика Вервата[19]. Они отмечают, что в послании сенату после окончания Первой Митридатовой войны Сулла не только восхвалял себя за победы над понтийским царем, но и не забыл перечислить прежние победы, а также, что еще важнее, ставил себе в заслугу защиту изгнанных Цинной, выразив возмущение, что «в награду» его объявили врагом, разрушили дом, и т.д. Он также угрожал вернуться и отомстить тем, кто нанес ущерб ему и всему Риму. Тем самым Сулла решительно изменил традиционные litterae laureatae, которые отправлял сенату победоносный

[18] Crawford 1974, 397, «портрет портрета», по выражению Ф. Ноубл (Noble 2014, 230).
[19] Lange, Vervaet 2019, 17–28.

imperator, собираясь испрашивать триумф. Все это нашло отражение в дальнейших поступках Суллы: после сражения у Коллинских ворот он собрал граждан и объявил о грядущей расправе с врагами, а затем отпраздновал триумф не только над Митридатом, но (вопреки обычаю) фактически и над марианцами – хотя формально о них речи не шло, демонстрация во время триумфа золота, увезенного Марием Младшим из римских храмов, а также свита Суллы из изгнанников были явным намеком на то, что празднуется победа и в гражданской войне. Таким образом создавался важный прецедент (внешние враги принципиально не отделялись от внутренних), которому последовали Метелл Пий, Помпей, Цезарь, Август – «все они праздновали триумфы и овации по поводу побед в “смешанных” конфликтах, которые привели к разгрому враждебных римских группировок и чья главная черта состояла в том, что противники из числа римлян и неримлян оказывались союзниками на поле боя» (с. 19). Авторы отмечают, что при описании битвы при Сакрипорте Сулла подчеркивает разницу в потерях: 20 тысяч убитых и 8 тысяч пленных у неприятеля против 23 убитых у него. Это контрастирует с подходом Августа, который в мемуарах пишет лишь о 5 тысячах врагов, убитых при Акции,– минимум, необходимый для триумфа. Разница тем заметнее, что Сулла открыто вел гражданскую войну (да и сам термин bellum civile, как полагают Ланге и Верват, появился именно благодаря ему), тогда как основатель принципата представил ее как внешнюю. Именно описанием триумфа, как вслед за другими учеными склонны думать авторы статьи, и завершил мемуары Сулла, обсуждать же политические аспекты своей диктатуры не пожелал, ограничившись констатацией, что res publica стояла на краю гибели, от которой он ее будто бы спас.

Несомненно, ход мысли и конкретные наблюдения Ланге и Вервата весьма интересны и плодотворны, но кое-что, как кажется, требует поправок. Нет сколь-либо надежных свидетельств того, что современники восприняли триумф Суллы как празднование победы не только над Митридатом; нет сведений о прямых указаниях в триумфальных надписях, что золото захвачено именно у Мария Младшего, а изгнанники в свите Суллы – и вовсе что-то загадочное: изгнанником был прежде всего он сам, да и все его соратники тоже, и неясно, отличал ли кто-то их в толпе от тех, кто бежал к Сулле от марианцев. Но даже если считать, что диктатор праздновал также победу над марианцами, сравнение с триумфами Помпея, Метелла Пия, Цезаря и Августа не вполне корректно: авторы сами отмечают, что те вели войны, где их недруги-римляне оказывались союзниками внешних врагов, в случае же с Суллой мы имеем дело с двумя разными войнами – Митридатовой и гражданской (то, что марианцы сражались бок о бок с самнитами, ничего не доказывает, поскольку самниты в триумфе не фигурировали). Наконец, говоря о контрасте в цифрах потерь у Суллы и Августа, Ланге и Верват забывают упомянуть о Цезаре, который в рассказе о сражении при Фарсале пишет о 15 тысячах погибших у Помпея при менее чем 230 у своих (*BC*. III. 99. 1 и 4). Таким образом, Цезарь идет здесь по стопам Суллы (хотя в других случаях старается противопоставлять себя ему), а Август отказывается следовать не только Сулле, но и почитаемому им приемному отцу.

Интересный вопрос о сравнении Суллы с Коммодом, Септимием Севером и Каракаллой рассматривает Кшиштоф Крульчик[20]. Коммод со 184 г. н.э. (а со 185 г. регулярно) стал, подобно диктатору, именоваться Felix. О причинах этого можно лишь строить предположения, но примечательно, что античные авторы пишут о нем как о новом Сулле в связи с убийствами (caedes) граждан (*SHA*. *Comm*. 8.1), а не с военными или государственными свершениями. Участь Коммода на первый взгляд отличается от судьбы «счастливого» Суллы: он был убит и объявлен врагом, а его статуи уничтожены, но уже через три года Север осуществил restitutio memoriae последнего Антонина и велел почитать его как Divus Commodus. Септимий Север восхвалял Суллу наравне с Марием и Августом за жестокость по отношению к врагам (сообщение об этом современника Диона Кассия вполне правдоподобно), порицая Помпея и Цезаря за мягкость, погубившую их. Это являло собой очевидный контраст с пропагандой clementia Клодием Альбином. Репрессии со стороны Севера не приобрели формы проскрипций, но все же вызывали воспоминания о них. В *SHA*. *Nig*. 6. 3–4 он весьма нелестно именуется Sulla Punicus, хотя другие сенаторы считали его скорее Марием. Любопытно, что прозвище Felix носил и современник Севера неуловимый разбойник Булла, в чем усматривается параллель, основанная на сходстве имен (Sulla Felix – Bulla Felix). Что же касается Каракаллы, то он восхищался Суллой наряду с Тиберием и подражал его жестокости, восстановил его надгробный памятник,

[20] Królczyk 2014, 159–175.

воздвигал ему статуи, а после убийства Геты поносил сенат и народ, угрожая, что станет вторым Суллой. После избиения варваров в Реции он одарил (donavit) воинов так, словно это были солдаты Суллы (*SHA. Carac.* 5.4),– единственное сравнение с диктатором в связи не с жестокостями (под уничтожением варваров явно имеется в виду победа над ними), а с щедростью. К. Крульчик высказывает интересное предположение, что под donavit подразумеваются земельные раздачи армии, действительно возобновленные Каракаллой после их прекращения при Адриане.

Таким образом, Сулла оставался частью дискурса той эпохи, но представления о нем были весьма схематичны, помнили преимущественно о его жестокости. При этом Каракалла оказался единственным, кто не только обозначал свою связь с диктатором, но и вполне сознательно демонстрировал imitatio Sullae. Думается, однако, что для такого вывода оснований недостаточно, поскольку эта imitatio, возможно, является плодом субъективного восприятия в наших не особенно надежных источниках. Жестокости Каракаллы не заключали в себе чего-то специфически сулланского, а раздачи земли воинам могли быть не подражанием диктатору, а просто продолжением (наряду с повышением жалования) политики Севера по отношению к армии.

Несколько работ посвящено образу Суллы у древних авторов. Федерико Сантанджело обращается к такой традиционной теме, как образ Суллы в «Югуртинской войне» Саллюстия[21]. Писатель, вводя Суллу в рассказ, дает ему пространную характеристику, которой другие герои этого сочинения при первом упоминании не удостаиваются. Таланты и добродетели его многообразны: ему присущи величие духа (ingens animus)[22], усердие (industria), стремление к славе, берущее верх над любовью к наслаждениям (cupidus voluptatum, set gloriae cupidior: Sall. *Iug.* 95. 3–4). Все это быстро находит подтверждение в ходе боевых действий, в успехе которых роль Суллы очень велика. Но Сантанджело обращает особое внимание на упоминание его красноречия (facundia) и умения притворяться (ad simulanda negotia altitudo ingeni incredibilis). В описании Саллюстия поначалу именно умением вести разговор и давать советы, т.е. словами, а не делами, что неожиданно для военной обстановки, Сулла завоевывает доверие как Мария, так и простых воинов. (Здесь автор не совсем точен, поскольку признает, что Сулла охотно оказывал услуги, per se ipse dare beneficia, а это уже не только слова.) Особенно ярко его владение словом и умение перевоплощаться демонстрируется в переговорах с Бокхом, которые, невзирая на все колебания царя, заканчиваются выдачей Югурты римлянам (этот сюжет разобран в статье особенно подробно). Но несмотря на центральную роль Суллы в последней части Bellum Iugurthinum, в ее заключительной главе он отсутствует. В то же время сообщение, что Югурту доставляют в Рим в цепях (114. 3), по мнению Сантанджело, содержит указание на политическое соперничество и борьбу за военную славу. В погоне за ней Сулла велит изготовить перстень с изображением выдачи ему Югурты, а позднее на Капитолии появляется скульптурная группа на тот же сюжет, что обостряет отношения между Суллой и Марием, выливающиеся в конце концов в гражданскую войну. Таким образом, в заключительных строках «Югуртинской войны» содержится намек на смуту 80-х годов. Спорить с этим не приходится, но скорее такой намек связан с образом Мария, о котором идет речь в последней фразе[23].

Александр Тейн анализирует восприятие милосердия Суллы в античной традиции[24]. Ученый отмечает различные акценты в рассказе об освобождении Суллой в 83 г. Л. Сципиона, чью армию он переманил на свою сторону. Веллей Патеркул (II. 25. 2–3) подчеркивает милосердие будущего диктатора и сокрушается, что после победы тот сменил ее на невероятную жестокость. Диодор же видит здесь также случай противопоставить ἐπιείκεια (clementia) Суллы вероломству отпущенного им Сципиона (38/39. 16), т.е. поведение первого позволяет подчеркнуть дурные качества второго. Сходная ситуация и со взятием Афин: Страбон пишет, что Сулла наказал угнетавшего афинян тирана Аристиона, но пощадил сам город, причем указывает на сохранение римлянами демократии в Афинах (IX. 1. 20). Это редкий случай безоговорочного восхваления Суллы в связи с данным сюжетом, причем делается акцент на филэллинизме римлян и тирании Аристиона, которому противопоставляется Сулла. Такая же антитеза и в случае

---

[21] Santangelo 2019, 107–124.

[22] Автор указывает на параллель с Марием (63.2: animus belli ingens domi modicus) и отчасти Югуртой (8.1: non mediocris animus).

[23] См, например, Syme 1964, 176.

[24] Thein 2014, 166–186.

с Илионом: Фимбрия разорил город, Сулла же помог его восстановлению (XIII. 1. 27). Интересен подход Плутарха: поначалу Сулла не желает следовать филэллинской традиции, отказываясь слушать рассуждения афинских послов о прошлом величии их города, и по взятии начинает его разгром, но в конце концов милует уцелевших ради того самого прошлого, что являет собой несомненный акт филэллинизма (*Sull*. 13. 5; 14. 9). Кроме того, случившееся дает повод сравнить Суллу с Лукуллом, который, как уже говорилось, не сумев предотвратить гибель Амиса от пожара, уподоблял себя разрушителю Коринфа Муммию и завидовал удаче Сулле, который смог спасти Афины. У Аппиана (*Mithr*. 62–63) Сулла в речи перед эллинами ссылается на доброе отношение римлян к ним и тем объясняет свой отказ от жестокой расправы с греческими городами Малой Азии, требуя лишь выплат, но их тяжесть доводит города до бедственного состояния и милосердие Суллы оказывается мнимым. У Павсания он изображается как человек, предавший идеи римского филэллинизма (см. выше), символом чего оказываются Афины, так и не восстановленные до времени Адриана – истинного филэллина и антипода Суллы.

Тейн предлагает свое объяснение сути милосердия Суллы у Аппиана, рассмотрев эпизоды с Фимбрией, Сципионом и Цетегом (*Mithr*. 60; *BC*. I. 80. 369; 86. 388). В случае с первыми двумя оно состоит в том, что оба получают свободный проход. Но Сципион, отказавшись присоединиться к победителю, уходит, свободный от обязательств перед ним, а Фимбрия, напротив, кончает с собой. Цетег же приходит к Сулле в качестве умоляющего, и последний являет ему то истинное милосердие, которое, по мнению Аппиана, невозможно без примирения. Ведь и Фимбрия просил о снисхождении, но получил лишь право уйти. Если же предположить, что Фимбрия хотел примкнуть к победителю, но получил отказ, его самоубийство еще более понятно; недаром в *BC*. IV. 8. 32 указывается, что те, кого Цезарь пощадил, стали его друзьями. Проводится параллель и с текстом Плутарха (*Sull*. 6. 14), по словам которого Сулла при необходимости мог сдержать гнев и простить тяжкую обиду. Суждение интересное, однако ни Аппиан, ни Плутарх в указанных случаях о милосердии не пишут.

Образ Суллы в труде Диона Кассия рассматривает Джанпаоло Урсо[25]. В центре его внимания речь Септимия Севера в сенате после победы над Клодием Альбином, где одобряются Марий, Сулла и Август за их жестокость по отношению к врагам (LXXVI[LXXVII]. 8. 1–4). Сулла выступает в труде Диона как пример насилия и жестокости в отношении политических противников. В этом смысле он противопоставляется Цезарю: после битвы при Тапсе сенаторы опасались репрессий, но Цезарь успокоил их. У Диона он подчеркивает свое отличие от Мария, Цинны и Суллы, которые, пока боролись за власть, притворялись человеколюбивыми, но по достижении успеха повели себя совсем иначе, тогда как он, Цезарь, не таков. Как люди, не менявшие своего поведения, характеризуются Марк Аврелий и Пертинакс. Север же нарушил обещание не казнить сенаторов. Причем если критика Суллы из уст Цезаря не удивляет, то порицания в адрес его дяди Мария и тестя Цинны звучат в высшей степени странно, это явно домысел самого Диона, который, возможно, дает таким образом ответ на речь Септимия, напротив, хвалившего Мария и Суллу за жестокость. О нежелании подражать Марию, Цинне и Сулле говорит у Диона перед самоубийством и Отон – перед нами, надо полагать, намеки на ситуацию конца II в. н.э., и выступление Цезаря в сенате после Тапса – «идеальная» речь, которую хотел бы услышать историк от Септимия после разгрома Клодия Альбина. Марий упоминается наряду с Суллой как пример жестокости, которому не хотят подражать триумвиры, а также в пересказе их декрета о проскрипциях, хотя Аппиан (*BC*. IV. 10. 39) в аналогичной ситуации пишет только о Сулле[26]. Тем не менее последний остается в глазах Диона кровожадным чудовищем, каким он считался еще в конце Республики.

Но моральная и политическая оценки – не одно и то же, и здесь суждения Диона неоднозначны. С одной стороны, историк называет режим Суллы δυναστεία или, лучше, δυναστεῖαι (незаконная и насильственная система власти), с другой – в речи Агриппы (LII. 13. 2) относит его к числу людей, не желавших δυναστεύειν (в их число курьезным образом вновь попадает и Марий), а во fr. 109. 2 называет его правление ἐξουσία.

Кроме того, если, например, Дионисий Галикарнасский связывал поворотный пункт в развитии диктатуры с Суллой, который превратил ее в жестокую тиранию, то Дион Кассий счи-

[25] Urso 2016, 13–32.

[26] Отметим, что при описании проскрипций, выражая уже собственное мнение, Аппиан упоминает не только Суллу, но и Мария (*BC*. IV. 16. 62).

тает ключевым моментом правление Цезаря, сделавшего диктатуру бессрочной, Сулла же, как дается понять в речи Катула (XXXVI. 31. 4), отказался от нее еще в конце 81 г. и не совмещал ее с консулатом в 80 г. В итоге Сулла в глазах Диона – жестокий правитель, но не тиран, а его диктатура – не δυναστεία, поскольку он не извратил ее характера, а приспособил к новым условиям. Такой подход можно объяснить как использованием источников разной направленности, так и различением диктатуры и проскрипций, которые начались за несколько недель до введения диктатуры. Кроме того, Диона беспокоило не ответственное участие граждан в управлении, а внешне «правильное» функционирование государства. Образец такового и представляла собой диктатура Суллы: жестокости, бесспорно, совершались (и здесь ясно угадываются намеки на Севера), но в институциональном смысле его режим соответствовал римским традициям, в развязывании же гражданской войны в глазах Диона главную роль сыграл Марий. «Отсюда его оценка Суллы как exemplum жестокости и “республиканского” диктатора одновременно. Создавая этот сложный образ, Дион продемонстрировал свою независимость от общих мест предшествующей историографии» (с. 32).

В статье Александры Экерт разбираются воззрения Умберто Лаффи и Франсуа Инара на образ Суллы. Как считает Лаффи, до прихода к власти Цезаря образ этот был сугубо положительным, а сулланские нововведения оставались в силе и после законодательства 70 г. Лишь после 49 г. все изменилось, поскольку победа Цезаря означала торжество враждебной Сулле традиции, в результате чего и сложился миф о нем как об отрицательном герое римской истории. Эти идеи развил Инар. По его мнению, на память современников о Сулле повлияла особая расстановка акцентов, что предотвратило возникновение мифа о нем во времена Поздней республики. Лишь в эпоху Августа Сулла стал восприниматься как exemplum жестокости. Ответственность за проскрипции второго триумвирата пропаганда приписала Антонию, изображая его кровавым тираном; это представление распространилось затем на Суллу как их зачинателя. Завершилось формирование отрицательного образа диктатора в трудах Сенеки. Экерт показывает, что в действительности еще при жизни Сулла воспринимался многими как жестокий тиран, а возвращение трибунам всех полномочий и реформа судов, возможно, отвечали желанию большей части римского общества, и хотя они не стали революцией в отношении сулланских реформ, все же заметно изменили баланс сил в римской политической системе[27].

Итак, образ Суллы, каким он хотел преподнести его сам и каким он виделся современникам и потомкам, продолжает интересовать ученых. Привлекательность этой темы в том, что она находится на стыке политической истории и истории культуры, давая больше возможности исследователям для самовыражения. И хотя при этом историки порой склонны видеть в источниках больше, чем в них содержится, в целом исследования данной тематики вполне плодотворны. Все они с разных сторон подтверждают очевидный, но оттого не менее верный тезис, что Сулла, при всей своей консервативности и даже реакционности, оказывался новатором.

Литература / References

Assenmaker, P. 2013: *L. Sulla imperator* et *imperator iterum*: pour une réévaluation de la chronologie des émissions monétaires de Sylla (*RRC3*67–368 et 359). *Revue Numismatique* 170, 247–277.

Assenmaker, P. 2014: *De la victoire au pouvoir. Développement et manifestations de l'idéologie impératoriale a l'époque de Marius et Sylla*. Bruxelles.

Crawford, M.H. 1974: *Roman Republican Coinage*. Vol. I. Cambridge.

Eckert, A. 2016: *Lucius Cornelius Sulla in der antiken Erinnerung. Jener Mörder, der sich Felix nannte*. Berlin–New York.

Eckert, A. 2019: Reconsidering the Sulla myth. In: A. Eckert, A. Thein (eds.), *Sulla Felix: Politics and Reception*. Berlin–Boston, 159–172.

Fündling, J. 2010: *Sulla*. Darmstadt.

Królczyk, K. 2014: “Ein neuer Sulla”. Zur Rezeption Sullas in der Hohen Kaiserzeit: Commodus, Septimius Severus und Caracalla. In: D. Słapek, I. Łuć (eds.), *Lucius Cornelius Sulla. History and Tradition*. Lublin, 159–175.

[27] Eckert 2019, 159–172.

Lange, C.H., Vervaet, F.J. 2019: Sulla and the origins of the concept of *bellum civile*. In: C.H. Lange, F.J. Vervaet (eds.), *The Historiography of Late Republican Civil War*. Leiden–Boston.
Noble, F.M. 2014: *Sulla and the Gods. Religion, Politics, and Propaganda in the Autobiography of Lucius Cornelius Sulla*. Ph.D. Diss. Newcastle.
Ridley, R.T. 2000: The dictator's mistake: Caesar's escape from Sulla. *Historia* 49. 2, 211–229.
Santangelo, F. 2019: Sulla in the *Bellum Jugurthinum*. In: A. Eckert, A. Thein (eds.), *Sulla Felix: Politics and Reception*. Berlin–Boston, 107–124.
Stein-Hölkeskamp, E. 2013: Macht, Memoria und Monumente. Marius, Sulla und der Kampf um den öffentlichen Raum. *Klio* 95, 429–446.
Syme, R. 1964: *Sallust*. Berkeley–Los Angeles.
Thein, A. 2014: Reflecting on Sulla's clemency. *Historia* 63. 2, 166–186.
Urso, G. 2016: Cassius Dio's Sulla: exemplum of cruelty and republican dictator. In: C.H. Lange, J.M. Madsen (eds.), *Cassius Dio. Greek Intellectual and Roman Politician*. Leiden–Boston, 2016, 13–32.
Vaucher, D. 2017: Rev.: Alexandra Eckert, Lucius Cornelius Sulla in der antiken Erinnerung: Jener Mörder, der sich Felix nannte. Berlin–Boston, 2016. *Bryn Mawr Classical Review 2017.02.22*.

Anton V. Korolenkov,
State Academic University
for the Humanities,
Moscow, Russia
E-mail: sallust@list.ru

Maria N. Kirillova,
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences;
Bauman Moscow State Technical University,
Moscow, Russia
E-mail: mnkirillowa@bmstu.ru

А.В. Короленков,
к.и.н., доцент Государственного
академического университета
гуманитарных наук,
Москва, Россия

М.Н. Кириллова,
к.и.н., н.с. Института всеобщей истории РАН,
доцент МГТУ им. Н.Э. Баумана
Москва, Россия

Vestnik drevney istorii
81/4 (2021), 1045–1050
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/4 (2021), 1045–1050
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910012577-7

P.A. KENT. A History of the Pyrrhic War. Abingdon–New York: Routledge, 2020. 196 p. ISBN: 9781032090306

Прошло уже более 270 лет со времени издания первой работы по истории Пирровой войны – труда Жана Журдана[1], но интерес как к личности эпирского царя, так и к истории его войн не утрачен до сих пор. Подлинно научный интерес к личности царя Пирра и его войнам с римлянами зародился в немецкой историографии во второй половине XIX в. Г. Герцберг в своей монографии рассмотрел Пиррову войну в качестве решающего этапа в процессе объединения Италии под властью Рима, Р. Скала и Р. Шуберт[2] сосредоточили свое внимание на проблеме первоисточников по данной теме, пытаясь «очистить» их от более поздних наслоений. В первой четверти XX в. другой немецкий ученый О. Хамбургер дал критику источников по ходу изложения событий[3]. С середины XX в. монографические исследования о царе Пирре помимо Германии стали появляться и в других европейских странах. В Италии вышла монография Д. Ненчи, во Франции – капитальный труд П. Левека, в Нидерландах – монография А.Б. Недерлофа[4]. Традиционное для германской историографии просопографическое направление было представлено в работе Ф. Зандбергера, выделившего 122 персоны, имевшие какое-либо отношение к царю Пирру и его войнам[5]. Судьба царя Пирра, одной из ярчайших личностей античной эпохи, продолжает волновать современных исследователей и в XXI в. Из работ западноевропейских исследователей можно назвать, в частности, весьма добротную монографию бельгийского ученого Р. Брюинье, которую по сравнению со всеми предшествующими трудами отличает пристальное внимание к нумизматическому материалу[6]. Последним известным нам исследованием на данную тему является работа Патрика Алана Кента, адъюнкт-профессора Джексоновского и Среднемичиганского колледжа (США). Предметом научных интересов автора являются проблемы взаимоотношений Рима с народами Италии IV–III вв.[7] Рецензируемая монография состоит из шести глав и заключения, содержание которых изложено в проблемно-хронологическом порядке.

Первая глава «Вспоминая Пиррову войну» (с. 9–37) по своей сути является введением. Кент начинает свое изложение с описания одного из эпизодов (выбор этого эпизода, конечно же, дело вкуса автора) битвы при Гераклее – нападения италика Оплака на Пирра, в результате которого эпирскому царю чудом удалось избежать гибели. По словам автора, история Пирровой войны полна подобных эпизодов, связанных с интригами, проявлением чести, доблести, добродетелей и даже предательства. Актуализируя тему своего исследования, Кент заранее формулирует основные положения, которыми он будет руководствоваться при ее изложении. Во-первых, рассказы о событиях Пирровой войны в течение столетий были «отшлифованы» римскими авторами до такой степени, что до потомков они дошли уже далеко не в том виде, который имели первоначально. Во-вторых, в планы Пирра не входил захват Рима, всей Италии, Карфагена и Сицилии. Его цели ограничивались лишь помощью городам Великой Греции,

[1] Jourdan 1749.
[2] Herzberg 1870; Scala 1884; Schubert 1894.
[3] Hamburger 1927.
[4] Nenci 1953; Lévêque 1957; Nederlof 1976.
[5] Sandberger 1970.
[6] Bruijnje 2013.
[7] Здесь и далее все даты – до н.э.

обеспечением их безопасности. В то же время он не смог осознать всю сложность ситуации на Западе, где в будущем его ожидали серия войн, интриги, смена союзников, что заняло не один год. В-третьих, это событие было не войной римлян против Пирра, а носило, по сути, характер многополярного регионального конфликта с участием карфагенян, самнитов, тарентинцев, сиракузян и многих других, в котором каждый преследовал собственные интересы. И для того чтобы осознать сущность рассматриваемого события, необходимо проникнуть в римское повествование, отбросив разного рода легенды и недостоверные предания (с. 11).

Далее автор обращается к характеристике источниковой базы исследования. Он приходит к вполне обоснованному выводу о том, что ее основу составляют нарративные источники, а данные нумизматики, эпиграфики и археологии отличаются скудостью и лишь в незначительной степени могут помочь в освещении темы. Однако, по справедливому мнению автора, немало вопросов вызывает античная историческая традиция: источники, современные Пирровой войне, не сохранились, а все то, что было написано более чем через сто лет после нее, оказалось до неузнаваемости искаженным. При этом Кент указывает на одну интересную деталь, которая, впрочем, уже ранее была подмечена предшествующими ему исследователями: когда начинали писать первые римские историки, еще были живы очевидцы или даже участники описываемых событий, которые могли вносить в зарождающееся римское историописание фрагменты так называемой «семейной традиции», восхвалявшие героическое прошлое Рима (с. 13). Именно в рамках этой самой семейной традиции выкристаллизовывались героические образы Децием и Фабрициев, которые затем долгое время служили в качестве лучших примеров для подрастающих поколений. Но при всем при том их историческая память не могла охватывать период более 80 лет. Из всей совокупности нарративных источников Кент выделяет биографию Пирра, написанную Плутархом, поскольку тот использовал именно греческие источники. И хотя западная кампания Пирра оказалась на втором плане, тем не менее повествование Плутарха, как единственное завершенное, предоставляет нам общий контекст, куда вплетаются и помещаются остальные разрозненные материалы (с. 18). Однако автор ни единым словом не упомянул эпирского историка Проксена, труды которого по истории Эпира были использованы более поздними греческими историками[8].

К сожалению, в рецензируемой монографии отсутствует хотя бы краткий обзор предшествующей историографии. С одной стороны, автор упоминает капитальные работы немецких ученых Р. Шуберта, О. Хамбургера, Ф. Зандбергера[9] (в то же самое время неизвестной ему остается работа другого немецкого ученого, Р. фон Скалы[10]). Скорее всего автор знает о них, но никаких следов их использования мы не находим: ни идей, особенно касающихся их глубокого анализа источниковой базы исследования, ни каких-либо ссылок на их труды в книге нет. Исключение составляет лишь капитальный труд Пьера Левека[11], который, без сомнения, является главным авторитетом для Кента. Однако и этот труд, как признает автор монографии, далеко не безупречен: во-первых, в нем все внимание сосредоточено на личности эпирского царя, в то время как сама Пиррова война не рассматривается в геополитическом контексте истории народов Италии и Сицилии. Во-вторых, в виду открытия новых эпиграфических, нумизматических и археологических данных работа П. Левека, изданная более 60 лет назад, в некоторой степени устарела (с. 19).

Два последующих раздела главы, так или иначе, посвящены взаимоотношениям между греками и римлянами и их отражению в античной исторической традиции. В одном из них акцентируется внимание на том, как античные, а затем и современные авторы лепили из Пирра образ второго Александра. Для иллюстрации данного тезиса автор приводит известную беседу Пирра с Кинеем и не менее известный диалог Сципиона Африканского с Ганнибалом в Эфесе, во время которых сравнивались полководческие таланты Александра Великого и Пирра. Наконец, в последнем разделе первой главы речь идет о начальных контактах между греками и римлянами, которые произошли именно на поле боя.

Во второй главе «Конфликты и соперничество до Пирра» (с. 38–62) кратко рассматривается предыстория Пирровой войны. Автор отмечает те особенности античной исторической

[8] Kazarov 2009, 30–34.
[9] Schubert 1894; Hamburger 1927; Sandberger 1970.
[10] Scala 1884.
[11] Lévêque 1957.

традиции, в которой описывается римско-тарентинский конфликт: в ней подчеркиваются добродетели римлян и легкомыслие тарентинцев, при этом остается в стороне геополитический контекст событий. Нападение на римский флот, по словам автора, безусловно, сыграло важную роль в развязывании войны между Римом и Тарентом, но между этими двумя городами уже существовала давняя напряженность, причиной которой послужила экспансия Рима в предыдущие десятилетия. Само по себе это мнение не ново и уже ранее высказывалось предшествующими исследователями[12].

Параллельно с событиями на юге Апеннинского полуострова автор рассматривает обстановку на Сицилии, сложившуюся после смерти Агафокла. Он указывает на ту сложную ситуацию, в которой оказались сицилийские греки накануне прибытия туда Пирра. Вполне логично, что после исследования обстановки в Италии и на Сицилии Кент переходит к освещению положения царя Пирра, в котором он оказался накануне своей экспедиции на Запад. Мнение автора о том, что Пирр и его царство не обладали достаточными ресурсами для проведения активной внешней политики в эллинистическом мире, возражений не вызывает. Но с тем, что Кент, подобно Д. Ненчи[13], превращает Пирра в простую пешку Птолемея Лага, продвигаемую из Египта, мы едва ли сможем согласиться. И, наконец, в конце главы поставлен принципиальный вопрос о планах Пирра на Западе. Мы целиком разделяем скепсис автора по поводу описываемых Плутархом намерений Пирра относительно захвата Италии, Сицилии и Северной Африки. Что касается Италии, то, по мнению автора, целью царя было установление контроля за югом полуострова, но никак не захват Рима (с. 63). Таким путем, по мнению Кента, античная историография представляла из Пирра второго Александра, якобы продолжившего его завоевания на Западе. На самом же деле его первоначальные планы на Западе ограничивались лишь оказанием помощи грекам Италии и Сицилии.

Третья глава монографии «Военные кампании 280–279 гг.» (с. 63–90) посвящена военным действиям Пирра в Италии до его переправы на Сицилию. Автор последовательно рассматривает вопрос о силах противоборствующих сторон и подготовке их к войне, битву при Гераклее, поход Пирра на Рим, битву при Аускуле. Битва при Гераклее для Кента является однозначно победой Пирра, итоги битвы при Аускуле были неопределенными, хотя и гораздо лучше отражены в источниках (с. 77). Автор разделяет всеобщее мнение, что битва длилась два дня, первый день оказался за римлянами, а на второй день, благодаря полководческому таланту Пирра, его войска заняли выгодное положение, что и предопределило конечный успех царя и во втором сражении (с. 82–83). Завершая анализ военных кампаний Пирра, автор резонно отказывается как от анализа расхожего понятия «пиррова победа», так и от попыток связать его с тем или иным сражением Пирровой войны. По нашему мнению, работа в значительной мере выиграла бы, если бы в главе были помещены карты передвижения противников и схемы сражений.

Четвертая глава монографии «Дипломатические переговоры» (с. 91–145) посвящена переговорам Пирра с римлянами. Автор отнюдь не оригинален, когда указывает на запутанность и фрагментарность посвященной им исторической традиции. В противоположность другим исследователям, пытавшимся реконструировать последовательность переговорного процесса[14], Кент ограничился лишь общими замечаниями. При этом он проигнорировал работу немецкого ученого О. Хамбургера, в котором были выделены различные этапы переговорного процесса, привязанные к соответствующим пассажам античных авторов[15]. По мнению Кента, приверженность Пирра переговорному процессу, которую он демонстрировал на протяжении всей своей кампании в Италии, проистекала из той цели, которую он здесь преследовал: гарантировать независимость и безопасность греков Южной Италии и по возможности скорее вернуться к своим делам на Востоке. Именно поэтому даже после успешных для него сражений у Гераклеи и Аускула Пирр, несмотря на выигрышное для себя положение, прилагал усилия для заключения соглашения с римлянами (с. 91). Повествуя о событиях, которые последовали после поражения римлян при Гераклее, Кент отказывает в достоверности исторической традиции, отводящей решающую роль в срыве переговоров пламенной речи Аппия Клавдия в сенате. По его мнению, она едва ли могла служить источником, отражающим реальную ситуацию III в. (с. 93). Столь

[12] Herzberg 1870, 199.
[13] Nenci 1953, 134.
[14] Lefkowitz 1959, 147–177.
[15] Hamburger 1927, 45–46.

же невероятным кажется автору и тот повод к переговорам, который имел место после Аускула. Речь идет об обращении врача Пирра к консулу Фабрицию с предложением отравить царя. По словам Кента, описанная история слишком надуманна, чтобы иметь какие-либо исторические основания (с. 107).

Не остается без внимания и переговорный процесс, в который оказались вовлечены римляне с карфагенянами. Как отметил автор, между Италией, Сицилией и Пунической Африкой существовали тесные связи задолго до Пирровой войны. Более того, отношения между Римом и Карфагеном были подкреплены целой серией договоров 509, 348 и 306 гг. Поэтому появление в Остии карфагенской эскадры во главе с флотоводцем Магоном едва ли было случайным. Схема Кента, заключающаяся в том, что карфагеняне имели тесные экономические связи с италиками и Римом в противовес грекам Южной Италии и Сицилии, едва ли может нас удовлетворить. Как мы уже указывали ранее, миссия Магона имела две основные цели: сорвать мирные переговоры римлян с Пирром и самим заключить союзный договор с Римом, воспрепятствовав переправе Пирра на Сицилию[16]. Сами же римляне, не сумев пока еще одолеть Пирра на полях сражений, сумели переиграть его на дипломатическом поле. Особую роль в переговорном процессе автор отводит Фабрицию, который в римской традиции олицетворяет все лучшие качества римского гражданина: патриотизм, честность, доблесть, бескорыстие.

В пятой главе «На Сицилии» (с. 119–145) автор вновь возвращается к сицилийским делам. Определяя планы Пирра на острове, Кент отрицает мнение древних писателей, которые рассматривали сицилийскую экспедицию царя в качестве проявления его амбиций и высокомерия: столкнувшись с римской стойкостью и упорством, он изменил свои планы и попытался овладеть Сицилией и Северной Африкой. Однако в действительности, по словам автора, Пирр в основном уже достиг того, к чему он стремился в Италии: Тарент и другие греческие общины Южной Италии оставались независимыми, к тому же сохранялся союз царя с самнитами, бруттиями и луканами. Мир с Римом не был заключен, но на данном этапе царя это абсолютно не волновало. Сами же сицилийцы, приглашая царя на остров, преследовали две цели: преодолеть политические разногласия на острове и защитить местных греков от экспансии карфагенян. Тупиковая ситуация, сложившаяся на Сицилии из-за трений, которые возникали между местными тиранами, требовала внешнего вмешательства. Повествуя о государственно-правовом положении Пирра на острове, Кент подчеркивает его неопределенность. Свой главный козырь в лице старшего сына Александра, рожденного от Ланассы и приходившегося внуком Агафоклу, он, опасаясь подозрений со стороны местных тиранов, не мог использовать и по этой причине пока решил не брать его с собой на остров. Мысль довольно интересная и, насколько нам известно, не высказывалась ранее ни одним из исследователей.

Указывая на определенную слабость власти Пирра на Сицилии, Кент одновременно пытается объяснить характеристику Пирра античными авторами в качестве «царя и гегемона Сицилии» (Polyb. VII. 4. 5; Iust. XXIII. 3. 2). Однако, пространно рассуждая ниже о монетной чеканке Пирра на острове и попутно замечая, что в Италии он монеты не чеканил, автор снова говорит о слабости власти царя на Сицилии, противореча самому себе: едва ли в этом случае Пирру было бы дозволено чеканить здесь свою монету. Самый интересный дискуссионный вопрос, который лишь вскользь затрагивает Кент, это вопрос о попытке Пирра создания на острове своего государства. Тезис автора о том, что на Сицилии как нигде Пирр зависел от союзников и поэтому ему приходилось всегда действовать с оглядкой на них, боясь лишиться их поддержки, представляется весьма спорным. Наоборот, именно Сицилия стала тем местом, где Пирр предпринял попытку построения территориальной эллинистической монархии, которая включала бы в себя города острова, возглавляемые отдельными тиранами[17]. Однако те силовые методы, которыми он этого добивался, не привели к успеху. Уверовав в абсолютную поддержку со стороны сицилийцев, царь попытался установить здесь некую разновидность эллинистической монархии, подчинив одних тиранов и казнив других[18]. А это, как известно, вызвало яростный протест и в конечном итоге похоронило все начинания царя на острове.

Шестая глава монографии «Окончание войны» (с. 146–175) посвящена периоду от захвата кампанцами Регия до битвы при Беневенте. Начав свое повествование с описания того важного географического положения, которое занимал Регий, автор переходит к событиям, которые приве-

[16] Kazarov 2009, 499.
[17] Berve 1954, 273–277.
[18] Kazarov 2009, 349–350.

ли к захвату города италиками. В них Кент видит стремление римской историографии изобразить суровость, но одновременно и добродетельность римлян во время войны (с. 150). Далее автор обращается к тем событиям, которые произошли во время отсутствия Пирра в Италии в 278–276 гг. Здесь Кент в целом ограничивается изложением хорошо известных фактов, повествуя о тех трудностях, с которыми столкнулись союзники Пирра, оставшиеся без его помощи. Даже несмотря на эпидемию, которая затормозила активность римских войск, римлянам удалось добиться значительных успехов (с. 154–155).

Переходя к рассмотрению повторного появления Пирра в Италии, автор в русле устоявшейся традиции справедливо указывает на те проблемы, которые царь начал испытывать на Сицилии. В качестве второй причины, побудившей Пирра отправиться в Италию, послужили отчаянные призывы о помощи его италийских союзников. Также традиционно описываются те сложности, с которыми эпирской царь столкнулся при переправе через Мессенский пролив. Кент выделяет две версии о высадке Пирра в Италии, существовавшие в античной исторической традиции,– Плутарха (*Pyrrh.* 24) и Зонары (VIII. 6), отдавая предпочтение последней (с. 156–157). Наиболее интересная часть главы – раздел о битве при Беневенте. Описание сражения идет в традиционном русле, и Кент вслед за другими исследователями важную роль в исходе сражения отводит слонам. Если ранее неведомые римлянам животные вызывали у них страх, то уже в этом сражении атака слонов, служивших неким символом мощи армии Пирра, была успешно отражена благодаря доблести и стойкости легионеров. Разделяя мнение некоторых своих предшественников[19], Кент не считает битву при Беневенте «большой победой для римлян» (с. 167). Они выиграли день, но Пирр сохранил основную часть своих сил, которые он отвел на юг в сторону Тарента. Однако римляне укрепили свой контроль над долиной реки Калор, обеспечив путь в южную Италию через Самний. С этого времени стратегическая инициатива переходит от Пирра к римлянам: теперь уже был вынужден перейти к обороне эпирский царь, которому пришлось защищать своих союзников от натиска римлян.

В «Эпилоге» (с. 176–183) автор подводит итоги исследования. Западную кампанию Пирра Кент считает случайной и не совпадающей с главными планами Пирра, мысли которого были далеко на Востоке. Войны в Италии и на Сицилии рассматривались им как временные, в которых он преследовал лишь ограниченные цели: защиту греков Запада от варваров – римлян и карфагенян. Однако успехи Пирра на поле боя, по словам автора, были недостаточными для реализации его политических целей. Что касается римлян, то их победа над Пирром, вторым Александром Великим, была подтверждением их величия в глазах будущих поколений. Знаком признания этого самого величия Рима в числе ведущих держав эпохи был торжественный прием римского посольства Египтом в 273 г. (с. 178). Сформулированные автором представления о месте и роли Пирровой войны в сознании римского народа нам представляются наиболее интересными. Пиррова война, находящаяся на «краю исторической памяти римского народа», знаменовала собой выход Рима на международную арену. Хотя события войны, возможно, сохранились лишь в устных воспоминаниях детей и внуков ее участников, этого было в конечном итоге достаточно, чтобы они послужили объектом переработки и последующего включения их в собственные нарративы. Отсюда проистекали те общие места, которые затем перекочевали в труды римских авторов, писавших о Пирровой и Пунических войнах: противниками Рима выступали два выдающихся полководца эпохи, оба практически дошли до стен Рима, но не смогли его захватить, оба вначале нанесли римлянам сокрушительные поражения на полях сражений, но в конечном итоге потерпели неудачу, оба в Италии в битвах использовали слонов, и в той, и в другой войнах была определенная поддержка со стороны италиков и т.д. (с. 181). Но в глазах римлян Пирр был высокомерным честолюбцем, а не «злодеем» типа Ганнибала. В качестве виновников войны выступают тарентинцы и, естественно, карфагеняне, показывающие свою вероломную сущность чуть ли не в каждом историческом эпизоде. Сама же Пиррова война, по словам автора, завершила процесс создания «римской Италии». Она стала своеобразным мостом из древнего прошлого Рима к невероятным испытаниям эпохи Пунических войн, которые привели к созданию Империи, изменившей римский народ (с. 183).

К сожалению, свое повествование автор ограничивает исключительно западной кампанией эпирского царя, исключив из него последующую борьбу Пирра с Антигоном Гонатом за македонское наследство. Такое сужение рамок исследования имеет право на существование, тем более что оно уже встречалось в упоминавшейся нами работе О. Хамбургера. Однако мы не находим объяснения автором мотивов этого, да и само название рецензируемой работы в этом случае требует не-

[19] Malden 1881, 176; Nederlof 1976, 302.

которой корректировки. Работа носит название «Пиррова война», но в таком случае не совсем понятно, о какой именно войне идет речь? Если речь идет об италийской кампании, то при чем здесь тогда борьба за Сицилию? По нашему мнению, название работы требует некоторой корректировки: назови Кент свою работу «Западная кампания Пирра» или «Война Пирра на Западе», подобных вопросов можно было бы избежать.

Автора отличает гиперкритическое отношение к источникам, особенно в тех случаях, когда описываются подвиги Пирра на полях сражений. Это касается и схватки Пирра с италиком Оплаком, и его героизм во время штурма Эрикса, и храбрость во время поединка с наемником-мамертинцем, которого царь одним ударом меча разрубил пополам. Все они без достаточных оснований объявляются «неисторическими» (с. 157).

Несколько слов хотелось бы сказать об оформлении работы. Оно оставляет желать лучшего: кроме двух карт Италии и Сицилии, на которых изображены крупнейшие города и места сражений Пирра, мы не найдем здесь никакого иного иллюстративного материала, хотя на сегодняшний день он накоплен в достаточном количестве и достаточно полно приведен в нашей работе[20].

Основное достоинство рецензируемой работы нам видится в том, что в ней был поставлен вопрос о пределах исторической памяти римского народа, о сохранении в семейной традиции тех или иных событий Пирровой войны. В этой связи попытка Кента отыскать следы этой самой семейной традиции в трудах римских историков представляется и новаторской, и интересной.

Таким образом, несмотря на отдельные недостатки, которые в основном касаются работы с источниками (речь идет о практически полном игнорировании археологического и эпиграфического материала), повторением уже устоявшихся в науке выводов автор вносит пусть и небольшой, но свой личный вклад в исследование Пирровой войны: речь идет о попытке по-своему оценить последствия этого события для римской истории и ее отражение в массовом сознании римлян.

Литература / References

Berve, H. 1954: Das Königtum des Pyrrhos in Sizilien. In: R. Lullius (Hrsg.), *Neue Beiträge zur Altertumswissenschaft. Festschrift für B. Schweitzer.* Stuttgart, 272–277.
Bruijnje, R. 2013: *Pyrrhus van Epirus.* Gent.
Hamburger, O. 1927: *Untersuchungen über den Pyrrhische Krieg.* Würzburg.
Herzberg, H. 1870: *Rom und König Pyrrhus.* Halle.
Jourdan, J.-B. 1749: *Histoire de Pyrrhus, roi d'Epire.* Amsterdam.
Kazarov, S.S. 2009: *Istoriya tsarya Pirra Epirskogo* [*The History of King Pyrrhus of Epirus*]. Saint Petersburg.
Казаров, С.С. *История царя Пирра Эпирского*. Спб.
Lefkowitz, M. 1959: Pyrrhus' Negotiations with the Romans 280–276 B.C. *Harvard Studies in Classical Philology* 64, 147–177.
Lévêque, P. 1957: *Pyrrhos.* Paris.
Malden, H. 1881: Pyrrhus in Italy. *Journal of Philology,* 172–177.
Nederlof, A. 1976: *Pyrrhus van Epirus.* Amsterdam.
Nenci, J. 1953: *Pirro. Aspirazioni egemoniche ed equilibrio mediterraneo.* Torino.
Sandberger, F. 1970: *Prosopographie zur Geschichte des Pyrrhus.* Stuttgart.
Scala, R. 1884: *Der pyrrchische Krieg.* Berlin.
Schubert, R. 1894: *Geschichte des Pyrrhus.* Königsberg.

Sarkis S. Kazarov,
South State University,
Rostov-on-Don, Russia

E-mail: ser-kazarov@yandex.ru

С.С. Казаров,
д.и.н., проф. кафедры археологии
и истории древнего мира,
Южный Федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

[20] См., например, Kazarov 2009.

Vestnik drevney istorii
81/4 (2021), 1051–1053
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/4 (2021), 1051–1053
© Автор(ы) 2021

К 60-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА АЛЕКСАНДРА ВАЛЕНТИНОВИЧА МАХЛАЮКА

В декабре 2021 года встречает свой 60-летний юбилей заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ (2015 г.) Александр Валентинович Махлаюк. Разнообразие исследовательских интересов, активная творческая увлеченность своим делом, которому он «с прямотой римлянина» отдает все свои силы, незаурядные организаторские способности и яркий педагогический талант – вот те качества, которые сразу приходят в голову, когда заходит речь об Александре Валентиновиче. Область его научных интересов – история древнего Рима и римской армии в период империи, и сделано в ней немало – опубликовано 220 научных и методических работ, среди которых 8 монографий, ряд учебных пособий (в том числе по древнегреческому языку), переводы с древнегреческого «Римской истории» Диона Кассия и с английского монографии А. Ханиотиса «Война в эллинистическом мире: социальная и культурная история» (СПб.: Нестор-История, 2013); еще одна монография и около десятка статей должны выйти в текущем году.

А.В. Махлаюк родился в Нижнем Новгороде 19 декабря 1961 г. По окончании средней школы учился на историко-филологическом факультете Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, где его наставником была доцент Маргарита Сергеевна Садовская. После окончания университета работал в школе, а с 1989 г.– на кафедре истории древнего мира и средних веков Горьковского (ныне Нижегородского) университета. Затем последовало обучение в аспирантуре на кафедре истории древнего мира МГУ, завершившееся защитой кандидатской диссертации «Некоторые ментальные аспекты корпоративности римской армии (I–III вв. н.э.)» в 1995 г. Научным руководителем А.В. Махлаюка в МГУ был профессор Василий Иванович Кузищин. Уже в первом своем диссертационном исследовании Александр Валентинович поставил ряд проблем, имеющих принципиальное значение для вы-

яснения закономерностей и специфики функционирования военной организации Римской империи. К их числу относятся вопросы, связанные с особенностями армии как своеобразного социального организма, содержанием и характером системы ценностей, бытовавших в армейской среде. Углубленная разработка этой проблематики получила отражение и в последующих работах А.В. Махлаюка. Итогом его работы в этом направлении стали исследования, опубликованные в конце 1990-х – начале 2000-х годов и обобщенные в докторской диссертации, защищенной в 2004 г.

В 2006 г. вышла в свет монография «Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность» (СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Издательство «Акра»), основанная на этом исследовании. По заключению Александра Валентиновича, профессиональный характер императорской армии, своими истоками связанный с традиционным римским отношением к военному делу, успешно сочетался с гражданско-общинными по своей сути принципами комплектования легионов, и легионеры эпохи Империи могут рассматриваться как особая часть римского гражданства, а не как простые наемники. Как показывает далее автор, этими моментами в значительной степени определялась и особая, в высшей степени неоднозначная, политическая роль вооруженных сил в Римском государстве. Она была рассмотрена с точки зрения таких наиболее значимых и специфических форм участия войска в политике, как воинская сходка, солдатский мятеж и войсковая клиентела.

Анализируя представления, относящиеся к сфере военного командования, А.В. Махлаюк предложил оригинальную трактовку таких крупных проблем, как образ идеального римского полководца, профессиональная компетентность и дилетантизм римских военачальников, принципы отбора и назначения высших командных кадров, характер их теоретической и практической подготовки, роль личного примера и ораторского искусства в деятельности полководца, модели поведения военачальника в различных ситуациях.

Кроме того, А.В. Махлаюк, по сути дела впервые в российской историографии, обратился к изучению римского военного права, рассмотрев, в частности, комплекс вопросов, касающихся специфики правового положения и привилегий военнослужащих в период Римской империи. Историко-правовая проблематика получила отражение в учебном пособии, подготовленном в сотрудничестве ННГУ, МГУ, Ярославским университетом и Нижегородским лингвистическим университетом. Ответственным редактором этого издания был А.В. Махлаюк.

Концептуальные выводы и конкретные наблюдения, касающиеся традиций, идеологии и ментальности римской императорской армии, нашли отражение и в научно-популярной книге «Римские войны. Под знаком Марса», написанной А.В. Махлаюком, в которой дается целостное освещение основных этапов и событий военной истории Древнего Рима вплоть до конца II н.э., организации, тактики и внутренней жизни римской армии, нарисованы яркие портреты выдающихся римских полководцев.

Таким образом, в творчестве А.В. Махлаюка нашли яркое отражение лучшие черты российской исторической школы. Им впервые была дана целостная характеристика римской системы военно-этических ценностей с точки зрения ее корреляции с основополагающими аксиологическими представлениями римлян, ключевыми организационно-правовыми установлениями и профессионально-корпоративными элементами в сознании римских военных.

Одной из важнейших сфер деятельности любого настоящего ученого является организационная работа и подготовка учеников. В этом отношении А.В. Махлаюк занимает одно из ведущих мест на историческом факультете ННГУ. Как заведующий кафедрой он активно поддержал заложенную его предшественниками традицию изучения древних языков на кафедре. Под его руководством коллективом преподавателей и аспирантов осуществляется перевод «Римской истории» Диона Кассия: в настоящее время опубликованы переводы отдельных частей этого памятника и ряд статей, посвященных источниковедческому и историческому анализу труда Диона Кассия, и принята в печать в качестве отдельной книги первая часть выполненных переводов (книги LI–LXIV).

По тематике исследований А.В. Махлаюка защитили кандидатские диссертации его аспиранты К.В. Марков и А.Е. Негин (последний позднее защитил и докторскую диссертацию в совете МГУ, а первый завершает работу над докторской диссертацией). Под его руководством подготовлена и защищена докторская диссертация доцента кафедры Н.Ю. Сивкиной. В настоящее время А.В. Махлаюк руководит работой еще двух аспирантов.

Параллельно со всем этим Александр Валентинович ведет большую редакторскую работу. Он является ответственным редактором журналов «Antiquitas aeterna», «Из истории античного общества», 35 отдельных сборников научных трудов, материалов конференций и учебных пособий. Кроме того, он входит в состав редколлегий и редакционных советов целого ряда журналов, среди которых «Вестник Нижегородского университета» и «Аристей. Вестник классической филологии и античной истории». Одной из важнейших и наиболее сложных является деятельность Александра Валентиновича в качестве председателя диссертационного совета. В заключение надо отметить, что разработка проблем истории римской армии, проведенная и проводимая Александром Валентиновичем, является одновременно отражением магистральных тенденций развития современного антиковедения и весомым вкладом в само это развитие. А.В. Махлаюк по праву считается одним из ведущих российских специалистов по истории Древнего Рима.

Поздравляем Александра Валентиновича с 60-летием и желаем ему новых творческих успехов.

Ученики, друзья, коллеги

Vestnik drevney istorii
81/4 (2021), 1054–1062
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/4 (2021), 1054–1062
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910017369-8

XXII ЖЕБЕЛЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 150-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.И. РОСТОВЦЕВА

(Санкт-Петербург, 28–30 октября 2020 г.)

28–30 октября 2020 г. в Институте истории СПбГУ состоялась очередная Всероссийская научная конференция «Жебелёвские чтения», которая проводилась в 22-й раз. В конференции, которая впервые проходила в онлайн-формате на платформе Zoom, приняли участие более 80 исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды, Казани, Нижнего Новгорода, Омска, Перми, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Самары, Саратова, Тобольска, Челябинска, Ярославля, а также коллеги из Белоруссии, Германии, Латвии, Мексики, Украины. «Жебелёвские чтения» в 2020 г. были посвящены 150-летию со дня рождения М.И. Ростовцева, поэтому темы многих докладов были связаны с именем этого выдающегося антиковеда и проблемами отечественной историографии. Другой важной особенностью конференции стало то, что она проводилась в рамках Международного форума «Дни антиковедения в Санкт-Петербурге» (26–30 октября 2020 г.)[1].

Открытие конференции состоялось 28 октября. С приветствиями к участникам обратились председатель научной комиссии Института истории СПбГУ проф. А.И. Филюшкин, директор Института истории РАН чл.-корр. РАН А.В. Сиренов и заведующий кафедрой истории древней Греции и Рима СПбГУ, председатель программного комитета проф. О.Ю. Климов.

Работа первого пленарного заседания началась с выступления *И.А. Ладынина* (Москва) «В начале пути: письмо В.В. Струве М.И. Ростовцеву от 25 мая 1914 г.». Автор доклада проанализировал письмо, написанное в период стажировки В.В. Струве в Берлине, которое представляет интерес благодаря сведениям о контактах с крупнейшими немецкими антиковедами и египтологами и о научных планах ученого. Документ показывает, что интерес Струве к социально-экономической проблематике зародился еще в дореволюционное время, в том числе под влиянием занятий под руководством Ростовцева. *О.Ю. Климов* (Санкт-Петербург) предложил слушателям доклад на тему «М.И. Ростовцев как исследователь эллинизма». Автор обратил внимание аудитории на особенности исследовательского метода Ростовцева, на очень широкое применение в исследованиях эллинизма самых разнообразных источников и их виртуозный анализ, на выстраивание ученым собственной концепции эллинизма на основе смелых методологических подходов. В докладе «Римская империя М.И. Ростовцева: образ мировой державы и пути ее исследования» *А.В. Махлаюк* (Нижний Новгород) указал, что образ Империи, созданный Ростовцевым, противоречив и неоднозначен. В нем немало подлинных новаций, ярких характеристик, но имеется и целый ряд явных аберраций, определенное осовременивание экономических и социальных реалий. Существенную роль в создании именно такого целостного образа Римской империи сыграли не только политические пристрастия и жизненный опыт Ростовцева, но и его личные качества и исследовательский стиль. В докладе «Учителя М.И. Ростовцева в Санкт-Петербургском университете: П.В. Никитин» *О.В. Кулишова* и *М.В. Пономаровская* (Санкт-Петербург) указали, что Никитин, один из зачинателей эпиграфического на-

[1] Трофимова, А.А., Жижина, Н.К., Климов, О.Ю., Пантелеев, А.Д. Дни антиковедения в Петербурге (Санкт-Петербург, 26–31 октября 2020 г.). *ВДИ* 2020 80/4, 1100–1102.

правления в российском антиковедении, по мнению самого Ростовцева, оказал значительное влияние на его формирование как ученого. На основе опубликованных воспоминаний учеников Никитина и памятных статей о нем, а также различных архивных материалов в докладе были охарактеризованы отношения учителя и ученика, преподавательская деятельность Никитина и особенности антиковедческой подготовки в Петербургском университете в тот период.

Работа секции истории древней Греции включала два заседания. Первое из них открылось докладом *А.С. Соловьевой* (Санкт-Петербург) «Восприятие греками лидийцев в архаическое и раннеклассическое время». В докладе были рассмотрены упоминания лидийцев у античных авторов, на основании которых можно проследить изменения их образа в литературной традиции после начала греко-персидских войн. *Н.А. Шергина* (Санкт-Петербург) в докладе «Историографический обзор трудов по ранней тирании на Самосе» особое внимание уделила исследованиям конца XX – начала XXI в. и вопросу о влиянии ранней тирании на процесс формирования полиса в работах П. Барсело, Л. Либеро, И.А. Макарова, М.Ю. Лаптевой, С.М. Жестоканова. В докладе «Танагра в системе межполисных отношений Беотийского союза VI–IV вв. до н.э.» *И.А. Барсукова* (Санкт-Петербург) отметила особенности положения Танагры на разных этапах истории Беотийского союза, указав, в частности, что эта община, которая являлась неотъемлемой частью союза на протяжении всего периода его существования, не испытывала на себе агрессивной политики, которую Фивы часто вели в отношении союзников. *Е.Е. Земцова* (Санкт-Петербург) в докладе «Феномен авторского мифа в диалогах Платона» рассмотрела понятие мифа у Платона и контексты его использования философом, при этом она выделила две группы мифологем: сюжеты, являющиеся результатом авторского мифотворчества, и переработанные философом традиционные мифы. Особенное внимание в докладе было уделено мифам, связанным с рассуждениями Платона об идеальном государстве: об автохтонах, о веке Кроноса, о путешествии Эра в загробный мир и др. *Т.Б. Гвоздева* (Москва) в докладе «Панафинейские игры и Пифийские игры (особенности программы)» отметила, что программа Панафинейских игр, являвшихся частью главного государственного праздника Афин, формировались по образцу панэллинских игр. По ее мнению, у Панафинейских игр было много общего не только с Олимпийскими, но и с Пифийскими играми: священное перемирие, расширенная программа музыкальных состязаний, которая, несомненно, формировалась под влиянием Пифийских игр, особенности некоторых атлетических и конных состязаний. Доклад *О.И. Александровой* (Санкт-Петербург) «Кто такой Феодот?: некоторые замечания к речи Лисия “Против Симона”» был посвящен вопросу об определении социального статуса основных персонажей данной речи, прежде всего некоего юноши Феодота, ставшего причиной конфликта клиента Лисия и обвиняющего его Симона. Автор доклада, рассмотрев существующие версии решения этого вопроса в историографии, заключила, что вероятнее всего Феодот был лично свободным человеком, однако не гражданином Афин, поскольку его отец по каким-то причинам не смог воспользоваться правом получения гражданства.

На втором заседании *Х. Туманс* (Рига, Латвия) в докладе «Вопрос воспитания и выбора жизненного пути в классических Афинах» рассмотрел полемику по поводу разного понимания пайдейи в текстах V–IV вв. до н.э., связанных с Афинами, проанализировал полемический дискурс, представленный литературным образом молодого человека, стоящего перед выбором жизненного пути, а также показал различные концепции воспитания, нашедшие отражение в литературных источниках. В докладе «Фригийская магия и падение Нелеидов: исторические реалии архаического Милета в “Истории” Николая Дамасского» *М.Ю. Лаптева* (Тобольск) обратилась к анализу фрагмента «Истории» Николая Дамасского (*FGrHist* 90 F52) о борьбе за власть в Милете в начале архаического периода, в котором упоминаются фригийские жрецы. По мнению автора доклада, Николай Дамасский использовал в своем рассказе местное предание, содержащее множество достоверных подробностей, в том числе о близких контактах между политическими и жреческими элитами Ионии и Фригии и о влиянии фригийских культовых практик на восточногреческие религиозные традиции. *О.А. Рыканцова* (Санкт-Петербург) в докладе «Совет Пятисот в комедиях Аристофана» указала, что в древнеаттической комедии нашел отражение широкий спектр проблем, касающийся деятельности Совета Пятисот, начиная от технических подробностей проведения заседания до вопросов, на них рассматриваемых, и подчеркнула, что свидетельства комедии создают живую картину деятельности Совета, дополняющую сообщения Аристотеля, ораторов и свидетельства эпиграфических источников. В докладе *Л.Г. Печатновой* (Санкт-Петербург) «Участие царя Агесилая в суде над

Фебидом» была проанализирована традиция о захвате спартанским командующим Фебидом фиванской крепости Кадмеи в 382 г. до н.э. По мнению автора доклада, преступный захват Фебидом Кадмеи и судебное оправдание военного преступника благодаря вмешательству царя Агесилая – один из очень важных эпизодов в серии событий, которые стали вехами на пути Спарты к военному поражению и превращению ее во второстепенное государство. *С.А. Тахтаджян* (Санкт-Петербург) в докладе «Психотерапевтическая клиника Антифонта» указал, что, согласно свидетельствам нескольких античных авторов (Псевдо-Плутарха, анонимного биографа Антифонта, Флавия Филострата и Фотия), Антифонт придумал способ жить, не зная горя (τέχνη ἀλυπίας), и объявил, что способен посредством слов исцелять страдающих душевной болью (τοὺς λυπουμένους). Отметив дискуссионность вопроса о существовании терапевтической клиники Антифонта в новейшей научной литературе, докладчик привел новые доказательства в пользу историчности традиции. Доклад *Р.В. Светлова* (Санкт-Петербург). «Зачем магнеситам наемники?» был посвящен вопросу о месте наемников в политических представлениях Платона об устройстве «лучшего» государства и об обучении военному делу. По замечанию докладчика, негативное отношение к наемничеству, которое Платон демонстрирует в ряде диалогов (особенно в «Государстве»), совмещается у него с предложением передать в руки «ксенов» все «первичное» образование, а также военную подготовку («Законы»).

Заседание секции истории эллинизма открылось выступлением *Е.М. Берзон* (Москва) «“Непрерывные наблюдения” о Первой Сирийской войне: новые интерпретации старого текста». Автор доклада обратилась к фрагментам вавилонских астрономических дневников (AD – 273 B ′rev. 29′-38′), где сообщается о приготовлениях Антиоха I к войне и начале боевых действий (274/273 г. до н.э.). В докладе были уточнены некоторые события войны и деятельности рода Ахеидов – ближайших родственников Селевкидов. *К.Ю. Баулина* (Киев, Украина) в докладе «Проекция высшего титула ассирийского царского двора на формирование “второго после царя” в державе Ахеменидов» отметила влияние ассиро-вавилонской традиции на политические институты Ахеменидской империи. Доклад *М.М. Холода* (Санкт-Петербург) «К вопросу об управлении Сирией в державе Александра Великого» был посвящен выяснению положения Менеса в системе македонской администрации Сирии при Александре Великом. Автор доказывает, что Менес не занимал пост сатрапа, а также не был временным верховным управляющим сирийским регионом, как это представляется в современной научной литературе. По мнению Холода, функции Менеса должны были состоять в руководстве морскими коммуникациями, замыкавшимися на побережье Сирии, Финикии и Киликии. *А.Б. Шарнина* (Санкт-Петербург) в докладе «Священные посольства в эллинистическом мире (феоры Магнесии-на-Меандре)» проанализировала материалы эпиграфики, связанные с праздником Артемиды Левкофриены в Магнесии-на-Меандре, которому город стремился придать статус, равный Пифийским играм в Дельфах. Автор доклада отметила, что подобные празднества и связанные с ними посольства объединяли эллинов и способствовали сохранению единой эллинской культуры. Выступление *А.А. Антонова* (Санкт-Петербург) было посвящено теме «Почетные декреты как средство самопрезентации городской элиты в полисах Малой Азии на рубеже II–I вв. до н.э.». Автор, в частности, отметил, что в этих декретах можно проследить влияние аттических философских и риторических сочинений, а также сделал вывод о том, что правящие круги малоазиатских полисов, столкнувшись с кризисом, в своей социальной политике среди прочих средств пропаганды использовали и риторику почетных декретов.

Секция истории древнего Рима провела два заседания, первое из которых началось с обсуждения доклада *А.Н. Грешных* (Москва) «“Si deus, si dea es...”: гендерно-неопределенные божества в системе римского архаического культа», в котором был проанализирован круг наиболее архаичных божеств римского пантеона, имевших неопределенную гендерную идентификацию. Докладчица рассмотрела вопрос о характере бытования этих культов в эпоху поздней античности и сделала вывод о бинарном характере некоторых из них. В докладе *И.В. Хорьковой* (Москва) «Граний Флакк в сочинении Арнобия» были исследованы источники произведения Арнобия «Семь книг против язычников». Докладчица пришла к выводу, что Арнобий был знаком с ранней традицией, представленной трудами Грания Флакка и Марка Теренция Варрона, и его источники были вполне надежными. *А.Л. Янко* (Полтава, Украина) выступил с докладом на тему «Можно ли доверять сообщениям античных авторов об этрусском двенадцатиградье?» По мнению докладчика, отрывок из поэмы Силия Италика о происхождении этрусских знаков власти является свидетельством, заслуживающим доверия в контексте археологических

находок в Южной Этрурии, связанных с изображениями фасций и двойного топора. Вывод автора доклада состоит в том, что традицию о войне Тарквиния Приска с этрусским двенадцатиградьем не следует полностью отвергать как недостоверную. *А.В. Зубарева* (Санкт-Петербург) в докладе «Лунное затмение и апотропеический шум в древнеримской магии» проанализировала использование шумовых эффектов для воспрепятствования колдовству, влиянием которого древние римляне объясняли лунные затмения. Докладчица пришла к выводу о том, что такой шум не имел никакой эстетической функции. В докладе *А.В. Мосолкина* (Москва) «Сколько преторов было в ранней римской истории?» был рассмотрен давно дискутируемый в науке вопрос о первоначальной римской высшей магистратуре. Докладчик отверг как неверное толкование А. Момильяно места из «Братьев» Теренция (881), согласно которому maximus может пониматься как «больший из двух». Вместе с тем докладчик обнаружил другие примеры у Ливия, где подобное толкование возможно. *А.В. Короленков* (Москва) выступил с докладом «Назначение Помпея проконсулом Ближней Испании в 77 г.», в котором высказал соображения против распространенной трактовки о том, что причиной назначения Гнея Помпея послужило его давление на сенат при помощи армии после разгрома восстания Лепида, и дал новую интерпретацию сообщениям Цицерона об отказе консулов от командования в Испании. *А.Ю. Маркелов* (Самара) в докладе «История раскопок мавзолея Августа» представил основные вехи изучения данного памятника. Особое внимание докладчик обратил на последние масштабные археологические раскопки, в результате которых в настоящее время сделан вывод о том, что мавзолей представлял собой насыпь, окруженную снаружи мощной цилиндрической кладкой. *Т.В. Кудрявцева* (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Гней Кальпурний Пизон и его судебный процесс», в котором сопоставила свидетельство Тацита с надписью с текстом сенатусконсульта о Гнее Пизоне, опубликованной в 1996 г. Докладчица пришла к выводу, что Пизона судили только по законам об оскорблении величия и о подкупе должностного лица, а отравление в обвинении не фигурировало.

Второе заседание секции истории Рима открылось докладом *И.Н. Степанова* (Санкт-Петербург) «Фурий Камилл в труде Валерия Максима: счастливый политик или сосуд добродетели?», в котором автор сопоставил образ Камилла у Валерия Максима со свидетельствами его главного источника – Тита Ливия. В докладе *В.О. Никишина* (Москва) «Рим и провинции в период принципата: роль и значение личного фактора» были проанализированы причины конфликта между греками и римлянами, возникшего в середине II в. до н.э. Докладчик пришел к выводу, что причиной было разное понимание понятия «свободы» греческими полисами и Римом, который последовательно выстраивал систему управления, основанную на отношениях патроната-клиентелы. *С.В. Телепень* (Мозырь, Белоруссия) представил доклад на тему «Идеальный принцепс в трактовке Плиния Младшего». Докладчик пришел к выводу о том, что дальнейшее использование сенаторами идеализированного образа Траяна было средством обеспечения более прочных позиций знати в ее договоре с очередным императором. В докладе *Е.А. Гуськова* (Самара) «Луций Домиций Валериан: один преторианец и много вопросов» на материале эпиграфического памятника (*CIL* VI. 210 = *ILS* 2103) рассматривалась карьера римского воина эпохи Северов. По мнению докладчика, этот преторианец был переведен в столицу в 195 г., а указанная в тексте его стелы дата обозначает не его увольнение, а время сооружения памятника. Доклад *Е.Б. Мирзоева* (Москва) «Битва при Эдессе: значение и последствия крупнейшего поражения Римской империи» был посвящен событию, которое послужило триггером к временному распаду Римской империи в III в. Докладчик сделал вывод о том, что пленение и бесславная смерть императора Валериана привели к дискредитации его религиозной политики, а депортации сирийского населения в Иран Сасанидами – к более широкому распространению христианства на Ближнем Востоке. *К.В. Марков* (Нижний Новгород) выступил с докладом «От золотого царствования к царству железа и ржавчины: политический смысл “металлической метафоры” Диона Кассия». В докладе была представлена оригинальная интерпретация метафоры Диона Кассия, основанная на параллелях с VI книгой «Всеобщей истории» Полибия. Согласно точке зрения докладчика, Дион Кассий полагал, что усиление элемента «деспотизма» в Римской империи начиная с правления Коммода привело ее к «царству железа и ржавчины». Доклад *И.А. Миролюбова* (Москва) «Проблема династизма в политической практике Римской империи» был посвящен постановке данной научной проблемы. Докладчик отметил, что династизм зачастую воспринимался негативно, хотя и использовался рядом римских императоров в их политических программах.

Отдельная секция была посвящена изучению провинций Римской империи. *Е.Ю. Чепель* (Москва) представила доклад на тему «Папирусы из собрания Российской национальной библиотеки: “Архив мемфисского чиновника” как источник о римском финансовом управлении в Египте». В докладе на основе расшифровок греческого текста фрагментов 10 папирусов, хранящихся в РНБ, был сделан вывод о том, что архив происходит не из частного дома, а из бюро какого-то финансового ведомства, возможно, связанного с диойкетом Египта. Доклад *Д.Х. Абу Хакемах* (Санкт-Петербург) был посвящен теме «Дадухи Герасы: к вопросу о деятельности магистратов римской Аравии». Докладчица рассмотрела посвятительные надписи II – первой половины III в., в которых сообщалось об установке светильников – дадухов (δᾳδοῦχοι), и отметила, что, возможно, это было частью программы освещения общественных пространств, которая входила в обязанности должностных лиц, ответственных за поддержание порядка на городских улицах. В докладе *А.Е. Барышникова* (Нижний Новгород) «После империализма: какая история римской Британии нам нужна?» была рассмотрена сложившаяся в историографии ситуация, связанная с отказом от концепции романизации Британии. Докладчик представил ряд других теорий, которые стремятся прийти ей на смену, но пришел к выводу, что пока нового всеобъемлющего исследовательского подхода к изучению римской Британии так и не сложилось. *В.Н. Парфенов* (Саратов) представил доклад на тему «Римский центурион на берегу Каспия», в котором предлагается оригинальная интерпретация Гобустанской надписи. Докладчик полагает, что надпись не является свидетельством о значительном военном присутствии Рима в Кавказской Албании, но зато может служить аргументом в пользу гипотезы, согласно которой в конце правления Домициана были предприняты дипломатические усилия для укрепления римского авторитета в рассматриваемом регионе. В докладе *К.С. Данилочкиной* (Москва) «Новейшие тенденции в изучении Вала Антонина» были представлены некоторые современные исследования (в частности, Лоуренса Кеппи) по теме британской пограничной зоны в эпоху Империи. Доклад *Е.А. Данилова* (Ярославль) на тему «Сумерки римских богов: лозунги безопасности на монетной чеканке IV века» был посвящен интерпретации монетных чеканов рассматриваемого периода. Докладчик продемонстрировал, как менялось отношение к dea Securitas, и пришел к выводу о том, что, в конечном счете, ее адаптация оказалась невозможной вследствие нарастающего давления со стороны христианской церкви.

Работа секции культуры и религии античного мира началась с доклада *А.С. Горского* (Санкт-Петербург) «Вино для Ливии Августы: попытка идентификации места производства». По свидетельству Плиния Старшего, Юлия Августа считала, что обязана именно пуцинскому вину тем, что дожила до 86 лет (*NH.* VIII. 60). Докладчик обратился к проблеме локализации его производства и пришел к выводу, что им скорее всего является вилла Энел в районе устья реки Тимава (современная Тимао), где велись раскопки в 1965 г. *С.В. Смирнов* (Москва) в докладе «Свинцовые монетовидные предметы Селевкидов: классификация и интерпретация» обратился к классификации этих артефактов. Судя по метрологическим параметрам, а также техническим особенностям изготовления, эти предметы можно рассматривать как тессеры, оттиски печатей, весовые гири и пробы монетного штемпеля. В докладе *А.А. Зайцева* (Санкт-Петербург – Трир, Германия) «Историчность “римских речей” Карнеада» была проанализирована античная традиция и современные исследования, посвященные речам «за» и «против» справедливости, произнесенным им во время знаменитого «философского посольства» в Рим в 155 г. до н.э. Докладчик пришел к выводу, что у нас нет никаких оснований отрицать историчность его выступлений, а отказ от нее ведет к проблемам с интерпретацией одного из ключевых источников (Cic. *Luc.* 45. 137). *М.С. Назарова* (Санкт-Петербург) в докладе «Конная статуя Домициана из мизенского храма: от образа Александра Великого к портрету Нервы» проследила влияние иконографии Александра на развитие римского портрета, а также рассмотрела случаи обращения к образу Александра Великого императорами в I в. Доклад *С.К. Егоровой* (Санкт-Петербург) «Принципы комплектования коллекций антиков в петровскую эпоху» продемонстрировал, что, несмотря на кажущуюся хаотичность закупок произведений античного и европейского искусства для резиденций Петра I, при внимательном изучении можно проследить, что в основе императорского собрания античной скульптуры лежал план создания Antikensammlung по образцу придворных коллекций того времени. Свидетельством этому служит проект «Венусовой галереи», представленный Петру Юрием Кологривовым. Завершил заседание секции доклад *Е.Л. Смирновой* (Петрозаводск) «Римские императоры в каллиграфиях записных тетрадей Ф.М. Достоевского 1867–1871 гг.», где было показано, что источниками

деталей образов героев и нюансов сюжета были не только тексты античных и христианских авторов, известных писателю, но и оценки героев римской истории в современной Достоевскому литературе и публицистике.

Секция «История раннего христианства» провела два заседания, первое из них открылось докладом *Е.А. Дружининой* (Санкт-Петербург) «Письмо Аристея и сочинение Аристея Экзегета "Об иудеях"», посвященном интерпретации того места «Письма», где упоминается некое сочинение о происхождении иудеев (*Ep. Arist.* 6). Как показала докладчица, нет оснований полагать, что Аристей – автор «Письма» и Аристей Экзегет, автор сочинения об иудеях, о котором сообщает Евсевий Кесарийский, – одно и то же лицо. *А.С. Волчков* (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад «"Нулевая евангелизация". История появления христианства на периферии античного мира» начальному этапу христианизации Сирии, Месопотамии и государства Аксум, возможно, осуществленному иудеохристианами. В дальнейшем эта миссия была забыта, и христианство было принято еще раз в ортодоксальной версии. В докладе «К вопросу о ранних этапах деятельности александрийского катехизационного училища» *А.В. Каргальцев* (Санкт-Петербург) проанализировал сведения Евсевия Кесарийского о зарождении и функционировании этого института, дополненные данными агиографических сочинений. *Р.М. Мазаев* (Санкт-Петербург) представил доклад «Конструирование образа просвещенного язычника в диалоге "Октавий" Минуция Феликса». Заседание завершил доклад *А.Д. Пантелеева* (Санкт-Петербург) «История гонений, агиография и папирусы», в котором была рассмотрена гипотеза С. Хюбнер, на основании обвинения в заговоре (συνωμοσία) и упомянутых имен предположившей, что *P. Mil. Vogl.* 6.287 (II–III вв.) является первым известным нам аутентичным судебным протоколом допроса христиан. Докладчик показал, что ее доказательства представляют определенный интерес, но назвать их полностью убедительными нельзя.

Второе заседание секции истории раннего христианства началось с доклада *М.А. Ведешкина* (Москва) «"Нечестивый дом" дьякониссы Олимпиады Константинопольской», посвященного проблеме родственных связей Олимпиады. Докладчик привел дополнительные аргументы в пользу предположения, что она была дочерью жреца Селевка, друга Юлиана Отступника и Либания; возможно, Селевк был вероотступником, который воспитывался в христианской семье и впоследствии обратился в язычество. *А.С. Авдохин* (Санкт-Петербург) в докладе «Почет или позор, публичность и приватность: строительная надпись препозита Муселия в Константинополе начала V в.» на примере одной надписи (*AP* IX 799–801, *SEG* 53–560; ок. 414 г.) показал, как препозиты священной опочивальни – евнухи, презираемые современниками, – могли добиваться признания своего аппаратного веса и влияния в глазах не только узкого круга правящей элиты, но и населения столицы, а также публичных почестей в Риме и Константинополе. *Д.М. Омельченко* (Санкт-Петербург) в докладе «Пояс Цезария Арелатского – сирийский след в культуре позднеантичной Галлии?» обратилась к изучению кожаного пояса с пряжкой из слоновой кости, связанного с именем Цезария (503–542 гг.). Художественные особенности этого артефакта, а именно тип хризмы и орнамент по краям и на кольце костяной пряжки, заставляют отказаться от италийской версии происхождения этой вещи в пользу восточной. В докладе *И.А. Копылова* (Мехико, Мексика) «Образ Римской империи в "Трактате об Апокалипсисе" Блаженного Грегорио Лопеса (1542–1596)» были проанализированы эсхатологические взгляды этого автора. Лопес на основании обширного круга античных источников от Тацита и Светония до Евсевия Кесарийского и Scriptores Historiae Augustae разработал подробную хронологическую систему, где каждый образ, фигурировавший в Откровении, находил свое четкое соответствие в истории империи от Траяна до Диоклетиана и Константина.

Одна из секций была специально посвящена 150-летию М.И. Ростовцева. *П.А. Алипов* (Москва) в докладе «Предтечи "визуального поворота": М.И. Ростовцев и его учителя о методах работы с визуальными источниками» подчеркнул, что уже первые статьи Ростовцева, посвященные анализу результатов археологических изысканий в Помпеях, позволили ученому отточить методологию работы с визуальными источниками и закрепить приемы, усвоенные в годы обучения в Санкт-Петербургском университете под руководством Н.П. Кондакова. Анализ этого подхода позволил автору доклада увидеть в нем черты зарождавшегося в начале XX в. так называемого визуального поворота в исторической науке. *А.В. Ашаева* (Москва) в докладе «М.И. Ростовцев и Болгария: 40 лет научных контактов» подчеркнула, что научные коммуникации Ростовцева с болгарскими учеными почти не привлекли внимания исследователей, в то время как переписка Ростовцева с коллегами из Болгарской академии наук и Археологи-

ческого музея, хранящаяся в настоящее время в Архиве библиотеки Академии наук Болгарии, продолжалась непрерывно с 1910-х по 1940-е годы и содержит важные подробности исследовательской деятельности выдающегося ученого. *И.Ю. Шауб* и *Е.И. Булучевская* (Санкт-Петербург) в докладе «Т.С. Варшер – ученица М.И. Ростовцева» отметили, что Ростовцев был не только великим ученым, но и выдающимся преподавателем, подготовившим немало первоклассных историков и археологов, в частности и Татьяну Сергеевну Варшер (1880–1960), которую учитель назвал «одним из лучших, если не лучшим из ныне здравствующих европейских и американских» «знатоков Помпей». В докладе были проанализированы различные стороны научных занятий и наследия Варшер, связанных с Помпеями. *И.Ю. Шауб* и *А.Е. Терещенко* (Санкт-Петербург) посвятили свой доклад теме «Подтверждается ли гипотеза М.И. Ростовцева о фракийском происхождении образов сатиров на монетах Пантикапея?» Проанализировав данную гипотезу о происхождении изображений голов сатиров и силенов на пантикапейских монетах и высказанные в научной литературе возражения, авторы доклада привели свои соображения в пользу мнения Ростовцева: в частности, они указали на недавно найденные во фракийских курганах драгоценные предметы дионисийского культа (серебряные канфары), украшенные позолоченными изображениями аналогичных голов и хронологически предшествовавшие пантикапейским монетам. *С.С. Казаров* (Ростов-на-Дону) в докладе «Профессора-классики Варшавского университета в г. Ростове-на-Дону (1915–1931)» подчеркнул, что зарождение антиковедения на Дону связано с эвакуацией в Ростов-на-Дону в годы Первой мировой войны Императорского Варшавского университета: кафедра древнегреческой словесности была представлена профессорами А.Ф. Семеновым и А.М. Придиком, кафедра римской словесности – профессорами С.И. Веховым и П.Н. Черняевым. Обратившись к драматической судьбе антиковедов-варшавян в последующие после эвакуации полтора десятилетия, докладчик заключил, что, к сожалению, прибывшим из Варшавы профессорам-классикам по ряду причин (в том числе из-за условий войны) не удалось создать своей научной школы, а их имена и труды до сих пор остаются незаслуженно забытыми.

Программа заседания секции истории науки об античности открылась докладом *Е.Ю. Басаргиной* (Санкт-Петербург) «Защита докторской диссертации М.Е. Сергеенко в блокадном Ленинграде в 1942 г.». Автор доклада познакомила аудиторию с новыми архивными документами, которые представляют несомненный научный интерес и позволяют уточнить обстоятельства защиты докторской диссертации М.Е. Сергеенко (1891–1987) «Очерки по истории италийской агрикультуры», состоявшейся 10 июня 1942 г. в Объединенном ученом совете ленинградских институтов истории, языка и литературы АН СССР. *Л.Д. Бондарь* (Санкт-Петербург) посвятила свой доклад теме «О создании экспозиции по античной религии в Музее истории религии АН СССР (по документам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН)». На основании документов СПбФ АРАН, в числе которых – протоколы заседания рабочих групп, а также переписка сотрудников музея с его директором В.Д. Бонч-Бруевичем (1873–1955), в докладе были рассмотрены обстоятельства и история создания выставки, посвященной религии древней Греции и происхождению христианства, оформление которой было начато в 1954 г. в переданном музею Казанском соборе. *М.Н. Кириллова* (Москва) в докладе «Гипотеза С.Я. Лурье о “революции рабов” в Вольсиниях» подчеркнула, что увлеченность «революциями рабов» в исследованиях советских антиковедов в 1940-е годы начинает ослабевать и некоторой иллюстрацией этого процесса является неопубликованный доклад Лурье «“Революция рабов” в Этрурии», который хранится в СПбФ АРАН. В этом докладе Лурье сформулировал довольно смелую гипотезу, отрицающую сам факт рабского восстания в Вольсиниях: находясь под влиянием исследований Дж. Фрэзера, он считал приход рабов к власти в Вольсиниях не результатом государственного переворота, а ежегодным религиозным праздником по типу римских Сатурналий, когда рабы и хозяева на время меняются местами. В докладе «Роль С.А. Жебелёва в изучении экономической истории Боспора» *Е.А. Молев* (Нижний Новгород) указал, что в то время как изучение экономической жизни Боспора имеет давнюю историю, однако до выхода в свет работы С.А. Жебелёва «Основные линии экономического развития Боспорского государства» (да и в значительной степени еще долго после) изучались, как правило, только отдельные аспекты экономики. Проанализировав основные положения этой работы, автор доклада указал на особенную важность этой первой обобщающей оценки экономического развития Боспорского государства. Различным аспектам развития науки об античности в советскую эпоху были посвящены два последних из представленных докладов – *А.А. Синицына* (Санкт-Петербург)

«В.Г. Борухович, Геродот и ранние историки (к 100-летию русского антиковеда)» и *А.М. Скворцова* (Челябинск) «“Если мы объединимся, то... поднимем «забытую науку»”: реформирование классических отделений университетов в 1950-х гг. и сообщество филологов-классиков».

В очно-заочном формате прошло заседание секции «Проблемы античной государственности и религии». В докладе *С.М. Жестоканова* (Санкт-Петербург) «Династия Орфагоридов (генеалогическая реконструкция)» была представлена попытка реконструировать генеалогию династии Орфагоридов, установивших в одном из крупнейших пелопоннесских городов, Сикионе, самый продолжительный по времени режим тирании (VII–VI вв. до н.э.). *В.Р. Гущин* (Пермь) выступил с докладом «Солон и demou hegemones», где попытался охарактеризовать критикуемых Солоном «народных вождей», охваченных жаждой обогащения. По мнению докладчика, эти люди представляли собой не просто высший слой афинской аристократии, но ту ее часть, которая на тот момент обладала реальной политической властью. *А.К. Нефедкин* (Санкт-Петербург – Белгород) в докладе «Ясон – реформатор фессалийской конницы» проанализировал сведения из «Тактик» Асклепиодота (I в. до н.э.), Элиана (II в. н.э.) и Арриана (136 г. н.э.) о введении ромбовидного строя в коннице. Согласно одной версии, ромбовидное построение ввел Ясон, согласно второй – некий Илеон. Сопоставляя данные рукописей, докладчик предположил, что изначально изобретателем ромба считался Илеон, а позднее его имя было исправлено на «Ясон». В докладе *А.К. Грушевого* (Санкт-Петербург) «К вопросу о нормах права на территории монархии Атталидов» на основании надписей была продемонстрирована стабильность направления торговых путей на западе Малой Азии и принципов сбора налогов с провозимых товаров.

На заключительном пленарном заседании, которое состоялось 30 октября, *С.К. Сизов* (Нижний Новгород) сделал доклад на тему «М.И. Ростовцев о социальных противоречиях и революционных движениях в эллинистической Греции». Автор отметил, что известная историческая концепция Ростовцева о становлении капитализма и противостоянии буржуазии и пролетариата в античном мире, а также мрачная картина упадка экономики и обострения классовой борьбы в Греции III–II вв. до н.э. в свете современных исследований не выглядит достаточно убедительной. Тем не менее высказанные ученым оценки и предположения по целому ряду вопросов социально-экономической истории эллинистической Греции по-прежнему заслуживают внимания, а иногда и находят неожиданное подтверждение в новейших исследованиях. *О.Л. Габелко* (Москва) в докладе «М.И. Ростовцев о малых эллинистических монархиях» предпринял попытку выявить специфику подхода Ростовцева к истории государств Малой Азии эллинистического периода – Пергама, Вифинии, Понта, Каппадокии. Докладчик отметил, что Ростовцев убедительно показал средства и методы интеграции этих малых монархий в экономические и культурные структуры эллинистического мира. *М.Д. Бухарин* (Москва) и *В.Г. Ананьев* (Санкт-Петербург) в докладе на тему «С.А. Жебелёв в 1930-е годы: по архивным материалам» отметили, что в биографии Жебелёва наиболее трудным был период с 1927 по 1932 г. Избирательная кампания в действительные члены АН СССР 1927 г. сопровождалась обвинениями Жебелёва в нарушении норм научной этики. После избрания академиком Жебелёв был вынужден пережить еще более тяжелую кампанию, едва не окончившуюся для него исключением из АН СССР. К 1932 г. Жебелёв разочаровался в научной деятельности в условиях советской действительности и приступил к подведению жизненных и научных итогов. Доклад *С.Г. Карпюка* (Москва) был посвящен теме «Политика и наука: передовицы в “Вестнике древней истории” (1937–1956 гг.)». Автор доклада отметил, что передовые статьи являлись ответом научного сообщества на официальную партийную и государственную позицию по различным вопросам жизни страны, выражали лояльность к власти, подтверждали верность принятой в СССР методологии. С.Г. Карпюк также провел сравнения передовиц в ВДИ с передовыми статьями в английских и американских научных журналах по древней истории того же периода. *С.Б. Крих* (Омск) сделал доклад на тему «Рождение концепции: “крестьянское восстание” М.И. Ростовцева и проблема историографических мифов». Автор отметил, что в трудах ряда ученых (А. Момильяно, М. Вес) закрепилось представление о том, что концепция Ростовцева о кризисе Римской империи, вызванном восстанием крестьян, из которых в основном состояли римские легионы, была связана с личным опытом ее автора, пережившего события русской революции. В докладе сделана попытка показать, что этот подход игнорирует несколько важных моментов в творчестве и в жизни ученого, в том числе опыт эмиграции М.И. Ростовцева.

Подводя итоги конференции, председатель программного комитета О.Ю. Климов отметил высокий научный уровень представленных докладов и разнообразие их тематики, а также выразил надежду на успешное продолжение традиции «Жебелёвских чтений», важной задачей которых, по замыслу основателя конференции, Э.Д. Фролова, является особенное внимание к истории науки об античности и памятным датам российского антиковедения[2]. В заключение Климов снова обратился к значению наследия М.И. Ростовцева для изучения античной истории и культуры и подчеркнул сохраняющуюся актуальность идей этого выдающегося исследователя.

Oleg Yu. Klimov,
E-mail: o.klimov@spbu.ru

Oksana V. Kulishova,
E-mail: o.kulishova@spbu.ru

Aleksei D. Panteleev,
E-mail: a.panteleev@spbu.ru

Andrei V. Vasil'ev,
E-mail: a.v.vasilyev@spbu.ru
St. Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

О.Ю. Климов,
д.и.н., профессор кафедры
истории древней Греции и Рима

О.В. Кулишова,
д.и.н., профессор кафедры
истории древней Греции и Рима

А.Д. Пантелеев,
к.и.н., доцент кафедры
истории древней Греции и Рима

А.В. Васильев,
к.и.н., доцент кафедры
истории древней Греции и Рима,
Санкт-Петербургский
государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

[2] Об этом см. Климов, О.Ю., Кулишова, О.В. XX Жебелевские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете (Санкт-Петербург, 24–26 октября 2018 г.). *ВДИ* 2021, 81/1, 221–228.

Vestnik drevney istorii
81/4 (2021), 1063–1070
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/4 (2021), 1063–1070
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910017370-0

ИМПЕРИИ ДРЕВНОСТИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В НИЖЕГОРОДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО «ПУТИ ИМПЕРИЙ: МОДЕЛИ, ПРАКТИКИ, ДИСКУРСЫ НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЙ ОТ ДРЕВНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ»

(Нижний Новгород, 3–5 декабря 2020 г.)

В Институте международных отношений и мировой истории ННГУ 3–5 декабря 2020 г. состоялась представительная международная конференция «Пути империй: модели, практики, дискурсы наднациональных политий от древности до современности» в рамках XVII чтений памяти профессора Н.П. Соколова. Конференция была организована при участии Института всеобщей истории РАН и прошла в онлайн-формате. Предлагая такую тему, организаторы конференции исходили из того, что исторические судьбы и опыт империй не только вызывают закономерный исследовательский интерес, но в большей или меньшей степени продолжают оказывать влияние на политические и социокультурные процессы в современных государствах, многие из которых связаны с имперскими формациями прошлого прямой исторической преемственностью. Прошлое и настоящее империй и империализма является темой, ключевой для многих социально-гуманитарных дисциплин, но прежде всего истории. Неослабевающий интерес к феномену империй, несомненно, питается актуальной политической повесткой, связанной в том числе с «постимперскими шоками», процессами глобализации, обостряющимися противоречиями и конфликтами в современном мире, имеющими как геополитические, так и цивилизационные истоки. Участники конференции рассмотрели широкий круг актуальных проблем исследования имперских государств прошлого и настоящего, от Древнего Востока до раннего Нового времени и современного глобального мира. Из более чем 60 докладов, представленных на конференции, 35 были посвящены различным аспектам истории и историографии империй и империализма в древнем мире.

Связь исторического опыта Римской мировой державы с актуальными проблемами изучения имперских формаций прошлого и современности стала предметом доклада *А.В. Махлаюка* (Нижний Новгород) «Imperium Romanum – парадигматическая империя? Об образцовости и уникальности римского империализма», который открыл работу конференции на первом пленарном заседании. По мнению докладчика, широко распространенная в научной литературе и политической публицистике характеристика Римской державы как архетипической империи, прообраза последующих имперских государств далеко не всегда оправданна и нуждается в корректировке с учетом как критической оценки существующих теорий и дефиниций империй и империализма, так и исторического своеобразия созданного римлянами государства.

На двух заседаниях секции «Имперский опыт Древнего Востока и греческого мира» были представлены и обсуждены 12 докладов. *В.А. Иванов* (Москва) в докладе «Царские победные памятники Новоассирийской державы» рассмотрел принципы размещения царских монументов, уделив основное внимание Ассирии во времена Саргонидов (конец VIII – третья чет-

Работа подготовлена при поддержке РНФ в рамках проекта № 20-18-00374 «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

верть VII в. до н.э.). Проанализировав аккадские термины, использовавшиеся для обозначения царских стел, и тексты, вырезанные на монументах, а также ассирийские царские анналы, содержащие упоминания о них, и географическое расположение известных памятников, автор пришел к выводу, что с образованием обширной Ассирийской державы привычные места для расположения стел вошли в ее состав, поэтому система их установки изменилась. Ассирийские принципы пропаганды отразились позднее в персидском официальном стиле, а так как ассирийских памятников сохранилось гораздо больше, чем персидских, представляется возможным экстраполировать ассирийскую практику и на времена существования державы Ахеменидов. Оценки сотрудничества египетской элиты с персидскими завоевателями в современной египтологической литературе стали предметом доклада *Д.А. Изосимова* (Москва) «Проблема “коллаборационизма” египетских вельмож времени Первого персидского владычества в историографии XX–XXI вв.». Термин «коллаборационист» в египтологии стал использоваться после Второй мировой войны и в течение долгого времени употреблялся лишь по отношению к представителям египетской элиты, сотрудничавшим с персами и занимавшим высокие посты в персидской администрации. Лишь в последней четверти XX в. устоявшееся в историографии представление о «коллаборационизме» египетских вельмож подверглось критике; внимание было обращено на цели сотрудничества представителей египетской элиты с завоевателями-персами и способы взаимодействия с «имперской» администрацией. Соответственно, в ряде новейших работ деятельность ряда вельмож оценивается как «посредничество между двумя противоположными идеологиями», между персами и египтянами. *Э.В. Рунг* в докладе (Казань) «Nomen cognomen est: имена как прозвища в царской династии империи Ахеменидов» обосновал вывод о том, что обычай метономасии (переименования) появился в династии Ахеменидов только после смерти Артаксеркса I, а первым царем, о котором определенно известно, что он поменял свое имя, был Дарий II Ох. В дальнейшем переименования стали регулярными, и чаще всего они объясняются особенностями династической ситуации, когда во главе государства оказывался царь, который ранее не предполагался в качестве наследника; в ином случае персидские цари были склонны использовать династические имена, тем самым еще с момента имянаречения представляя своим подданным будущего наследника и выделяя его из всей массы царских сыновей. Перечень тронных имен ограничился именами Дария и Артаксеркса, тогда как династические имена могли включать имена Дария, Ксеркса и Кира. Однако в ряде случаев греки использовали личные имена персидских царей в качестве прозвищ. Это можно предположить в отношении Дария II Оха, но определенно характерно для Артаксеркса III Оха. Как минимум в одном случае (Арсес) греки именуют персидского царя только по личному имени, не упоминая вовсе его тронное имя (Артаксеркс).

И.Е. Суриков (Москва) в докладе «Афины как “новая Персия”: имперские амбиции в Греции V в. до н.э. и их крах» показал, как постепенное нарастание в Афинском морском союзе имперских амбиций полиса-гегемона сопровождалось латентной варваризацией. Анализ некоторых релевантных эпизодов из политических биографий ведущих афинских государственных деятелей (Фемистокла, Кимона, Перикла, Клеона, Алкивиада) подтверждает, что результат подобного развития событий был действительно плачевен: в период Пелопоннесской войны латентная варваризация социума стала уже очевидной, что явилось одной из причин поражения Афин и крушения их «великого проекта», предполагавшего беспрецедентное развитие демократических институтов, превращение «города Паллады» в красивейший в Элладе, а также достижение им лидерства во всем греческом мире, перехват у Спарты статуса гегемона. Вместе с тем создание державы «имперского» типа, нарастающее «закручивание гаек» таило в себе скрытые угрозы. Афины, в сущности, прошли тем же путем, что Персия до них: от побед, торжества, усиления – к бедам, поражениям и упадку. Афины, «уподобляясь» разгромленной Персии, в каких-то ситуациях превзошли жестокостью и ее самое. Тема афинского «империализма» была затронута и в докладе *О.И. Александровой* (Санкт-Петербург) «Обращение к мифам: пути обоснования Афинами прав на территории вне Аттики в V в. до н.э.». В нем был рассмотрен один из способов обоснования афинским государством прав на эти территории – обращение к различным мифологическим сюжетам и героям. Анализ политики афинян в отношении городов Эвбеи, Скироса, Амфиполя и ряда других территорий показывает, что при необходимости убедить союзников в правомерности захвата той или иной территории либо в законности обладания вновь основанным городом афиняне обращались к образам легендарных афинских героев или же конструировали и распространяли новые мифы и предания, призванные

связать историю того или иного города с Афинами. Однако подобная политика была скорее исключением, чем правилом, поскольку по большей части Афины не заботились о действительно убедительном обосновании своих прав на ту или иную территорию, используя для распространения влияния свое военное могущество. *В.С. Кореняк* (Ярославль), выступивший с докладом «Беотийский полис Платеи и фиванский гегемонизм: фронтир или окраина “империи”?», обратился к дискуссионному вопросу о специфике взаимоотношений Платей с влиятельными соседями и попытался выяснить, допустимо ли считать этот полис центром беотийской оппозиции гегемонии Фив или же афинским аванпостом в Парасопии. По мнению автора, с конца VI в. до н.э. Платеи становятся особой зоной пограничья между двумя серьезными игроками общегреческой политики, стремившимися к гегемонии,– Фивами в Беотийском союзе и Делосской симмахией. Особенности положения платейского полиса становятся понятнее, если рассматривать его как своеобразный фронтир и как окраину контролируемого пространства каждого из названных гегемонов.

История эллинистического мира была представлена в шести докладах, посвященных как конкретным проблемам, так и концептуальным вопросам. *Е.М. Берзон* (Москва) в докладе «Цилиндр Антиоха I в контексте селевкидской царской идеологии: основные подходы и перспективы исследования» обратилась к истории изучения и интерпретации единственной клинописной царской надписи эпохи эллинизма. Этот уникальный источник позволяет раскрыть многие проблемы селевкидской истории sub specie Babyloniensis. За всю историю изучения памятника он привлекался для рассмотрения самых разных проблем – политической идеологии первых Селевкидов, взаимодействия эллинистических царей и локальных элит и т.д. Перспективными для дальнейшего исследования видятся следующие темы: селевкидская политика в Вавилонии и ее связь с нововавилонскими концептами, теологическая составляющая царской идеологии, авторство и цель этого текста. *А.Л. Зелинский* (Киев, Украина) выступил с докладом «Эволюция птолемеевской монархии как общественно-политической институции (конец IV – конец III до н.э.)». Он отметил, что монархия Птолемеев объединяла две составляющие: македонскую басилейю и египетскую власть фараона. Основополагающим проявлением первой была активная завоевательная политика, непосредственно проводимая басилевсом. Важнейшей функцией фараона являлось соблюдение сакрально-ритуалистических обязанностей. Эти функции были взаимозависимы; при этом усиление одной функции приводило к ослаблению другой, и динамика этого соотношения определяла характер институциональной эволюции птолемеевской монархии. Взгляд на историю государства Птолемеев через призму данной эволюции позволяет, по мнению докладчика, предложить кардинально новую концепцию исторического развития этого имперского образования от Птолемея I до Птолемея IV и его преемников. *М.М. Холод* (Санкт-Петербург) в докладе «Сатрапы Сирии при Александре Великом» остановился на вопросе об управлении Сирией при македонском царе. По его мнению, после завоевания македонянами этого региона (333–332 гг. до н.э.), который прежде являлся единым в административном отношении (персидская сатрапия «Заречье»), на его территории были образованы две провинции – одна на севере и другая на юге. Однако еще при жизни Александра, вероятно, в 329/328 г., Сирия была вновь объединена в одну провинцию и таковой досталась в управление Лаомедонту при распределении сатрапий в Вавилоне в 323 г., сразу после смерти македонского монарха. *С.К. Сизов* (Нижний Новгород) в докладе «Федеральное гражданство и мобильность населения в Ахейском и Этолийском союзах (III–II вв. до н.э.)» выступил с критикой бытующего в современной научной литературе мнения, согласно которому создание федеративного государства в Греции в значительной степени разрушало непроницаемые прежде границы между гражданскими коллективами полисов, поскольку, в частности, право собственности на недвижимое имущество теперь могло принадлежать и гражданам других союзных городов, что могло повлечь за собой значительный рост мобильности населения. Углубленный анализ эпиграфических и других источников демонстрирует, что практика приобретения земельных участков и домов за пределами родных полисов была не столь уж распространенной и имела неясные пока правовые основания. Нельзя, в частности, утверждать, что происходила активная скупка земель узким кругом земельных магнатов; не оставили никаких следов и возможные миграции гражданского населения из перенаселенных областей в те, которые обладали резервом земельного фонда. Можно только полагать, что некоторые богатые и влиятельные люди приобретали себе дома в престижных торговых, культурных и религиозных центрах, расположенных в той же федерации или на-

ходящихся в зависимости от нее, однако пока невозможно судить, способствовали ли этому привилегии, вытекающие из союзного гражданства, или в каждом случае право купить дом предоставлялось в индивидуальном порядке. Предметом доклада *О.Л. Габелко* (Москва) «Запад Востока: Mittelstaaten и "недоимперии" эллинистической Малой Азии в историографии последних десятилетий» стали историографические концепции, касающиеся особенностей государственной организации и внешнеполитической деятельности государств «второго эшелона» в эллинистической Малой Азии как уникального геополитического комплекса, состоявшего из разнородных элементов, но обладавшего несомненным единством. Такие государства, как Пергам, Вифиния, Понт, Каппадокия, Галатия, в отдельные моменты играли немаловажную роль в поддержании (или смещении) «баланса сил» в римско-эллинистическом мире и могут быть оценены в перспективе эллинистического и римского империализма. Заседания секции завершил доклад *Е.А. Молева* (Нижний Новгород) «Рабы в войнах Митридата Евпатора». В нем был поставлен вопрос о том, в какой мере мероприятия понтийского царя в отношении рабов могут свидетельствовать о наличии у него планов социального переустройства общества. Митридат впервые упомянул рабов в своем указе об истреблении римлян, изданном в Эфесе в 88 г. до н.э., призвав их доносить на своих господ. В последующих указах царь освобождает рабов и призывает на службу в свою армию. Эти призывы относятся только к рабам римской провинции Азия, завоеванной Митридатом. По сообщению Аппиана, Митридат знал о восстании рабов в Италии под руководством Спартака. Эти сведения некоторые исследователи трактуют как наличие у царя широкомасштабного плана социальных реформ. Но в ряде сообщений античных авторов упоминаются и действия римлян по отношению к рабам, практически не отличающиеся от действий Митридата. Все это не позволяет говорить о наличии у царя Понта плана социальных реформ, его действия по отношению к рабам диктовались исключительно задачами борьбы с Римом.

В рамках второй античной секции «Рим: идеология, репрезентация и практика мировой державы» заседания проходили в двух подсекциях. Работу первой из них «Идеи и образы Imperium Romanum» открыл доклад *Я.Ю. Межерицкого* (Кёльн, ФРГ) «Идеология и имперская политика Рима (проблема взаимодействия)». По мнению автора, римский империализм как идеологический феномен, во многом определявший внешнюю политику, вырос на ценностях римской civitas и менял свое содержание в ходе завоеваний и под влиянием политической мысли эллинизма, что вело к интеграции провинций в римское государство и превращению гегемонии в космополитическую Римскую империю. Тысячелетняя история Рима дает примеры трех вариантов взаимодействия идеологии и политики: *1)* идеология обслуживала политику; *2)* идеология и политика представляли собой неразделимый тандем; *3)* идеология, опираясь на изменения в общественном сознании, подготавливала или даже направляла политические изменения. *А.М. Сморчков* (Москва) свой доклад «Гражданственность и державность в сочинении Валерия Максима: анализ терминов civitas и imperium» посвятил противоречию, характерному для социально-политической организации древнего Рима,– между малой общностью (гражданской общиной) и мировой державой. Для Валерия Максима феномен «римской державы» (imperium Romanum) изначален и существует сам по себе, вне исторического времени и реального пространства. Первый аспект выразился в том, что писатель употребляет термин imperium даже в рассказах о начальных этапах истории Рима, что создает ощущение некоего вневременного единства. Поскольку Валерий Максим не историк, ему не важен исторический контекст, важнее суть и мораль, содержание и эффект, хотя в ряде случаев он все же указывает, что речь идет о будущей «державности» Рима. Второй аспект выражался в идее мирового господства Рима, причем уже воплощенной в жизнь, несмотря на очевидное противоречие с действительностью. Такие взгляды явно отражают влияние «римского мифа», получившего наиболее полное развитие при Августе. Империя у Валерия Максима предстает как достояние граждан: imperium (Romanum) фактически приравнивается к imperium populi Romani, хотя последний термин он употребляет довольно редко. В докладе «Imperium Romanum "sine fine" и orbis terrarum на Певтингеровой карте мира» *А.В. Подосинов* (Москва) обратился к анализу имперской пространственной идеологии на картографическом материале. Выступив против мнения тех исследователей, которые видят в Певтингеровой карте продукт эллинистической географии и отрицают наличие на ней римских имперских мотивов, докладчик аргументировал вывод о том, что Певтингерова карта отражает именно римский взгляд на соотношение Римской империи и ойкумены (imperium и orbis terrarum), являя собой прекрасный образец

воплощения в картографической форме идеологической программы римского империализма. *А. Пистеллато* (Венеция, Италия) представил доклад «*Ad Caspias Portas*: Nero and the Eastern Limits of the Roman Empire», в котором рассмотрел дискуссионный вопрос о действительных целях восточного похода, планировавшегося Нероном. Хотя парфянская держава оказалась неодолимым противником Рима, многие античные авторы (Лукан, Плиний Старший, Тацит, Светоний) развивают мысль, что Нерон намеревался продвинуть границы империи за Евфрат, «до Каспийских ворот» – ad Caspias Portas (Plin. *NH*. VI. 40). Разбирая противоречивые свидетельства, прежде всего представления Лукана о географических пределах Римской империи при Нероне, автор усматривает за поэтическим повествованием Лукана о битве при Фарсале скрытую пессимистическую оценку внешней политики Нерона. Помпей Великий, выступающий пропагандистом взглядов Лукана, использует географические и астрономические аргументы, чтобы оправдать ограниченное расширение Римской империи и четко отделить ее от восточного мира. При этом поэт, вероятно, критикует стремление Нерона стать равным Александру Великому – единственному правителю, покорившему земли далеко за Евфратом. В докладе *К.В. Маркова* (Нижний Новгород) «Исторические параллели и аналогии в репрезентации Римской империи Элием Аристидом и Флавием Филостратом» были рассмотрены пассажи из «Похвалы Риму» Элия Аристада и «Жизни Аполлония Тианского» Флавия Филострата, в которых Рим сопоставляется с великими державами прошлого, созданными персами, афинянами, спартанцами, македонянами. По мысли автора, концептуальный характер подобных аналогий заключался, с одной стороны, в репрезентации римской державы как своего рода «конца истории», а с другой – в выражении критического отношения к некоторым аспектам имперских реалий. Вместе с тем империя, даже при осознании и акцентировании определенных издержек, представлена читательской аудитории как часть общего для греков и римлян бытия и исторического опыта, как единое для всех пространство, где и Европа, и Азия в конечном итоге оказываются включенными в греко-римский мир, пусть даже в трактовке Аристида и Филострата он выглядит скорее греческим, нежели римским. *К.С. Данилочкина* (Москва), выступившая с докладом «Стены в Британии как символ императорской власти», присоединилась к активной дискуссии, которая идет в современной историографии о цели и причинах создания Вала Адриана и Вала Антонина, построенных на территории римской Британии с разницей в несколько десятилетий и в незначительном отдалении друг от друга. За решениями императоров, которые привели к возведению этих сооружений, по мнению автора, следует видеть в первую очередь идеологические мотивы: эти стены на символическом уровне воплощали образ власти и могущества Рима в целом и Адриана и Антонина в частности. Но это не исключало их значения для реального укрепления границ и обеспечения контроля за положением дел в провинции. В докладе *Ю.С. Обидиной* (Нижний Новгород) «Культ Диониса в структуре римской имперской идентичности» была поставлена проблема трансформации дионисийского культа в связи с формированием имперской идеологии Рима. Ритуальные практики Диониса находились в промежуточном пространстве между греческим, варварским и римским, и трансформационное значение культа лежит в «переархивировании» или переводе элементов, которые не являются присущими в чистом виде ни одной из культурных сред. Имперская идентичность, таким образом, возникает через некое «третье пространство», без которого культуры существовали бы сами по себе; соответственно Дионис служил мощным символом трансформации, а его отличительные двусмысленности создавали пространство для возникновения политических и культурных изменений и конфликтов.

Три доклада были посвящены египетской тематике: культу правителя в Египте императорского времени и образу Нила в искусстве и литературе раннего принципата. *П.Д. Скоробогатова* (Москва) представила доклад «Изменения в идеологии культа правителей в памятниках оазисов Западной пустыни I века н.э.», в котором пришла к выводу, что римское владычество внесло ряд значительных изменений в идеологию царской сакральности. Произошло снижение уровня сакральности царя, а его качества в ряде случаев были перенесены на божество, что нашло отражение в изобразительных программах храмов, в официальных и частных документах. Эти изменения прослеживаются в обособленном регионе оазисов Ливийской пустыни. Распространив контроль на оазисы Западной пустыни, римские власти преследовали в первую очередь экономические цели, но при этом должны были следовать традициям, связанным с почитанием правителя, возводить храмы, совершать ритуалы, принимать соответствующую титулатуру. В то же время римские правители внесли изменение в идеологию. В частности, по-

скольку император отсутствовал в Египте и власть осуществлял префект, то жрецы совершали необходимые ритуалы от имени правителя. В царской титулатуре жрецы использовали римские имена правителя, сохраняя для них лишь собственно царские обозначения, которые в то время, вероятно, потеряли уже какой-либо реальный смысл и использовались для легитимации иноземных правителей. В докладе «О некоторых особенностях императорского культа в Египте: взаимовлияние египетских и греко-римских традиций в почитании правителя» *С.А. Качан* (Кишинев, Молдова) также сделал акцент на соотношении традиций предыдущих эпох и тех новшеств, что появились в египетской религии под влиянием греко-римских верований. Он, в частности, отметил, что традиционное представление о правителе Египта как умиротворителе, в образе которого примирены два бога-антогониста – Хор и Сет, сохранилось в римское время, как и идея справедливого порядка вещей – Маат, которая связана с устойчивым плодородием и победами правителя над врагами и которой соответствовали такие римские идеи, как переход к «золотому веку» и установление Pax Romana в результате действий римского императора. *М.С. Чисталев* (Нижний Новгород) в докладе «Визуализация образа Нила: культурно-географическая среда Нильских сцен и имперское мировоззрение сквозь призму литературы эпохи Юлиев-Клавдиев» обратился к сопоставлению литературного и визуального образов Нила в римской культуре, выделив общие черты и существенные различия в иконографии Нильских сцен и того риторического образа Нила, который создавался римскими авторами в период раннего принципата.

Завершил работу первой подсекции доклад *А.О. Куликова* (Нижний Новгород) «Римская империя в восприятии Сасанидов: равная империя или образец для подражания?», в котором была представлена попытка понять, какое место отводили Сасаниды Риму в мировой системе, как они видели его географические и культурные границы, как в западной политике сасанидских царей проявлялось их восприятие Рима как иной культурной и политической традиции, что и как представители персидской политической и культурной элиты заимствовали в культурном, политическом и социальном опыте римлян.

Разнообразные по тематике выступления прозвучали на заседании второй подсекции «Практики власти в Римской империи». *Б. Зиссу* (Рамат-Ган, Израиль) в докладе «The Second Jewish Revolt against Roman empire – an archaeological perspective» представил обзор и критический анализ новых археологических данных, проливающих свет на второе антиримское восстание иудеев под предводительством Бар Кохбы (Бен Косбы) в 132–136 гг.н.э. В докладе «Когда был создан земельный кадастр Римской империи?» *М.Н. Кириллова* (Москва) проанализировала немногие имеющиеся сведения о времени формирования кадастра Августа и его содержании, отметив, что в правление первого принцепса скорее всего действительно имела место ревизия данных о всех межеваниях на территории Италии, поскольку к концу Республики был накоплен достаточно богатый опыт документирования результатов межеваний; Август же привнес в сложившуюся практику ряд уточнений, которые должны были сделать документацию более понятной и удобной для использования, прежде всего в налоговых целях. Несмотря на некоторые несовершенства, это начинание позволило обеспечить управление земельными ресурсами империи и сделало ее более устойчивой. В докладе «Положение кочевых племен в системе управления североафриканскими провинциями Римской империи при Антонинах» *Г.В. Усков* (Ярославль) показал, что во II в. н.э. римские власти по отношению к кочевым племенам североафриканских провинций проводили политику, в которой сочетались невмешательство в жизнь основной массы племени и целенаправленная романизация элит кочевников. В одних случаях кочевников переселяли на другие места, в других – ограничивали их сезонные передвижения, но предпочтение отдавалось мирным способам решения конфликтов, и это способствовало отсутствию в эпоху Антонинов крупных потрясений на территории североафриканских провинций. *А.Д. Пантелеев* (Санкт-Петербург), выступивший с докладом «Мученики и Римская империя (по данным текстов II – начала IV в.)», отметил, что современные ученые часто обращают внимание на скрытый «подрывной» потенциал агиографической литературы по отношению к существовавшей системе социальных отношений в целом и к Римской империи в частности. В текстах II–III вв. римляне нередко проявляли подобие симпатии к верующим, уговаривая их отступиться и сохранить жизнь или даже пытались прийти к какому-либо компромиссу, который позволил бы мученику выполнить требования властей, не переступая через свои идеалы. Диалог подсудимых и судей, иногда людей одного круга, был столкновением не садиста-наместника и добродетельного христианина, а двух систем – римского государства и Церкви; и то, что магистраты терпели в нем символическое поражение, демонстрировало крах системы правосудия и идеологии, стоявшей за ней. То, что было хорошо для эпохи гонений, перестало годиться для времени мира, и Евсевий Ке-

сарийский превращает это противостояние систем в столкновение праведника и негодяя, облеченного властью, часто подчеркивает жестокость пыток и казней, которым судьи подвергали христиан. Эти люди явно были недостойны своих должностей, только они ответственны за происходившие зверства, и Евсевий осуждает именно их, а не систему в целом. Критическому обзору современных подходов к изучению идентичностей в древних империях был посвящен доклад *К. Бэрона* (Саут Бенд, США) «Searching for Identity in Ancient Empires». Отметив, что понятие «идентичность», хотя оно зачастую не отличается четкостью, лежит в основе текущих дебатов о степени единообразия и разнообразия в Римской империи, автор предложил сравнить его приложение к изучению двух других древних империй – Ахеменидской Персии и Китая в эпоху Цинь и Хань. В случае Китая мы сталкиваемся с другим аспектом проблемы, поскольку Китайская Народная Республика считает себя частью непрерывной истории, уходящей корнями в эти древние империи. В случае же полиэтнической империи Ахеменидов вопрос «что значит быть персидским» ставится редко. Поэтому важно поставить вопросы о том, являются ли эти различия в подходах результатом фундаментальных различий между этими империями, или разницы в наличных источников, или же дело в том, что для современного мира некоторые империи значат больше, чем другие. Проблема идентичности была рассмотрена и в докладе *Е.С. Зайцевой* (Екатеринбург) «Позднеантичная аристократия Рима в политической борьбе: корпоративная или имперская идентичность?» По мнению автора доклада, после принятия закона о гражданстве и унификации сенаторских рангов Констанцием II все граждане и даже вся аристократия были не в состоянии поддерживать прежние высокие требования к личным качествам гражданина и его поведению. В результате «старая» сенаторская аристократия стала рассматривать прежде всего себя как воплощение идеи Рима, как носительницу традиций предков, стараясь обеспечить их сохранность и преемственность. Это привело к возникновению сенаторской корпорации, закрытой для неофитов, стремившихся проникнуть в ее ряды, и аристократы активно отстаивали лишь сословную идентичность, а не государственную, как это было раньше, противопоставляя себя аристократии военной, церковной, чиновничьей. Эта корпоративная сенаторская идентичность проявилась в активном участии в политических процессах и поддержке узурпаторов, готовых признать сенаторские привилегии, в заключении договоров с варварами и Византией для отстаивания интересов своей группы, а не всей западной части империи, а также в разграничении городского символического пространства и подчеркивании элитарности своей корпорации.

Большой интерес и живое обсуждение вызвали пять докладов, представленных на секции «Методологические и историографические вопросы изучения империй древности». *И.А. Ладынин* (Москва) посвятил свое выступление теме «“Мировые державы” Ближнего Востока I тыс. до н.э. в теоретических схемах советской и постсоветской историографии древности». В докладе были подробно рассмотрены концепты крупных межрегиональных государств, исторические и историографические предпосылки их появления, их сильные и слабые стороны, а также вопрос о вкладе в объяснительную схему, выдвинутую И.М. Дьяконовым, его соавторов. В советской науке предпосылки к образованию имперских государств были выделены В.В. Струве, их значимость констатировалась в теоретических схемах С.И. Ковалева и О.В. Кудрявцева, однако с максимальной полнотой была осмыслена И.М. Дьяконовым в сотрудничестве с Н.Б. Янковской и В.А. Якобсоном. В объяснительной схеме, сформулированной этими учеными, в качестве предпосылок возникновения этих образований указывались потребность в захвате рабов, межрегиональное разделение труда между странами, производящими и потребляющими сырье, наступление железного века, сделавшее возможным совершенствование средств насилия, наличие у государств ближневосточной периферии сильных армий, потребность в наращивании прибавочного продукта извне в условиях исчерпания внутренних ресурсов для этого. В постсоветское время В.А. Якобсон отметил такую особенность, как сохранение на всем протяжении древности структур гражданского общества, в I тыс. до н.э. противостоявших империям и даже в их условиях имевших политические права. *В.В. Дементьева* (Ярославль) в докладе «Концепт империи Г. Мюнклера как теоретический инструментарий изучения держав древности: достоинства и недостатки» представила критический анализ известного труда Г. Мюнклера «Imperien. Die Logik der Weltherrschaft – vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten» (2005). Г. Мюнклер при построении своих моделей имперской государственности и имперского господства прибегает к примерам не только Римской державы, но и более ранних политических образований: Ассирии, Китая, Афинской архэ, царства Селевкидов, – что дает специалистам по древней истории возможность оценить методологический потенциал его концепции для исследования древневосточных и античных обществ, хотя теоретическое и методическое значение его обобщающих выводов шире при-

веденной им исторической конкретики. Выделяя такие типы империй, как Landimperien (сухопутные империи) и Seeimperien (морские империи), Мюнклер относит Римскую империю к первым, но, по мнению автора доклада, она имела черты и морских империй. Были также проанализированы процесс превращения римской гегемонии в Средиземноморье в империю и понятие «augusteische Schwelle» («августовский порог»), введенное М. Дойлем, которое Мюнклер использует как универсальное для обозначения перехода империи от фазы экспансии к консолидации. Также были затронуты такие понятия категориального аппарата Мюнклера, как «варварская граница», «мир империи», «имперская миссия», «сакральность державы», «империалистическое перенапряжение», «стратегии антиимпериализма». Актуальные проблемы современной историографии и методологические подходы в изучении римского империализма были рассмотрены в докладе *А.Е. Барышникова* (Москва) «Разбирая империализм: проблемы и перспективы изучения социальной и экономической истории римской Британии». Предметом специального внимания стали те тенденции в изучении римской Британии, которые с очень большой долей условности можно определить как «левый поворот». Речь идет не о субъективно возникшем и политизированном направлении в историографии, но об объективно растущем интересе к проблемам, ранее находившимся на периферии исследовательского внимания, таким как жизнь «безмолвствующего» большинства населения провинции и различных маргинальных социальных групп, вопросы экономического развития региона в римское время, которые, вероятно, станут приоритетными в ближайшее время. *А.В. Махлаюк* (Нижний Новгород) в докладе «Эдикт Каракаллы de civitate peregrinis danda: дебаты продолжаются» остановился на ряде новейших трудов, посвященных Constitutio Antoniniana. Отметив, что в начале 2010-х годов, в связи с 1800-летием принятия знаменитого эдикта, интерес к нему существенно возрос, автор доклада выделил три ключевых направления в его изучении (гиссенский папирус 40 как исторический источник, причины и контекст принятия этого акта, последствия массового предоставления гражданства) и остановился на идеях и выводах двух монографий: А. Имри (The Antonine Constitution: An Edict for the Caracallan Empire. Brill, 2018) и А. Бессона (Constitutio Antoniniana: l'universalisation de la citoyenneté romaine au 3e siècle. Basel, 2020). Имри, не предлагая какого-то радикального пересмотра прежних объяснений, акцентирует значение той конкретно-политической обстановки, правовой и культурной среды, в которой появился эдикт, и считает необходимым отказаться от стереотипного образа Каракаллы как «дурного» императора. Бессон, показывая, каким именно образом происходила эволюция в области наследования, личного и семейного статуса, оценивает последствия эдикта как «положительную революцию», представляющую собой разрыв с прежней политикой. *Е.В. Ляпустина* (Москва) в докладе «Манумиссии из Левкопетры: эдикт Каракаллы в действии?» обратилась к проблеме изменений и коллизий, которые могли возникать в правоприменительной практике провинций в связи с предоставлением их жителям римского гражданства. Важным свидетельством для изучения этого процесса служит ссылка на распоряжение (κέλευσις) наместника Македонии в 212 г. М. Ульпия Тертуллиана Аквилы в надписях, сообщающих об отпуске новоиспеченными римскими гражданами (например, Аврелием Посидонием) рабов на волю в традиционной для греческого мира форме дарения божеству, исключавшей автоматическое получение отпущенниками римского гражданства.

При подведении итогов конференции были отмечены значимость и многообразие проблем теоретического осмысления и сравнительного и конкретно-исторического изучения империй. Состоявшаяся в Нижнем Новгороде конференция, несомненно, послужит дальнейшему продвижению исследований в данной области.

Alexander V. Makhlayuk,

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: makhl@imomi.unn.ru

ORCID: 0000-0002-7758-2374

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 20-18-00374

А.В. Махлаюк,

д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,

Нижний Новгород, Россия

Vestnik drevney istorii
81/4 (2021), 1071–1072
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/4 (2021), 1071–1072
© Автор(ы) 2021

ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ АФИНОГЕНОВ (28.VIII.1965—28.VIII.2021)

Наша наука понесла тяжелую утрату. В свой день рождения скончался Дмитрий Евгеньевич Афиногенов, один из самых ярких представителей российской византинистики.

Вся научная жизнь Д.Е. Афиногенова была связана с Институтом всеобщей истории РАН и журналом «Вестник древней истории». Он пришел в институт, окончив кафедру классической филологии филологического факультета МГУ и аспирантуру академического Института востоковедения. Кандидатскую диссертацию, посвященную политическим концепциям в раннесирийской литературе II–IV вв. и подготовленную под руководством С.С. Аверинцева, он защитил в 1991 г. Основанная на греческих и отчасти сирийских текстах, эта работа уже содержала многие черты, характерные для работ Д.Е. Афиногенова: опору на текст, филологическое обоснование всех постулатов и выводов, анализ межтекстовых связей. В Институте востоковедения Д.Е. Афиногенов познакомился с Г.М. Бонгард-Левиным, который и пригласил его в Институт всеобщей истории, в недавно сформированный им Центр сравнительного изучения древних цивилизаций (ныне Отдел сравнительного изучения древних цивилизаций).

Придя в Центр, Дмитрий Евгеньевич принял активное участие в его научных проектах, в первую очередь в проекте, посвященном Христианскому Востоку и Византии. При его активном участии была проведена международная научная конференция «Традиция и наследие Христианского Востока», ознаменовавшая возвращение российской науки к исследованиям восточных христианских культур. Кроме того, совместно с А.В. Муравьевым, С.Б. Чернецовым и В.М. Лурье Д.Е. Афиногенов активно работал над возрожденным ежегодником «Христианский Восток». Одновременно он посвящал немало времени статьям, которые готовились для публикации в «Вестнике древней истории», став незаменимым сотрудником, а затем и членом редколлегии. Одной из главных его задач в редколлегии была проверка и подготовка к печати переводов с греческого и латинского языков, традиционно публикуемых в качестве приложения к журналу. Это неудивительно – Дмитрий Евгеньевич был, вероятно, лучшим знатоком древнегреческого языка в своем поколении, тонко чувствовал все его нюансы, был способен писать на нем оригинальные тексты, в том числе стихотворные. Разумеется, блестящее знание

греческого языка стало базой его исследований, всегда основанных на филигранном анализе текстов, что и позволило ему стать одним из лидеров отечественной византинистики.

Начав работать под руководством И.С. Чичурова над хроникой Георгия Амартола, Д.Е. Афиногенов постепенно все глубже погружался в исследование византийской цивилизации в самых разных ее аспектах: языковом, политическом, литературном, идеологическом. Особое внимание в начале своей научной карьеры он уделял мировоззрению византийцев. Понимая важность патристических текстов для византинистики, Дмитрий Евгеньевич организовал семинар для студентов, на котором читались многие важные позднеантичные и византийские церковные тексты. Позднее он занялся связями византийских хроник с житийными текстами. Его интересы распространялись также на церковно-государственные отношения эпохи второго иконоборчества и наследие патриархов Мефодия и Фотия. Эти исследования вылились в докторскую диссертацию по филологии «Константинопольский патриархат и императорская власть в византийской литературе второго периода иконоборчества», защита которой состоялась в МГУ в 1998 г., и монографию «Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847)» (1997).

В 1990–2000-е годы Дмитрий Евгеньевич работал в крупных научных центрах Европы и США благодаря их стипендиям и стипендиям международных научных фондов (Фонда Александра фон Гумбольдта, Института высших исследований в Принстоне, Dumbarton Oaks в Вашингтоне), что позволило ему сделать ряд важных открытий в области византинистики и разработать свой метод анализа агиографических текстов, включавший широкое использование их славянских версий для реконструкции прототипов. Более 70 статей и три монографии, посвященные самым разным вопросам византинистики, исследования поздней античности, славистики и даже русистики, были напечатаны на русском, английском и немецком языках.

В конце 1990-х годов Д.Е. Афиногенов внес большой вклад в возрождение византийской филологии на филологическом факультете МГУ. При его участии, а также при участии Б.Л. Фонкича, скончавшегося в этом году, М.В. Бибикова и Д.А. Яламаса кафедра византийской и новогреческой филологии начала подготовку студентов. С тех пор Дмитрий Евгеньевич неустанно трудился как преподаватель, развивая византиноведение в стенах своей alma mater. Кроме МГУ, он преподавал и в других учебных заведениях и работал над несколькими издательскими проектами (наследие Иоанна Дамаскина, реконструкция корпуса Кирилла Скифопольского и перевод сочинений патриарха Фотия). Занимался Д.Е. Афиногенов и просветительскими проектами. При его участии вышла серия видеорассказов о Византии на сайте «Православная энциклопедия», а также осуществился просветительский проект визуализации истории «Хронотоп», в котором он курировал историю Византии в VII–X вв. Занимался он и переводами на славянский с древнегреческого языка непереведенных богослужебных канонов византийским и новогреческим святым. Д.Е. Афиногенов был также непременным участником множества конференций в России и за рубежом.

Дмитрий Евгеньевич был преданным и верным другом, надежным товарищем и прекрасным коллегой. Он был всегда рад дружеским встречам, радовался успехам своих друзей и был готов помочь им советом или книгой. Не чуждый радостей земной жизни, он все же был прежде всего исследователем, переводчиком и учителем.

Коллеги Дмитрия Евгеньевича по Институту всеобщей истории РАН и «Вестнику древней истории» выражают глубокое соболезнование его родным и близким.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Vestnik drevney istorii
81/4 (2021), 1073–1105
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/4 (2021), 1073–1105
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910011340-7

СТАРОАККАДСКОЕ ЛЮБОВНОЕ ЗАКЛИНАНИЕ MAD 5, 8

Вступительная статья, перевод и комментарий
Л.Е. Когана и Р.М. Нуруллина

Н.В. Козловой,
с любовью и признательностью

Публикуемый ниже текст был найден в Кише в ходе регулярных археологических раскопок; в настоящее время табличка хранится в Эшмолеанском музее (Оксфорд), куда она поступила в 1930 г.[1] Заклинание MAD 5, 8 представляет собой один из редчайших образцов аккадской литературы III тыс. до н.э. Первое издание текста, выполненное И. Гельбом, содержит фото (без прорисовки), транслитерацию, попытку нормализации и перевод[2]. В настоящее время издание Гельба значительного интереса для интерпретации текста не представляет.

Второе издание, остающееся основным до сегодняшнего дня, принадлежит Дж. Вестенхольц и О. Вестенхольцу[3]. В этой работе содержится не только прорисовка, транслитерация, нормализация и перевод, но и подробный филологический комментарий. Большинство интерпретационных решений, предложенных супругами Вестенхольц, в той или иной степени принимаются современной наукой.

Еще два комментированных издания, подготовленные Б. Гронеберг и Н. Вассерманом, вышли в свет после 2000 г.[4] В этих работах содержится несколько оригинальных интерпретационных идей; кроме того, они в удобной для читателя форме обобщают исправления и дополнения к изданию Вестенхольцев, предлагавшиеся

Работа Л.Е. Когана выполнена при поддержке РНФ в рамках проекта № 21-18-00232.
Работа Р.М. Нуруллина выполнена при поддержке РНФ в рамках проекта № 18-18-00503.

[1] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 198.
[2] Gelb 1970 (MAD 5, 8).
[3] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977.
[4] Groneberg 2001 и Wasserman 2016, 242–246.

в литературе за последние десятилетия. В 2013 г. вышло в свет издание У. Лэмберта (только текст и перевод)[5].

Основные переводы на западные языки принадлежат К. Вильке и Б. Фостеру[6]. Заклинание MAD 5, 8 дважды переводилось на русский язык, И.М. Дьяконовым и И.С. Клочковым[7]. Важнейшие исследования, посвященные отдельным фрагментам заклинания: von Soden 1972; Westenholz 1972, 381–382; Lambert 1987, 37–38; 1992, 52–54; Hirsch 1995–1996, 139–144.

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Передача сибилянтов

Содержащиеся в тексте релевантные формы недостаточны для того, чтобы оценить этимологическую корректность передачи сибилянтов[8]. Серия SV регулярно используется для передачи рефлексов **š* и **ŝ*, в то время как серия ŠV корректно употребляется в относительном местоимении ***ša*** (стк. 12, 16, 32) < **t̲V и в форме ***ši***-*na*-*tim* (16) «моча» < **t̲yn*[9]. Определенные затруднения вызывает форма *ta*$_2$-*pa*$_2$-***ša***-*ḫi*-*ni* (38), поскольку этимология глагола *pašāḫu* не вполне ясна. Возможные параллели скорее указывают на **š* или **ŝ*[10], поэтому можно предполагать, что серия ŠV употреблена здесь некорректно[11]. Эта черта сближает MAD 5, 8 с некоторыми другими текстами из Киша и Мугдана, где также наблюдается использование ŠV вместо SV[12].

Орфографические пары с e*-вокализмом*

Такого рода пары, являющиеся одной из отличительных черт саргоновской орфографии, лишь в незначительной степени отражены в рассматриваемом тексте.

В тексте отсутствует противопоставление MI vs. ME: во всех случаях употребляется знак ME (7: *da*-***mi***$_3$-*iq*-*ta*$_2$; 20: *u*-***mi***$_3$-*iś*-*śa*; 34: *u*$_3$-*tam*$_2$-***mi***$_3$-*ki*)[13].

В форме *u*$_2$-*da*-***bi***-*bu*-*śi*-*ma* (30) употреблен знак BI вместо ожидаемого BI$_2$ (каких-либо условий для появления *e*-вокализма мы здесь не видим)[14].

Форма *sa*$_3$-***qi***$_3$-[*śa*] (4), по всей видимости, отражает двойственное или множественное число косвенного падежа (*sāqē*[*ša*]), что делает обоснованным употребление знака GI. Все случаи употребления KI соответствуют ожидаемой картине[15].

Отражение начального y

Характерное для саргоновского периода противопоставление знаков U vs. U$_3$/U$_2$ и I vs. I$_3$ (также E$_3$ vs E) по признаку наличия начального *y*[16] в рассматриваемом памятнике проводится непоследовательно.

---

[5] Lambert 2013, 30–32.
[6] Wilcke 1991, 280–281; Foster 2005, 66–68.
[7] Diakonoff 1981, 311–312; Klochkov 2000, 383–387.
[8] Общие сведения как о «канонической» рефлексации прасемитских сибилянтов в саргоновском аккадском, так и об основных категориях исключений см. в Hasselbach 2005, 135–143; Kogan 2011a, 165–172; 2011b, 86–87.
[9] SED 1, № 77$_v$.
[10] См. EDA 1, P0765.
[11] О возможном некорректном употреблении серии SV в *śi*-*ir*-*gu*-*a* (если принять отождествление этой лексемы с акк. *šerku* «связка сушеных плодов») см. комментарий к стк. 25.
[12] Kogan 2011a, 171–172.
[13] Hasselbach 2005, 48.
[14] Hasselbach 2005, 43.
[15] Hasselbach 2005, 44–45.
[16] Hasselbach 2005, 87–88.

Отмечено четыре случая корректного употребления *y*-знаков: ***e***$_3$-*ra*-[*a*]-*am* (2) < **yi*-; ***i***-*da*-*śu* (25) < **yad*-; ***u***-*mi*$_3$-*iś*-*śa* (20) < **yawm*- vs. ***u***$_3$-*tam*$_2$-*mi*$_3$-*ki* (34) < *^{ʔ}*u*-. По крайней мере в двух случаях ожидаемый *y*-знак не употребляется: ***i***$_3$-*du*-*ru* (22) и ***u***$_2$-*da*-*bi*-*bu*-*śi*-*ma* (30). По всей видимости, та же картина наблюдается в неясной по смыслу форме ***u***$_2$-*ta*$_2$-*ra* (6)[17]. Наконец, в формах ***i***-*ta*$_2$-AZ-*ka*$_3$-*ri*-*ni* (21) и ***i***-*ri*-*nim* (29) следует, вероятно, видеть обратное явление: неэтимологическое употребление *y*-знаков[18].

Можно заключить, что по данному параметру MAD 5, 8 является одним из самых нерегулярных среди дошедших до нас саргоновских текстов. Согласно Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 199, эта нерегулярность указывает на позднюю датировку внутри саргоновского периода.

Передача *ǧ

Несмотря на небольшие размеры заклинания и редкость аккадских терминов с этимологическим **ǧ*, MAD 5, 8 предоставляет важную информацию по данному вопросу. В двух случаях преконсонантный **ǧ* передается серией VḪ, в то время как в интервокальной позиции однажды отмечена запись серией GV: *ru*-***uḫ***$_2$-*ti* (5, 10); *tu*-***uḫ***$_2$-*ta*$_2$-*na*-*ma* (7) vs. *ru*-***qa***$_2$-*tim* (12)[19].

Другие орфографические особенности

В тексте три раза употребляется редкий знак UR$_4$[20]: *tu*-***ur***$_4$-*da* (8), *tu*-***ur***$_4$-*da*-*ma* (9), ***ur***$_4$-*ki* (15). Значение этой практики трудно оценить, поскольку другие знаки с фонетическим значением /ur/ в тексте не встречаются.

Форма со значением «я взял» систематически записывается с помощью особого знака UZ$_7$: *a*-*ḫu*-***uz***$_7$ (12, 15, 17, 32)[21]. Эта орфографическая практика, весьма широко засвидетельствованная в других саргоновских текстах[22], скорее всего, имеет фонологическое значение и может указывать на бытование рефлекса **ḏ* как самостоятельной фонемы[23].

В тексте отмечено одновременное употребление знака RI$_2$ и (сравнительно редкого для саргоновского периода) знака RI: *du*-***ri***-*ni* (21); *i*-*ta*$_2$-*as*-*ka*$_3$-***ri***-*ni* (21); *i*-***ri***-*nim* (29) vs. *ki*-***ri***$_2$-*śum* (8); *ki*-***ri***$_2$-*iś* (17). Значение этого феномена ни в данном памятнике, ни в более широкой саргоновской перспективе установить пока не удается[24].

Запись *a*-*aś*-*ḫi*-*it* (17) не имеет надежных параллелей в саргоновском корпусе и с трудом поддается объяснению[25].

---

[17] См. ниже комментарий к этому месту.

[18] Прототипы с **y*- едва ли вероятны как для предлога *in*(*a*) «в», так и для слова *erēnu* «кедр», хотя общепринятой этимологической интерпретации у этих лексем нет (см. Kogan 2012, 242–244; 2015a, 77–78). Трудно сказать, насколько запись со знаком I ожидаема в рамках интерпретации *i*-*ta*$_2$-AZ-*ka*$_3$-*ri*-*ni* как формы повелительного наклонения *ʒakāru* Ntn.

[19] Первые – и весьма точные – наблюдения на этот счет были сделаны уже У. Лэмбертом (Lambert 1987, 38). См. далее Kogan 2001, 276; 2011b, 111–114.

[20] Hasselbach 2005, 68.

[21] См. уже Krecher 1972, 272–273.

[22] Так, многочисленные примеры такого рода обнаруживаются в недавно опубликованном собрании хозяйственных документов Milano, Westenholz 2015 (см. Kogan, Markina 2019, 295).

[23] Вопреки Hasselbach 2005, 72–73. Ср., впрочем, написание *uz*-*na*-*ka*$_3$ «твои уши» в CUSAS 27, 70 об. 3 (Kogan, Markina 2019, 310), в котором этимологическая последовательность **uḏ* передается знаком UZ (как в позднейшем аккадском).

[24] Ср. Hasselbach 2005, 49–50; Sommerfeld 2012, 220, а также Kogan, Markina 2019, 311 о многочисленных примерах употребления RI в текстах CUSAS 27. Едва ли может быть значимым тот факт, что во всех трех случаях употребления RI за ним идет последовательность *ni*.

[25] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 209; Wilcke 2010, 13–14.

e-*вокализм*

Переход *i* > *e* отмечен в форме *ir-e-mu-um* и связанных с нею (1, 3, 30). Трудно сказать точно, что явилось причиной этого сдвига: последовательность *$^{\circ}i$ не переходит в $^{\circ}e$ в саргоновском аккадском, в то время как прямого контакта **i* с *r* в данном случае нет.

Переход *a* > *e* после этимологического *$^{\varsigma}$ наблюдается в форме *e-tam*$_2$*-da* (37)[26].

В форме *e-ne*$_2$*-ki* (14) запись с *e* эксплицитно отражает стяжение **ay* > *ē* (в отличие от **ay* > *ī* в вавилонском и в согласии с ассирийской картиной)[27].

Как и в других саргоновских памятниках, форма *ṣa-nam* (22) не демонстрирует этимологически нерегулярного гласного *ē*, как в позднейшие периоды[28].

В форме *e*$_3$*-ra-*[*a*]*-am* наблюдается переход *i* в *e* в открытом слоге перед *r* – явление, спорадически отмечаемое и в других саргоновских памятниках[29].

Присоединение местоименных суффиксов к существительным

В двух случаях отмечаются необычные явления при присоединении местоименных суффиксов к существительным: *ka*$_3$*-lu-ma-śa* (23, сохранение падежного гласного перед местоименным суффиксом); *mu-ra-aś́* (24, сокращенная форма местоименного суффикса)[30].

Вокатив

Отсутствие нунации в формах *wa-a*[*r-d*]*a-ta*$_2$ *da-mi*$_3$*-iq-ta*$_2$ (6–7) закономерно объясняется их употреблением в вокативной функции[31].

Адвербиальные окончания[32]

В тексте три раза употреблен терминативный суффикс *-iš*: один раз при имени в сопряженном состоянии (17–18: *ki-ri*$_2$*-iś́* ^{d}ZUEN), один раз перед местоименным суффиксом (20: *u-mi*$_3$*-iś́-śa*) и один раз при имени в свободном состоянии (8: *ki-ri*$_2$*-śum*). Интересно (и, возможно, не случайно), что именно в последнем случае вслед за терминативным суффиксом следует показатель *-um*[33].

Глагольная морфология

В форме *ti-ib-ta*$_2$*-at-qa*$_2$ (11) наблюдается префикс *ti-* вместо ожидаемого *ta-*[34].

Статив породы Gt с суффиксом имеет ассирийский облик (с синкопой последнего гласного основы, т.е. *pitars-*): *e-tam*$_2$*-da* (37)[35].

В форме *la ta*$_2$*-pa*$_2$*-ša-ḫi-ni* (38) отмечен характерный для саргоновского диалекта показатель субъюнктива *-ni*[36].

---

[26] Hasselbach 2005, 113.
[27] Hasselbach 2005, 112.
[28] Hasselbach 2005, 77.
[29] Kogan 2011c, 52.
[30] Sommerfeld 2003, 411; Hasselbach 2005, 153, 185.
[31] Hasselbach 2005, 184; Kogan, Markina 2012, 483–484; Wasserman 2016, 244. Едва ли оправданны сомнения на этот счет в Kouwenberg 2010, 179.
[32] Вслед за Каувенбергом (Kouwenberg 2012, 325–329) мы предпочитаем не трактовать обсуждаемые ниже показатели как «падежи».
[33] Hasselbach 2005, 181.
[34] Bonechi 1988, 122–123; Hasselbach 2005, 192.
[35] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 210; Hasselbach 2005, 213. Ср. Arkhipov, Loesov 2020, 39–40 (см. комментарий ниже).
[36] Некоторые исследователи видят здесь объектный суффикс 1 л. ед. ч. (см. комментарий ниже).

В саргоновском корпусе не засвидетельствованы формы презенса глаголов с срединным этимологическим гортанным взрывом, поэтому трудно судить, насколько оправданна реконструкция дополнительного знака *-a-* в форме *e*$_3$*-ra-*[*a*]*-am* (2)[37].

Предлог in

В стк. 4, 5, 28, 29 предлог *in* встречается в обычной для саргоновских текстов краткой форме (в противоположность позднейшему *ina*). В форме *i-ta*$_2$-AZ-*ka*$_3$*-ri-ni* (21), возможно, наблюдается ассимиляция конечного *n* предлога первому согласному существительного: **it-taskarinnē* «среди самшитов»[38]. Это явление нигде больше в саргоновском корпусе не встречается[39].

Лексика

В тексте наблюдается довольно высокая концентрация редких слов, в том числе hapax legomena[40]: *ir*^{ʾ}*emum* «любимый» (1, 3, 30), *sāqum* «бедро» (4), *ḫutannumum* «цвести, процветать (?)» (7), **burāmum* «зрачок, радужная оболочка глаза» (13), *duārum* «идти по кругу, кружить» (?) (21, 22), *širgu*^{ʾ}*um* «прекрасный» (?) (25), *ṣawārum* «шея» (35, 36).

ТЕКСТ И ПЕРЕВОД[41]

1 ^{d}*Ḫayya*(EN.KI)[42] *ir-e-ma-am* **2** *e*$_3$*-ra-*[*a*ʾ]*-am*
3 *ir-e-mu-um mara*^{ʾ}(DUMU)[43] ^{d}*ʿAṯtar*(INANNA)[44]
4 *in sa*$_3$*-qi*$_3$*-*[*śa u-ša-a*]*b*
5 *in ru-uḫ*$_2$*-t*[*i ka*$_3$*-na*]*-ak-tim* **6** *u*$_2$*-ta*$_2$*-ra*
wa-a[*r-d*]*a-ta*$_2$ **7** *da-mi*$_3$*-iq-ta*$_2$
tu-uḫ$_2$*-ta*$_2$*-na-ma* **8** *ki-ri*$_2$*-śum tu-ur*$_4$*-da*
9 *tu-ur*$_4$*-da-ma a-na* ^{giš}*kiri*^{ʾ}*im*(KIRI$_6$)
10 *ru-uḫ*$_2$*-ti ka*$_3$*-na-ak-tim* **11** *ti-ib-ta*$_2$*-at-qa*$_2$
12 *a-ḫu-uz*$_7$ *pa*$_2$*-ki ša ru-qa*$_2$*-tim*
13 *a-ḫu-uz*$_7$ *bu-ra-ma-ti* **14** *e-ne*$_2$*-ki*
15 *a-ḫu-uz*$_7$ *ur*$_4$*-ki* **16** *ša ši-na-tim*
17 *a-aś-ḫi-it ki-ri*$_2$*-iś* **18** ^{d}*Suyin*(ZUEN)[45]

---

[37] Так уже в издании Гельба (Gelb 1970, 7). Согласно О. Вестенхольцу, Гельб, вероятно, опирался на неопубликованную и не вполне надежную прорисовку ван дер Меера, где на месте нынешней лакуны изображен знак A (Westenholz 1972, 381–382).

[38] О возможной альтернативной трактовке этого места (императив от *zakāru* Ntn) см. комментарий ниже.

[39] Hasselbach 2005, 167. Как известно, ассимиляция *n* в этом предлоге характерна для староассирийского диалекта (Kouwenberg 2017, 428), а также для «гимно-эпических» памятников (von Soden 1933, 134–135).

[40] Подробнее о перечисленных ниже лексемах см. комментарий к соответствующим строкам.

[41] Транслитерация не отражает небольшого вертикального клина, которым сопровождаются некоторые знаки: NI (14, 26, 28), IR (25), AM (28, 29). См. Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 199. Строки текста на табличке MAD 5, 8 очевидно не совпадают с границами поэтических стихов заклинания, однако само деление текста на стихи в данном случае представляет собой специальную задачу, решению которой авторы предполагают посвятить отдельное исследование. Предложенное выше деление имеет предварительный и, в ряде случаев, условный характер.

[42] К нормализации староаккадской формы см., в частности, эблаитское лексическое вхождение ^{d}EN.KI = *ʾa*$_3$*-u*$_9$ /ḥayyu/ (VE 803, см. Krebernik 1983, 31; Conti 1990, 193). См. далее подробную дискуссию в Weeden 2009 (прежде всего, с. 98–103).

[43] Ср. *mar-ì* «мой сын» в Milano, Westenholz 2015, 281, № 229, об. 3.

[44] Об **ʿaṯtar-* как древнейшей аккадской и прасемитской форме имени этой богини см. подробно в Wilson-Wright 2016, 16–26.

[45] К нормализации староаккадской формы см., в частности, эблаитское лексическое вхождение ^{d}EN.ZI/ZU = *zu-i-nu* (VE 799, см. Krebernik 1993–1997, 361–362). В ранних восточносемитских силлабариях знак EN был знаком типа CVC со значением /yin/ (см., например, Sommerfeld 2012, 237).

19 *ab-tuq*$_3$ ^{giš}*ṣarbatam*(ASAL$_2$) 20 *u-mi*$_3$*-iś-śa*
21 *du-ri-ni i-ta*$_2$*-*AZ*-ka*$_3$*-ri-ni*
22 *ki rā*^{ʿ}*iyum*(SIPA) *i*$_3$*-du-ru ṣa-nam*
23 ^{ʿ}*anzum*(UZ$_3$) *ka*$_3$*-lu-ma-śa*
laḫrum(U$_8$) *puḫād*(SILA$_4$)-[*sa*$_3$]
24 *a-ta*$_2$*-num*$_2$ *mu-ra-aś*
25 *śi-ir-gu-a i-da-śu*
26 *šamnum*(I$_3$) *u*$_3$ *ti-bu-ut-tum* 27 *śa-ap-ta*$_2$*-śu*
28 *a-sa*$_3$*-am šamnim*(I$_3$) *in qa*$_2$*-ti-śu*
29 *a-sa*$_3$*-am i-ri-nim in bu-di*$_3$*-śu*
30 *ir-e-mu u*$_2$*-da-bi-bu-śi-ma*
31 *u*$_3$ *iś-ku-nu-śi a-na mu-ḫu-tim*
32 *a-ḫu-uz*$_7$ *pa*$_2$*-ki ša da-di*$_3$
33 ^{d}^{ʿ}*Aṯtar*(INANNA) *u*$_3$ ^{d}*iś-ḫa-ra* 34 *u*$_3$*-tam*$_2$*-mi*$_3$*-ki*
35 *a-di*$_3$ *ṣa-wa-ar-śu* 36 *u*$_3$ *ṣa-wa-ar-ki* 37 *la e-tam*$_2$*-da*
38 *la ta*$_2$*-pa*$_2$*-ša-ḫi-ni*

1–2 Эа Любимого любит.
3 Любимый, сын Иштар,
4 [*Сид*]*ит* [*у нее*] на коленях,
5 В благовонной смоле 6 ...
6–7 О две прекрасные девы,
7–8 Вы *цветете*, в сад вы спустились,
9 Спустились вы в сад,
10–11 Срезали смолы благовонной.
12 Овладел я твоим ртом, полным слюною!
13–14 Овладел я глаз твоих зрачками!
15–16 Овладел я твоим влажным лоном!
17–18 Я запрыгнул в сад Суэна,
19–20 *Для ее дня* срубил я тополь.
21 *Ходи вокруг* меня *среди самшитов*[46],
22 Как пастух *вокруг* стада *ходит*,
23 Овца *вокруг* своего ягненка,
Коза *вокруг* своего козленка,
24 Ослица *вокруг* своего осленка.
25 На дланях его *украшенья*[47],
26–27 Его губы – масло и *пряные травы*[48].
28 У него в руках кувшин с маслом,
29 На плечах у него кувшин кедровый[49].
30 Извело ее *вожделенье*[50],
31 ее сделало одержимой[51].
32 Овладел я твоим ртом, полным страсти!
33–34 Заклинаю тебя Иштар и Ишхарой:
35–37 «Пока твоя шея и его шея не соединятся,
38 не найдешь ты покоя!»

---

[46] Или: «Ходи вокруг меня, *зови меня снова и снова*».
[47] Или: «Его длани – *мои плодовые связки*»; «Его длани – *плодов свежих связки*».
[48] Или: «Его губы – масло и *лира*».
[49] Или: «кувшин с кедровым маслом».
[50] Или: «Любимые (ир'емумы) извели ее».
[51] Или: «довело ее до безумья».

КОММЕНТАРИЙ

1–3. *Любимый*.– Исходным значением слова *irʾemum* следует считать «любовь, страсть»[52]. В то же время, как отмечают Вестенхольцы, по крайней мере в первых строках заклинания *irʾemum*, скорее всего, обозначает персонифицированную любовь, т.е. божество, подобное греческому Эроту[53]. Насколько мы можем судить, Ир'емум как богоподобная сущность не играл сколько-нибудь значительной роли в месопотамской религии – за пределами MAD 5, 8 известно лишь одно сравнительно достоверное его упоминание в YOS 11, 87 (см. ниже). Принятый нами перевод «любимый»[54] имеет довольно условный характер и призван, прежде всего, подчеркнуть этимологическую связь с употребленным рядом глаголом *râmu* «любить».

Продолжением староаккадской формы *irʾemum*, до сих пор засвидетельствованной только в MAD 5, 8, является позднейшее *i/erēmu* (с падением гортанного взрыва)[55], которое известно, главным образом, по старовавилонским литературным текстам[56]. Изучение старовавилонских пассажей позволяет полнее раскрыть значение интересующей нас лексемы. Так, перевод «любовь, страсть» применим к *irēmu* в следующем стихе из старовавилонского любовного диалога:

(1) *ul anaddiššim irēmī*

Я не отдам ей свою любовь[57].

Этот перевод также уместен в диалоге между богами Нанайей и Муати **(2)** и в лирическом монологе, написанном от лица мужчины **(3)**:

(2) *kīma našši irēmu izannan*

Как роса, льется любовь[58].

---

[52] Слово *irʾemum* произведено от глагола *râmu* «любить» (староакк. **raʾāmum*) по модели *ipris*-, служащей для образования отглагольных имен с абстрактным значением (см. GAG § 56a). Ее использование для образования обозначений лиц неизвестно. Таким образом, значение «возлюбленный», принятое в общеупотребительных аккадских словарях («loved one, favorite» в CAD I-J 176; «Geliebter» в AHw. 386; «loved one» в CDA 131), корректно с синхронной точки зрения по отношению к MAD 5, 8 (по крайней мере, к его начальным строкам), но вряд ли первично в диахроническом плане.

[53] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 205: «*irʾemum* is a concept akin to the Greek *Erōs*, that is, partly a personification of love and sexual desire, partly the impersonal force itself». В качестве альтернативы Вестенхольцы рассматривают возможность переводить *irʾemum* как «любовные чары»: «Since Ea is a god of magic, and Ishtar a goddess of love, we may, albeit by a somewhat mathematical reasoning, conclude that *irʾemum* means "love charm"»; см. уже Gelb 1970, 7: «"love-magic," here personified»). Большинство последующих переводчиков выбирают между этими двумя трактовками: «love-charm» (Foster 2005, 66; Wasserman 2016, 243), «Liebreiz» (Wilcke 1991, 280; Neumann 2008, 10), «cupid» (Lambert 2013, 31). Известна также практика оставлять аккадское слово без перевода (Haas 1999, 150; Diakonoff 1981, 196). Так или иначе, высокая степень персонификации рассматриваемого понятия в начальных стихах заклинания представляется очевидной. По-другому обстоит дело с употреблением *irʾemum* во мн. ч. в стк. 30, где персонифицированный характер употребления не столь прозрачен (см. комментарий к стк. 30–31). Принципиально иное понимание этого слова, предложенное Б. Гронеберг, обсуждается ниже.

[54] Ср. «Любимец» у И.С. Клочкова (Klochkov 2000, 214). В то время как русские слова «любимец» или «любимый» имеют скорее пассивное значение («объект любви»), в аккадском мы имеем дело с активной, действующей сущностью («тот, кто вызывает любовь»). Ср., впрочем, возможное употребление *narāmu* «возлюбленный» вместо *irēmu* в старовавилонском заклинании из Исина (прим. 64).

[55] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 205–207. В аккадских словарях слово *irēmu* не считается связанным со староакк. *irʾemum*. Вместо этого предполагается связь *irēmu* с термином *erimmatu*, обозначающим бусину яйцеобразной формы: *irimmu* «bead(?), necklace(?)» (CAD I-J 177); *irīmu* «ein Kopf- od[er] Halsreif?» (AHw. 386); *irimmu* «bead (necklace)» (CDA 131).

[56] Вопреки Альстеру (Alster 1993, 21, n. 46), e-ru-mu в шумерской любовной песни Dumuzi-Inanna E едва ли может восходить к акк. *irēmu* (оставлено без перевода в Sefati 1998, 167: 10).

[57] George 2009, 62, no. 10: 3. Далее в этом диалоге в сходном контексте используется *râmu* «любовь»: *ašar libbi ekle*[*tim ana*]*ndin râmī* «Во тьм[у я от]дам свою любовь» (стк. 7).

[58] Lambert 1966, 50: 11 (см. также Wasserman 2016, 125).

(3) [*ar-rig*]*im šinūnūtim iggeltâm*
[*in*]*a urši-ma agrur ina mayyālim*
ittūram irē[*mum*] *ṣēriš kab*[*tatīya*]

[От кри]ка ласточки я(!) (в тексте: он) пробудился,
в спальне я заворочался на постели –
люб[овь] вернулась ко мне, (вошла) [в мое] серд[це][59].

В гимнах, посвященных богиням любви Иштар **(4)** и Нанайе **(5)**, *irēmu*, вероятно, обозначает некое присущее этим богиням качество («очарование, любовные чары»; о возможности иной интерпретации *irēmu* в этих пассажах см. ниже):

(4) *šarḫat irēmū ramû rēšušša*

Она величава, ее голова окутана очарованием
(*букв*.: на ее голове лежат любовные чары)[60].

(5) *tatbe-ma irēmam iddi kiš*[*ād*]*išša*

Она встала, и (ее отец) поместил ей на шею любовные чары[61].

Наибольший интерес в связи с комментируемыми строками из MAD 5, 8 представляет зачин старовавилонского любовного заклинания, где *erēmu* явно выступает как персонифицированная, богоподобная сущность (или как ее изображение, см. ниже), обладающая рогами и хвостом[62]:

(6) *erēmu erēmu*
qarnāšu ḫurāṣum
zibbassu(!)[63] *uqnûm ellum*
šakin ina libbim ša Ištar

Эрему, Эрему,
рога его – золото,
хвост его – чистая ляпис-лазурь.
Он лежит на сердце у Иштар[64].

Отдельно следует остановиться на интерпретации *ir²emum*/*irēmu* в работе Б. Гронеберг[65]. По ее мнению, это слово обозначает некое ювелирное украшение[66]. В пас-

---

[59] George 2009, 51, no. 8: 20–23. Впрочем, по мнению Джорджа, в этом отрывке речь идет о персонифицированной любви: «A personified *irīmum* fits the present passage perfectly and is further evidence of *irīmum* as the Babylonian Cupid» (ibid., 53).

[60] Thureau-Dangin 1925, 172: 11.

[61] VAS 10, 215: 16 (см. Streck, Wasserman 2012, 187).

[62] Примечательную параллель к этому образу мы находим в угаритском мифологическом тексте KTU 1.114: 19–21, где «черт», напугавший опьяневшего бога Илу, описывается как *bʿl qrnm w ḏnb* «обладатель рогов и хвоста» (Pardee 1988, 60–62). По мнению Сигриста и Гудник Вестенхольц, хвостатый Эрему упоминается также в YOS 11, 24 i 2: [*e-re*]-*ma*$^{!}$(ВА)-*am zi-ib-ba-su*$_2$ (Sigrist, Goodnick Westenholz 2008, 679), однако предложенное ими восстановление (принятое в Wasserman 2016, 169) нельзя считать надежным.

[63] В тексте: *zi-ba*-ZI (см. обсуждение этого места в Wasserman 2016, 253–254).

[64] YOS 11, 87: 1–4 (Wasserman 2016, 252). Сходный зачин находим в старовавилонском заклинании из Исина, где место *erēmu* занимает другой дериват глагола *râmu* «любить» – *narāmu* «возлюбленный»: *narāmum narāmum ša iškunūka Ea u Enlil* «Возлюбленный, возлюбленный! Ты, кого создали Эа и Энлиль» (Wilcke 1985, 200: 42–43). Предположительно, *narāmu* в этом заклинании также обозначает вавилонского Купидона (ср. Wasserman 2016, 263).

[65] Groneberg 2001, 110–112. Ср. также Haas 1999, 150.

[66] «...ein Schmuckstück der Gottheit, wohl in Form eines Halsbandes oder Pendants» (Groneberg 2001, 110). Таким образом, Гронеберг развивает толкование, предложенное для *irēmu* в AHw. и CAD (см. прим. 55). В отличие от авторов словарей, Гронеберг предполагает тождество между *ir²emum* и *irēmu* и возводит обе формы к *râmu* «любить». В конечном счете связанным с ними считает она и обозначение бусины *erimmatu* («zu trennen, aber... sicherlich verwandt»), что, однако, не кажется правдоподобным.

сажах **(1)**–**(3)** (из них только пассаж **(2)** был известен Гронеберг) такое понимание интересующей нас лексемы не кажется сколько-нибудь убедительным, однако в ряде случаев эта интерпретация представляется вполне оправданной. Прежде всего, следует обратить внимание на средневавилонский инвентарь ювелирных изделий из города Катна, где 1 SAG *i-re-mu* ZA.GIN$_3$ «одна голова *ирему* из ляпис-лазури»[67] упоминается как часть ожерелья (*kišādu*) из сокровищницы Нинэгаллы (как правило, эта богиня отождествлялась с Инанной-Иштар). Вполне вероятно, что *irēmu* обозначает украшение также в приведенных выше стихах из гимнов Иштар и Нанайе: «на ее голове лежат *ирему*» **(4)**; «(ее отец) поместил ей *ирему* на шею» **(5)**. Ключ к вопросу о том, какого рода ювелирное изделие скрывается за этим словом, как кажется, нужно искать в зачине YOS 11, 87 **(6)**: возможно, *erēmu* обозначает здесь не само божество, а изображающую его фигурку (в виде статуэтки, бусины или кулона?)[68], расположенную на «сердце» (т.е. на груди?) у Иштар. Можно предположить, что такие фигурки украшали статуи богинь любви (прежде всего, Иштар) в храмах Месопотамии. Не исключено, что и в начальных строках MAD 5, 8 имеется в виду статуэтка Ир'емума, расположенная на коленях статуи Иштар в ее храме в Кише (см. ниже о роли Эа и Иштар, а также комментарий к стк. 4). Возможно, зачин заклинания подразумевает двоякое истолкование: в религиозно-магическом плане речь идет о мифологическом персонаже, любимце Эа и сыне Иштар; в то же время автор заклинания имеет в виду конкретное украшение на статуе Иштар.

Иштар. – Аккадская богиня любви и войны (шум. Инанна). В стк. 3 Ир'емум назван ее сыном. Как отмечают Вестенхольцы, в греческой мифологии Эрот также иногда называется сыном богини любви Афродиты[69].

Эа. – Один из верховных богов месопотамского пантеона, бог мудрости, покровитель ремесел и магии, властитель мифического подземного океана Апсу, тождественный шумерскому богу Энки. Эа и Иштар не образуют супружеской пары, также нет мифов, в которых рассказывалось бы о плотской связи между ними. Таким образом, маловероятной представляется высказываемая некоторыми исследователями точка зрения, согласно которой Эа упоминается здесь как отец Ир'емума[70]. В мифах Древней Месопотамии Эа/Энки нередко выступает в качестве культурного героя, который, в частности, указывает нижестоящим богам их предназначение[71]. Возможно, Эа упоминается в нашем заклинании как бог, наделивший Ир'емума ролью любовного божка. С другой стороны, можно предположить, что Эа появляется здесь как бог заклинаний, чье имя должно придать тексту бóльшую магическую силу. Наконец, упоминание как Эа, так и Иштар может быть связано с тем, что в Кише, где было найдено заклинание MAD 5, 8, у них были свои храмы (вероятно, располагавшиеся поблизости друг от друга); о большой популярности этих богов в Кише свидетельствуют данные ономастики[72]. Вероятно, заклинатель называет имена тех богов, которые казались ему наиболее доступными и на чью помощь он, таким образом,

---

[67] Bottéro 1949, 156: 180. Как указал нам И.С. Архипов, в качестве ювелирного изделия *i/erēmu*, по-видимому, упоминается также в старовавилонском тексте из Мари (в поврежденном контексте): 4 *e-re-mu* KU$_3$.BABBAR «четыре серебряных *эрему*» (ARM 32, M.7748: 11', см. также Arkhipov 2012, 75).

[68] Менее вероятной представляется нам точка зрения Гронеберг, согласно которой в этом пассаже речь идет о золотом украшении в форме рога (*qarnu*), а под «хвостом» имеется в виду кончик этого рога, сделанный из ляпис-лазури (Groneberg 2001, 110, Anm. 74).

[69] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 205.

[70] См., например, Wasserman 2016, 244.

[71] В качестве примера можно указать шумерский миф «Энки и мировой порядок» (Benito 1969, 77–160; ETCSL 1.1.3).

[72] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 204–205.

рассчитывал (ср. также упоминание имени бога луны Суэна в стк. 18 и комментарий к этому месту)[73].

4. *Сидит у нее на коленях*.– Такой же перевод предлагает И.С. Клочков. Как и он, мы следуем наиболее популярному среди переводчиков MAD 5, 8 чтению этой строки, восходящему к работе Вестенхольцев: *in* sa_3-qi_3-[*sa u-ša-a*]*b*[74]. В рамках этого чтения следующее за предлогом *in* «в, на» слово понимается как анатомический термин *sāqu* (см. ниже), а в конце строки восстанавливается форма глагола *wašābu* «сидеть».

Колени.– Буквальное значение употребленного в оригинале слова *sāqu* – «бедро». Это значение надежно установлено благодаря недавно ставшему известным отрывку из лексического списка Ugu-mu, где аккадское слово соответствует шум. ĝiri$_3$-gid$_2$-da, букв. «длинная нога», и упоминается между tugul = *gilšu* «таз, тазобедренная кость» и UŠ-da = *kimṣu* «голень»[75].

Альтернативная трактовка представлена в переводах Гельба, Дьяконова и Гронеберг, которые видят здесь заимствованное из шумерского языка слово *sāgu* «святилище»[76]. Эта интерпретация малоубедительна. В частности, при таком чтении трудно объяснить употребление знака GI (= /ge/, /ke/, /qe/) для записи второго слога интересующей нас словоформы (вместо ожидаемого в этом контексте KI = /gi/, /ki/, /qi/). Напротив, в рамках толкования Вестенхольцев такая орфография вполне оправданна, так как речь идет о двойственном числе лексемы, обозначающей часть тела: *in sāqē*[*ša*] «на [ее] коленях (букв. бедрах)» (см. лингвистическое введение). Кроме того, как отмечалось уже у Вестенхольцев[77], примечательная параллель к образу Эрота, сидящего на коленях у Иштар, обнаруживается в старовавилонском любовном заклинании YOS 11, 87, где божок Эрему описывается как находящийся «на сердце у Иштар» (*šakin ina libbim ša Ištar*, см. выше).

Данный пассаж является одним из древнейших и наиболее примечательных свидетельств об образе «сидения на коленях» («the lap metaphor»), в целом довольно нетипичном для древнеближневосточной традиции. В шумерских текстах см., например, ^{d}nin-ḫur-saĝ-ra du$_{10}$ zi-da-na mu-ni-tuš «Она (Инанна) посадила его (Эанатума) на надежные колени (богини) Нинхурсанг»[78]. Аккадские свидетельства см. в CAD S 388 (*sūnu* «лоно», значение c) и B 256 (*birku* «колено», значения 2a и 2b). Немногочисленные иконографические свидетельства рассматриваются в работах Т. Орнан (жена или возлюбленная на коленях у мужчины) и А. Отто (ребенок на коленях у матери, няни или кормилицы)[79].

---

[73] Ср. более осторожное высказывание в работе Вестенхольцев: «Thus, with exception of Išḫara, all the gods mentioned in our text would seem to have had official cults at Kish. The relevance of this fact for a magical spell like ours is difficult to assess» (Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 205).

[74] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 201. Ср. Lambert 1987, 37: «Why not restore *sà-qì*-[*su/ki*]?» Ср. перевод «auf [ihrem] Schenkel» в Wilcke 1991, 280 (так же Neumann 2008, 10).

[75] Couto Ferreira 2009, 67 x 19'–24' (см. также комментарий на с. 320). Сходным образом в гадательном тексте Šumma izbu XIV 3–4 *sāqu* упоминается между *kurītu* «голень» и *naglabu* «лопатка (о животном)» (De Zorzi 2014, 700–701, см. также комментарий на с. 717). Ср. также слово *sīqu* «бедро; лоно», которое, по всей видимости, представляет собой диалектный вариант интересующей нас лексемы (см. уже Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 207). Этот вариант известен практически исключительно по ассирийским текстам. Единственное исключение составляет пассаж из младовавилонской версии Эпоса о Гильгамеше (George 2003, 626: 143, см. также комментарий на с. 841).

[76] «Ir'emum, the son of Innin, enters? into the sanctuary? (*in za-gi*-[*im*? *e*?-*ra*?-*a*]*b*)» (Gelb 1970, 8); «*обит*ает в ее *святыне*» (Diakonoff 1981, 196); «*ir'emu* "Schatz" der Inanna, erfr[eut] in [ihrem?] Heiligtum (*in sà-gi*-[*śa ú-ṭa*]-*ab*)» (Groneberg 2001, 103).

[77] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 207.

[78] Frayne 2008, 129 iv 24–26 (надпись старошумерского царя Эанатума).

[79] Ornan 2010; Otto 2016, 129–131.

5. *Благовонная смола*. – Букв.: «смола (дерева) *канакту*» (*ru-*⌜*uḫ*$_2$⌝*-t*[*i ka*$_3$*-na*]*-ak-tim*, см. это сочетание также в стк. 10). Ботаническое отождествление дерева *kanaktu* остается предметом дискуссии. В клинописных источниках упоминается, главным образом, его смола, которая использовалась для изготовления благовоний, а также в медицинских и магических целях. Это дерево не произрастало в Древней Месопотамии, его смолу и древесину завозили извне. Отметим, что акк. *kanaktu* известно уже по двуязычному вокабулярию из Эблы (XXIV в. до н.э.)[80], а во II тыс. до н.э. упоминается также в текстах с периферии Месопотамии[81]. Таким образом, это дерево (или, по крайней мере, его смола) было хорошо известно на древнем Ближнем Востоке.

P.K. Томпсон с осторожностью относит *kanaktu* к деревьям рода Босвеллия, распространенным, прежде всего, на территории Сомали, Аравии и Индии (соответственно, в рамках гипотезы Томпсона смола *kanaktu* – это ладан)[82]. Против такого отождествления выступают авторы CAD[83], которые указывают на то, что, судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, дерево *kanaktu* росло в гористой местности и могло приспособиться к климату Ассирии (собственного отождествления в CAD не предлагается). Учитывая эти доводы, В.В. Мюллер полагает, что *kanaktu*, вероятно, обозначает травянистое растение опопанакс, а также добываемый из него сок[84]. На наш взгляд, приведенные в CAD аргументы недостаточны для того, чтобы отвергнуть отождествление, предложенное Томпсоном. Тот факт, что *kanaktu* растет в горах[85], не противоречит этой гипотезе: Boswellia sacra, основной источник ладана в древности, может расти на возвышенностях[86]. Что касается способности дерева *kanaktu* акклиматизироваться к природным условиям Ассирии, авторы CAD основывают свое суждение исключительно на отрывке из царской надписи Ашшурнацирапала II, в котором повествуется об устройстве этим царем сада с экзотическими растениями (*kanaktu* называется здесь среди множества других диковинных для Ассирии деревьев)[87]. Однако единичное упоминание о попытке вырастить дерево *kanaktu* в саду, специально предназначенном для редких деревьев, не может служить достаточным основанием для того, чтобы утверждать, что это дерево могло приспособиться к ассирийскому климату. Важно отметить, что пассаж из царской надписи Ашшурнацирапала не благоприятствует упомянутой выше гипотезе Мюллера: трудно себе представить, чтобы непримечательное травянистое растение стояло в этой

---

[80] ĝeš-šim = *ka*$_3$*-na-ka*$_3$*-tum* (VE 464, см. Krebernik 1983, 17). Обычное шумерское соответствие акк. *kanaktu* – ^{ĝeš}šim-gig, букв. «больной(?) аромат».

[81] В текстах из Нузи и в списке подарков хурритского царя Тушратты фараону (EA 22 iii 32). С аккадским *kanaktu*, вероятно, следует связывать хурритское *ganaki-* (Richter 2012, 183–184; направление заимствования остается неясным).

[82] Thompson 1949, 344–347.

[83] CAD K 136.

[84] Müller 1978, 742. Предположительно, Мюллер имеет в виду произрастающий на территории Сирии, Ирака и Ирана Opopanax hispidum Griseb. По мнению Стола, в аккадском языке опопанакс, возможно, обозначался словом *ṭurû* (Stol 1979, 71–74). Отметим, что в настоящее время под опопанаксом, как правило, понимают смолу некоторых растений рода Коммифора (о трудностях, связанных с истолкованием термина «опопанакс» в памятниках классической древности и в современном мире, см. ibid., 58–66).

[85] Это утверждение основано на пассаже из литературного произведения («Письмо Гильгамеша»), в котором говорится о кобылах, чья масть подобна «облику (*panu*) горного *канакту* (*kanakti šadî*)» (Gurney 1957, 128: 16). Ср. также приведенный ниже пассаж из надписи Ашшурнацирапала II.

[86] Таких, например, как невысокое Дофарское нагорье – один из важнейших источников ладана и в древности, и в наши дни (Miller, Morris 1988, 78–81).

[87] Grayson 1991, 290: 36–52. Список растений предваряют следующие слова: *ina šadânī ša attallaku u ḫuršānī ša ētattiqu iṣṣū zērānī ša ātammaru* «Деревья, (несущие) плоды (букв. семена), которые я разыскивал, когда проходил через горы и перебирался через скалы» (стк. 40–41).

надписи в одном ряду с такими экзотическими для Месопотамии деревьями, как кедр, кипарис, эбеновое дерево и др.

И.М. Дьяконов переводит *kanaktu* как «мастикс». В примечании к переводу он уточняет, что речь идет о «мастиковом дереве (аккадское *kanaktum*, лат. Pistacia lentiscus или mutica) – небольшом деревце, кора которого непрерывно выделяет капли прозрачной ароматической смолы – мастикса; их обламывают и употребляют для магии, а также как ароматическое вещество и как род лака»[88]. К сожалению, Дьяконов никак не аргументирует предложенное им отождествление[89]. Насколько нам известно, никаких прямых свидетельств в его пользу не существует. Против него можно привести наблюдение М. Стола, согласно которому мастикс стал широко распространен на Ближнем Востоке и в Средиземноморье не ранее III в. до н.э.[90]

Можно заключить, что наиболее вероятной по-прежнему остается гипотеза Томпсона, хотя и она не может быть признана убедительно доказанной. Во всяком случае, категорический отказ от нее в специальной работе М. Юрсы («ausgeschlossen»)[91] представляется неаргументированным и гиперкритичным.

Аромату смолы дерева *kanaktu*, по-видимому, приписывали свойства афродизиака[92]. Об этом свидетельствует следующий пассаж из старовавилонской любовной песни: *ša*$_3$ *ka-na-ka-ti mu-ni-i ba-lu-ku-um*$^{!}$ «Моя постель, (благоухающая ароматом?) смол *канакту*, (изготовлена из?) дерева *баллукку*»[93].

Смола. – Лексема *rūʾtu* обычно употребляется в значении «слюна, слизь», ее использование в отношении древесной смолы или сока растений является исключением. Помимо нашего текста, в CAD R 437 приводятся лишь два подобных пассажа: *ḫišiḫti ēkallim qanî u* ^{giš}*ru-uḫ-tam ukāl* «Я слежу за нуждами дворца в тростнике и в древесной смоле»[94]; 12 *šammī annûti rūssunu itti karāni taballal* «Тебе следует смешать сок этих двенадцати растений с вином»[95]. Об употреблении слова *rūʾtu* в MAD 5, 8 см. также ниже комментарий к стк. 12.

6. Глагольная форма *u*$_2$*-ta*$_2$*-ra* остается наименее понятным элементом во всем заклинании. Отсутствие убедительного морфологического анализа этой формы препятствует не только пониманию ее смысла, но и однозначному определению ее места в структуре текста. Ниже мы подробно опишем предлагавшиеся ранее интерпретации, а затем предложим еще одно возможное толкование. Известные нам трактовки можно разделить на три группы.

(1) Субъектом глагольной формы является *irʾemum*[96]. Таким образом, она завершает стих, начатый в стк. 5 (*in rūġti kanaktim* «в смоле (дерева) *канакту*»), и составляет параллель с [*u-ša-a*]*b* «он сидит». Достоинством этой интерпретации является четко выстроенная параллелистическая структура стихов 4 и 5–6: предлог

---

[88] Diakonoff 1981, 311.

[89] Которое мы находим также в Diakonoff, Starostin 1986, 56. См. также Klochkov 2000, 384.

[90] Stol 1979, 55–57.

[91] Jursa 2009, 161, Anm. 68.

[92] Haas 1999, 149–150.

[93] Goodnick Westenholz 1987, 422 i 8'. Ср. перевод Гудник Вестенхольц: «my bed of incense is *ballukku*-perfumed» (ibid., 423; сходным образом это место понято в Wasserman 2016, 151: «Of incense is my bed, (smelling of) *ballukku*-plant»). Как отмечает Гудник Вестенхольц, благоухающее ароматическими веществами любовное ложе упоминается также в Книге Притч (7: 16–17).

[94] FM 2, 67: 9–10.

[95] BAM 42: 53 // AMT 55/3: 4.

[96] «By the spume of the ŠIM.GIG (incense)-tree he drives? ...» (Gelb 1970, 8); «К капле мастиксова древа он *шлет вас*, две прекрасные девы» (Diakonoff 1981, 196); «Он шлет вас, две девы, цветущие, благие» (Klochkov 2000, 214); «vom Harz des Weihrauchbaumes ist er geleitet» (Groneberg 2001, 104); «turning here through the sap of the incense-tree» (Wasserman 2016, 243).

in – обстоятельство – глагол. В рамках этого толкования интересующий нас глагол по-разному трактуется исследователями.

Гельб с осторожностью читает u_2-DA-*ra* как *udarra*ʔ и переводит «he drives»[97]. Остается неясным, с каким именно аккадским (или семитским) глагольным корнем Гельб отождествляет форму *udarra*ʔ.

По мнению Вассермана, речь идет о форме породы D глагола *târu* «возвращаться, поворачиваться»: «turning here». Такая трактовка неприемлема с точки зрения морфологии, так как необъясненным остается окончание *-a* (вопреки Вассерману, считать его показателем вентива с утратой мимации решительно невозможно)[98]. С точки зрения семантики употребление породы D для непереходного значения также не выглядит оправданным.

Наконец, Гронеберг понимает u_2-ta_2-*ra* как «он ведом». Гронеберг обосновывает свою интерпретацию ссылкой на перевод Вильке («Ich werde... geleitet»), при этом она приписывает Вильке толкование u_2-ta_2-*ra* как формы породы D глагола *târu*[99]. В действительности, Вильке не дает этой форме какой-либо морфологической трактовки. Едва ли он выводит значение «вести» из обычного для *turru* значения «возвращать, поворачивать». Более вероятным представляется, что Вильке видит здесь форму породы Dt глагола *warû* «вести» (см. ниже).

В целом, представление о том, что за u_2-ta_2-*ra* стоит форма презенса, имеющая своим субъектом Ир'емума и описывающая то или иное его состояние (положение, действие) на коленях у Иштар, кажется сравнительно перспективным направлением интерпретации, хотя убедительного лексического источника для подобной формы в свете наших сегодняшних знаний об аккадском словаре предложить не удается.

(2) Субъектом является заклинатель, т.е. речь идет о форме 1 л. ед. ч. Так понимает это место Вильке. Как и в случае с интерпретацией **(1)**, u_2-ta_2-*ra* оканчивает предложение, начатое в стк. 5: «Ich werde durch Weihrauch-Speichel geleitet»[100]. Как было отмечено выше, за переводом Вильке, вероятно, стоит форма породы Dt от *warû* «вести» (*ūtarra*). Против этой интерпретации говорит тот факт, что глагол *warû* не употребляется в удвоенных породах.

Крайне маловероятен перевод Хааса («Mit dem Harz des Weihrauchbaumes wende ich das geliebte Mädchen (zu mir)»)[101], в рамках которого интересующая нас глагольная форма, очевидно, производится от *turru* «возвращать, поворачивать» (*utarra*(*m*) «я поверну к себе», с утратой мимации), а *wa-a*[*r-d*]*a-ta*$_2$ *da-mi*$_3$*-iq-ta*$_2$ (стк. 6–7) понимается как аккузатив ед. ч. («прекрасную деву», также с утратой мимации).

(3) Референтами глагольной формы являются «две прекрасные девы». Эта линия интерпретации практически не оставляет возможности для грамматически корректного анализа формы: из-за отсутствия показателей женского рода она не может быть понята ни как личная форма префиксального спряжения, ни как статив[102]. По-

---

[97] Очевидно, на этот перевод опираются Дьяконов и Клочков («он шлет»).

[98] Wasserman 2016, 244. Замечание Вассермана «note the lack of mimation also in ll. 6 and 13» не выдерживает критики: в обоих приведенных им случаях речь идет о морфологически обоснованной утрате мимации/нунации, что к форме u_2-ta_2-*ra* никак не применимо.

[99] Groneberg 2001, 104, Anm. 41.

[100] Wilcke 1991, 280 (практически то же в Neumann 2008, 10). На перевод Вильке, очевидно, опирается Фостер: «I am guided by(?) the sapflow of the incense-tree» (Foster 2005, 66).

[101] Haas 1999, 150.

[102] Так, крайне неубедительной следует считать интерпретацию Лэмберта, который видел в u_2-ta_2-*ra* форму 3 л. дв. ч. презенса от глагола *watārum*: «With *kanaktu*-gum they excelled» (Lambert 1992, 53). Во-первых, как отмечает сам Лэмберт, для этого глагола ожидается спряжение по неактивному типу (**yittirā*). Во-вторых, форма 3 л. с трудом совместима с последующим вокативом и связанными с ним тремя глагольными формами 2 л. дв. ч. (*tuḫtannamā* «вы цветете (?)», *turdā* «вы спустились», *tibtatqā* «вы срезали»; впрочем, сам Лэмберт не распознал звательную природу последующих строк и определял все оканчивающиеся на *-ā* формы как 3 л. дв. ч.– с необъяснимым варьированием *t-*/(*y*)- в префиксе). Впоследствии Лэмберт отказался от этой интерпретации: «With the sap of the ...-tree the (two)...» (Lambert 2013, 31).

тенциально речь могла бы идти о еще одном существительном или прилагательном в вокативе[103], однако даже эта возможность остается скорее теоретической из-за отсутствия суффиксального показателя женского рода.

Грамматически форма u_2-DA-*ra* может быть также истолкована как 3 л. дв. ч. некоего глагола в породе D[104]: (*y*)*u*-...-*ā*[105]. При такой интерпретации двумя субъектами u_2-DA-*ra* могли бы быть боги Эа и Иштар, а саму глагольную форму следовало бы понимать как презенс породы D от *târu* «оборачиваться, возвращаться»[106]: (*y*)*utarrā* «они двое (по)вернут (его)» (с эллипсисом объекта). Как и в случае с трактовками **(1)** и **(2)**, глагол должен составлять один стих со словами *in rūġti kanaktim* (стк. 5). Таким образом, приходится допустить, что граница между этим стихом и следующим пролегает посередине 6-й строки. Других примеров подобного рода в MAD 5, 8, по-видимому, нет, однако в свете того, что стихотворная строка в этом заклинании в значительном числе случаев не совпадает со строкой на табличке (один стих нередко занимает две строки), это обстоятельство едва ли можно считать серьезным препятствием для предлагаемой интерпретации. Трудно, однако, объяснить, в чем мог бы заключаться смысл слов: «(Эа и Иштар) “вернут” (Ир’емума) в смоле/из смолы (дерева) *канактту*». С осторожностью можно предположить, что *turru* используется здесь в значении «брать в плен»[107]. В таком случае речь могла бы идти о том, что Ир’емум, бог, персонифицирующий любовь, изначально был сокрыт от людей и заключен двумя богами в смоле дерева *kanaktu* (о смоле этого дерева как об афродизиаке см. комментарий к стк. 5). Впоследствии он был освобожден «двумя прекрасными девами» (возможно, дочерьми бога Ану, см. ниже), которые, таким образом, играют в заклинании роль культурных героев, подаривших людям любовь[108]. Эта интерпретация, однако, также не свободна от трудностей, как грамматического[109], так и структурно-стилистического характера[110].

О две прекрасные девы! – О вокативном значении форм *wardatā damiqtā* см. лингвистическое введение. Именно так понимает эти формы большинство исследователей начиная с Вестенхольцев[111].

Кем являются «две прекрасные девы», к которым обращается заклинатель? Согласно проницательному наблюдению Вестенхольцев[112], речь может идти о ранней и архаичной манифестации мотива обращения к «дочерям Ану» или «дочерям Эа»

---

[103] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 207: «Since the following words are taken to be dual vocative forms... *ú-da-ra* may be one too».

[104] Возможность такого истолкования упоминает и отвергает в своем комментарии Вассерман (Wasserman 2016, 244).

[105] Написание с U_2 вместо ожидаемого U не является здесь серьезным препятствием (о нестабильной орфографии начального **y* в этом памятнике см. лингвистическое введение).

[106] Теоретически речь могла бы также идти о породе D глагола *watāru*: (*y*)*uttarā* «они увеличат» (см. Wasserman 2016, 244).

[107] CAD T 269b, *târu* 9d; AHw. 1335b, *târu* 19.

[108] Ср. зачин старовавилонского любовного заклинания, где действия дочерей бога неба Ану служат причиной появления на свете любви: [*mār*]*āt Anim nipiḫ šamê* [*kī*]*am*(?) *ullilā-ma šamê ša Anim ibašši râmum eli nišī iḫappup* «Дочери Ану, светочи неба, [та]к(?) отчистили небо Ану, (что) появилась любовь и стала ласкаться к людям» (George 2009, 69, no. 11: 2–5).

[109] Значение «брать в плен» для *turru* очевидно является частным (и довольно редким) развитием более общего значения «забирать с собой, уводить к себе» (см. обоснованный перевод «to bring back, to bring in as booty» у авторов CAD). Таким образом, *turru in*(*a*) лишь с трудом может пониматься как «пленить *где-то*, *в чем-то*»: гораздо более естественным пониманием было бы «взять в плен *откуда-то*», которое в случае с данной строкой явно неприменимо. Немотивированным выглядит также употребление глагольной формы презенса: если речь идет о законченном действии, имевшем место прежде, ожидался бы претерит.

[110] Так, довольно неожиданным выглядит предполагаемый выше эллипсис прямого объекта.

[111] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 203, 207.

[112] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 211.

как к помощницам заклинателя[113]. На той же странице авторы выдвигают альтернативную гипотезу: «две прекрасные девы» – это Иштар и Ишхара, упомянутые в заключительной части заклинания[114]. Вильке предполагает, что имеются в виду Иштар и возлюбленная (не кажется вероятным)[115].

7. *Вы цветете...* – Отождествление формы *tu-uḫ*$_2$*-ta*$_2$*-na-ma* как формы презенса[116] Dt[117] от глагола *ḫanāmu* с предположительным значением «цвести»[118] было впервые предложено В. фон Зоденом[119]. Такое отождествление довольно хорошо ложится в контекст других – пусть и немногочисленных – засвидетельствованных форм этого глагола[120]. Как отмечается у Вестенхольцев[121], в связи с комментируемой строкой интерес представляет инципит любовной песни в каталоге KAR 158, где также упоминаются две прекрасные девы: *ḫannāmātum-ma šittā damqātu* «цветущие две прекрасные (девы)»[122].

11. *Срезали...* – Об этой глагольной форме см. прим. 148 ниже. Вопреки Arkhipov, Loesov 2020, 38–39, мы полагаем, что *ti-ib-ta*$_2$*-at-qa*$_2$ (*tibtatqā*) представляет собой

---

[113] Об этом мотиве см. специальное исследование Farber 1990.

[114] Так же Cunningham 1997, 60.

[115] Wilcke 1991, 281.

[116] Ср. перевод Лэмберта, по мнению которого презенс употребляется здесь в плане прошедшего времени: «The (two) charming young ladies were flourishing» (Lambert 2013, 31, о возможности такого употребления презенса в литературных текстах см., например, Cohen 2006, 31–68, со ссылками на дальнейшую литературу). С другой стороны, едва ли убедителен перевод настоящим временем формы претерита *tu-ur*$_4$*-da* в Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 203 и Groneberg 2001, 104.

[117] Как отмечают И.С. Архипов и С.В. Лёзов, неожиданным кажется употребление породы Dt для описания стативной/непредельной ситуации (Arkhipov, Loesov 2020, 48). Неясно, каким образом эту форму можно отождествить с породой Dtn (так Kouwenberg 2010, 423).

[118] Заслуживает внимания вопрос об этимологии глагола *ḫanāmu*. Единого подхода к этой проблеме нет. С одной стороны, можно допустить сопоставление с арабским *ġunum-* «increase, growth, excess in value» (Lane 2301). В этом случае *ḫanāmu* относится к хорошо известной категории аккадских лексем с *ḫ*-рефлексацией прасемитской фонемы **ġ* (Kogan 2001, 269–275). С другой стороны, можно считать *ḫanāmu* вариантом для более частотного *ḫanābu* «расти изобильно» с ассимиляцией по назальности. Тогда вероятной параллелью можно считать угаритское существительное *ġnb* «grapes» (DUL 318), опять-таки с **ġ* в прототипе (Kogan 2012, 256). В пользу этого отождествления говорит очень близкий спектр значений, отмечаемый у этих двух глаголов («быть обильным, густо расти (о волосах или растительности» и «быть цветущим, сияющим»). Различие в типовом гласном (*i/i* у *ḫanāmu* vs. *u/u* у *ḫanābu*) не кажется серьезным препятствием для этой гипотезы (о колебаниях между этими двумя классами см., например, Kouwenberg 2010, 78). Категорический отказ от возможной связи между *ḫanāmu* и *ḫanābu* у фон Зодена (von Soden 1938, 37: «nichts zu tun hat») представляется гиперкритичным.

[119] В устном сообщении Вестенхольцам (см. Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 207). Теоретически последовательность *tu-uḫ*$_2$*-ta*$_2$*-na-ma* могла бы члениться на *tu-uḫ*$_2$*-ta*$_2$*-na* + соединительный союз *-ma*, однако убедительной интерпретации для гипотетической глагольной формы *tuḫtannā*(?) предложить не удается (нам остается неясным, на каком чтении основан набранный курсивом перевод Дьяконова «и в ответ»). Более того, в свете приведенных ниже параллелей на употребление глагола *ḫanāmu* в гимнах богиням любви Иштар и Нанайе, а также прилагательного *ḫannāmu* в каталоге любовных песен KAR 158, такая гипотеза не представляется перспективной.

[120] *simtiššа iḫannimā ṣīḫātum* «На ее чертах цветет смех» (Thureau-Dangin 1925, 172: 10); [*uḫ*]*tannamū elušša* / [*na*]*nnābu*(?) *mašraḫū duššupu kuzbu* «Цветут на ней / побеги(?), жизненная сила, сладостная привлекательность» (VAS 10, 215: 5–6, см. Streck, Wasserman 2012, 187). Дополнительный пример, не отраженный в словарях, см. в староассирийском заклинании: GI-*mi*$_3$ GI / GI *bu-uk-ru* / *a-pi*$_3$*-im ša-ap*^{l}*-li-iš* / *er-ṣa-tum u*$_2$*-ra-su*$_2$ / *e-li-iš* / *ša*^{l}*-ra-ta-šu i-ḫa-ni-*⌜*ma*⌝[?] «Тростник! Тростник! Тростник, первенец тростниковой рощи! Внизу земля – место, куда он спустился[?], наверху волосы его растут пышно» (Hecker 1996, 20, kt a/k 320: 1–7).

[121] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 212.

[122] KAR 158 ii 17', цит. по Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 212. Ср. Wasserman 2016, 207, где знак MIN понят не как *šittā* «две», а как повтор словоформы *ḫannāmātu* «цветущие»: «So luxuriant are they, so luxuriant are they – the beautiful (women)» (ibid., 216).

форму перфекта[123]. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен нами в отдельном исследовании.

12. *Овладел я...*– Согласно справедливому замечанию Гронеберг[124], форма *a-ḫu-uz*$_7$ здесь и далее (стк. 13, 15, 32) имеет перформативное значение: заклинатель «овладевает» женщиной благодаря самому факту произнесения заклинания.

Интересно отметить употребление глагола *aḫāzu* в его прямом (этимологическом) значении «хватать, захватывать, овладевать». В последующие эпохи этот глагол, как правило, используется только в переносных значениях (прежде всего, «взять в жены»)[125]. В позднейшей заклинательной традиции в контекстах, подобных нашему, употребляется глагол *ṣabātu* «хватать»[126].

...твоим ртом, полным слюною! – Принятое у Вестенхольцев в понимание *ru-qa*$_2$*-tim* как субстантивированной формы ж.р. мн. ч. от прилагательного *rūqu* «далекий» («your mouth, so far away») следует считать устаревшим[127], прежде всего в свете параллели из старовавилонского любовного заклинания, где на месте *ru-qa*$_2$*-tim* в MAD 5, 8 (= *rūġātim*, см. лингвистическое введение) мы находим *ru-ḫa-tim* (*rūʾātim*, форма мн. ч. слова *rūʾtu* «слюна»):

uktassika ina pīya ša šārātim
ina ūrīya ša šīnātim
ina pīya ša rūʾātim
ina ūrīya ša šīnātim

Я связала тебя своим волосатым «ртом»,
Своим лоном, (полным) влаги (*букв*. мочи),
Своим «ртом», (полным) слюною,
Своим лоном, (полным) влаги[128].

Поскольку «волосатый рот» в этом заклинании – очевидный эвфемизм для женских гениталий[129], нетрудно заключить, что «рот, (полный) слюны» следует понимать в том же смысле[130]. В таком случае «слюна», по всей видимости, обозначает влага-

---

[123] Эта трактовка общепринята среди переводчиков MAD 5, 8 (см., например, Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 208). Ср.: «Since a PERFECT form can hardly appear within the "narrative" part of an incantation, *ti-ib-tá-at-qá* must be a middle voice Gt usage, 'you cut (for yourselves)'» (Arkhipov, Loesov 2020, 39).

[124] Groneberg 2001, 104, так же Wasserman 2016, 245.

[125] Westbrook 1988, 10–16. Очевидно, речь в данном случае должна идти о лексической специфике всего саргоновского диалекта, а не одного лишь MAD 5, 8: многочисленные примеры более или менее буквального употребления *aḫāzu* «брать» засвидетельствованы в различных саргоновских документах (см. Hasselbach 2005, 263; Kogan, Markina 2019, 295). Поскольку *leqû* и *ṣabātu* тоже хорошо отражены в этом корпусе, природу семантических оппозиций между ними еще предстоит прояснить. Как указал нам И.С. Архипов, в прямом значении *aḫāzu* нередко употребляется также в ранних формах старовавилонского диалекта (см., в частности, пассажи в CAD A$_1$ 175a).

[126] См. пассажи, собранные в CAD Ṣ 21a, *ṣabātu* 4c.

[127] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 203. Впервые уже у Гельба: «thy mouth of far-away» (Gelb 1970, 9). Из других переводов см., например: «dein Mund der Unnahbarkeit» (von Soden 1972, 273); «недоступные губы» (Diakonoff 1981, 196; ср. букв. перевод «рот отдаленности», ibid., 312).

[128] Wilcke 1985, 198: 16–19, см. также Wasserman 2016, 256–257.

[129] Wilcke 1985, 206. Не понято Лэмбертом: «Though a man's facial hair may result in a hairy mouth, the woman speaks these words!» (Lambert 1987, 38). Трактовка, предложенная самим Лэмбертом (*ša-ra-a-tim* понимается им как форма мн. ч. от *šāru* «ветер»), крайне малоубедительна.

[130] О возможных примерах использования евр. *pā* «рот» в значении «женские гениталии» см. Schorch 2000, 185–186; Paul 2002, 496–497; Fox 2009, 873. Наиболее явные примеры содержатся в раввинистической литературе. В Ветхом Завете см., прежде всего, следующий стих из Книги Притч: «Вот каков путь прелюбодейной жены: поест она, вытрет свой рот и скажет: "Ничего дурного я не сделала"» (30: 20; о глаголе *ʾakāl* «есть» в смысле «совокупляться» см. Schorch 2000, 88–89; Paul 2002, 495–496; Fox 2009, 873). Ш. Пол определяет такое употребление евр. *pā* как эвфемистическое, однако в строгом смысле термин «эвфемизм» применим

лищную жидкость[131]. Интересен вопрос о том, можно ли распространять такое прочтение на рассматриваемое нами староаккадское заклинание, как это делает Хаас[132]. Как кажется, в MAD 5, 8 мы имеем дело с намеренной двусмысленностью. С одной стороны, непосредственное соседство со «зрачками глаз» (стк. 13–14) говорит в пользу прямого истолкования («рот, (полный) слюны»). С другой стороны, несомненный параллелизм между *pa*$_2$*-ki ša ru-qa*$_2$*-tim* «твой рот, (полный) слюны» и *ur*$_4$*-ki ša ši-na-tim* «твое лоно, (полное) влаги (букв.: мочи)» (стк. 15–16, см. комментарий ниже), который наблюдается также в приведенном выше отрывке из старовавилонского заклинания, дает основание трактовать *pa*$_2$*-ki ša ru-qa*$_2$*-tim* в метафорическом ключе. Ср., кроме того, сочетание *pa*$_2$*-ki ša da-di*$_3$ «твой рот, (полный) страсти» в стк. 32, которое также может быть понято как метафорическое описание женских гениталий (см. комментарий к этому месту).

Едва ли случайно, что слово *rūʾtu* используется в MAD 5, 8 как для благовонной смолы (стк. 5, 10), так и для слюны (или влагалищной жидкости) женщины. Если смола дерева *kanaktu* упоминается в заклинании как афродизиак (см. комментарий к стк. 5), можно предположить ассоциацию между отрывком, повествующим о добыче смолы двумя девами, и следующим за ним описанием возбуждения, которое должно охватить героиню заклинания. Речь идет о своего рода симпатической магии: «слюна» дерева *kanaktu* вызывает появление «слюны» во влагалище героини.

13. *Зрачки*. – В форме *bu-ra-ma-ti* исследователи склонны видеть (прямо или имплицитно) адъективное определение к *e-ne*$_2$*-ki* «твои глаза» (стк. 14)[133]. Отклонения от этого направления мысли см. лишь у Гронеберг[134] и Нойманна[135], а также в комментарии Вестенхольцев[136]. В действительности, за формой *bu-ra-ma-ti*, скорее всего, стоит множественное число от существительного **burāmu* (или **burāmtu*), родственного *burmu* «радужная оболочка глаза».

Как показано Л.Е. Коганом[137], последовательность *a-ḫu-uz*$_7$ *bu-ra-ma-ti e-ne*$_2$*-ki* находит точную параллель в Ветхом Завете: *ʾaḥaztā šəmūrōt ʿēnāy* «Ты овладел зрачками моих глаз» (Пс 76/77:5, о Боге).

только к пассажам из раввинистической литературы, где слово «рот», очевидно, используется для того, чтобы избежать прямого упоминания анатомического термина. Как справедливо замечает Ш. Шорх, в случае с Книгой Притч (и, добавим, интересующими нас двумя отрывками из аккадских заклинаний) мы скорее имеем дело с довольно откровенной эротической метафорой (см. также замечания М.В. Фокса). В рамках аккадского корпуса ср., кроме того, недавно опубликованное староассирийское заклинание для облегчения родов, где слово *pû* «рот» также несомненно употреблено в отношении женских гениталий, однако не в эротическом, а в физиологическом контексте: *arḫiš tāri arḫiš tullad arḫiš illukū / māʾū ip-pīša* «Быстро забеременела, быстро родит! Быстро выйдут воды из ее “рта”!» (Michel 2004, 396, kt 90/k, 178: 1–5; см. Kogan, Koslova 2006, 594). Ср. также уподобление рта женским гениталиям в шумерском литературном тексте: ka-zu-gin$_7$ gal$_4$-la-zu-gin$_7$ «твой рот (таков же), как твоя вагина» (Alster 1991–1992, 10: 3, женская перебранка; см. также Wasserman 2016, 39, fn. 142).

[131] Ср. употребление евр. *rōq* «слюна» для обозначения мужского семени в раввинистической литературе (Paul 2002, 496–497).

[132] «Der “Speichelmund” gewiß eine Metapher für die Scham ist» (Haas 1999, 150).

[133] См. Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 203 («your dazzling eyes»); Wilcke 1991, 280 («deine bunten Augen»); Haas 1999, 150 («deine buntglänzenden Augen»); Foster 2005, 66 («your lustrous eyes»); Wasserman 2016, 243 («your shining eyes»). Комментарий Вассермана выдает полное непонимание словообразовательных и синтаксических аспектов этого отрывка: «Note the lack of mimation. It is hard to explain why the text chooses here adj. pl. f., not the adj. du.» (ibid., 245).

[134] Groneberg 2001, 104: «das Buntgescheckte deiner Augen».

[135] Neumann 2008, 10: «das Vielfarbige deiner Augen».

[136] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 208: «Literally “the multicolored things of your eyes”, meaning “your multicolored eyes”».

[137] Kogan 2015b, 100–101.

15–16. *Влажное лоно.* – Сочетание *ur*$_4$*-ki ša ši-na-tim*, букв. «твое$_{\text{ж.р.}}$ лоно мочи»[138], по-разному понимается исследователями. О. Вестенхольц полагает, что речь идет о пахнущих мочой гениталиях героини заклинания. По его мнению, этот отрицательный образ призван умерить заносчивость девушки, напомнив ей о ее отталкивающих чертах[139]. Толкование Вестенхольца, встретившее обоснованную критику со стороны Лэмберта[140], теряет всякую убедительность в свете приведенной выше параллели из старовавилонского заклинания, в котором от лица героини говорится, что она связала себя с возлюбленным посредством своего «лона мочи». Большинство переводчиков понимают это сочетание в смысле «твое лоно, (место) мочи»[141]. Речь, таким образом, должна идти о своеобразном – поэтически избыточном – описании женского лона как места, где содержится моча. В контексте любовного заклинания эта физиологическая трактовка едва ли вероятна. На наш взгляд, верное истолкование предложено в переводе Фостера, по мнению которого как в MAD 5, 8, так и в старовавилонском заклинании из Исина *šīnātu* обозначает влагалищную жидкость[142]. Эта интерпретация хорошо укладывается в контекст заклинания из Исина. Как было отмечено выше, практически не вызывает сомнений, что сочетание *pī rū*$^{\text{?}}$*ātim*, букв. «рот слюны», в этом тексте представляет собой поэтическое описание женского лона, при этом *rū*$^{\text{?}}$*tu*, по всей видимости, обозначает влагалищную жидкость. Таким образом, в рамках принятой нами трактовки слова *rū*$^{\text{?}}$*tu* и *šīnātu*, занимающие в параллельных стихах одну и ту же синтаксическую позицию, связаны и синонимическим параллелизмом. Кроме того, интересно отметить, что в заклинании из Исина прочная связь возлюбленного с героиней заклинания уподобляется связи пьяницы с пивом[143]: как известно, в шумерской любовной лирике пиво нередко используется в качестве метафоры для влагалищной жидкости[144].

17–18. *Сад Суэна.*– Вероятно, речь идет о саде при храме Суэна, бога луны, в Кише[145]. Другая линия интерпретации состоит в том, что имя бога луны обозначает здесь саму луну. В таком случае имеется в виду залитый лунным светом ночной сад[146].

---

[138] Перевод Дьяконова («наготу ее злую») основан на неверном прочтении последовательности šɪ-*na-tim* как *lem*/*lam*$_5$*-na-tim* в Gelb 1970, 9 («thy vulva of evil»). Чтение *ši-na-tim* (*šīnātu* «моча») подтверждается благодаря написанию plene (*ši-i-na-tim*) в приведенном выше параллельном стихе из старовавилонского заклинания.

[139] «The effect of this disparaging description of the girl would be to make clear to her that she cannot afford to be choosy with her lovers» (Westenholz 1972, 382, ср. также Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 213–214).

[140] «The Westenholzs' "your vulva stinking with urine" is unacceptable for its capricious insertion of "stinking" and lack of parallels to the abrupt change of sentiment it presents» (Lambert 1987, 38). Впрочем, перевод самого Лэмберта также содержит явно неприглядный образ: «your urine-yielding genitals» (ibid., ср. также «your urinating vulva» в Wasserman 2016, 243). В своей позднейшей работе Лэмберт воздерживается от перевода слова *šīnātu*: «your... genitals» (Lambert 2013, 31).

[141] Reiner 1978, 190 («deine Vulva des Urins (d.h. woher der Urin kommt)»); Wilcke 1991, 280 («Urinscham», см. также Wilcke 1985, 206); Cunningham 1997, 60 («your pudenda (the place) of urine»); Haas 1999, 150 («deine Scham (den Ort) des Urins»).

[142] «Your vagina full of wetness» (Foster 2005, 66, см. также с. 206). Эта интерпретация принята Нойманном: «deine feuchte Scham» (Neumann 2008, 10). См. также перевод параллельного места в заклинании из Исина как «my vagina (full of) wetness (lit. urine)» в Assante 2002, 33.

[143] *akallaka kīma Ištar iklû Dumuzi Seraš ukassû šātiša* «Я удержу тебя подобно тому, как Иштар удержала Думузи, / (подобно тому, как) Сираш (богиня пива) привязывает (к себе) того, кто пьет ее» (Wilcke 1985, 198: 14–15).

[144] Alster 1993, 16, fn. 9; Assante 2002, 34.

[145] Как отмечают Вестенхольцы, Суэн чаще других богов появляется в качестве теофорного элемента в именах собственных жителей староаккадского Киша и, следовательно, должен был иметь в этом городе свой храм (Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 204).

[146] «Я запрыгнул в сад, озаренный Луною» (Diakonoff 1981, 196); «I climbed into the garden of the moon» (Foster 2005, 67). См. также комментарий к этим стихам в Klochkov 2000, 385 и толкование этого места в Wilcke 1991, 281.

19. *...срубил я...*— Немаловажно, что по отношению к тополю используется тот же глагол (*batāqu* «резать, рубить»), что и к смоле дерева *kanaktu* в стк. 11[147]. Такое совпадение едва ли случайно и наводит на мысль о том, что в обоих случаях имеется в виду похожее по характеру (магическое?) действие — возможно, с похожими целями и результатами[148].

Тополь. — Акк. *ṣarbatu*, вероятно, обозначает евфратский тополь (Populus euphratica)[149]. Можно предположить, что *ṣarbatu*, слово женского рода, уподобляется здесь девушке, которую заклинатель хочет покорить своей власти: срубленный тополь[150] символизирует ее подчинение чарам заклинателя[151].

20. *Для ее дня...*— Таково буквальное значение последовательности *u-mi*$_3$*-iś-śa* (*yūm-iš-ša*). Референтом местоименного суффикса 3 л. ед. ч. может быть как тополь[152], так и женщина, являющаяся объектом магических действий[153]. В рамках первого подхода следует предполагать, что речь идет о каком-то особом дне, в который — по неясным нам причинам — надлежало срубить тополь или срезать его ветку[154]. Целевое значение показателя *-iš* такому пониманию скорее не благоприятствует. Принимая второй подход, мы должны считать, что «ее день» — это день, в который заклинатель намерен осуществить свои магические действия, направленные на «нее» (т.е. на женщину)[155]. Весьма неубедительной представляется точка зрения, согласно которой *u-mi*$_3$*-iś-śa* следует относить к следующему разделу текста[156].

21. *Ходи вокруг меня...*— В литературе отмечено два подхода к формам DU-*ri-ni* (императив) в этой строке и *i*$_3$-DU-*ru* (гномический претерит[157] или презенс) в стк. 22.

---

[147] Wilcke 1991, 281.

[148] В этой связи особенно маловероятным представляется предположение Вассермана (Wasserman 2016, 245), согласно которому в строке 11 следует видеть редкий глагол *patāqu* «пить»: «You *have drunk*(?) the sap of the incense-tree» (ibid., 243, см. также Haas 1999, 150). Вопреки Вассерману, глагол со значением «резать, рубить» прекрасно подходит по контексту в отношении затвердевшей «сосульки» древесной смолы (см. Lambert 1987, 37: «If the exudation of this tree, like that of many other trees, solidified in the air»). Столь же неправдоподобна интерпретация Гронеберг, которая видит в строке 11 форму глагола *patāqu* «лепить, формовать»: «Sie... formen... das Harz des Weihrauchbaumes» (Groneberg 2001, 104). Курьезная ситуация наблюдается в Hasselbach 2005, 280, где глагол переводится как «to fell, to cut off», однако транскрибируется как *patāqum*.

[149] Ср., однако, Postgate 1992, 183, где предполагается, что акк. *ṣarbatu* могло обозначать белый или черный тополь (Populus alba/nigra).

[150] По мнению некоторых переводчиков, речь идет не о срубленном дереве, а о срезанной ветви: «I cut off branches» (Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 203); «Тополёвую ветку обломил я» (Diakonoff 1981, 196); «I snapped off the poplar (branch)» (Lambert 2013, 31).

[151] Ср. комментарий к этому месту в Klochkov 2000, 385.

[152] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 209: «Another, less likely, possibility is to take the suffix... as referring to the poplar».

[153] Ср. Wasserman 2016, 245: «But what does “her day” mean?»; «Unclear» (Foster 2005, 67); «Not very satisfactory» (Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 209). В последней работе рассматривается еще одна возможность: местоименный суффикс относится к богине Иштар («The latter might be a recurrent event associated with fertility rites... Such times were particularly suited for ensnaring a desired lover»). Как одну из возможностей рассматривает такое понимание и Гронеберг: «Vielleicht ist an einer Tag der Göttin zu denken» (Groneberg 2001, 104).

[154] Ср. Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 209 («We would then get “I cut off poplar in its (proper) time”, whatever that could mean»); Groneberg 2001, 104 («Oder die Euphratpappel hatte eine bestimmte Zeit, an dem sie für magische zwecke beschnitten werden konnte»).

[155] Ср. интересный перевод Лэмберта «to the tryst with her» («на свидание с ней»), Lambert 2013, 31. Не вполне понятно, что стоит за переводом Вильке «für das Tageslicht für sie» (Wilcke 1991, 280, то же в Foster 2005, 67; Neumann 2008, 10). Возможно, он усматривает в стк. 17–20 противопоставление между ночью, во время которой заклинатель забирается в «сад Суэна» (см. комментарий выше) и совершает там магические действия, и следующим за этой ночью днем (*ūmu*), когда колдовство должно повлиять на девушку, объект его заклинаний.

[156] «Daily?... among my boxwoods» (Gelb 1970, 10); «Umkreise mich, rufe mich immer wieder?» (Krebernik 1996, 10); «An ihrem Tag wende dich zu mir hin, nenne mich mit Namen» (Haas 1999, 151).

[157] Ср. примеры в Mayer 1992.

Согласно одной точке зрения, здесь нужно видеть незасвидетельствованный глагол **duārum* «ходить по кругу, кружить»[158], родственный хорошо известному западносемитскому **dwr* с тем же значением[159]. Согласно другой точке зрения, речь идет об обычном для аккадского языка глаголе *târu* (саргоновск. *tuārum*) «поворачиваться, возвращаться»[160]. Важнейшим препятствием для такой интерпретации является характер управления: насколько можно судить по примерам, приведенным в CAD T, глагол *târu* никогда не употребляется с прямым дополнением[161].

...средu самшитов... — Большинство исследователей понимает последовательность *i-da-az-ga-ri-ni* как *it-taskarinnē* «среди самшитовых деревьев»[162]. Упоминание самшита, на первый взгляд, хорошо укладывается в общий контекст заклинания, в котором называются также другие деревья («тополь» в стк. 19, ароматическое дерево *kanaktu* в стк. 5, 10). Известная трудность, однако, состоит в том, что самшит, по всей видимости, не произрастал на территории Древней Месопотамии[163]. Кроме того, такой трактовке препятствует ассимилированная форма предлога *in*, необычная для саргоновского аккадского (см. лингвистическое введение).

Альтернативная интерпретация была предложена О. Вестенхольцем, по мнению которого речь здесь может идти об императиве породы Ntn глагола *zakāru* «говорить; называть»[164]. Форма *itazkarīnni*, «зови$_{\text{ж.р.}}$ меня снова и снова», таким образом, составляет грамматическую параллель с предшествующей ей формой *dūrīnni* «ходи$_{\text{ж.р.}}$ вокруг меня(?)». Впоследствии Вестенхольц отказался от своей трактовки, указав на то, что форма породы Ntn (итератив пассивной породы N) едва ли совместима с объектным местоименным суффиксом (*itazkarī**nni*** «зови **меня**»)[165], однако в действительности переходное значение *zakāru* Ntn хорошо известно, см., например, *napḫar* 5 *abullāti... attazqara šumēšin* «Я назвал имена всех пяти ворот»[166]. В этом и других пассажах порода

---

[158] Согласно Креберник, этот глагол, возможно, также засвидетельствован в раннеаккадском гимне Шамашу (Krebernik 1996, 18), см. прим. 161.

[159] Этот подход принят в von Soden 1972, 273 («wie der Hirt die Schafe (sorgend) umkreist»); Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 203 («you shall go around me»); Wilcke 1991, 280 («umfänge (wörtlich: umkreise) mich»); Neumann 2008, 10 («umkreise mich»); Wasserman 2016, 243 («encircle me»); по-видимому, также Foster 2005, 67 и Cunningham 1997, 58 («seek me»). Такое понимание стоит и за переводом Клочкова: «Ищи меня в зарослях букса» (Klochkov 2000, 215, см. также комментарий на с. 385). Несколько неопределенное отношение к этому вопросу можно усмотреть в Krebernik 1996, 18.

[160] Переводы, основывающиеся на этой трактовке, см. в Diakonoff 1981, 196 («Обернись ко мне»); Haas 1999, 151 («wende dich zu mir hin»); Groneberg 2001, 105 («wende dich doch zu mir um»).

[161] Согласно Лэмберту, в староаккадский период глагол *târu* мог также употребляться с переходными значениями «окружать; охранять», которые были утрачены им в позднейшем аккадском (Lambert 1989, 9), однако аргументы, приводимые им в пользу этой гипотезы, неубедительны. Так, значение «охранять» Лэмберт выводит на основании предполагаемой им параллели между силлабической записью *i*-DU-*wa-ar* (ARET 5, 6 ii 8) и шумерограммой EN.NUN.AK «охранять» (OIP 99, 326 ii 6) в двух манускриптах раннеаккадского гимна Шамашу. В действительности, однако, *i*-DU-*wa-ar* в ARET 5, 6 соответствует AN.NIGIN$_2$ в OIP 99, 326 ii 4 (см. Krebernik 1992, 105; 1996, 18; шум. niĝin$_2$ представляет собой обычное соответствие для акк. *târu* в месопотамской лексикографической традиции). Также едва ли вероятно, чтобы значение «окружать» могло развиться у акк. *târu* под влиянием шум. глагола niĝin$_2$, у которого наряду со значением «поворачивать, возвращаться» есть также значение «кружить, окружать» (такое предположение делается в Lambert 1987, 38; 1989, 9). Нам остается неясным, какая интерпретация стоит за переводом «lead me» в Lambert 2013, 31 (формы DU-*ri-ni* и *i*$_3$-DU-*ru* не могут быть произведены от глагола *tarû* «вести»).

[162] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 203; Wilcke 1991, 280; Klochkov 2000, 215; Foster 2005, 67; Neumann 2008, 10; Wasserman 2016, 243; ср. уже Gelb 1970, 10.

[163] CAD T 282; Postgate 1992, 184.

[164] Westenholz 1972, 382. См. также Diakonoff 1981, 196 («говори со мною»); Krebernik 1996, 18 («rufe mich»); Haas 1999, 151 («nenne mich mit Namen»); Groneberg 2001, 105 («nenne mich»).

[165] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 209.

[166] OIP 2, 113 viii 5, цит. по CAD Z 21a.

Ntn глагола *zakāru*[167] очевидно употребляется с тем же значением, что и итеративная порода Gtn[168]. Недостаток этой интерпретации заключается в том, что все известные сегодня примеры такого употребления *zakāru* Ntn происходят из текстов на младовавилонском литературном диалекте (I тыс. до н.э.) и, как правило, оцениваются исследователями как позднее искусственное явление[169]. Все же тот факт, что варьирование между Gtn и Ntn отмечается уже в старовавилонском аккадском[170], позволяет с осторожностью предположить, что это явление могло быть присуще и саргоновскому диалекту.

25. *На дланях его украшенья…* – Букв.: «украшены(?) его руки». Большинство переводчиков следует фон Зодену[171] и видит в *śi-ir-gu-a* форму статива дв. ч. со значением «они украшены»[172]. Постулируемая фон Зоденом лексема известна только по этой строке, ее значение выводится из сближения с гез. *tasargawa* «быть украшенным»[173]. Отметим, что в рамках данной интерпретации можно допустить и более отвлеченный перевод «красивы, прекрасны»[174].

Морфологическая интерпретация данной последовательности в рамках гипотезы фон Зодена нуждается в пояснениях. Как в AHw. 1216b, так и в GAG § 110h фон Зоден квалифицирует эту форму как статив глагольного прилагательного в основной породе. Как известно, четырехсогласные образования без префиксов *n-*/*š-* в аккадском языке крайне редки, при этом наиболее известный пример такого рода, *palkû* «широкий» (только в младовавилонском), указывает на *a* (а не *i*) в качестве гласного первого слога. По мнению фон Зодена, структурной параллелью с *i*-вокализмом является хорошо засвидетельствованное прилагательное *ersû* «готовый», однако новейшие данные о саргоновском аккадском опровергают эту точку зрения: как показано в Kogan, Markina 2019, 285–286, древнейшая форма этого прилагательного имела вид **ʿarsuʾum*. Иными словами, по своему морфологическому облику гипотетическое прилагательное **širguʾum* не согласуется с имеющимися у нас – пусть и крайне скудными – свидетельствами об этом морфологическом типе[175]. Отметим, что в CAD $\check{S}_3$ 102a

[167] Вопреки фон Зодену (AHw. 1505a), речь не идет о породе Nt (см. Kouwenberg 2010, 391–392).

[168] Примеры на такое употребление породы Ntn у других глаголов см. в GAG § 91g, см. также Kouwenberg 2010, 429–430.

[169] См., в частности, GAG § 96e Anm.

[170] См. список глаголов в Kouwenberg 2010, 429.

[171] von Soden 1972, 273–274.

[172] «Arrayed with jewels are his arms» (Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 203); «Seine Arme sind geschmückt» (Wilcke 1991, 280, см. также Groneberg 2001, 105; Neumann 2008, 11); «His arms are *adorned*» (Wasserman 2016, 243). См. также AHw. 1216b (*śerg/kûm* «geschmückt sein»); CAD $\check{S}_3$ 102a (*širgû* «adorned»). Крайне негативная оценка этой интерпретации в Lambert 1987, 38 («extremely whimsical») представляется гиперкритической. Сам Лэмберт оставляет это место без перевода: «His hands are...» (Lambert 2013, 31).

[173] CDG 512. Ср. Hasselbach 2005, 140, fn. 81.

[174] Хотя эфиопский корень в самом деле всегда употребляется лишь в значении «украшать» (LLA 348–349), нетрудно допустить, что гипотетическая аккадская параллель могла несколько отличаться по семантике (von Soden 1972, 274).

[175] Ср. Kouwenberg 2010, 311, fn. 86 (гипотетический переход **a* > *e* перед *r*, о котором упоминает Каувенберг, в саргоновском аккадском совершенно не представим). В целом используемая фон Зоденом и многими другими авторами после него транскрипция с *e* для этой словоформы не выглядит обоснованной. Известный из вавилонского переход **i* > *e* перед *r* был в самом деле довольно распространен в саргоновском диалекте (Hasselbach 2005, 107), но, очевидно, имел факультативный характер (Kogan 2011c, 52). В данном случае орфографических свидетельств в его пользу нет: если бы рассматриваемый гласный звучал как *e*, саргоновская орфография предполагала бы использование знака SI_{11} (Sommerfeld 1999, 18–22; Hasselbach 2005, 50–52; Kogan 2011c, 45–46). Таким образом, предпочтительной в данном случае представляется нормализация с *i* (как в CAD $\check{S}_3$ 102a).

širgû не квалифицируется как глагольная лексема («adj.»), что в свете сказанного выше представляется довольно обоснованным.

Как отмечают Вестенхольцы[176], трактовка фон Зодена выглядит привлекательной в свете возможной параллели из Песни Песней, где руки возлюбленного описываются как *gəlīlē zāhāb məmullāʾīm ba-ttaršīš* «золотые жезлы, унизанные драгоценными камнями»[177].

Альтернативная трактовка состоит в отождествлении *śi-ir-gu-a* с акк. *šerku* «связка сушеных фруктов»[178]. Эта интерпретация восходит к изданию Гельба[179] и отражена в переводах Клочкова[180] и Фостера[181]. При таком толковании требует объяснения окончание словоформы. Вопреки Гельбу, речь не может идти о форме дв. ч[182]. Вероятно, в *śi-ir-gu-a* следует видеть форму мн. ч., снабженную местоименным суффиксом 1 л. ед. ч.: «мои связки плодов»[183]. Тогда стк. 25–29 должны представлять собой речь женского персонажа: покорившаяся чарам заклинателя девушка воспевает красоту своего возлюбленного[184]. Другая возможность состоит в том, чтобы понимать знак A как логограмму DURU_5 = *raṭbu* «сырой; свежий»[185]: *śi-ir-gu* DURU_5 = *šerkū raṭbūtum* «свежие плодовые связки» (т.е. связки свежих плодов инжира или яблок). Необходимо, однако, отметить, что примеры, в которых *šerku* или заимствованное в шумерский še-er-gu [186] обозначали бы связку свежих, а не сушеных фруктов, практически отсутствуют[187], что существенно снижает привлекательность данного толкования[188].

---

[176] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 216.

[177] Песн 5: 14 и см. ниже комментарий к стк. 26.

[178] CAD Š_2 316a *šerku* «string of dried fruit». Как правило, слово *šerku* обозначает связку сушеных плодов инжира, реже яблок (подробнее см. Gelb 1982). Едва ли правдоподобна точка зрения Сивиля, согласно которой *šerku* этимологически связано с упомянутым выше гез. *tasargawa* (Civil 1987, 235).

[179] «(Like) two strings are his arms» (Gelb 1970, 10, см. также 1982, 71–72).

[180] «Его руки – плодов две связки» (Klochkov 2000, 215).

[181] «His arms are two round bundles of fruit» (Foster 2005, 67).

[182] Gelb 1969, 59; 1982, 71. Гельбу следуют Клочков и Фостер. Загадочным для нас остается смысл замечания Вассермана: «The lack of mimation is not an argument against this suggestion, as mimation is absent also in ll. 6–7, and 13–14» (Wasserman 2016, 246).

[183] См. уже Westenholz 1972, 382 («a plural with the possessive suffix *-ya*: "my ...s"»). Вместо буквального перевода «его руки – мои плодовые связки» можно предложить следующий парафраз: «для меня его руки – (словно) плодовые связки». Близкую структурную параллель находим в Песни Песней 1: 13–14 (*ṣərōr ha-mmōr dōdī lī... ʾăškōl ha-kkōpär dōdī lī* «Мешочек с миррой мой возлюбленный для меня... Гроздь хны мой возлюбленный для меня»). Ср. также употребление суффикса 1 л. ед. ч. в плаче Гильгамеша по Энкиду: *lubār isinnātīya nēbeḫ lalêya* «(Энкиду был) мне праздничным одеяньем, (был) мне роскошным поясом» (George 2003, 654: 48, см. также стк. 46–47).

[184] В таком ключе понимает этот отрывок Дьяконов: «*Скажешь ты*: "Его руки – мой подарок"» (Diakonoff 1981, 196). См. также его комментарий: «...здесь вводится прямая речь... красавицы, на которую колдун наводит чары» (ibid., 312). Возможность такого прочтения этих строк также рассматривается в Wasserman 2016, 246. Вопреки Дьяконову, едва ли можно видеть в *śi-ir-gu-a* дериват глагола *šarāku* «дарить». Слово *širku*, которое, очевидно, имеет в виду Дьяконов, крайне редко употребляется в значении «подарок» (в CAD Š_3 111 *širku* B приводится по одному среднеассирийскому и нововавилонскому примеру), в большинстве же случаев это слово обозначает облата – ребенка, отданного на воспитание в храм (CAD Š_3 106 *širku* A; слово известно, главным образом, по нововавилонским текстам).

[185] В словарях аккадского языка приводятся лишь примеры слоговой записи акк. *raṭbu* (AHw. 963b; CAD R 218), однако в действительности это прилагательное, по-видимому, записывалось посредством логограммы DURU_5, по крайней мере, в сочетаниях DUḪ.DURU_5 = *tuḫḫū raṭbūtu*(?) «свежие отруби» (см. Stol 1971, 170–171; Borger 2010, 311, Nr. 298) и $\text{ESIR}_2\text{.DURU}_5$ = *iṭṭû raṭubtu*(?) «вязкий битум» (см. Stol 2012, 49, 54; ср. ENGUR.DURU_5 = i_3-*da-um la-ti-ba-ṭ*[*um*] в VE 1270).

[186] О шум. še-er-gu см. Gelb 1982.

[187] Gelb 1982, 77. Мы можем указать только шум. ^{ĝeš}u$_4$-ḫi-in še-er-kum «связка зеленых фиников» = *ši-ir-ku* в лексическом списке I тыс. до н.э. (MSL 16, 155: 60).

[188] Как видно из прим. 179–181, авторы, склоняющиеся к данному направлению мысли, обычно игнорируют этот аспект семантики аккадского слова в своих переводах.

Другой возможный недостаток этой интерпретации заключается в том, что в MAD 5, 8 для передачи сибилянта в анлауте интересующего нас слова используется знак серии SV (SI), в то время как ввиду шум. še-er-gu ожидалось бы употребление знака серии ŠV: **$še_3$/*ši-ir-gu = *ṯi/erkū[189]. Впрочем, в свете того, что в аккадских текстах саргоновского периода нередко наблюдается смешение знаков серии ŠV и SV[190], это обстоятельство нельзя считать решительным препятствием предложенному выше толкованию.

Как указывает Фостер, уподобление рук плодовым связкам хорошо согласуется с метафорическим языком аккадской любовной поэзии, который насыщен образами, связанными с растительным миром (*inbu* «плод» и *kirû* «сад» – среди ключевых слов аккадской любовной лирики)[191]. Вероятно, имеется в виду, что руки возлюбленного столь же сладостны и желанны для героини заклинания, как плоды[192]. Как отмечено Сивилем[193], в связи с комментируемым стихом интерес представляет следующее место из шумерской поэмы о Лугальбанде, в котором шум. še-er-gu появляется при описании демонов: ^{ĝeš}peš$_3$ še-er-gu ḫi-li sur-ra-gen$_7$ / a$_2$-ne-ne-a mu-un-ne-la$_2$-la$_2$ «он (некий бог?) повесил им (это) на руки, словно связки плодов инжира, источающие сладость»[194]. Хотя смысл этого пассажа в целом остается неясным, мы можем заключить из него, что связка фруктов действительно могла использоваться в месопотамской литературе в качестве привлекательного образа.

Совершенно неправдоподобен перевод Хааса, где к этому стиху отнесено слово «масло» (*šamnum*) в стк. 26, а *ši-ir-gu-a*, очевидно, понимается как форма глагола *sarāqu* «брызгать» (исключено с точки зрения аккадской морфологии): «Ausgeschüttet ist an seinen Seiten Öl»[195].

26. *Пряные травы.* – Слово *ti-bu-ut-tum* в этом стихе до сих пор не получило убедительной интерпретации. Как правило, переводчики отождествляют его с *tibbuttu*/*timbuttu*, словом, которое, согласно основным словарям аккадского языка, обозначает некий струнный инструмент[196]. При таком толковании *tibbuttum šaptāšu* в MAD 5, 8 обычно понимают как метафорическое описание голоса возлюбленного: «его губы (сладкоголосы,

---

[189] Шум. še-er-gu (также известны написания šer$_7$-gu и ^{še_3}šer$_7$-gu) встречается уже в староаккадский период, поэтому фонема *š* в этой лексеме должна восходить к раннеакк. *ṯ* (см. Nurullin 2019, 27–28). См. также Civil 1987, 235, где предполагается, что в эблаитском вокабулярии (VE 69) аккадское слово записывается как *ša-gu$_2$-um* (= **ṯarkum*).

[190] Kogan 2011b, 86–87.

[191] «The arms are compared in a positive sense to two long bundles of fruit on strings; fruit was commonly used to refer to sexual attractiveness» (Foster 2005, 67, fn. 4). Подробнее о растительных образах в аккадской любовной поэзии см. Wasserman 2016, 43, 54–55.

[192] Крайне маловероятной представляется точка зрения Гельба, согласно которой посредством этого образа описывается удрученное состояние отвергнутого юноши: его руки подобны увядшим плодам (Gelb 1982, 72).

[193] Civil 1987, 235. См. также Alster 2005, 67; Alster, Oshima 2006, 61.

[194] Цит. по Civil 1987, 235, см. также Alster 2005, 63: 398–399 (по неясным причинам оба автора читают знак NE в глагольной цепочке как показатель комитатива de$_3$: mu-un-de$_3$-la$_2$-la$_2$; более оправданным в этом контексте кажется показатель датива 3 л. мн. ч. ne). Пассаж труден для интерпретации, что во многом связано с тем, что непосредственно предшествующий ему текст сильно поврежден. В частности, непонятным остается, что является объектом глагола la$_2$ «вешать». Ср. следующие переводы: «he put (armor rings?) on their arms like charming strings of figs» (Civil 1987, 235); «like a string of figs dripping with lusciousness, they hang their arms» (ETCSL t.1.8.2.1); «Binding like strings of figs, dripping(?) with lusciousness» (Alster 2005, 63); «Aufgefädelte Feigen – gleich dem Schmuck von Prunk-Gefäße – hängen ihnen von ihren Armen herab» (Wilcke 2015, 246, за переводом Вильке стоит чтение ḫi-li bur-ra-gen$_7$ «подобно роскоши сосуда *бур*»).

[195] Haas 1999, 151.

[196] AHw. 1354b («eine Harfe»); CAD T 417 («harp»); ср., однако, CDA 405b («(a musical instrument, phps.) “drum”»).

как) лира»[197]. Эта трактовка теряет убедительность в свете недавних исследований, в которых показано, что *tibbuttu*, по-видимому, обозначало разновидность барабана[198].

Наш перевод следует другой линии интерпретации, состоящей в том, чтобы видеть в *ti-bu-ut-tum* в MAD 5, 8 семантическую параллель с предшествующим ему словом *šamnum* (I_3) «(душистое) масло»[199], т.е. обозначение некого ароматического вещества. Это толкование представлено в работах Вестенхольцев и Гронеберг, по мнению которых *ti-bu-ut-tum* следует понимать как ботанический термин[200]. В то время как Гронеберг считает, что речь идет о некой неизвестной за пределами MAD 5, 8 лексеме (*tibuttum*)[201], о значении которой можно судить исключительно на основании ее контекста в заклинании, Вестенхольцы, как можно заключить из нормализации *tibbuttum* (см. прим. 200), очевидно, полагают, что здесь употреблено обсуждавшееся выше слово *tibbuttu/timbuttu* «барабан(?)». Последняя точка зрения заслуживает более пристального рассмотрения. Действительно, *tibbuttu* используется не только как обозначение музыкального инструмента, но и как название какого-то насекомого и, вероятно, также растения (см. ниже). Это второе значение известно, главным образом, по фармакологическому списку Uruanna и терапевтическим текстам (I тыс. до н.э.), где интересующее нас слово всегда употребляется в сочетании *timbut*(*ti*) *eqli*, букв. «барабан(?) поля»[202]. Трактовка Вестенхольцев сопряжена с рядом трудностей. Во-первых, приходится допустить тождество *timbut eqli* в текстах I тыс. до н.э. и *tibbuttum* в MAD 5, 8[203]. Во-вторых, следует предположить, что *timbut eqli* обозначает душистое растение, чему нет никаких свидетельств[204]. В то же время, как отмечается у Вестенхольцев[205], при таком толковании стк. 26–27 находят примечательную параллель в Песни Песней: *ŝiptōtāw šōšannīm nōṭəpōt mōr ʿōbēr* «Его губы – лилии, с них капает текучая мирра»[206].

---

[197] Gelb 1970, 10–11 («(like) a... and a harp? are his lips»); Wilcke 1991, 280 («Öl und Harfe(nklänge) sind seine Lippen»; так же в Neumann 2008, 11); Cunningham 1997, 59 («oil and (the sound of) the harp (are) his lips»), Foster 2005, 67 («his lips are oil and harpsong»); Wasserman 2016, 243 («Oil and (the sound of) harp – his lips»; см. также комментарий на с. 246: «the woman refers to her lover's lips as both kissable and uttering sweet words, like a harp»). Ср. Haas 1999, 151 («und eine *tibuttum*-Flöte ist an seinen Lippen»).

[198] Gabbay 2014, 115–116; Michalowski 2017, 223.

[199] Об использовании растительного (кунжутного) масла для изготовления парфюмерных изделий в Древней Месопотамии см. Jursa 2003–2005, 335.

[200] «Oil and *tibbuttum*-plants are his lips» (Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 203); «Öl – und das *tibuttum* (sind) (an?) seine(n) Lippen» (Groneberg 2001, 105, см. также Anm. 52: «...bisher nicht erkanntes, vielleicht florales, Element»).

[201] Groneberg 2001, 105, Anm. 52. Сходную трактовку находим в Westenholz 1972, 382 («it must denote some tasty substance»), где с осторожностью предлагается сравнение *ti-bu-ut-tum* с *ṭabtu* «соль» (неправдоподобно). Ср. также «елей и сласти» в переводе Клочкова (Клочков видит здесь слово *tibbuttu*, см. Klochkov 2000, 385). Нам остается неясным, какая трактовка стоит за переводом Дьяконова: «*умащенье и страсть*» (Diakonoff 1981, 196, курсив автора).

[202] Это имя, вероятно, описывает стрекот, издаваемый насекомым (см. De Zorzi 2014, 760–761), которое, таким образом, может быть отождествлено как сверчок или саранча: «eine Grille» (AHw. 1354b); «a cricket or locust» (CAD T 417). Неприемлема точка зрения авторов CDA, согласно которой *timbut eqli* обозначает только растение: «"field-drum" (a plant)» (CDA 405b).

[203] В пользу того, что *tibbuttu/timbuttu* могло употребляться с тем же значением, что и *timbut eqli*, свидетельствует пассаж из сборника гаданий по врожденным уродствам: *šumma izbu kīma timbutti* «Если уродец подобен насекомому *тимбутту*» (Šumma izbu XVII 57, см. De Zorzi 2014, 754; среди оменов, в которых облик уродца уподобляется разного рода животным).

[204] Наиболее убедительное свидетельство в пользу того, что *timbut eqli* могло обозначать растение, содержится в Uruanna II 183, где U_2 *tim-bu-ut-ti* $A.ŠA_3$ SIG_7 «желтый/зеленый барабан(?) поля» приравнивается к U_2 *qut-ra-tu*$_2$ (цит. по CAD T 418a, см. также CAD Q 323 *qutratu* «a plant»). См. также Böck 2008, 321 об аккадских названиях растений, состоящих из имени насекомого и генитивного определения *ša eqli* «полевой».

[205] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 216.

[206] Песн 5: 13. Заслуживает внимания соположение описания губ и рук в Песн 13–14 и в MAD 5, 8: 25–27 (Песн 5: 14 цитируется нами выше в комментарии к стк. 25).

29. *На плечах у него...* – Едва ли убедительно толкование Гронеберг, которая читает вместо *in bu-di*$_3$*-śu* «на его плече» *in pu-ti-śu*, букв. «на его лбу», и интерпретирует это сочетание как составной предлог: «(steht) ihm gegenüber»[207].

...кувшин кедровый.– По мнению большинства переводчиков, *erēnu* «кедр» в этом стихе обозначает кедровое масло[208], которым наполнен кувшин[209]. Согласно принятой в нашем переводе альтернативной трактовке, речь идет о материале, из которого он изготовлен[210].

30. *Извело...* – Значение *dubbubu* в этом стихе остается не вполне ясным. По мнению Вестенхольцев, *dabābu* D употребляется здесь с тем же значением, что и *dabābu* Š в сочетании *sinništa šudbubu*, которое известно по текстам I тыс. до н.э. и обозначает некое магическое действие (букв.: «заставить женщину говорить»). Вестенхольцы следуют широко принятой интерпретации этого выражения как эвфемизма: «разговорить женщину», т.е. «сбить ее с толку», «совратить ее»[211]. Как убедительно показала Э. Райнер, *sinništa šudbubu* в действительности обозначает ритуал, цель которого состоит в том, чтобы выведать у спящей женщины ее тайны («разговорить женщину» значит заставить ее говорить во сне)[212]. Таким образом, это выражение едва ли может как-то способствовать истолкованию *dubbubu* в MAD 5, 8.

Неубедительны переводы Гронеберг и Фостера, согласно которым порода D глагола *dabābu* имеет в MAD 5, 8 то же значение, что и основная порода этого глагола («говорить, разговаривать»)[213].

Примечательная параллель к употреблению *dubbubu* в MAD 5, 8 была выявлена И.О. Хаитом[214] в старовавилонском сборнике гаданий, где субъектом глагола выступает богиня любви Иштар: *Ištar aššat awīlim* [*uda*]*bbam-ma ina bītim u*[*šeṣṣe*] «Иштар... жену человека и [заставит ее покинуть] (свой) дом»[215]. Согласно Хаиту, в обоих текстах *dubbubu* имеет значение «делать кого-либо больным от любви; околдовывать»[216]. Более уместным представляется, однако, видеть здесь хорошо известное у *dubbubu*

---

[207] Groneberg 2001, 105. Лэмберт считает допустимыми оба варианта чтения (Lambert 1987, 38). В своем позднейшем переводе Лэмберт выбирает чтение *in bu-di*$_3$*-śu* «on his shoulder» (Lambert 2013, 31).

[208] Т.е. кунжутное масло, напитанное ароматом кедра (см. Jursa 2003–2005, 335).

[209] См., например, Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 203 («A cruse of cedar oil»). Ср. также Wilcke 1991, 280 («ein Krug mit Zedernharz») и Groneberg 2001, 105 («ein Krug mit Zedernholz»).

[210] Так в переводе Гельба: «a pitcher of cedar» (Gelb 1970, 11). См. также CAD A$_2$ 340b («an *a*.-cup of cedar wood»).

[211] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 210 (в переводе: «The *ir'emu* have confounded her», ibid., 203). В русле трактовки Вестенхольцев, судя по всему, выполнены переводы Wilcke 1991, 280 («Die Liebreize haben sie betört»); Diakonoff 1981, 196 («Да смутит тебя, дева, Ир'емум»); Klochkov 2000, 215 («(Так) ее убедил Любимец»); Wasserman 2016, 243 («The love-charms have persuaded her»). Толкование *sinništa šudbubu* как эвфемизма восходит к Ebeling 1925, 16, см. также Meissner 1931, 32–33; Biggs 1967, 71.

[212] Reiner 1990, 421–424. Ср. уже Ungnad 1941–1944, 264–265. Критику точки зрения Райнер можно найти в Scurlock 2005–2006, 126, fn. 7, однако в этой работе не приводится никаких существенных контраргументов. Вопреки Ж.-М. Дюрану, *dabābu* Š в поврежденном старовавилонском письме из Мари едва имеет какое-либо отношение к *sinništa šudbubu* в текстах I тыс. до н.э. (Durand 2001, 128; ср. Sasson 2015, 322, fn. 84).

[213] «(So) the love charms have bespoken her» (Foster 2005, 67; предшествующие строки, описывающие красоту возлюбленного, понимаются Фостером как речь ир'емумов); «Die *ir'emū* verhandeln mit ihr» (Groneberg 2001, 105).

[214] Khait 2014, 77–78.

[215] YOS 10, 46 iii 57–58, цит. по Khait 2014, 77.

[216] В пользу своей интерпретации Хаит указывает на примеры использования *dabābu* G «говорить» в качестве эвфемизма для полового акта в выражении *itti sinništi dabābu* «"говорить" с женщиной» (см. Paul 1994, 194). На наш взгляд, связь между таким употреблением *dabābu* G и предполагаемым значением «околдовывать (любовью)» у *dubbubu* в MAD 5, 8 и YOS 10, 46 далеко не очевидна.

значение «донимать кого-либо (требованиями или просьбами), докучать, изводить»[217]: в MAD 5, 8 девушку изводит «страсть» (*irʾemū*), вызванная в ней заклинателем; в YOS 10, 46 богиня любви (т.е. сама любовь?) изводит замужнюю женщину, заставляя ее уйти к любовнику[218].

В свете *iś-ku-nu-śi a-na mu-ḫu-tim* «они сделали ее одержимой» в следующем стихе определенный интерес представляет употребление инфинитива *dubbubu* в значении «сумасшествие»[219]. Это значение известно, главным образом, по лексическим спискам I тыс. до н.э., где *dubbubu* приравнивается к шум. dimma-kur$_2$-ra «сумасшествие»[220]. Вне лексических списков можно указать только следующий стих из «Вавилонской теодицеи»: *sadra pakkaka dubbubiš t*[*u*-...] «свой строгий разум ты [*вверг*] в безумье»[221]. Стоящее за этим значением семантическое развитие остается неясным[222], вследствие чего трудно определить, может ли *dubbubu* «безумие» играть какую-то роль для интерпретации *u$_2$-da-bi-bu-śi-ma* в MAD 5, 8.

Вожделенье. – В этом стихе употреблена форма мн. ч. слова *irʾemum*. Некоторые переводчики полагают, что речь идет о многих любовных божках, которые совместно воздействуют на героиню заклинания, подчиняя ее воле колдуна[223]. Эта трактовка до известной степени противоречит начальным строкам заклинания, где Ир'емум, по-видимому, описывается как конкретный мифологический персонаж («сын Иштар»), а не как один из множества любовных божков. В то же время само представление о том, что «эротов», входящих в окружение богини любви, может быть много, находит параллель в греческой мифологии эллинистической эпохи[224].

Согласно альтернативной интерпретации, предложенной Вестенхольцами, употребленное во мн. ч. слово *irʾemum* в MAD 5, 8 имеет абстрактное значение «любовь, страсть»[225]. Определенным препятствием для этого направления мысли является тот факт, что глагольное выражение *šakānu ana* «превращать в кого-то» во всех известных употреблениях встречается с одушевленным субъектом (CAD Š$_1$ 148–149). То же справедливо и для обсуждаемого выше глагола *dubbubu*.

---

[217] Возможно, такое же понимание стоит за переводом Лэмберта: «The cupids have arraigned her» (Lambert 2013, 31).

[218] Как кажется, *dubbubu* имеет сходное значение также в следующем отрывке из младовавилонского заклинания: *annaši-mi kaššāptu ša udabbabu eṭla* «Вот она, ведьма, что изводит юношу» (Abusch, Schwemer 2011, 182: 18'). Мы следуем трактовке, предложенной для этого пассажа в CAD D 12b: «this is she, the witch, that pesters the young man». Намного менее удачен перевод Абуша и Швемера: «*I am carried (off)!* The witch who *slanders* the young man...» (ibid., 194). Возможно, на употребление *dubbubu* в этом тексте опирается перевод Гельба: «The ir'emū have bewitched her» (Gelb 1970, 11).

[219] CAD D 13, *dubbubu* d «to rave (said of a madman)» (иначе в AHw. 147b, *dabābu* D3 «wirr reden»).

[220] А также к du$_9$-du$_9$ «встряхивать, взбивать; скитаться» (наряду с *dâlu* «странствовать, скитаться; быть беспокойным»).

[221] Lambert 1960, 72: 35. В месопотамском комментарии к этому месту дается объяснение *dubbubu* = *šanê ṭēmi* «безумие» (ibid.; Oshima 2014, 443; CCP 1.4). В свете этой глоссы *dubbubu* в Теодицее едва ли может быть понято как отглагольное прилагательное «сумасшедший» (так в переводе Лэмберта; ср. AHw. 174a *dubbubiš* «zum wirren Reden»).

[222] Основную проблему составляет здесь труднообъяснимое различие в диатезе («докучать, изводить» vs. «сходить с ума, быть безумным»). Нельзя исключать, что непереходное значение является развитием более общего «много говорить, быть болтливым» (ср. Kouwenberg 1997, 100).

[223] См., например, перевод Лэмберта, приведенный выше (прим. 217).

[224] См. подробное описание в Auanger 2002, 238–240.

[225] «It may be assumed that the word in its impersonal aspect was plurale tantum like several other nouns of the *ipris*-formation... while in the mythological context of lines 1–5, where *ir'emum* is more or less personified, the plural form would be inappropriate» (Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 205). Ср. также комментарий к этому месту в издании Клочкова: «ир'ему... здесь следует понимать как любовные заклинания, а не как персонификацию страсти» (Klochkov 2000, 387).

31. *Одержимая*.– Перевод перенят нами у Клочкова. Термином *mu/aḫḫû* (в MAD 5, 8 употреблена форма ж.р. *muḫḫūtum*) обозначался человек, находящийся в состоянии исступления, экстаза, чаще всего пророческого. Насколько можно судить по примерам, собранным в словарях[226], эта лексема лишь изредка используется для описания «обычного» сумасшествия. В наиболее явном виде это употребление отмечено для абстрактного имени *maḫḫûtu* в составе идиомы *maḫḫûtiš alāku/ewû* «обезуметь, сойти с ума».

Ряд исследователей видят в *mu-ḫu-tim* в MAD 5, 8 имя с абстрактным значением[227]. На первый взгляд, этой трактовке препятствует неожиданное для саргоновского диалекта стяжение *muḫḫuʾūtum* > *muḫḫûtum*. Действительно, в саргоновском диалекте трифтонгические сочетания, как правило, не стягиваются, вследствие чего сверхдолгие гласные типа *û* теоретически невозможны. В реальности, однако, отдельные примеры такого рода, по-видимому, известны. Такова, например, неоднократно засвидетельствованная форма *li-ru-nim* «пусть они приведут сюда», встречающаяся наряду с ожидаемым написанием *li-ru-u*$_3$*-nim*[228]. Поскольку глагольная фраза *šakānu ana* часто употребляется с абстрактными именами на *-ūtu* («привести в какое-то состояние»), возможность такой интерпретации не следует исключать.

32. *...твоим ртом, полным страсти*.– Сочетание *pa*$_2$*-ki ša da-di*$_3$, букв. «твой рот любви», по-разному понимается исследователями. Оставляя без внимания переводы, в которых это сочетание передается буквально[229], можно выделить две линии интерпретации. Некоторые исследователи видят здесь атрибутивный генитив: «твой рот, (полный) любви», «твой страстный рот»[230]. По мнению других, это сочетание следует переводить как «рот, (предназначенный для) любви» (генитив цели)[231]. По всей видимости, *pa*$_2$*-ki ša da-di*$_3$ в этой строке составляет параллель с *pa*$_2$*-ki ša ru-qa*$_2$*-tim*, букв. «твой рот слюны» (стк. 12). Как было отмечено выше, *pa*$_2$*-ki ša ru-qa*$_2$*-tim*, скорее всего, представляет собой метафорическое описание возбужденного женского лона, полного влаги. Как кажется, в том же ключе нужно трактовать и *pa*$_2$*-ki ša da-di*$_3$[232]. Тогда несколько более вероятным представляется атрибутивное прочтение генитива: «твой страстный (т.е. полный страсти, возбужденный) “рот”». Впрочем, нельзя исключать и второй трактовки. В таком случае «рот (для) любви» нужно понимать как своего рода кеннинг для вульвы.

33. *Ишхара*. – Богиня сирийского происхождения, чей культ получил широкое распространение на древнем Ближнем Востоке[233]. Связанные с ней представления

---

[226] AHw. 582–583; CAD M$_1$ 90–91; M$_2$ 176–177.

[227] Diakonoff 1981, 196 («безумье»); Foster 2005, 67 и Wasserman 2016, 243 («ecstasy»).

[228] Hasselbach 2005, 291; Kogan, Markina 2019, 308. Из недавно выявленных примеров см. *ki-zu-tim* «группа скотоводов» в Milano, Westenholz 2015, 285, no. 235, об. 1; 294, no. 246, об. 3 (см. Kogan, Markina 2019, 300).

[229] Например: «thy mouth of love» (Gelb 1970, 11).

[230] Lambert 2013, 32 («your love-laden mouth»); Wasserman 2016, 243 («your lustful mouth»). Ср. также Diakonoff 1981, 196 («твои желанные губы»); Klochkov 2000, 215 («твой рот желанный»).

[231] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 203 («your mouth, so fit for love»); Foster 2005, 67 («your mouth for love-making»).

[232] В этой связи заслуживает упоминания объяснение акк. слова *ḫurdatu* «женские гениталии» как *ḫur-ri da-du* (= *ḫurri dādi/ī*) в позднем вавилонском комментарии (Civil 1974, 332: 42, см. также CCP 4.2.A.a). Сочетание *ḫurri dādī* можно буквально перевести как «отверстие (для) любви». Однако сходство *ḫur-ri da-du* с *pa*$_2$*-ki ša da-di*$_3$ в MAD 5, 8, по всей видимости, носит случайный характер: объяснение *ḫurdatu* через *ḫurri dādi/ī* очевидно основано, прежде всего, на созвучии. Кроме того, судя по глоссе *da-du* = *ma-ra* (*māru* «сын; возлюбленный») строкой ниже в том же тексте, из двух значений слова *dādu* – «любовь» и «возлюбленный» – вавилонский комментатор имел в виду последнее.

[233] Prechel 1996; Archi 2020.

могли существенно разниться в зависимости от места почитания[234]. В Нижней Месопотамии Ишхара имела много общих черт с Инанной-Иштар – прежде всего, в ее ипостаси богини любви – однако, как правило, не отождествлялась с ней[235]. В связи с нашим пассажем интересно отметить, что Ишхара, помимо прочего, считалась покровительницей клятвы, однако этот аспект ее культа известен, главным образом, по источникам из Сирии и Анатолии[236].

35–36. *Шея*.– Как показал фон Зоден[237], употребленное в оригинале слово *ṣawārum* следует связывать с западносемитскими лексемами со значением «шея»[238]. Согласно И.С. Архипову[239], эта лексема, до последнего времени известная исключительно по MAD 5, 8, также встречается в нескольких старовавилонских текстах[240].

37. *...соединятся...*– Заслуживает внимания архаичное употребление породы Gt глагола *emēdu*[241]. В позднейшие эпохи ее замещает порода N[242].

38. *Не найдешь ты покоя*.– Согласно Вестенхольцам, суффикс *-ni* при глагольной форме *ta*$_2$*-pa*$_2$*-ša-ḫi-ni* следует понимать как показатель субъюнктива, употребление которого объясняется тем, что заключительные строки заклинания представляют собой слова клятвы, произносимые колдуном[243]. В пользу этой трактовки также говорит характерное для клятвы использование частицы отрицания *lā* (*lā tapaššaḫīni*). Намного менее вероятной кажется предлагаемая в некоторых переводах интерпретация этого суффикса как аккузативной местоименной энклитики 1 л. ед. ч. При таком толковании речь, по всей видимости, должна идти об аблативном аккузативе[244], а частице *lā* следует приписывать прохибитивное значение: «пусть ты не найдешь от меня покоя»[245].

Литература / References

Abusch, T., Schwemer, D. 2011: *Corpus of Mesopotamian Anti-Witchcraft Rituals*. Vol. 1. (Ancient Magic and Divination, 8/1). Leiden–Boston.

Alster, B. 1991–1992: Early Dynastic proverbs and other contributions to the study of literary texts from Abū Ṣalābīkh. *Archiv für Orientforschung* 38–39, 1–51.

Alster, B. 1993: Marriage and love in the Sumerian love songs. In: M.E. Cohen, D.C. Snell, D.B. Weisberg (eds.), *The Tablet and the Scroll: Near Eastern Studies in Honor of William W. Hallo*. Bethesda, 15–27.

Alster, B. 2005: Demons in the conclusion of Lugalbanda in Hurrumkurra. *Iraq* 67/2, 61–71.

---

[234] Prechel 1996, 189.

[235] Ишхара была специфически связана с брачными церемониями и супружеской любовью (Stol 2016, 95, 434).

[236] Prechel 1996, 145–146, 189.

[237] von Soden 1972, 274; AHw. 1087a.

[238] Родственно евр. *ṣawwā*(*ʾ*)*r*, сир. *ṣawrā* (подробнее см. SED 1, № 258). Крайне негативная оценка этого сопоставления в Lambert 1987, 38 не заслуживает доверия.

[239] Arkhipov 2021, 210–211.

[240] George 2018, 64, no. 69: 7; 74, no. 86: 8 (вероятно, также в TIM 4, 36: 13, 15, 19).

[241] Вслед за Вестенхольцами (Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 210) мы полагаем, что речь идет о форме статива (*e-tam*$_2$*-da* = *ᶜetamdā*). Ср. Arkhipov, Loesov 2020, 39–40, где отмечается, что эта последовательность знаков может быть в принципе истолкована и как форма претерита (*eᶜtamdā* < **yiᶜtamdā*).

[242] Kouwenberg 2010, 295.

[243] Westenholz J., Westenholz Aa. 1977, 210. См. также Hasselbach 2005, 206.

[244] Об аблативном аккузативе см. Jacobsen 1963.

[245] Klochkov 2000, 215 («Не получишь ты от меня покоя!»); Foster 2005, 67 («May you find no release from me»). Неправдоподобны переводы, в которых *-ni*, очевидно, понимается как аккузатив отношения: «sollst du mir nicht zur Ruhe kommen!» (Wilcke 1991, 281); «sollst du in Bezug auf mich (sexuell) nicht zur Ruhe kommen» (Haas 1999, 151). Невероятен перевод Гронеберг, в котором *pašāḫu* «успокаиваться» интерпретируется как переходный глагол: «sollst du (auch) mich nicht beruhigen» (Groneberg 2001, 106).

Alster, B., Oshima, T. 2006: A Sumerian proverb tablet in Geneva, with some thoughts on Sumerian proverb collections. *Orientalia Nova Series* 75/1, 31–72.
Archi, A. 2020: Išḫara and Aštar at Ebla: some definitions. In: I. Arkhipov, L. Kogan, N. Koslova (eds.), *The Third Millennium: Studies in Early Mesopotamia and Syria in Honor of Walter Sommerfeld and Manfred Krebernik*. (Cuneiform Monographs, 50). Leiden–Boston, 1–34.
Arkhipov, I. 2012: *Le Vocabulaire de la métallurgie et la nomenclature des objets en métal dans les textes de Mari*. (Archives royales de Mari, 32). Leuven–Paris–Walpole.
Arkhipov, I. 2021: Chroniques bibliographiques 25. Lexical and other notes on Old Babylonian letters in the Schøyen collection. *Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale* 115, 203–218.
Arkhipov, I., Loesov, S. 2020: The *t*-Form of the Sargonic verb. In: I. Arkhipov, L. Kogan, N. Koslova (eds.), *The Third Millennium: Studies in Early Mesopotamia and Syria in Honor of Walter Sommerfeld and Manfred Krebernik*. (Cuneiform Monographs, 50). Leiden–Boston, 35–53.
Assante, J. 2002: Sex, magic and the liminal body in the erotic art and texts of the Old Babylonian period. In: S. Parpola, R.M. Whiting (eds.), *Sex and Gender in the Ancient Near East: Proceedings of the 47th Rencontre Assyriologique Internationale*. Helsinki, 27–52.
Auanger, L. 2002: Glimpses through a window: an approach to Roman female homoeroticism through art historical and literary evidence. In: N.S. Rabinowitz, L. Auanger (eds.), *Among Women: From the Homosocial to the Homoerotic in the Ancient World*. Austin, 211–255.
Benito, C.A. 1969: *"Enki and Ninmah" and "Enki and the World Order"*. PhD. Diss. Philadelphia.
Biggs, R.D. 1967: *ŠÀ.ZI.GA: Ancient Mesopotamian Potency Incantations*. (Texts from Cuneiform Sources, 2). Locust Valley.
Böck, B. 2008: Babylonisch-assyrische Medizin in Texten und Untersuchungen: Erkrankungen des uro-genitalen Traktes, des Enddarmes und des Anus. *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes* 98, 295–346.
Bonechi, M. 1988: Sulle attestazioni archaiche del prefisso di coniugazione *TI. *Miscellanea Eblaitica* 1, 121–172.
Borger, R. 2010: *Mesopotamisches Zeichenlexikon*. 2., revidierte und aktualisierte Aufl. (Alter Orient und Altes Testament, 305). Münster.
Bottéro, J. 1949: Les inventaires de Qatna (suite). *Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale* 43/3–4, 137–215.
Civil, M. 1974: Medical commentaries from Nippur. *Journal of Near Eastern Studies* 33/3, 329–338.
Civil, M. 1987: Studies on Early Dynastic lexicography III. *Orientalia Nova Series* 56/3, 233–244.
Cohen, E. 2006: The tense-aspect system of the Old Babylonian epic. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 96/1, 31–68.
Conti, G. 1990: *Il sillabario della quarta fonte della lista lessicale bilingue eblaita*. (Quaderni di Semistica, 17). Firenze.
Couto Ferreira, M.É. 2009: *Etnoanatomía y partonomía del cuerpo humano en sumerio y acadio. El léxico Ugu-mu*. PhD. Diss. Barcelona.
Cunningham, G. 1997: *'Deliver Me from Evil': Mesopotamian Incantations 2500–1500 BC*. (Studia Pohl: Series Maior, 17). Roma.
De Zorzi, N. 2014: *La serie teratomantica* Šumma izbu: *testo, traduzione, orizzonti culturali*. (History of the Ancient Near East / Monographs, 15). Padova.
Diakonoff, I.M. 1981: [«Ea loves Ir'emum»: A Love Incantation]. In: I.M. Diakonoff, V.K. Afanas'eva (eds.), *Ya otkroyu tebe sokrovennoe slovo: literatura Vavilonii i Assirii*. [*I will Reveal to You a Hidden Word: The Literature of Babylonia and Assyria*]. Moscow, 196, 311–312.
Дьяконов, И.М. «Эйа Ир'емума любит»: любовное заклинание. В сб.: И.М. Дьяконов, В.К. Афанасьева (сост.), *Я открою тебе сокровенное слово: литература Вавилонии и Ассирии*. М., 196, 311–312.
Diakonoff, I.M., Starostin, S.A. 1986: *Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian Language*. München.
Durand, J.-M. 2001: Une alliance matrimoniale entre un marchand assyrien de Kanesh et un marchand mariote. In: W.H. van Soldt (ed.), *Veenhof Anniversary Volume: Studies Presented to Klaas R. Veenhof on the Occasion of His Sixty-Fifth Birthday*. (Publications de l'Institut Historique-Archéologique Néerlandais de Stamboul, 89). Leiden, 119–132.
Ebeling, E. 1925: *Liebeszauber im Alten Orient*. (MAOG, 1/1). Leipzig.
Farber, W. 1990: *Mannam lušpur ana Enkidu*: some new thoughts about an old motif. *Journal of Near Eastern Studies* 49/4, 299–321.

Foster, B.R. 2005: *Before the Muses: An Anthology of Akkadian Literature*. Bethesda.
Fox, M.V. 2009: *Proverbs 10–31: A New Translation with Introduction and Commentary*. (The Anchor Yale Bible, 18B). New Haven–London.
Frayne, D.R, 2008: *Presargonic Period (2700–2350 BC)*. (The Royal Inscriptions of Mesopotamia: Early Periods, 1). Toronto.
Gabbay, U. 2014: *Pacifying the Hearts of the Gods: Sumerian Emesal Prayers of the First Millennium BC*. (Heidelberger Emesal-Studien, 1). Wiesbaden.
Gelb, I.J., 1969: *Sequential Reconstruction of Proto-Akkadian*. (Assyriological Studies, 18). Chicago.
Gelb, I.J. 1970: *Sargonic Texts in the Ashmolean Museum, Oxford*. (Materials for the Assyrian Dictionary, 5). Chicago.
Gelb, I.J. 1982: Sumerian and Akkadian words for "string of fruit". In: G. van Driel, Th.J.H. Krispijn, M. Stol, K.R. Veenhof (eds.), *Zikir šumim: Assyriological Studies Presented to F.R. Kraus on the Occasion of His Seventieth Birthday*. Leiden, 67–82.
George, A.R. 2003: *The Babylonian Gilgameš Epic: Introduction, Critical Edition and Cuneiform Texts*. Oxford.
George, A.R. 2009: *Babylonian Literary Texts in the Schøyen Collection*. (Cornell University Studies in Assyriology and Sumerology, 10). Bethesda.
George, A.R. 2018: *Old Babylonian Texts in the Schøyen Collection*. Pt. 1. *Selected Letters*. (Cornell University Studies in Assyriology and Sumerology, 36). Bethesda.
Goodnick Westenholz, J. 1987: A forgotten love song. In: F. Rochberg-Halton (ed.), *Language, Literature, and History: Philological and Historical Studies Presented to Erica Reiner*. (American Oriental Series, 67). New Haven, 415–425.
Grayson, A.K. 1991: *Assyrian Rulers of the Early First Millennium BC, I (1114–859)*. (The Royal Inscriptions of Mesopotamia: Assyrian Periods, 2). Toronto, 1991.
Groneberg, B. 2001: Die Liebesbeschwörung MAD V 8 und ihr literarischer Kontext. *Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale* 95, 97–113.
Gurney, O.R. 1957: The Sultantepe tablets (continued): VI. A letter of Gilgamesh. *Anatolian Studies* 7, 127–136.
Haas, V. 1999: *Babylonischer Liebesgarten: Erotik und Sexualität im Alten Orient*. München.
Hasselbach, R. 2005: *Sargonic Akkadian: A Historical and Comparative Study of the Syllabic Texts*. Wiesbaden.
Hecker, K. 1996: Schultexte aus Kültepe: ein Nachtrag. *Nouvelles Assyriologiques Brèves et Utilitaires* 1, 20–21.
Hirsch, H. 1995–1996: An den Rand geschrieben I. *Archiv für Orientforschung* 42–43, 122–144.
Jacobsen, T. 1963: The Akkadian ablative accusative. *Journal of Near Eastern Studies* 22/1, 18–29.
Jursa, M. 2003–2005: Parfüm(rezepte). A. In Mesopotamien. In: *RlA* 10, 335–336.
Jursa, M. 2009: Die Kralle des Meeres und andere Aromata. In: W. Arnold, M. Jursa, W.W. Müller, S. Procházka (Hrsg.), *Philologisches und Historisches zwischen Anatolien und Sokotra: Analecta Semitica. In Memoriam Alexander Sima*. Wiesbaden, 147–180.
Khait, I. 2014: New Readings in YOS 10. In: J.C. Fincke (ed.), *Divination in the Ancient Near East: A Workshop on Divination Conducted during the 54th Rencontre Assyriologique Internationale, Würzburg, 2008*. Winona Lake, 77–89.
Klochkov, I.S. 2000: [«Ea loves the loved one»: A Love Incantation]. In: V.K. Afanas'eva, I.M. Diakonoff (eds.), *Kogda Anu sotvoril nebo: literatura drevney Mesopotamii*. [*When Anu Created Heaven: The Literature of Ancient Mesopotamia*]. Moscow, 213–215, 383–387.
Клочков, И.С. «Эа любимца любит...»: любовное заклинание. В сб.: В.К. Афанасьева, И.М. Дьяконов (сост.), *Когда Ану сотворил небо: литература древней Месопотамии*. М., 213–215, 383–387.
Kogan, L. 2001: **ǵ* in Akkadian. *Ugarit-Forschungen* 33, 263–298.
Kogan, L. 2011a: Old Babylonian copies of Sargonic royal inscriptions as linguistic evidence. In: G. Barjamovic, J.L. Dahl, U.S. Koch, W. Sommerfeld, J. Goodnick Westenholz (eds.), *Akkade is King: A Collection of Papers by Friends and Colleages Presented to Aage Westenholz on the Occasion of His 70th Birthday 15th of May 2009*. (Publications de l'Institut Historique-Archéologique Néerlandais de Stamboul, 118). Leiden, 163–188.

Kogan, L. 2011b: Proto-Semitic phonetics and phonology. In: S. Weninger (ed.), *The Semitic Languages: An International Handbook*. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft, 36). Berlin–Boston, 54–151.
Kogan, L. 2011c: On some orthographic oppositions in the Old Babylonian copies of the Sargonic royal inscriptions (I). *Bibliotheca Orientalis* 68/1–2, 33–56.
Kogan, L. 2012: Les noms de plantes akkadiens dans leur contexte sémitique. In: R. Hasselbach, N. Pat-El (eds.), *Language and Nature: Papers Presented to John Huehnergard on the Occasion of His 60th Birthday*. (Studies in Ancient Oriental Civilization, 67). Chicago, 229–267.
Kogan, L. 2015a: *Genealogical Classification of Semitic: The Lexical Isoglosses*. Berlin–Boston.
Kogan, L. 2015b: Semitic etymology in a Biblical Hebrew lexicon: the limits of usefulness. In: E. Bons, J. Joosten, R. Hunziker-Rodewald (eds.), *Biblical Lexicology: Hebrew and Greek. Semantics – Exegesis – Translation*. (Beihefte zur Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft, 443). Berlin–Boston, 83–102.
Kogan, L., Koslova, N. 2006: [Rev.:] J.G. Dercksen (ed.), Assyria and Beyond: Studies Presented to Mogens Trolle Larsen. Leiden, 2004. *Babel und Bibel* 3, 589–612.
Kogan, L., Markina, E. 2012: Marginalia Sargonica. I. *Babel und Bibel* 6, 479–485.
Kogan, L., Markina, E. 2019: Language and administration in a recently published collection of Sargonic documents. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 169/2, 281–312.
Kouwenberg, N.J.C. 1997: *Gemination in the Akkadian Verb*. (Studia Semitica Neerlandica, 32). Assen.
Kouwenberg, N.J.C. 2010: *The Akkadian Verb and Its Semitic Background*. (Languages of the Ancient Near East, 2). Winona Lake.
Kouwenberg, N.J.C. 2012: [Rev.:] Streck, M.P. Altbabylonisches Lehrbuch. Wiesbaden, 2011. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 102/2, 323–332.
Kouwenberg, N.J.C. 2017: *A Grammar of Old Assyrian*. (Handbuch der Orientalistik, 118). Leiden–Boston.
Krebernik, M. 1983: Zu Syllabar und Orthographie der lexikalischen Texte aus Ebla. Teil 2 (Glossar). *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 73/1, 1–47.
Krebernik, M. 1992: Mesopotamian myths at Ebla: ARET 5, 6 and ARET 5, 7. In: P. Fronzaroli (ed.), *Literature and Literary Language at Ebla*. (Quaderni di Semitistica, 18). Firenze, 63–149.
Krebernik, M. 1993–1997: Mondgott. A.I. In Mesopotamien. In: *RlA* 8, 360–369.
Krebernik, M. 1996: Neue Beschwörungen aus Ebla. *Vicino Oriente* 10, 7–28.
Krecher, J. 1972: [Rez.:] Gelb, I.J. Sargonic Texts in the Ashmolean Museum, Oxford. (MAD, 5). Chicago, 1970. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 62/2, 269–273.
Lambert, W.G. 1960: *Babylonian Wisdom Literature*. Oxford.
Lambert, W.G. 1966: Divine love lyrics from the reign of Abi-ešuḫ. *Mitteilungen des Instituts für Orientforschung* 12, 41–56.
Lambert, W.G. 1987: Devotion: the languages of religion and love. In: M. Mindlin, M.J. Geller, J.E. Wansbrough (eds.), *Figurative Language in the Ancient Near East*. London, 25–39.
Lambert, W.G. 1989: Notes on a work of the most ancient Semitic literature. *Journal of Cuneiform Studies* 41/1, 1–33.
Lambert, W.G. 1992: The language of ARET V 6 and 7. In: P. Fronzaroli (ed.), *Literature and Literary Language at Ebla*. (Quaderni di Semitistica, 18). Firenze, 41–62.
Lambert, W.G. 2013: *Babylonian Creation Myths*. (Mesopotamian Civilizations, 16). Winona Lake.
Mayer, W.R. 1992: Das "gnomische Präteritum" im literarischen Akkadisch. *Orientalia Nova Series* 61/4, 373–399.
Meissner, B. 1931: *Beiträge zum assyrischen Wörterbuch I*. (Assyriological Studies, 1/1). Chicago.
Michalowski, P. 2017: Literary journeys from Babylonia to Assyria: second millennium copies of a bilingual poem concerning Ninurta. In: L. Feliu, F. Karahashi, G. Rubio (eds.), *The First Ninety Years: A Sumerian Celebration in Honor of Miguel Civil*. (Studies in Ancient Near Eastern Records, 12). Boston–Berlin, 205–230.
Michel, C. 2004: Deux incantations paléo-assyriennes. Une nouvelle incantation pour accompagner la naissance. In: J.G. Dercksen (ed.), *Assyria and Beyond: Studies Presented to Mogens Trolle Larsen*. (Publications de l'Institut Historique-Archéologique Néerlandais de Stamboul, 100). Leiden, 395–420.
Milano, L., Westenholz, Aa. 2015: *The "Šuilisu Archive" and Other Sargonic Texts in Akkadian*. (Cornell University Studies in Assyriology and Sumerology, 27). Bethesda.

Miller, A.G., Morris, M. 1988: *Plants of Dhofar, the Southern Region of Oman: Traditional, Economic, and Medicinal Uses*. Muscat.

Müller, W.W. 1978: Weihrauch. In: *RE*. Supplbd. XV, 700–777.

Neumann, H. 2008: Sumerische und akkadische Texte des 3. Jt. v. Chr. In: B. Janowski, G. Wilhelm (Hrsg.), *Omina, Orakel, Rituale und Beschwörungen*. (Texte aus der Umwelt des Alten Testamentes. Neue Folge, 4). Gütersloh, 1–15.

Nurullin, R.M. 2019: [On Sumerian loanwords in Akkadian. Part II]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 79/1, 23–40.
Нуруллин, Р.М. К вопросу о шумерских заимствованиях в аккадском. Ч. II. *ВДИ* 79/1, 23–40.

Ornan, T. 2010: Divine Love: Nanna, Ningal and their entourage on a clay plaque. In: W. Horowitz, U. Gabbay, F. Vukosavović (eds.), *A Woman of Valor: Jerusalem Ancient Near Eastern Studies in Honor of Joan Goodnick Westenholz*. (Biblioteca del Próximo Oriente Antiguo, 8). Madrid, 119–143.

Oshima, T. 2014: *Babylonian Poems of Pious Sufferers*. (Orientalische Religionen in der Antike, 14). Tübingen.

Otto, A. 2016: Professional women and women at work in Mesopotamia and Syria (3rd and early 2nd millennia BC): the (rare) information from visual images. In: B. Lion, C. Michel (eds.), *The Role of Women in Work and Society in the Ancient Near East*. (Studies in Ancient Near Eastern Records, 13). Boston–Berlin, 112–148.

Pardee, D. 1988: *Les textes para-mythologiques de la 24e campagne (1961)*. (Ras Shamra-Ougarit, 4). Paris.

Paul, S.M. 1994: Euphemistically "speaking" and a covetous eye. *Hebrew Annual Review* 14, 193–204.

Paul, S.M. 2002: The shared legacy of sexual metaphors and euphemisms in Mesopotamian and Biblical literature. In: S. Parpola, R.M. Whiting (eds.), *Sex and Gender in the Ancient Near East: Proceedings of the 47th Rencontre Assyriologique Internationale*. Helsinki, 489–498.

Postgate, J.N. 1992: Trees and timber in the Assyrian texts. *Bulletin on Sumerian Agriculture* 6, 177–192.

Prechel, D. 1996: *Die Göttin Išḫara. Ein Beitrag zur altorientalischen Religionsgeschichte*. (Abhandlungen zur Literatur Alt-Syrien-Palästinas und Mesopotamiens, 11). Münster.

Reiner, E. 1978: Die akkadische Literatur. In: W. Röllig (Hrsg.), *Altorientalische Literaturen*. Wiesbaden, 151–210.

Reiner, E. 1990: Nocturnal talk. In: T. Abusch, J. Huehnergard, P. Steinkeller (eds.), *Lingering over Words: Studies in Ancient Near Eastern Literature in Honor of William L. Moran*. (Harvard Semitic Studies, 37). Atlanta, 421–424.

Richter, T. 2012: *Bibliographisches Glossar des Hurritischen*. Wiesbaden.

Sasson, J.M. 2015: *From the Mari Archives: An Anthology of Old Babylonian Letters*. Winona Lake.

Sefati, Y. 1998: *Love Songs in Sumerian literature: Critical Edition of the Dumuzi-Inanna Songs*. Ramat Gan.

Schorch, S. 2000: *Euphemismen in der Hebräischen Bibel*. (Orientalia Biblica et Christiana, 12). Wiesbaden.

Scurlock, J. 2005–2006: Sorcery in the stars: STT 300, BRM 4.19–20 and the Mandaic Book of the Zodiac. *Archiv für Orientforschung* 51, 125–146.

Sigrist, M., Goodnick Westenholz, J. 2008: The love poem of Rīm-Sîn and Nanaya. In: C. Cohen, V.A. Hurowitz, A. Hurvitz, Y. Muffs, B.J. Schwartz, J.H. Tigay (eds.), *Birkat Shalom: Studies in the Bible, Ancient Near Eastern Literature, and Postbiblical Judaism Presented to Shalom M. Paul on the Occasion of His Seventieth Birthday*. Winona Lake, 667–704.

Soden, W. von 1933: Der hymnisch-epische Dialekt des Akkadischen (Schluß). *Zeitschrift für Assyriologie und Verwandte Gebiete* 41/1–2, 90–183.

Soden, W. von 1938: Altbabylonische Dialektdichtungen. *Zeitschrift für Assyriologie und Verwandte Gebiete* 44/1–2, 26–44.

Soden, W. von 1972: Ergänzende Bemerkungen zum "Liebeszauber" – Text MAD 5 Nr. 8. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 62/2, 273–274.

Sommerfeld, W. 1999: *Die Texte der Akkade-Zeit. 1. Das Dijala-Gebiet: Tutub*. (IMGULA 3/1). Münster.

Sommerfeld, W. 2003: Der Name Rīmuš. In: L. Kogan (ed.), *Studia Semitica*. (Orientalia: Papers of the Oriental Institute, 3). Moscow, 407–423.

Sommmerfeld, W. 2012: [Rez.:] Hasselbach, R. Sargonic Akkadian: A Historical and Comparative Study of the Syllabic Texts. Wiesbaden, 2005. *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes* 102, 193–284.
Stol, M. 1971: Zur altmesopotamischen Bierbereitung. *Bibliotheca Orientalis* 28/3–4, 167–171.
Stol, M. 1979: *On Trees, Mountains, and Millstones in the Ancient Near East*. Leiden.
Stol, M. 2012: Bitumen in Ancient Mesopotamia. The textual evidence. *Bibliotheca Orientalis* 69/1–2, 48–60.
Stol, M. 2016: *Women in the Ancient Near East*. Boston–Berlin.
Streck, M.P., Wasserman, N. 2012: More light on Nanāya. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 102/2, 183–201.
Thompson, R.C. 1949: *A Dictionary of Assyrian Botany*. London.
Thureau-Dangin, F. 1925: Un hymne à Ištar de la haute époque babylonienne. *Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale* 22/4, 169–177.
Ungnad, A. 1941–1944: Besprechungskunst und Astrologie in Babylonien. *Archiv für Orientforschung* 14, 251–284.
Wasserman, N. 2016: *Akkadian Love Literature of the Second Millennium BCE*. (Leipziger Altorientalische Studien, 4). Wiesbaden.
Weeden, M. 2009: The Akkadian words for "grain" and the god Ḫaya. *Die Welt des Orients* 39/1, 77–107.
Westbrook, R. 1988: *Old Babylonian Marriage Law*. (Archiv für Orientforschung. Beiheft, 23). Horn.
Westenholz, Aa. 1972: [Rev.:] Gelb, I.J. Sargonic Texts in the Ashmolean Museum, Oxford. (MAD, 5). Chicago, 1970. *Journal of Near Eastern Studies* 31/4, 380–382.
Westenholz, J., Westenholz, Aa. 1977: Help for rejected suitors: the Old Akkadian love incantation MAD V 8. *Orientalia Nova Series* 46/2, 198–219.
Wilcke, C. 1985: Liebesbeschwörungen aus Isin. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 75/2, 188–209.
Wilcke, C. 1991: Schrift und Literatur. In: B. Hrouda (Hrsg.), *Der Alte Orient: Geschichte und Kultur des alten Vorderasien*. München, 271–297.
Wilcke, C. 2010: Sumerian: what we know and what we want to know. In: L. Kogan, N. Koslova, S. Loesov, S. Tishchenko (eds.), *Language in the Ancient Near East: Proceedings of the 53e Rencontre Assyriologique Internationale*. (Babel und Bibel, 4). Winona Lake, 5–76.
Wilcke, C. 2015: Vom klugen Lugalbanda. In: K. Volk (Hrsg.), *Erzählungen aus dem Land Sumer*. Wiesbaden, 203–272, 421–434.
Wilson-Wright, A.M. 2016: *Athtart: The Transmission and Transformation of a Goddess in the Late Bronze Age*. (Forschungen zum Alten Testament. 2. Reihe, 90). Tübingen.

Leonid E. Kogan,

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia

E-mail: lkog@rggu.ru

ORCID: 0000-0002-1195-6636

Acknowledgements: Russian Scientific Foundation, project no. 21-18-00232

Rim M. Nurullin,

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
HSE University, Moscow, Russia

E-mail: rmnurullin@hse.ru

ORCID: 0000-0003-0884-4315

Acknowledgements: Russian Scientific Foundation, project no. 18-18-00503

Л.Е. Коган,

д. филол. н.,
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Р.М. Нуруллин,

Институт языкознания РАН;
Институт классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В «ВЕСТНИКЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» В 2021 ГОДУ

	№	Стр.
Braund D. (Exeter, UK) – On the Camels of the Aorsi: Dioscorides and the Medicine Trade of the Bosporan Kingdom. Part I. The "Soldier's Life" of Dioscorides	2	394
Braund D. (Exeter, UK) – On the Camels of the Aorsi: Dioscorides and the Medicine Trade of the Bosporan Kingdom. Part II. Dioscorides on the Bosporan Kingdom: Beavers, Rhubarb and Indian Trade	3	615
Bresson A. (Chicago, USA) – Rhodes Before the Synoecism and the Cult of Zeus Atabyrios	3	663
Chrustaljow W.K. (Санкт-Петербург) – Die *Corona* in den spätrepublikanischen römischen Gerichtshöfen	1	99
Dana M., Dana D. (Lyon, France) – Graffites grecs sur un groupe statuaire en plomb et *defixio* sur plomb (Olbia du Pont) : réédition et commentaires onomastiques	3	713
Kalchenko E.S. (Санкт-Петербург) – "Mysteries of John, the Apostle and Holy Virgin": Reflection of Ancient Traditions in the Coptic Narrative	4	914
Porucznik J. (Opole, Poland) – Golden Face Covers from the North Pontic Region: Analysis of the Archaeological Material	4	863
Александров Б.Е. (Москва) – «Мертвые или живые»: об одной формуле в правовых документах из Эмара	2	298
Александрова Н.В., Русанов М.А. (Москва) – Город и монастырь: рассказы о дарении пищи из палийской Винаи («Суттавибханга» и «Махавагга»)	1	62
Богданов И.В. (Санкт-Петербург) – К датировке гробницы G 1111 в Гизе	2	269
Буйских А.В. (Киев, Украина) – Градостроительный план Ольвии Понтийской	3	673
Ведешкин М.А. (Москва) – Юлиан Отступник и апостасия Римской империи	4	890
Вертиенко А.В. (Киев) – «Серебро» в текстах Авесты	1	52
Виноградов Ю.А. (Санкт-Петербург) – О поэтическом вымысле и исторической правде: по поводу одной песни, сочиненной Ю.Г. Виноградовым	3	767
Виноградов Ю.А., Шауб И.Ю. (Санкт-Петербург) – Об одном забытом ольвийском рельефе	2	331
Войтенко А.А. (Москва) – «Великие отцы наши»: предполагаемая история одной монашеской литании в позднеантичном Египте	1	135
Гринцер Н.П. (Москва) – Политика мифа в «Ифигении в Авлиде» и «Вакханках» Еврипида	3	577
Данилочкина К.С. (Москва), *Барышников А.Е.* (Нижний Новгород) – Современные исследования Адрианова вала: проблемы и поиски	2	423
Дурново М.В. (Москва) – Семьи рабов и senatus consultum Claudianum 52 г.	3	635
Завадская И.А. (Симферополь) – О происхождении раннехристианских росписей в склепах Херсонеса	2	439
Зелинский А.Л. (Киев) – Птолемей III и мифологема о появлении феникса в Египте: возвращение к классической датировке	1	86
Иванчик А.И. (Москва) – Врачи римского гарнизона Тиры: новые чтения известных надписей	3	725

Казанский Н.Н. (Санкт-Петербург) – Фиванские святилища микенского времени (к интерпретации текста TH Av 104 +191) 1 23

Костромичев Д.А. (Севастополь) – Был ли солдатом Аврелий Виатор?..... 2 408

Макаров И.А. (Москва) – Об остраконе из Северо-Западного Крыма..... 3 737

Никольский Б.М. (Москва) – Указ и проклятие Эдипа (Софокл, «Царь Эдип», ст. 236–243) 2 316

Никольский И.М. (Москва) – Христианский апологет или римский патриот? Драконций и Exempla virorum в его «Хвале Господу» (*LD* III. 250–467)..... 3 649

Подосинов А.В. (Москва) – О Борее, Понте и древнем саде Феба: замечания к географии европейского севера у Софокла..... 3 699

Рунг Э.В., Орлов В.П. (Казань) – «Полудержавный властелин»: евнух Багой в истории Ахеменидской империи 3 590

Сафронов А.В. (Москва) – Незамеченная иконография «народа моря» вашаша..... 1 5

Суриков И.Е. (Москва) – К хронологии жизни и творчества историка Гелланика..... 4 837

Трейстер М.Ю. (Берлин, ФРГ) – Коралловые украшения и элементы декора в ювелирных изделиях и предметах торевтики из погребений кочевников Азиатской Сарматии в контексте торговли экзотическими материалами в Евразии..... 2 340

Фролов Р.М. (Ярославль) – Плебейский трибун П. Сульпиций Руф против консула Кв. Помпея Руфа в 88 г. до н.э. (Plut. *Sull*. 8. 8) 1 116

Шелов-Коведяев Ф.В. (Москва) – De titulis bosporanis et viciniis II. 10. Астрагал из Фанагории 1 80

Шелов-Коведяев Ф.В. (Москва) – De titulis bosporanis et viciniis II. 11. Боспор и Рим в начале III в. н.э. 3 755

Шелов-Коведяев Ф.В. (Москва) – Уроки Ю.Г. Виноградова 3 660

ПУБЛИКАЦИИ

Бехтер А.П. (Санкт-Петербург), *Чхаидзе В.Н.* (Москва) – Новые данные о «боящихся Бога» на Азиатском Боспоре..... 4 922

Кузнецова Е.В. (Саратов), *Лимберис Н.Ю.*, *Марченко И.И.* (Краснодар), *Монахов С.Ю.* (Саратов) – Хронология скифосов «беглого» стиля и амфор из Прикубанского некрополя 1 149

Лысенко А.В. (Симферополь), *Мордвинцева В.И.* (Москва) – Вторая передвижная гиря от римских «быстрых» весов из святилища Эклизи-Бурун (Горный Крым)..... 4 938

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

Анохина Е.А., Малых С.Е. (Москва) – «Дом души» из собрания ГМИИ имени А.С. Пушкина 4 960

Васильева О.А., Малых С.Е. (Москва) – Аспекты религиозного синкретизма богини Исиды в греко-римском Египте на примере терракотовой пластики из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина 1 166

Захаров Е.В., Смирнов С.В. (Москва) – Новые бронзовые монеты государства Селевкидов из собрания Государственного исторического музея 4 981

Крол А.А., Толмачева Е.Г. (Москва) – Саркофаг Тамин из собрания НИИ и Музея антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова 2 463

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Ананьев В.Г. (Москва/Санкт-Петербург), *Бухарин М.Д.* (Москва) – С.А. Жебелёв в системе советской науки (по материалам архивных документов). Часть III. 1932–1940..... 1 198

Ананьев В.Г. (Москва/Санкт-Петербург), *Бухарин М.Д.* (Москва) – С.А. Жебелёв в системе советской науки (по материалам архивных документов). Часть IV. С.А. Жебелёв – заслуженный деятель науки РСФСР..... 2 491

Васильева О.А., Ладынин И.А. (Москва) – Накануне великой войны: переписка Алана Х. Гардинера и В.С. Голенищева 29–30 июля 1914 г. 4 1015

Стеженская Л.В. (Москва) – Неизвестные страницы древнекитайской историографии: перевод «Шу цзина» архимандрита Даниила (1798–1871) 3 774

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Алмазова Н.С., Ладынин И.А. (Москва) – С.Б. Крих. Другая история: «Периферийная» советская наука о древности. М., 2020 ..... 2 509

Андреева С.Э. (Беэр-Шева, Израиль) – А.В. Белоусов. Корпус заклятий понтийской Ольвии. М., 2020..... 3 791

Казаров С.С. (Ростов-на-Дону) – P.A. Kent. A History of the Pyrrhic War. Abingdon–New York, 2020..... 4 1045

Короленков А.В., Кириллова М.Н. (Москва) – Сулла: самопрезентация и восприятие (из работ последних лет)..... 4 1030

Кузьмин Ю.Н. (Самара) – E.D. Carney. Eurydice and the Birth of Macedonian Power. New York, 2019..... 1 211

Осипова О.В. (Москва) – L.I. Hau, A. Meeus, B. Sheridan (eds.). Diodoros of Sicily: Historiographical Theory and Practice in the *Bibliotheke*. Leuven, 2018..... 1 216

Синицын А.А. (Санкт-Петербург), *Суриков И.Е.* (Москва) – S. Sheehan. A Guide to Reading Herodotus' *Histories*. London–New York, 2018 ..... 2 520

PERSONALIA

К юбилею Алексея Алексеевича Вигасина 3 795

К 60-летию профессора Александра Валентиновича Махлаюка..... 4 1051

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Андреева Е.Н., Соломатина Е.И. (Москва) – Международная научная конференция «Историк и текст» (Москва, 19–20 декабря 2019 г.) 1 229

Карпюк С.Г. (Москва) – Международная научная конференция «Советская древность – VI. Древняя история в XX–XXI вв.» (Москва, 27–28 ноября 2020 г.)..... 2 536

Климов О.Ю., Кулишова О.В. (Санкт-Петербург) – XX Жебелёвские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете (Санкт-Петербург, 24–26 октября 2018 г.) 1 221

Климов О.Ю., Кулишова О.В. (Санкт-Петербург) – XXI Жебелёвские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете (Санкт-Петербург, 23–25 октября 2019 г.) 2 529

Климов О.Ю., Кулишова О.В., Пантелеев А.Д., Васильев А.В. (Санкт-Петербург) – XXII Жебелёвские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете, посвященные 150-летию со дня рождения М.И. Ростовцева (Санкт-Петербург, 28–30 октября 2020 г.) 4 1054

Махлаюк А.В. (Нижний Новгород) – Империи древности на международной конференции в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского «Пути империй: модели, практики, дискурсы наднациональных политий от древности до современности» (Нижний Новгород, 3–5 декабря 2020 г.)..... 4 1063

Дмитрий Евгеньевич Афиногенов (1965–2021) 4 1071

Кузьмин Ю.Н. (Самара), *Смыков Е.В.* (Саратов) – Памяти Артура Кивни (1951–2020)..... 1 241

ПРИЛОЖЕНИЕ

Коптский энкомий четырем животным Апокалипсиса. Вступительная статья, перевод с коптского и комментарий *Е.Б. Смагиной* (Москва) 1 243

Староаккадское любовное заклинание MAD 5, 8. Вступительная статья, перевод и комментарий *Л.Е. Когана* (Москва/Санкт-Петербург), *Р.М. Нуруллина* (Москва)..... 4 1073

Ферекид Афинский. Истории. Перевод с древнегреческого и комментарий *И.Е. Сурикова* (Москва) (*окончание следует*) 2 539

Ферекид Афинский. Истории. Перевод с древнегреческого и комментарий *И.Е. Сурикова* (Москва) (*окончание*) 3 797

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ	–	*Византийский временник*. Москва
ВДИ	–	*Вестник древней истории*. Москва
ЖМНП	–	*Журнал Министерства народного просвещения*. Санкт-Петербург, 1834–1917
КБН (=CIRB)	–	Струве, В.В. и др. (ред.), *Корпус боспорских надписей*. Москва–Ленинград, 1965
КСИА	–	*Краткие сообщения института археологии*. Москва
КСИИМК	–	*Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. Москва–Ленинград, 1939–1960
ОАК	–	*Отчеты Императорской Археологической комиссии*. Санкт-Петербург, 1862–1918
ПИФК	–	*Проблемы истории, филологии, культуры*. Магнитогорск
РА	–	*Российская археология*. Москва
СА	–	*Советская археология*. Москва, 1957–1992
AHw.	–	Soden, W. von, *Akkadisches Handwörterbuch*. Wiesbaden, 1959–1981
AMT	–	Thompson, R.C., *Assyrian Medical Texts*. London, 1923
ARET	–	*Archivi reali di Ebla. Testi*. Roma
ARM	–	*Archives Royales de Mari*. Paris
BAM	–	*Die babylonisch-assyrische Medizin in Texten und Untersuchungen*. Berlin
BE	–	*Bulletin épigraphique*. (Suppl. *Revue des études grecques*). Paris
CAD	–	*The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Vol. 1–20. Chicago, 1956–2010
CCP	–	*Cuneiform Commentaries Project*. URL: http://ccp.yale.edu/; дата обращения: 17.11.2021
CDA	–	Black, J., George, A.R., Postgate, N. (eds.), *A Concise Dictionary of Akkadian*. Wiesbaden, 1999
CDG	–	Leslau, W., *Comparative Dictionary of Geʿez (Classical Ethiopic)*. Wiesbaden, 1987
CIJ	–	Frey, J.W. (ed.), *Corpus Inscriptionum Judicarum*. Vol. II. Roma, 1951
CIL	–	*Corpus inscriptionum latinarum*. Berolini
CIRB (=КБН)	–	Struve, V.V. *et al.* (eds.), *Corpus inscriptionum regni Bosporani*. Moscow–Leningrad, 1965
CSEL	–	*Corpus scriptorum Ecclesiasticorum latinorum*. Vindobonae–Berolini, 1866–2012
DUL	–	Del Olmo Lete, G., Sanmartín, J., *A Dictionary of the Ugaritic Language in the Alphabetic Tradition*. 3rd revised ed. Leiden–Boston, 2015
DZA	–	Digitalisiertes Archiv des Wörterbuch der ägyptischen Sprache. *Thesaurus Linguae Aegyptiae*. URL: http://aaew.bbaw.de/tla/servlet/DzaIdx?u=guest&f=0&l=0; дата обращения: 17.11.2021
EA	–	Rainey, A.F., *The El-Amarna Correspondence. A New Edition of the Cuneiform Letters from the Site of El-Amarna based on Collations of all Extant Tablets*. Leiden–Boston, 2015
EDA I	–	Kogan, L., Krebernik, M. (eds.), *Etymological Dictionary of Akkadian*. Vol. I. *Roots beginning with P and B*. Berlin–Boston, 2020
ETCSL	–	*Electronic Text Corpus of Sumerian Literature*. URL: http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/; дата обращения: 17.11.2021
FGrHist	–	Jacoby, F. (Hrsg.), *Die Fragmente der griechischen Historiker*. Bd. I–III. Berlin–Leiden, 1923–1958
FM	–	*Florilegium Marianum*. Paris
GAG	–	Soden, W. von, *Grundriss der akkadischen Grammatik*. 3. Aufl. Roma, 1995

IGUR	–	Moretti, L., *Inscriptiones graecae urbis Romae*. Vol. 1–4. Rome 1968–1990
IJudO	–	Ameling, W. (ed.), *Inscriptiones Judaicae Orientis*. Vol. II. Tübingen, 2004
ILS	–	Dessau, H., *Inscriptiones latinae selectae*. T. I–V. Berolini, 1892–1916
IOSPE	–	Latyschev, B. *et. al.* (ed.), *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Ed. 1. Vol. I, II, IV. Petropoli, 1885–1901. Ed. 2. Vol. I. Petropoli, 1916. Ed. 3. Vol. I, III, V. Digital ed., 2015–2017. URL: https://iospe.kcl.ac.uk/index.html; дата обращения: 17.11.2021
KAR	–	Ebeling, E., *Keilschrifttexte aus Assur religiösen Inhalts*. Bd. I–II. Leipzig, 1915–1923
KTU	–	Dietrich, M., Loretz, O., Sanmartín, J. (Hrsg.), *Die keil-alphabetischen Texte aus Ugarit*. Münster, 1976
Lane	–	Lane, W., *An Arabic-English Lexicon*. London–Edinburgh, 1863–1893
LGG	–	Leitz, C. (Hrsg.), *Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen*. Bd. I–VII. Leuven–Paris–Dudley (MA), 2002
LGPN	–	*A Lexicon of Greek Personal Names*. Oxford
LIMC	–	*Lexicon iconographicum mythologiae classicae*. Vol. I–VIII. Zürich–München–Düsseldorf, 1981–1999
LLA	–	Dillmann, A., Munzinger, W. *Lexicon linguae aethiopicae, cum indice latino*. Leipzig, 1865
MAD	–	Gelb, I.J., *Materials for the Assyrian Dictionary*. Vol. I–V. Chicago, 1952–1970
MEE	–	*Materiali epigrafici di Ebla*. Napoli
Milet VI	–	Herrmann, P. *Inschriften von Milet*. Teil 1–3. Berlin–New-York, 1998
MSL	–	*Materialien zum sumerischen Lexikon* (= *Materials for the Sumerian Lexicon*). Rome
OIP	–	*Oriental Institute Publications*. Chicago
PG	–	Migne, J.-P. (ed.), *Patrologiae cursus completus. Series Graeca*. Paris,1857–1866
PLRE I	–	Jones, A.H.M., Martindale, J.R., Morris, J., *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. I. *A.D. 260–395*. Cambridge, 1971
PM VII	–	Porter, B., Moss, R.L.B., *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs, and Paintings*. Vol. VII. *Nubia, the Deserts, and Outside Egypt*. Oxford, 1952
RE	–	Pauly, A., Wissowa, G., Kroll, W., Witte, K., Mittelhaus, K., Ziegler, K. (Hrsg.), *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1894–1980
RIC I	–	Sutherland, C., Carson, R., *The Roman Imperial Coinage*. Vol. I. *From 31 BC to AD 69*. London, 1984
RIC IX	–	Pearce, J.W.E., *The Roman Imperial Coinage*. Vol. IX. *Valentinian I – Theodosius I*. London, 1968
RlA	–	Meissner, B., Soden, W. von, Edzard, D.-O., Streck, M.P. (Hrsg.), *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. Bd. I–XV. München, 1922–2018
RRC	–	Crawford, M.H. *Roman Republican Coinage*. Cambridge, 1974
SC	–	Houghton, A., Lorber, C., Hoover, O.D. (eds.), *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue*. Pt. I–II. Lancaster–London, 2002–2008
SED	–	Militarev, A., Kogan, L., *Semitic Etymological Dictionary*. Vol. I–II. Münster, 2000–2005
SEG	–	*Supplementum epigraphicum graecum*. Leiden–Boston
SNG Spaer	–	Houghton, A., Spaer, A., Lorber, C. (eds.), *Sylloge Nummorum Graecorum*. *Israel*, *I. The Arnold Spaer Collection of Seleucid Coins*. Jerusalem–London, 1998
VAS	–	*Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Königlichen (Staatlichen) Museen zu Berlin*. Leipzig–Berlin
VE	–	Vocabulario di Ebla. In: G. Pettinato, *Testi lessicali bilingui della biblioteca L.2769*. (MEE, 4). Napoli, 1982, 115–343
Wb.	–	Erman, A., Grapow, H. (Hrsg.), *Wörterbuch der Ägyptischen Sprache*. Bd. I–V. Berlin, 1926–1961
YOS	–	*Yale Oriental Series. Babylonian Texts*. New Haven–London–Oxford

СОДЕРЖАНИЕ

Суриков И.Е. (Москва) – К хронологии жизни и творчества историка Гелланика 837
Porucznik J. (Opole, Poland) – Golden Face Covers from the North Pontic Region: Analysis of the Archaeological Material 863
Ведешкин М.А. (Москва) – Юлиан Отступник и апостасия Римской империи 890
Kalchenko E.S. (Санкт-Петербург) – "Mysteries of John, the Apostle and Holy Virgin": Reflection of Ancient Traditions in the Coptic Narrative 914

ПУБЛИКАЦИИ

Бехтер А.П. (Санкт-Петербург), *Чхаидзе В.Н.* (Москва) – Новые данные о «боящихся Бога» на Азиатском Боспоре 922
Лысенко А.В. (Симферополь), *Мордвинцева В.И.* (Москва) – Вторая передвижная гиря от римских «быстрых» весов из святилища Эклизи-Бурун (Горный Крым) 938

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

Анохина Е.А., Малых С.Е. (Москва) – «Дом души» из собрания ГМИИ имени А.С. Пушкина 960
Захаров Е.В., Смирнов С.В. (Москва) – Новые бронзовые монеты государства Селевкидов из собрания Государственного исторического музея 981

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Васильева О.А., Ладынин И.А. (Москва) – Накануне великой войны: переписка Алана Х. Гардинера и В.С. Голенищева 29–30 июля 1914 г. 1015

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Короленков А.В., Кириллова М.Н. (Москва) – Сулла: самопрезентация и восприятие (из работ последних лет) 1030
Казаров С.С. (Ростов-на-Дону) – P. A. Kent. A History of the Pyrrhic War. Abingdon–New York, 2020 1045

PERSONALIA

К 60-летию профессора Александра Валентиновича Махлаюка 1051

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Климов О.Ю., Кулишова О.В., Пантелеев А.Д., Васильев А.В. (Санкт-Петербург) – XXII Жебелёвские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете, посвященные 150-летию со дня рождения М.И. Ростовцева (Санкт-Петербург, 28–30 октября 2020 г.) 1054
Махлаюк А.В. (Нижний Новгород) – Империи древности на международной конференции в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского «Пути империй: модели, практики, дискурсы наднациональных политий от древности до современности» (Нижний Новгород, 3–5 декабря 2020 г.) 1063

Дмитрий Евгеньевич Афиногенов (1965–2021) 1071

ПРИЛОЖЕНИЕ

Староаккадское любовное заклинание MAD 5, 8. Вступительная статья, перевод и комментарий *Л.Е. Когана* (Москва/Санкт-Петербург), *Р.М. Нуруллина* (Москва) 1073

Указатель материалов, опубликованных в «Вестнике древней истории» в 2021 г. 1106

CONTENTS

I.E. Surikov (Moscow) – Towards the Chronology of the Life and Work of the Historian Hellanicus 837
J. Porucznik (Opole, Poland) – Golden Face Covers from the North Pontic Region: Analysis of the Archaeological Material 863
M.A. Vedeshkin (Moscow) – Julian and the Apostasy of the Roman Empire 890
E.S. Kalchenko (Saint Petersburg) – "Mysteries of John, the Apostle and Holy Virgin": Reflection of Ancient Traditions in the Coptic Narrative 914

PUBLICATIONS

A.P. Bekhter (Saint Petersburg), *V.N. Chkhaidze* (Moscow) – New Evidence for 'Godfearers' in Asian Bosporos 922
A.V. Lysenko (Simferopol), *V.I. Mordvintseva* (Moscow) – Second Aequipondium from Roman Balance Scales from Eklizi-Burun Sanctuary (Mountain Crimea) 938

IN WORLD MUSEUMS

E.A. Anokhina, S.E. Malykh (Moscow) – "Soul House" from the Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow 960
E.V. Zakharov, S.V. Smirnov C.B. (Moscow) – New Seleukid Bronzes from the Collection of the State Historical Museum 981

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

O.A. Vassilieva, I.A. Ladynin (Moscow) – On the Eve of the Great War: Correspondence Between Alan H. Gardiner and Vladimir Golenishchev, 29th–30th July 1914 1015

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

A.V. Korolenkov, M.N. Kirillova (Moscow) – Sulla: Self-Representation and Reception (Recent Approaches) 1030
S.S. Kazarov (Rostov-on-Don) – P.A. Kent. A History of the Pyrrhic War. Abingdon–New York, 2020 1045

PERSONALIA

The 60th Anniversary of Prof. Alexander V. Makhlayuk 1051

NEWS AND EVENTS

O. Yu. Klimov, O.V. Kulishova, A.D. Panteleev, A.V. Vasil'ev (Saint Petersburg) – The 22st Zhebelev Conference at the St. Petersburg State University Dedicated to the 150th Anniversary of M.I. Rostovtzeff (Saint Petersburg, October 28–30, 2020) 1054
A.V. Makhlayuk (Nizhny Novgorod) – Empires of Antiquity at the International Conference at the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod "Paths of Empires: Models, Practices, Discourses of Supra-National Polities from Antiquity to Modernity" (Nizhny Novgorod, December 3–5, 2020) 1063

Dmitry E. Afinogenov (1965–2021) 1071

SUPPLEMENT

Old Akkadian Love Incantation MAD 5, 8. Introduction, translation and commentary by *L.E. Kogan* (Moscow/Saint Petersburg), *R.M. Nurullin* (Moscow) 1073
Index 2021 1106

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- **формирование учебно-методических комплексов**
- **развитие научной периодики**
- **внедрение новых стандартов научной коммуникации**

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- **интеграция науки и образования**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**
- **сетевое взаимодействие научных и методических центров**

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

press.gaugn.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История

Культурология

Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории

Культура массовых коммуникаций

Теория и практика археологических исследований

АСПИРАНТУРА

Исторические науки и археология

Теория и история культуры

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — передовые технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде. Студенты факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотренных федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Научные сотрудники ведущих институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Преподаватель общается с каждым студентом индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).